

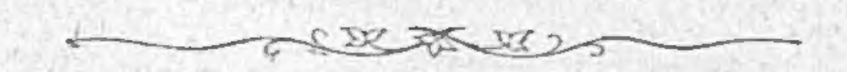
Б. обр 16 7/23

О ТОРГОВЛѢ РУСИ СЪ ГАНЗОЙ

ДО КОНЦА XV ВѢКА.

СОЧИНЕНІЕ

М. БЕРЕЖКОВА.

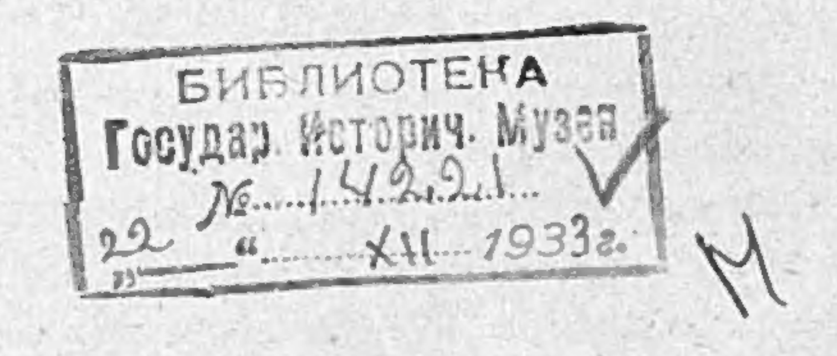

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
(Васильевскій Островъ, 8 линія, № 45).
1879.

По опредѣленію Историко-Филологическаго факультета С.-Петербургскаго Университета печатать назначено въ Запискахъ факультета и отдѣльно.

Деканъ *И. Срезневскій.*

16 Сентября 1878 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

Стран.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Нужно читать:*
V,	6,	*ралестахъ*	регестахъ
1,	11,	*ривы*	миѳы
5,	15,	*большее*	бльшое
6,	3,	далѣе янтарнахъ береговъ	далѣе *до* янтарныхъ береговъ
22,	19,	*приднѣпровые*	приднѣпровье
26,	11,	*торговли*	торговлѣ
29,	32.	*случились*	случись
32,	20,	*носило*	носили
35,	9,	*которые*	которыя
39,	21,	*жителями*	житами
41,	6,	*колюбель*	колыбель
50,	25,	*въ Новгородѣ*	въ Новгородъ
59,	11,	*архіепискому*	архіепископу
63,	19,	штрафъ съ купцовъ нарушеніе	штрафъ съ купцовъ *за* нарушеніе
64,	29,	*выбрали*	выбирали
65,	1,	*купъ*	кунъ
82,	17,	*палкой*	палкой
—	25,	*условная* тяжба	уголовная тяжба
83.	3,	*берегу* (лишнее слово)	
88,	29,	*вообщее*	вообще
109,	35,	*полоцкикъ*	полоцкихъ
123,	10,	*вѣрующей*	вѣрющей
136,	20,	*слѣдующіе*	слѣдующія
150,	27,	*идалека*	издалека
185,	7,	*этомъ*	этотъ
197,	23,	*Нѣмцамъ*	Нѣмцами

Въ началѣ нынѣшняго вѣка геттингенскій профессоръ *Георгъ Сарторій* издалъ свой трудъ: Geschichte des hanseatischen Bundes, B. 1—3, 1801—1808. Этотъ трудъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и доселѣ классическій оказался однако съ перваго раза слабъ въ тѣхъ частяхъ, гдѣ дѣло шло о торговлѣ Ганзы съ Новгородомъ: „Сарторій былъ недостаточно знакомъ съ новгородской исторіей, что вѣрно замѣтилъ въ свое время исторіографъ Карамзинъ; какъ мало Сарторій понималъ русскую исторію вообще, можно видѣть напримѣръ изъ слѣдующаго его сужденія по поводу закрытія новгородской конторы въ 1494 году: «Новгородъ и Псковъ постепенно развивались по образцу ганзейскихъ общинъ, откуда муниципальныя вольности были пересажены въ Россію: Иванъ III-й догадывался, откуда зашло это чужестранное растеніе— свобода — въ несвойственный ему климатъ» и т. п. Печатныхъ документовъ относительно ганзейской русской торговли въ то время почти не было; Сарторій былъ даже того мнѣнія, что эта торговля держалась обычаемъ, въ доказательство чего ссылался на слѣдующій фактъ: когда на ганзейскомъ собраніи 1554 года стали спрашивать, въ чемъ именно состояли привилегіи русской торговли, и сохранились-ли какіе-нибудь документы, до нея относящіеся, то по наведеннымъ справкамъ такихъ документовъ неоказалось въ архивахъ нѣмецкихъ городовъ; на счетъ же привилегій помнили, что торговля въ Новгородѣ была безпошлинная, и потому

весьма выгодная. Но продолжая заниматься тѣмъ же предметомъ, Сарторій долженъ былъ разубѣдиться въ своемъ взглядѣ: для своего новаго труда, содержащаго переработку исторіи ганзейскаго союза до 1370 года, и изданнаго уже по смерти его почитателемъ его *Лаппенбергомъ* подъ названіемъ: Urkundliche Geschichte des Ursprungs der deutschen Hansa, 1830, B. I—II (второй томъ — сборникъ документовъ съ важными примѣчаніями). Сарторій пользовался Смоленскимъ договоромъ 1229 г. по нѣмецкому переводу Эверса, такъ называемымъ проектомъ договора съ Новгородомъ 1269 года и нѣмецкой договорной грамотой 1270 года; тутъ же онъ подробно изложилъ содержаніе древней скры, т. е. устава Новгородскаго двора съ послѣдующими ея дополненіями, такъ что очеркъ русской торговли съ Ганзой вышелъ на этотъ разъ гораздо обстоятельнѣе прежняго *). Труды Сарторія служили главнымъ пособіемъ *Ризенкампфу*, составившему интересный очеркъ нѣмецкой конторы въ Новгородѣ: der deutsche Hof zu Nowgorod, 1854. Авторъ былъ знакомъ съ нѣкоторыми русскими источниками и пособіями, которыя послужили ему въ большую пользу: достаточно напримѣръ назвать такой примѣчательный трудъ, какъ «объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ» г. Соловьева; любопытенъ выводъ, къ которому пришелъ Ризенкампфъ: по его мнѣнію торговля для Ганзы была болѣе выгодна, чѣмъ для Новгорода; хотя Сарторій также говорилъ о тяжкой монополіи Ганзы и не скрывалъ того обстоятельства, что сами Нѣмцы въ позднѣйшее время раскаивались за свои обманы въ русской торговлѣ, но онъ еще чаще любилъ говорить о благодѣтельномъ культурномъ значеніи Ганзы для народовъ, съ которыми она вела торговлю. Ранѣе Ризенкампфа, но далеко не съ такимъ успѣхомъ г. *Славянскій* написалъ «Историческое обозрѣніе тор-

*) По русски его перевелъ *С. Строевъ* въ Журн. Мин. Нар. Просв. Ч. XVII и XXII, 1838—1839 г.

говыхъ сношеній Новгорода съ Готландомъ и Любекомъ» 1847; впрочемъ это обозрѣніе имѣетъ свою цѣну выборкой и группировкой фактовъ. Въ ближайшее время тому же предмету посвящено было нѣсколько интересныхъ страницъ въ трудахъ гг. *Костомарова,* Сѣвернорусскія народоправства, т. 2, 1863, *Аристова,* Промышленность древней Руси, 1866, *Фортинскаго,* Приморскіе вендскіе города и ихъ вліяніе на образов. ганз. союза, 1877. Болѣе подробно были изслѣдованы и комментированы отдѣльные договоры съ Ганзой: такъ называемый проектъ договора 1269 года, долгое время бывшій почти единственнымъ памятникомъ въ этомъ родѣ, разсматривали Лербергъ, Кругъ, Карамзинъ, Славянскій и другіе; критическій сводъ мнѣній о его значеніи представленъ г. *Андреевскимъ* въ его разсужденіи «О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключ. въ 1270 г. 1855; важное приложеніе къ нему составляютъ нѣмецкій и русскій переводы древней скры съ ея дополненіями XIII—XIV вѣковъ, за исключеніемъ такъ называемой третьей скры 1370 года; нужныя поправки къ этому переводу предложены *Энгельманомъ* (Отеч. Зап. томъ С). Договоры Ярослава Владиміровича и Александра Невскаго издалъ съ цѣнными комментаріями *И. И. Срезневскій* въ Изв. 2 отд. Ак. Наукъ, т. VI; Смоленскіе договоры издалъ г. *Куникъ* въ приложеніяхъ къ Русско-ливонскимъ Актамъ съ обстоятельнымъ къ нимъ введеніемъ; г. *Владимірскій-Будановъ* въ его прекрасной «Хрестоматіи по истор. рус. права, вып. 1, также комментировалъ торговые договоры съ Нѣмцами и пр.

Между тѣмъ послѣ сборника документовъ Сарторія Лаппенберга (Urkundliche Geschichte B. 2) въ печати явились и другіе сборники, гдѣ содержится большое количество разныхъ актовъ, относящихся до торговли съ Нѣмцами Новгорода, Пскова, Смоленска и Полоцка, каковы: торговые договоры, отчеты и донесенія ганзейскихъ пословъ, бывшихъ въ Новгородѣ, переписка городскихъ ратовъ и новгородской конторы

по дѣламъ торговли, ганзейскіе рецессы и прочіе имъ подобные акты. Главная масса ихъ извлечена изъ архивовъ Риги и Ревеля; изъ нихъ составились такіе обширные сборники, какъ *Бунге*, Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch, B. I — VI, 1853 — 1873, и Русско-ливонскіе Акты, собр. *Напьерскимъ*, изд. Археограф. Комм. 1868. Изъ числа послѣднихъ нѣсколько грамотъ на русскомъ языкѣ изданы особенно подъ названіемъ «Грамоты», касающ. до сношеній сѣверо-запад. Россіи съ Ригою и ганз. городами въ XII—XIV в. 1857, — превосходное изданіе, достойное такихъ важныхъ памятниковъ нашей исторіи, какъ договоръ Ярослава Владиміровича конца XII в. и Александра Невскаго 1260 г. Изъ отчета, недавно представленнаго Спб. Академіи Наукъ г. *Гильдебрандомъ*, видно, что въ ревельскомъ архивѣ хранится еще много ненапечатанныхъ матеріаловъ отъ XV—XVI вѣковъ, въ томъ числѣ относительно торговли. Что касается дерптскаго архива, то онъ не сохранился среди войнъ и пожаровъ; судя по близкой торговой связи Пскова съ Дерптомъ нужно думать, что тамъ хранились псковскія договорныя грамоты, которыхъ въ другихъ мѣстахъ почти не оказывается.—Важный источникъ для исторіи русской ганзейской торговли представляютъ рецессы, т. е. постановленія ганзейскихъ собраній съ относящеюся до нихъ предварительною перепиской и послѣдующими распоряженіями. Изданіе ихъ было начато мюнхенскою исторической коммиссіей подъ названіемъ: Die Recesse und andere Akten der Hansetage v. 1256 — 1430. I. B. I — IV, 1870—1877, подъ ред. докт. *Копмана*. Продолженіе изданія ведетъ ганзейское историческое общество, образовавшееся въ 1870 году, и обнародовавшее теперь одинъ томъ позднѣйшихъ рецессовъ: Hanserecesse v. 1431 — 1476, B. I, 1876, подъ ред. барона *Ф. Роппъ*. Впрочемъ въ томъ и другомъ изданіи мало собственно рецессовъ, касающихся до новгородской торговли; за то есть много актовъ другого рода; особенно важенъ въ изданіи Роппа отчетъ ганзейскихъ пословъ,

бывшихъ въ Новгородѣ въ 1436 году; также помѣщены двѣ нѣмецкихъ договорныхъ грамоты Новгорода съ Ганзой отъ 1434 и 1436 года, досслѣ бывшихъ неизвѣстными. Тоже ганзейское общество предприняло изданіе новаго сборника ганзейскихъ документовъ частію въ полномъ ихъ видѣ, частію въ сокращеніяхъ и рагестахъ; одинъ томъ его уже вышелъ подъ ред. *Гельбаума*: Hansisches Urkundenbuch, B. I. 1876. Наконецъ оно же издаетъ спеціальный журналъ ганзейской исторіи – Hansische Geschichtsblätter — по книжкѣ въ годъ: въ журналѣ есть нѣсколько хорошихъ статей, напримѣръ о положеніи отдѣльныхъ городовъ въ союзѣ, и по другимъ спеціальнымъ вопросамъ исторіи Ганзы. Что касается рецессовъ, то краткое собраніе ихъ заключается еще въ ганзейской хроникѣ *Виллебрандта*, Hansische Chronik, 1748, Lübek,— сдѣланное любецкимъ бургомистромъ *Келеромъ* въ XVII вѣкѣ; эти рецессы составляютъ лучшую часть хроники (вторую); она также важна приложеніями актовъ относительно ганзейскаго посольства, бывшаго въ Москвѣ при Борисѣ Өедоровичѣ Годуновѣ и скры XVI вѣка, составленной уже по возобновленіи двора, закрытаго Иваномъ Васильевичемъ.

Въ этихъ печатныхъ документахъ встрѣчаются указанія, когда и какъ изъ новгородскаго двора они перешли въ архивы остзейскихъ городовъ. Такъ, въ 1338 году, заключа съ Новгородомъ мирный договоръ, ганзейскіе послы благодарили рижскій ратъ за пересылку имъ русскихъ грамотъ, которыя были нужны при переговорахъ съ Новгородомъ, и которыя теперь они обратно отсылали въ Ригу (Рус. Лив. Ак. № 81). Около 1370 года, по случаю разлада съ Новгородомъ и запрещенія русской торговли, ганзейскіе купцы увезли въ Дерптъ всѣ церковныя вещи, книги и архивъ (Urk. Gesch. II, S. 290). Въ началѣ XV вѣка, также по случаю размирья съ Новгородомъ, контора переправила книги и архивъ въ Ревель (Рус. Лив. А. № 162). Нужно взять еще во вниманіе, что въ Новгородѣ часто бывали обширные пожары, отъ ко-

торыхъ терпѣлъ и нѣмецкій дворъ; поэтому, изъ предосторожности, Нѣмцы постепенно отправляли въ Лифляндію свои документы, которыми, какъ увидимъ, они очень дорожили при переговорахъ съ Новгородцами. Отсюда должно объяснять приводимый Сарторіемъ фактъ, что въ XVI вѣкѣ въ архивахъ германскихъ городовъ ненашлось документовъ относительно русской торговли, если не предположить, что сами смотрители архивовъ неумѣли ихъ отыскать среди другихъ многочисленныхъ документовъ; что нѣкоторая часть ихъ попала и въ Германію, доказываетъ напримѣръ любецкій сборникъ, въ которомъ есть такіе документы, найденные именно въ архивѣ Любека и другихъ нѣмецкихъ городовъ; но наибольшее число ихъ дѣйствительно хранилось съ давнихъ поръ въ нашихъ остзейскихъ городахъ.

Конечно въ указанныхъ выше сборникахъ не всѣ акты новы, и не всѣ имѣютъ одинаковое достоинство. Иные изъ нихъ—простая перепечатка прежде обнародованныхъ актовъ; многіе однородны по содержанію, такъ что позднѣйшіе акты повторяютъ болѣе или менѣе кратко акты прежніе. Иные оказываются очень незначительнаго содержанія: послѣ длиннаго приступа, развивающаго какую нибудь общую мысль, чаще всего любимую въ средневѣковыхъ актахъ, мысль о слабости человѣческой памяти и необходимости предавать письму людскія дѣянія, эти акты иногда слишкомъ мало говорятъ о самомъ предметѣ. Наконецъ, нѣкоторые отличаются малодостовѣрнымъ характеромъ, а какимъ-то придирчивымъ и брюзгливымъ тономъ. Вообще весьма нелегко найти въ этихъ канцелярскихъ произведеніяхъ истинный смыслъ, сквозь общія фразы усмотрѣть дѣйствительныя и вѣрныя черты: иной разъ эти черты удобнѣе подмѣтить какъ нибудь со стороны и мимоходомъ, а не тамъ, гдѣ ожидаешь ихъ встрѣтить. Но за всѣмъ тѣмъ есть много документовъ, дѣйствительно цѣнныхъ, которые не только восполняютъ въ значительной степени наши свѣдѣнія о торговлѣ Руси съ Ганзой, но и представ-

ляютъ иногда дѣло съ нѣкоторыхъ новыхъ сторонъ; иные изъ нихъ имѣютъ прямое значеніе для внутренней исторіи Новгорода вообще. Въ настоящемъ трудѣ мы поставили себѣ именно эту задачу, чтобы на основаніи документовъ и лѣтописныхъ данныхъ восполнить свѣдѣнія о торговлѣ Новгорода и западной Руси съ Ганзой до закрытія нѣмецкаго двора въ Новгородѣ въ 1494 году, и на основаніи новыхъ фактовъ представить критическую провѣрку выводовъ, сдѣланныхъ въ прежнихъ ученыхъ трудахъ. Не разсчитываемъ на полную обработку всѣхъ относящихся сюда матеріаловъ, одно чтеніе которыхъ, особенно древненѣмецкихъ актовъ представляетъ немалыя трудности; не надѣемся также вездѣ въ новомъ свѣтѣ представить занимающій насъ предметъ; однако рѣшаемся исполнить нашу задачу именно въ предположенныхъ размѣрахъ, руководствуясь тою мыслію, что болѣе широкая постановка задачи удобнѣе для достиженія цѣльнаго взгляда на предметъ и для лучшей оцѣнки фактовъ, смыслъ которыхъ полнѣе открывается въ томъ случаѣ, если они подводятся подъ одну общую идею. Разумѣется, нужно согласиться съ нѣмецкими историками, что торговля съ Новгородомъ была очень выгодна для Ганзы, въ чемъ и сама она признавалась; вѣрно также, что ганзейская торговля возбуждала по всей новгородской землѣ живое промышленное движеніе. Не только первостатейные новгородскіе купцы, какъ иванскіе и заморскіе, дѣлали изъ нея важный промыселъ; отъ нея получали доходы и заработки второстепенные купцы и мелкіе торговцы, ремесленники, лоцманы, извощики, посыльщики и весь промысловой новгородскій людъ. Великій князь, владыка и бояре сбывали Нѣмцамъ предметы своего обширнаго хозяйства и были у нихъ самыми крупными покупателями; отдѣльныя боярскія и купеческія семьи сильно богатѣли отъ нѣмецкой торговли, да и весь Великій Новгородъ откупался отъ великихъ князей конечно въ значительной степени съ помощью тѣхъ средствъ, какія давала ему торговля

съ ганзейскими нѣмцами. Но за всѣмъ тѣмъ мы далеки отъ мысли признавать за ганзейскими купцами какую-то особенную роль носителей высшей культуры, чрезъ которыхъ будто-бы для Новгорода были открыты врата европейской цивилизаціи, какъ выражается одинъ нѣмецкій ученый *). Въ самомъ дѣлѣ, какія стороны европейской цивилизаціи могли показать Новгороду ганзейсккіе Нѣмцы? Развѣ новгородскій бояринъ сталъ культурнымъ европейцемъ, отъ того, что онъ одѣвался въ цвѣтное нѣмецкое платье, да пилъ нѣмецкое вино? Да и чѣмъ лучше была средневѣковая европейская цивилизація, —церковь, государственный и общественный строй, наука и образованность вообще, чтобы Новгороду нужно было заботиться объ усвоеніи этой цивилизаціи, предположа даже, что ганзейскіе купцы могли стать ея провозвѣстниками на Руси? И наконецъ можно ли заимствовать чужую культуру? Вѣдь истинная культура, до какой бы степени развитія она ни достигла, бываетъ непремѣнно самобытна и національна; привить чужую культуру не въ состояніи не только купцы, но даже люди, гораздо болѣе ихъ сильные властью и интеллектуальнымъ вліяніемъ; для купцовъ же довольно и того, что они берутъ за свои услуги нѣкоторые барыши, притомъ иногда довольно значительные, какъ ганзейскіе купцы въ Новгородѣ. Справедливость впрочемъ требуетъ сказать, что сами ганзейскіе купцы не помышляли о своей культуртрегерской роли; ее навязываютъ имъ только нѣкоторые нѣмецкіе историки, отожествляющіе два понятія, одно другому далеко неравныя: исторію торговли и исторію культуры.

Михаилъ Бережковъ.

С. Петербургъ,
1-го сентября 1878.

---

*) *E. Hermann.* Beiträge zur Geschichte des Russischen Reiches. 1843. Leipzig. Помѣщенная въ этихъ приложеніяхъ небольшая статейка о торговлѣ нѣмцевъ съ Новгородомъ замѣчательна крайне утрированнымъ взглядомъ на значеніе этой торговли.

ГЛАВА I.

Въ торговлѣ древняго міра былъ одинъ высоко цѣнный товаръ; — это янтарь. Янтарныя издѣлія почитались драгоцѣннымъ украшеніемъ; имъ курили при богослуженіи; ему приписывали какое-то магическое значеніе, носили его, какъ талисманъ. Финикіяне и Греки, Римляне и Этруски предпринимали для его закупки дальнія и дорого стоившія экспедиціи; притомъ томъ для людей древняго міра долго оставалось неизвѣстнымъ, гдѣ и какъ родится янтарь; небыли даже увѣрены на счетъ того, есть ли онъ произведеніе природы, или искуственный продуктъ людей. Греки сочиняли о немъ игривые мифы въ родѣ того, что онъ произошелъ отъ слезъ Геліадъ, плакавшихъ о погибели Фаэтона; Римляне думали, что янтарь происходитъ отъ смолы сосенъ, растущихъ на скалахъ Адріатическаго побережья, или отъ смолы кедровыхъ деревьевъ на янтарномъ островѣ Балтійскаго моря: тамъ, по ихъ представленію, смола капаетъ въ море, а море послѣ выбрасываетъ ее на берегъ уже въ видѣ янтаря. Столь чудесные разсказы только возбуждали любопытство, но неудовлетворяли его; между тѣмъ купцамъ для ихъ торговыхъ цѣлей важно было имѣть точныя свѣденія о мѣсторожденіи янтаря, а ученые натуралисты, какъ Плиній, заинтересованы были тѣмъ же предметомъ со стороны научной. Поэтому рано явились попытки собирать свѣдѣнія объ янтарѣ на самомъ мѣстѣ его рожденія у береговъ Нѣмецкаго и особенно Балтійскаго моря. Съ этой цѣлію въ эпоху Александра Македонскаго изъ Массиліи былъ отправленъ нѣкто Питеасъ, который возвратясь съ янтарныхъ береговъ доносилъ, что

недалеко отъ земли Гуттоновъ, обитателей морскаго берега, находится островъ Абалосъ, куда весной море выбрасываетъ янтарь, и что жители употребляютъ его даже вмѣсто топлива, а иногда продаютъ сосѣднимъ жителямъ. Другое путешествіе было наряжено изъ Рима въ I вѣкѣ по Р. X.; тогда къ Балтійскимъ берегамъ чрезъ Карнунтъ отправлялся одинъ рыцарь, привезшій потомъ очень много янтаря, въ томъ числѣ одинъ кусокъ, вѣсившій будто-бы 13 римскихъ фунтовъ. Скоро Римляне получили объ янтарѣ представленіе, весьма близкое къ истинѣ. Тацитъ уже подмѣтилъ тотъ фактъ, что въ янтарѣ иногда бываютъ видны остатки растеній и насѣкомыхъ, которые, по его мнѣнію, попали въ него, когда онъ былъ еще жидкою смолой; онъ сравниваетъ янтарную смолу съ кипарисомъ и бальзамомъ восточныхъ деревьевъ, хотя односторонне видитъ причину образованія янтаря въ одной солнечной теплотѣ; наконецъ онъ знаетъ, что янтарь хорошо горитъ, причемъ издаетъ благовонный дымъ и становится тягучъ, какъ смола.

Какими путями и какимъ способомъ производилась торговля янтаремъ между южной Европой и балтійскими берегами объ этомъ находимъ нѣсколько любопытныхъ соображеній въ недавно вышедшей книгѣ польскаго ученаго г. Садовскаго, сущность которыхъ нелишнимъ считаемъ здѣсь привести [1]). Для отысканія древнихъ торговыхъ путей въ области Одера и Вислы авторъ употребляетъ остроумный пріемъ: сначала представляя описаніе естественныхъ свойствъ страны, ея рѣкъ, озеръ, лѣсовъ, болотъ и рѣчныхъ водораздѣловъ онъ отмѣчаетъ тѣ пути, которые были извѣстны только съ позднѣйшаго времени, и уже за вычетомъ ихъ получаетъ нѣсколько вѣроятныхъ древнѣйшихъ путей, причемъ указываетъ разныя находки произведеній классическаго искусства, а также янтаря, которыя были получены именно

---

[1]) Книга есть и въ нѣмецкомъ переводѣ: Die Handelsstrassen der Griechen und Römer durch das Flussgebiet der Oder, Weichsel, Dniepr und Niemen an die Gestade des Baltischen Meeres... v. *Sadovsky*... übers v. *Alb. Kohn*. Jena, 1877. — О торговлѣ янтаремъ въ древности ср. *Voigt*. Geschichte Preussens, B. I, Kap. I. Объ янтарномъ островѣ тамъ-же, прилож. II. Подъ этимъ островомъ Фогтъ разумѣетъ область *Саммландъ*, которая рѣками и заливами дѣйствительно ограничена на подобіе острова.

на этихъ вѣроятныхъ древнихъ путяхъ. Обозрѣвая эти находки изъ глины и бронзы Садовскій пришелъ къ тому выводу, что большинство ихъ принадлежитъ къ произведеніямъ Этрусковъ, и что Этруски отъ береговъ Адріатическаго моря чрезъ Норикъ и Средній Дунай, потомъ чрезъ Моравію или Богемію привозили ихъ въ области Пруссіи и Польши, откуда взамѣнъ своихъ фабрикатовъ получали янтарь, расходившійся потомъ изъ сѣверной Италіи въ другія сосѣднія страны. Отсюда-то и составилось, по мнѣнію Садовскаго, предположеніе Грековъ, будто янтарь родится на берегахъ Эридана т. е. рѣки По, до которой доходили поселенія Этрусковъ; между тѣмъ какъ янтарь былъ тамъ только привознымъ товаромъ, Этруски для своихъ торговыхъ цѣлей скрывали настоящее мѣстонахожденіе янтаря давая видъ, что онъ родится въ ихъ собственной землѣ. Неберемся утверждать, насколько вѣрно послѣднее заключеніе, дѣло въ томъ, что сами древніе разумѣли подъ Эриданомъ разныя рѣки, быть можетъ напр. и Западную Двину [2]); но нельзя незамѣтить насчетъ одного пріема, которымъ часто пользуется и нѣсколько злоупотребляетъ г. Садовскій: всюду гдѣ онъ находитъ какую нибудь вещь по его мнѣнію этрусскаго происхожденія онъ тотчасъ заключаетъ, что тутъ лично были Этрусскіе купцы. Конечно весьма вѣроятно, что такія вещи, какъ глиняныя урны съ изображеніемъ лицъ или пріаповъ, принадлежатъ Этрускамъ, умершимъ на чужбинѣ, и поставлены были именно въ ихъ могилахъ; но если предположить, что торговля янтаремъ была обширна и далеко распространена, какъ это полагаетъ авторъ, то нужно также допустить, что фабрикаты изъ глины и бронзы этрусскаго происхожденія имѣли также обширное распространеніе путемъ передачи изъ одной мѣстности въ другую, отъ одного племени къ другому помимо непосредственнаго въ томъ участія Этрусковъ; и чѣмъ живѣе была торговля, тѣмъ скорѣе могло быть такое распространеніе чужестранныхъ издѣлій потому ужъ только, что увеличившееся количество ихъ должно было породить внутреннюю торговлю ими. Вотъ почему нѣтъ нужды предполагать каждый разъ личныхъ поѣздокъ Этрусковъ въ такія отдаленныя

---

[2]) Карамзинъ. Ист. Госуд. Рос. Т. I, прим. 28. Срав. прим. 29. (По изд. Эйнерлинга).

мѣстности, какъ область Нарева внутри нынѣшней Польши. Такія поѣздки были-бы соединены со многими затрудненіями, и стоили бы слишкомъ дорого; да въ нихъ не было и нужды, потому что въ торговлѣ янтаремъ несомнѣнно участвовали и варвары, какъ объ этомъ прямо говоритъ Плиній: по его словамъ Германцы привозятъ янтарь въ Паннонію, а тамъ его покупаютъ Венеты [3]). Вслѣдъ за Этрусками, торговлю янтаремъ продолжали Римляне, что доказывается цѣлымъ рядомъ находокъ римскихъ монетъ времени Имперіи отъ I до IV вѣка [4]), а также издѣлій изъ бронзы, серебра и золота. Что римскіе купцы ходили лично къ Балтійскимъ берегамъ указываетъ напримѣръ находка римской могилы, гдѣ стояла урна съ латинской надписью о лицѣ покойника [5]). Главною особенностью римской торговли Садовскій считаетъ то, что она велась на деньги, между тѣмъ какъ Этрусская была исключительно мѣновою.

Были еще пути для торговли янтаремъ, которые шли отъ береговъ Чернаго моря къ Балтійскому. Одинъ изъ нихъ изъ Ольвіи направлялся по Днѣстру, Сану, Вислѣ и нѣкоторымъ притокамъ ея, и велъ къ янтарнымъ берегамъ, какъ къ конечной цѣли. Въ 1832 г. недалеко отъ Бамберга былъ найденъ кладъ старинныхъ греческихъ монетъ городовъ Ольвіи, Аѳинъ, Эгины и Кизика, относящихся къ половинѣ V в. до Р. Х. Разумѣется изъ одного этого факта нельзя было-бы вывести того заключенія, что въ эпоху Геродота изъ Ольвіи шелъ торговый путь къ устьямъ Вислы: ибо единичные факты, особливо въ области нумизматики, недаютъ права дѣлать какихъ нибудь надежныхъ выводовъ,—но при наличности другихъ данныхъ, приводимыхъ въ книгѣ Садовскаго, его заключеніе становится совершенно вѣроятнымъ. Какъ извѣстно въ области рѣки Нарева часто выкапывается янтарь, отдѣлка котораго съ давняго времени составляетъ предметъ заработковъ для мѣстныхъ жителей, особенно много его вы-

---

[3]) Sadowsky.. Seit. 32,—Римлянамъ было знакомо германское названіе янтаря *glessum* (Tacit) т. е. *Glas*, что выдаетъ воззрѣніе древнихъ Германцевъ на янтарь, какъ на *стеклянное* вещество.

[4]) Только двѣ монеты относятся ко 2-му вѣку до Р. Х.; онѣ найдены у Масселя въ Силезіи. Sadowsky.. S. 162.

[5]) Найдена также у Масселя. Sadowsky.. S. 183.

капываютъ по лѣсамъ близъ Праспиша и Остроленки. Конечно нѣтъ нужды заключать, будто извѣстныя слова Плинія что «янтарь выкапывается въ двухъ мѣстахъ Скиѳіи» непремѣнно относятся къ Праспишу и Остроленкѣ, какъ заключаетъ это Садовскій [6]); въ послѣднее время дознано, что янтарь находился въ естественномъ его видѣ и въ другихъ мѣстахъ древней Скиѳіи, напримѣръ въ нынѣшней кіевской губерніи [7]); но можно вполнѣ согласиться съ авторомъ, что извнутри Польши янтарь доходилъ до греческихъ черноморскихъ колоній именно по указываемому имъ пути, особенно принимая во вниманіе, что къ торговлѣ янтаремъ Ольвійскіе Греки присоединили еще соляную торговлю. До сихъ поръ на сѣверномъ берегу чернаго моря, у рѣчныхъ лимановъ и во многочисленныхъ озерахъ добывается большее количество соли, а равно и въ Галиціи, сквозь которую проходилъ путь изъ Ольвіи къ янтарнымъ берегамъ Балтійскаго моря [8]). На вѣрную точку зрѣнія становится Садовскій, предполагая участіе въ этой торговлѣ Алазоновъ, посредничествомъ которыхъ и другихъ Скиѳовъ Греки дѣйствительно должны были пользоваться. Объ этихъ Алазонахъ и ихъ сосѣдяхъ читаемъ у Геродота слѣдующія слова: «начиная отъ торжища Борисѳенитовъ (Ольвіи), которое находится въ самой срединѣ приморскихъ земель всей Скиѳіи, первые живутъ Каллипиды, кои суть Еллины—Скиѳы (т. е. огречившіеся Скиѳы); выше ихъ обитаетъ другой народъ, называемый Алазонами. Они и Каллипиды во всемъ слѣдуютъ обычаямъ Скиѳовъ кромѣ того что сѣютъ и ѣдятъ хлѣбъ, также лукъ, чеснокъ, чечевицу и просо. Выше Алазоновъ живутъ Скиѳы — оратаи, кои сѣютъ хлѣбъ не (только) для снѣди, но (и) на продажу. Сіи народы живутъ по рѣкѣ Ипанису (Бугу) на западъ отъ Борисѳена» [9]). При существованіи полугреческихъ племенъ

---

[6]) Seit. 86 — 87.

[7]) *Забѣлинъ.* Истор. Рус. жизни съ древн. временъ, ч. I, стр. 225.

[8]) На Руси въ Кіевскую эпоху была извѣстна соль изъ Коломыя, Перемышля, Удеча и др. мѣстъ Галицкаго княжества. См. Промышленость древн. Руси, *Аристова*, стр. 68 — 70. Вообще склоны Карпатъ весьма богаты солью; вспомнимъ большія залежи каменной соли въ Бохнѣ и Величкѣ.

[9]) Исторія Геродотова, перев. *Мартыновъ*, 1826, кн. 4, стр. 353—355.

Скиѳовъ, находившихся на значительной степени культуры, греческая торговля по рѣкамъ Днѣстру и Бугу, потомъ въ области Вислы и Нарева и далѣе янтарныхъ береговъ Балтійскаго моря становится фактомъ, едва ли подлежащимъ сомнѣнію. Нѣкоторые изслѣдователи русской старины полагаютъ, что изъ трехъ путей, которые шли отъ Кіева къ предѣлахъ Византійской имперіи въ XII вѣкѣ, и которые назывались Греческій, Соляной и Залозный, — послѣдній именно направлялся по Днѣстру [10]). Другіе указываютъ, что по этой же рѣкѣ въ XIV вѣкѣ Генуезцы изъ Кафы вели торговлю съ Польшей, по пути Соляной и Залозный ведутъ къ востоку отъ Днѣпра къ берегамъ Азовскаго моря [11]). Но гдѣ бы ни проводили упомянутые пути, во всякомъ случаѣ несомнѣннымъ нужно признать, что начало торговли по нимъ восходитъ по крайней мѣрѣ ко временамъ Геродота. Вспомнимъ, что длинный торговый путь въ нѣсколько сотъ верстъ шелъ изъ Ольвіи на востокъ до земли Аргиппеевъ, жившихъ у горъ по всей вѣроятности Уральскихъ. Приблизительно на половинѣ этого пути, уклонявшагося на сѣверъ къ лѣсной сторонѣ, въ землѣ Будиновъ находился деревянный городъ Гелоновъ, греческихъ колонистовъ, изгнанныхъ нѣкогда съ береговъ Черноморья. Близъ этого города, по словамъ Геродота, въ одномъ густѣйшемъ лѣсу находилось большое озеро, окруженное болотомъ и тростникомъ, въ которомъ ловились бобры, выдры и другіе звѣри съ четвероугольными мордами, которыхъ шкурами опушаются епанчи» [12]). Полагаютъ, что эта греческая торговая колонія находилась на Волгѣ ниже впаденія въ нее Камы, т. е. на широтѣ Казанской губерніи, приблизительно на мѣстѣ позднѣйшаго Булгара, столь извѣстнаго въ эпоху арабской торговли. Очень вѣроятно, что торговля мѣхами въ томъ лѣсистомъ краю составляла главное занятіе предпріимчивыхъ греческихъ колонистовъ [13]). Дру-

---

Въ другомъ мѣстѣ Геродотъ говоритъ, что Тирасъ и Ипанисъ (Днѣстръ и Бугъ) текутъ смежно между собой *въ землѣ алазонской*. — Тамже, стр. 399.

[10]) *Аристовъ.* Промышлен. древн. Руси, стр. 185—187.

[11]) *Брунъ.* Слѣды древняго рѣчного пути изъ Днѣпра въ Азовское море. (Записки Одес. Общ. Истор. и Древн. томъ V).

[12]) Истор. Герод. Перев. Мартыновъ, кн. 4; стр. 361, 471—473.

[13]) *K. E. Baer.* Handelsweg, der im 5. Jahrhunderte vor Christo

гой не менѣе знаменитый путь шелъ отъ Ольвіи вверхъ по Днѣпру или Борисѳену, какъ называетъ его Геродотъ, передавая быть можетъ славянское названіе Березины. По лѣвую сторону Днѣпра онъ также указываетъ полугреческія племена Скиѳовъ, находившіяся въ земледѣльческомъ быту какъ и Скиѳскія племена правой стороны Днѣпра: «выше Илеи,— говоритъ онъ,— обитаютъ Скиѳы-земледѣльцы, коихъ Еллины, живущіе по рѣкѣ Ипаннсу, называютъ Борисѳенитами, самихъ же себя именуютъ Ольвіополитами. Изъ сихъ Скиѳовъ-земледѣльцевъ одни занимаютъ земли къ востоку на три дня пути, простираясь по рѣкѣ Пантикапу; другіе живутъ къ сѣверу на пространствѣ одиннадцати-дневнаго плаванія противъ теченія Борисѳена» [14]). Это—весьма важное указаніе на культуру Приднѣпровья, и притомъ на весьма значительномъ протяженіи вдоль рѣки. Въ другомъ мѣстѣ Геродотъ о Приднѣпровьи говоритъ, что на берегахъ Борисѳена посѣвы бываютъ превосходны, а гдѣ земля незасѣвается, тамъ трава растетъ превысокая; при устьи же сей рѣки соль сама собою осѣдаетъ въ неисчерпаемомъ изобиліи [15]). Послѣ сказаннаго будетъ понятно, какое важное значеніе для Грековъ имѣлъ Днѣпровскій путь. По мнѣнію Садовскаго онъ начинался выше пороговъ, а до тѣхъ поръ Ольвіоты шли сухопутьемъ; потомъ изъ Днѣпра путь шелъ по Припяти и Ясельдѣ, наконецъ по Шарѣ и Нѣману — къ янтарнымъ берегамъ Самланда. Начало торговли по указанному пути Садовскій относитъ къ III вѣку до Р. Х., а эпоху процвѣтанія—ко временамъ имперіи, особенно Адріана [16]). Полагаютъ также, что съ верховьевъ Березины торговый путь переходилъ на Западную Двину въ Остзейскій край, гдѣ дѣйствительно встрѣчаются находки монетъ греческихъ и римскихъ временъ до Р. Х. [17]). Вѣроятно съ Балтійскихъ береговъ янтарь расходился въ другіе отдаленные углы Скиѳіи: такъ напримѣръ въ Ананьинскомъ могильникѣ на Камѣ близъ Елабуги

---

durch einen grossen Theil des jetst Russisch. Gebietes ging. (Historische Fragen mit Hülfe der Naturwissenschaften beantwortet).

[14]) Ист. Герод. Перев. Мартыновъ, кн. 4, стр. 354—355.

[15]) Также, стр. 401.

[16]) Handelsstrassen, S. 90—92, 193.

[17]) *Фогтъ.* Gesch. Preussens, B. I, S. 90—93.

находились янтарныя бусы, — а древность могильника относятъ къ эпохѣ до Р. Х. [18]). Впрочемъ, какъ было сказано, янтарь выкапывался и внутри самой Скиѳіи. Наконецъ были пути къ Балтійскому морю и съ запада Европы, именно изъ Массиліи, откуда къ янтарнымъ берегамъ ѣздилъ Питеасъ. Если онъ совершилъ свою поѣздку по сухому пути, какъ думаетъ Фогтъ [19]), то вѣроятно этотъ путь шелъ сначала по рѣкѣ Ронѣ, а потомъ совпадалъ съ тѣмъ же путемъ, по которому торговали Этруски и Римляне. Что же касается морскихъ плаваній за янтаремъ Финикіянъ, то нѣкоторые изслѣдователи относятъ ихъ начало лѣтъ за тысячу до Р. Х. [20]). Сомнительно однакожъ, чтобы Финикіяне объѣзжали Ютландію и достигали Балтійскихъ береговъ; намъ кажется вѣроятнѣе, что пріѣзжая къ Британіи за покупкой олова они добывали янтарь на берегахъ Нѣмецкаго моря, гдѣ онъ также встрѣчается, хотя рѣже чѣмъ на Балтійскихъ берегахъ.

Въ средніе вѣка торговля янтаремъ продолжалась. Съ одной стороны онъ вывозился на востокъ въ Булгаръ и далѣе въ Азію, а съ другой — въ Западную Европу, гдѣ богатое католическое духовенство любило молиться по янтарнымъ четкамъ. Владѣтель Самланда прусскій Орденъ сдѣлалъ изъ торговли янтаремъ весьма выгодную для себя статью дохода, присвоивъ ее исключительно въ свою пользу. Послѣ упадка орденской власти надъ Данцигомъ въ XV вѣкѣ былъ учрежденъ въ этомъ городѣ особенный цехъ, занимавшійся отдѣлкой янтарныхъ четокъ (Paternostermacher) [21]). Прусское правительство до сихъ поръ получаетъ немалые доходы изъ янтарныхъ рудниковъ, отдавая ихъ въ аренду частнымъ лицамъ.

Такимъ образомъ торговля янтаремъ представляетъ любопытный примѣръ того, какъ продолжительны и живучи бываютъ торговыя традиціи, какъ одинъ и тотъ же предметъ

---

[18]) См. ст. *Невоструева* въ Труд. I Археолог. Съѣзда.

[19]) Gesch. Preussens, I, S. 80.

[20]) См. объ этомъ въ предисловіи къ сочиненію Садовскаго, принадлежащемъ переводчику, схр. XVII и слѣд.

[21]) Объ этомъ у *Фогта*, Gesch. Preussens, B. VI, S. 134 — 137, и у *Гирша*, Handels- und Gewerbsgeschichte Danzigs unter der Herrschaft des deutsch. Ordens. 1858, Leipzig, S. 323.

служитъ цѣлью торговли для нѣсколькихъ народовъ, впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій и перѣдко по однимъ и тѣмъ же путямъ.

Въ общей исторіи торговли подобныя традиціи можно указать и съ другихъ разныхъ сторонъ. Есть мѣстности на землѣ, которыя вслѣдствіе своего выгоднаго положенія, всегда были извѣстны своей торговлей, каковы напримѣръ морскія прибрежья, гдѣ издавна на ряду съ пиратствомъ и продажей невольниковъ происходила и мирная торговля. Есть торговые пути, по которымъ постоянно производились торговыя сношенія, и которые будучи разъ намѣчены, преемственно посѣщались купцами разныхъ странъ и народовъ. Во многихъ случаяхъ можно услѣдить, какъ одинъ народъ перенималъ торговлю у другого, и какъ при этомъ изъ одной мѣстности въ другую вмѣстѣ съ торговлей переходила система мѣръ, вѣсовъ, денегъ, а также цифры, алфавитъ, наконецъ болѣе или менѣе обширный кругъ народныхъ сказаній. Съ этой точки зрѣнія исторія торговли становится до нѣкоторой степени исторіей культуры, говоримъ *до нѣкоторой только степени*: потому что многія и знаменитыя чужестранныя торговли памятны тяжкой экономической эксплоатаціей одного народа другимъ, причемъ вредъ этой эксплоатаціи далеко неуравновѣшивался тѣми дешевыми благами, которыя доставляла иноземная торговля. Вообще заслуги чужестранныхъ купцовъ, какъ носителей культуры, недолжно преувеличивать: на первомъ планѣ для купцовъ всегда стояло извлеченіе сколь возможно большихъ барышей изъ своего промысла; и чѣмъ дальше былъ путь до чужой земли, чѣмъ больше могло встрѣтиться опасностей на немъ отъ природы и людей, тѣмъ больше считали себя вправѣ купцы оцѣнивать свои хлопоты по самой высокой цѣнѣ, и всегда брать значительный излишекъ въ видѣ страховой преміи если не за понесенный уже убытокъ, то за убытокъ, возможный въ будущемъ. Рѣдко иностранная торговля имѣла нормальный ходъ; обыкновенно она становилась монополіей купцовъ какой-нибудь одной націи, враждебно настроенныхъ къ другимъ чужестраннымъ конкуррентамъ; внутри самой купеческой корпораціи преобладающее вліяніе имѣли немногіе крупные капиталисты, стоявшіе во главѣ всего предпріятія и направлявшіе его къ своей выгодѣ и въ ущербъ другимъ менѣе состоятельнымъ товари-

щамъ. По отношенію къ туземцамъ иностранные купцы являлись какъ единая прочно организованная корпорація; если же при помощи богатыхъ подарковъ они успѣвали подкупить въ свою пользу лицъ, имѣющихъ власть въ странѣ, то, послѣдней грозило серьезное бѣдствіе отъ жадности иностранцевъ. Таковъ характеръ между прочимъ имѣла торговля знаменитой Ганзы въ разныхъ странахъ Европы, въ томъ числѣ и великомъ Новгородѣ; и если гдѣ всего меньше можно говорить о культурномъ вліяніи торговли, то именно въ исторіи торговли Новгорода съ Ганзой.

Начало торговыхъ сношеній Новгорода съ Западомъ относится ко временамъ отдаленной древности, когда ни Новгородъ не былъ «великимъ», ни ганзейскіе города нижней Германіи съ Любекомъ во главѣ еще не существовали. Только въ XII вѣкѣ Новгородъ вступилъ въ непосредственныя сношенія съ заморскими Нѣмцами; ранѣе онъ находился въ торговлѣ съ Варягами острова Готланда, а еще раньше—съ Норманнами и балтійскими Славянами съ одной стороны и волжскими Булгарами съ другой. Памятникомъ торговли этого древняго періода служатъ арабскія деньги, въ громадномъ числѣ находимыя по всей сѣверо-восточной Европѣ; принадлежа VIII—XI вѣкамъ, эти деньги надежнѣе другихъ историческихъ памятниковъ опредѣляютъ время арабско-европейской торговли. Въ свое время одинъ изъ нашихъ оріенталистовъ высказалъ весьма вѣрное замѣчаніе, что ганзейская торговля Новгорода есть продолженіе арабско-булгарской торговли IX — X вѣковъ [22]). Руководясь этимъ воззрѣніемъ, считаемъ нужнымъ съ своей стороны представить здѣсь краткій очеркъ русской торговли въ арабскую эпоху (до конца XI вѣка), который послужитъ введеніемъ въ исторію торговли Новгорода съ Западомъ.

Главная масса арабскихъ денегъ, почти исключительно серебряныхъ *диргемовъ* (золотые денары чрезвычайно рѣдки) найдена на почвѣ европейской Россіи, преимущественно въ

[22]) *Савельевъ.* Мухаммеданская нумизматика въ отношеніи къ русской исторіи. Спб. 1847.—Въ этомъ прекрасномъ трудѣ заключаются еще переводы двухъ статей по тому же предмету, принадлежащихъ *Френу* и *Ледебуру*. Ср. также замѣчательную статью *Григорьева*: О куфическихъ монетахъ, находимыхъ въ Россіи и прибалтійскихъ странахъ. 1842 г. (Перепечат. въ Сборникѣ „Россія и Азія“. Спб. 1876).

области средняго и верхняго поволжья въ бассейнѣ Балтійскаго моря, особенно по островамъ его и берегамъ [23]). Кромѣ случайныхъ находокъ на поверхности земли, по рѣчнымъ берегамъ, размытымъ водой, при раскопкѣ старыхъ городищъ, постройкѣ зданій, проведеніи дорогъ и т. подобныхъ случаяхъ много арабскихъ денегъ извлечено изъ могильныхъ кургановъ въ землѣ Мери, Веси и другихъ мѣстахъ [24]). Въ объясненіе этихъ послѣднихъ находокъ можно привести слѣдующія слова о Руссахъ одного арабскаго писателя: «въ могилу покойника они опускаютъ множество съѣстныхъ припасовъ, сосуды съ напитками и чеканенную монету [25]). При разныхъ также случайныхъ обстоятельствахъ находились цѣлые клады серебряныхъ арабскихъ денегъ; самый значительный изъ нихъ былъ открытъ въ Великихъ Лукахъ на берегу Ловати; онъ содержалъ отъ 6 до 7 пудовъ серебряныхъ диргемовъ въ большомъ котлѣ, частію разсыпавшемся во время поднятія его изъ размытаго рѣчнаго берега [26]). Нѣсколько тысячъ арабскихъ монетъ было откопано въ Кіевѣ при Петрѣ Великомъ во время постройки печерской крѣпости; въ 1867 году въ Вятской губерніи найденъ серебряный кувшинъ съ 1500 арабскихъ монетъ; въ 1868 г. въ Муромѣ были вырыты два кувшина, содержавшихъ больше 11 тысячъ штукъ арабскихъ диргемовъ и проч. [27]), — не говоря о другихъ менѣе значительныхъ находкахъ. Упомянутые клады должны быть разсматриваемы, какъ собственность частныхъ лицъ, такъ

---

[23]) Къ труду Савельева приложена карта съ обозначеніемъ мѣстонахожденій арабскихъ денегъ. Впрочемъ эта карта какъ и та, которая приложена къ 3-му тому древ. рус. исторіи *Погодина*, далеко неполны. По описанію *Тизенгаузена* (Монеты восточнаго халифата. Спб. 1873) видно, что въ настоящее время эта карта могла бы быть гораздо подробнѣе.

[24]) *Гр. Уваровъ*. Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ (Труды I археол. съѣзда, II). Но въ курганахъ Сѣверянъ арабскіе диргемы почти не встрѣчались, хотя разныя украшенія арабскаго издѣлія, особенно бусы, тамъ находились нерѣдко.—*Самоквасовъ*. Древн. землян. насыпи и ихъ знач. для науки (Древн. и Нов. Россія 1876, №№ 3—4).

[25]) Ибнъ-Даста въ перев. *Хвольсона* (Изв. о Хозарахъ, Буртасахъ, Болгар., Мадьяр., Слав. и Русскихъ. Спб. 1869, стр. 40).

[26]) *Савельевъ*. Мухам. нумизм. Стр. XXIV, 22 — 23.

[27]) *Тизенгаузенъ*. Мон. вост. халиф. стр. XXXIII—XXXVII.

какъ закапываніе клада есть тайное дѣло одного лица; въ такомъ случаѣ мы получаемъ здѣсь указанія на значительные капиталы, которыми располагали частныя лица въ эпоху, современную образованію русскаго государства. Много кладовъ конечно уже разрыты искателями богатствъ и погибли для науки; другіе погибли въ самой землѣ; иные быть можетъ успѣютъ еще попасть въ мюнцъ-кабинеты. И не даромъ въ простомъ русскомъ народѣ вѣра въ клады живетъ до сихъ поръ; она имѣетъ вполнѣ реальное основаніе, потому что постоянно поддерживалась частыми находками кладовъ съ древнѣйшихъ поръ вплоть до послѣдняго времени.

На встрѣчу арабскимъ съ запада Европы идутъ англосаксонскія и нѣмецкія деньги, далеко впрочемъ не въ такомъ какъ тѣ громадномъ количествѣ. Наибольшее число ихъ падаетъ на балтійское побережье (Лифляндія, Петербургская губ., Финляндія), но нерѣдко они встрѣчаются и далѣе къ востоку въ области средней Волги и Камы [28]). Въ курганахъ Мерянской земли онѣ находились вмѣстѣ съ арабскими, а въ иныхъ курганахъ по замѣчанію гр. Уварова преобладаютъ надъ этими послѣдними [29]). Онѣ встрѣчались также въ курганахъ Веси, напр. въ Бѣжецкомъ уѣздѣ и въ курганахъ по рѣкѣ Сити на мѣстѣ Батыева побоища, недавно раскопанныхъ [30]). Онѣ относятся преимущественно къ X и XI вѣку: нѣмецкія — ко времени Оттоновъ, англосаксонскія — Этельреда и Канута. Самые значительные клады европейскихъ денегъ на русской почвѣ два: въ 1846 г. близь Ораніенбаума былъ открытъ кладъ, содержавшій до 4 тысячъ монетъ нѣмецкихъ, англосаксонскихъ, частію впрочемъ и арабскихъ, въ 1847 г. въ Московской губ. найдено до тысячи штукъ нѣмецкихъ и англосаксонскихъ денегъ [31]). Если къ этому прибавимъ что и византійскія деньги изрѣдка встрѣчаются на русской почвѣ, напримѣръ въ Булгарѣ, въ Приднѣпровьи, въ Остзейскомъ

---

[28]) *Кене.* Описаніе европ. монетъ X—XII в., найденныхъ въ Россіи (Зап. археролог. общ. т. IV).

[29]) Меряне и ихъ бытъ, стр. 656.

[30]) *Европеусъ.* О курган. раскопкахъ около погоста Бѣжицы въ Тверск. губ. (Ж. М. Н. Пр. 1872, декабрь). — Извѣст. о 4 археолог. съѣздѣ № 3 (рефератъ *Ивановскаго*).

[31]) *Кене.* Опис. европ. мон. стр. 16 — 18.

краѣ и др. мѣстахъ, то получимъ представленіе о громадномъ количествѣ денегъ, курсировавшихъ на Руси въ эпоху образованія государства и о значительныхъ размѣрахъ торговли, ихъ доставлявшей. Послѣ того неудивительно, что Радимичи и Вятичи платили дань Козарамъ *щлягами*, — и такъ какъ названіе диргемовъ въ древнерусскихъ памятникахъ не встрѣчается, а между тѣмъ на Руси въ IX — XI в., диргемовъ было громадное количество, то весьма вѣроятно, что подъ щлягами начальной лѣтописи разумѣются именно арабскія серебряныя деньги. Названія *куны*, *скотъ* шли болѣе къ мѣхамъ, чѣмъ серебряной монетѣ, словомъ *гривна* обозначалось преимущественно вѣсовое серебро и слитки извѣстной формы; западноевропейскія деньги назывались въ послѣдствіи *пѣнязи*, *ортуги* и т. п. но не щляги; наконецъ слово *деньга* заимствовано позже изъ татарскаго языка; слѣдовательно названіе *щлягъ* древней лѣтописи остается отнести не къ чему иному, какъ арабскимъ диргемамъ: Радимичи и Вятичи, входившіе въ составъ хозарской державы, получали ихъ отъ Козаръ путемъ торговли, а потомъ ихъ же отдавали въ видѣ дани [32]). По преобладающему количеству арабскихъ денегъ въ сѣверовосточной Европѣ весь періодъ той торговли можно назвать арабскимъ; это названіе тѣмъ болѣе будетъ вѣрно что исходнымъ пунктомъ торговаго движенія были страны арабскаго халифата; оттуда былъ данъ импульсъ этому движенію, отдававшійся на балтійскомъ прибрежьи и въ Западной Европѣ; въ XI вѣкѣ одинъ испанскій Арабъ, путешествуя по Европѣ видѣлъ арабскіе диргемы и разные восточные товары въ Майнцѣ, о чемъ послѣ разсказывалъ, какъ о замѣчательномъ случаѣ [33]); это доказываетъ, что арабскія деньги и товары зашли на Рейнъ не изъ Испаніи — это небыло бы замѣчательно — а изъ другаго мѣста т. е. всего вѣроятнѣе съ востока.

---

[32]) „Вдаша (Радимичи) Ольгови по щлягу, якоже Козаромъ даяху“. Козаромъ по щлягу даемъ отъ рала“ — говорили Вятичи Святославу. П. С. Р. Л. I, стр. 10, 27.—Карамзинъ замѣчаетъ: Радимичи вносили въ казну щляги или шиллинги, безъ сомнѣнія полученные ими отъ Козаръ. И. Г. Рос. I, стр. 150. — И. И. Срезневскій производитъ слово *щлягъ* отъ семитскаго корня *сиклъ* = вѣсить (Слѣды древн. знакомства Русск. съ южн. Азіей. Вѣстн. И. Рус. Геогр. Общ. 1854, ч. 10).

[33]) *Савельевъ*. Мухам. нумизм. стр. CXCIII.

Какія племена участвовали въ этой торговлѣ, гдѣ были ся главные центры, каковъ она характеръ носила и какими товарами обмѣнивались Русь и Азія, любопытныя свѣдѣнія объ этомъ сообщаютъ арабскіе писатели. Съ тѣхъ поръ, какъ мусульманство распространилось на сѣверной сторонѣ Кавказа, первоначально въ землѣ Хозаръ, а потомъ достигло даже до Булгаръ, приволжскій край стали посѣщать не только купцы изъ разныхъ областей Азіи (Закавказья, Персіи, Бухары. Хивы и пр.), но также миссіонеры и любознательные путешественники, которые оставили описаніе видѣнныхъ ими странъ и народовъ. Правда, извѣстія арабскихъ писателей вообще не отличаются точностью; они дѣлаютъ грубыя ошибки въ географіи и этнографіи. Принимая библейскую точку зрѣнія византійскихъ писателей Арабы считаютъ народы европейской Руси вообще за яфетитовъ, невсегда отличая племена славянскія, тюркскія и финскія въ частности. Къ этому прибавимъ живое воображеніе Арабовъ, ихъ склонность къ преувеличенію и баснословію, и особенную наивность тона, проникающую ихъ разсказъ. Вообще изъ арабскихъ источниковъ весьма не легко извлечь истину даже при единогласномъ ихъ показаніи по извѣстному предмету; это единогласіе можетъ быть только кажущимся, такъ какъ много арабскихъ писателей были простыми компиляторами, списывавшими прежнихъ авторовъ, но никогда не видавшими тѣхъ странъ и народовъ, о которыхъ повѣствуютъ [34]). Но при всемъ томъ когда арабскіе писатели говорятъ о торговлѣ приволжскихъ странъ, имъ можно не опасаясь довѣрять; фактъ этой торговли, ея обширности и продолжительности доказывается безспорнымъ источникомъ, —денежными находками; притомъ свѣдѣнія о ней арабскіе авторы если невсегда пріобрѣтали личнымъ опытомъ, то заимствовали ихъ отъ многочисленныхъ купцовъ, постоянно посѣщавшихъ приволжскія страны.

Однимъ изъ наиболѣе значительныхъ торговыхъ центровъ

[34]) Въ Булгарѣ лично были Ибнъ-Фоцланъ и Ибнъ-Гаукалъ въ X вѣкѣ, Андалуси и Джевалики — XII-мъ. Въ Итилѣ, какъ ближайшемъ къ Азіи пунктѣ, ученые путешественники бывали конечно чаще, чѣмъ въ далекомъ Булгарѣ.

тогдашняго времени было царство Козарское [35]). Козарское царство начинаетъ усиливаться съ VI вѣка, когда предѣлы его отъ низовьевъ Волги распространились даже за Кавказъ. Правда, Арабы вытѣснили ихъ оттуда послѣ длинной и упорной борьбы, но за то Хозары распространили свою власть на восточную часть Крыма, на приднѣпровскихъ Славянъ, Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей, вступили въ политическія и торговыя сношенія съ Византіей съ одной стороны и Булгаромъ съ другой. Главный жизненный нервъ Козарской земли была торговля, обусловленная выгоднымъ географическимъ положеніемъ на устьяхъ Волги, Урала, Кубани и Дона, при двухъ моряхъ, въ сосѣдствѣ съ богатой Азіей. Отчасти торговля была связующимъ началомъ для разнородныхъ племенъ, входившихъ въ составъ Козарскаго царства, и конечно изъ-за торговыхъ интересовъ допускалась тамъ замѣчательная для того времени вѣротерпимость и свобода религіозной пропаганды; верховный по имени каганъ, и дѣйствительный правитель бегъ и другія правительственныя лица исповѣдывали еврейскій законъ; гвардія кагана (ларсія), составлявшая первое постоянное войско въ Европѣ, была изъ изъ магометанъ; по городамъ жило много купцовъ христіанъ и язычниковъ. Въ главномъ казарскомъ городѣ *Итиль* купцы занимали особенный кварталъ (*Хазеранъ*); для разбора купеческихъ дѣлъ были поставлены семеро судей: «двое для мусульманъ, двое для Хозаръ, которые судятъ по закону пятокнижія; двое для тамошнихъ христіанъ, судящіе по закону евангелія; одинъ же изъ нихъ для Славянъ, Руссовъ и другихъ язычниковъ: этотъ судитъ по закону язычества, т. е. по закону разума» [36]). У другого арабскаго писателя находится слѣдующее извѣстіе о судопроизводствѣ въ Итилѣ: «судьи каждой вѣры, когда они засѣдаютъ въ судѣ, обязаны увѣдомлять царя о всѣхъ судебныхъ дѣлахъ, и принимать его отвѣтъ къ свѣдѣнію и руководству» [37]). Но Масуди

---

[35]) О Козарахъ — двѣ интересныя статьи *Григорьева* (Россія и Азія, № 2 — 3).

[36]) Масуди, перев. *Гаркави*. Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Руссихъ. Спб. 1870, стр. 129 — 130.

[37]) Въ книжкѣ *Клапрота*: Russlands Vergrösserungen. 1814, Berlin, помѣщены два отрывка изъ Масуди и Ибнъ-Гаукала; приведенныя слова заимствованы изъ послѣдняго (стр. 264).

представляетъ дѣло иначе, и кажется вѣрнѣе: «когда случится — говоритъ онъ — *великая* тяжба, о которой судьи понятія не имѣютъ, то они собираются къ мусульманскимъ судьямъ, доносятъ имъ о ней и покоряются рѣшенію, необходимому по закону ислама» [38]). Значитъ судьи обращались къ мѣстнымъ мусульманскимъ судьямъ въ тяжбахъ, наиболѣе важныхъ, а не во всѣхъ безъ исключенія, какъ показываетъ Ибнъ-Гаукапъ: въ противномъ случаѣ не достигало бы цѣли учрежденіе особенныхъ для каждаго племени судей, разбиравшихъ дѣла по законамъ національной религіи. Такимъ образомъ въ торговыхъ порядкахъ Итиля видны уже начала купеческаго самоуправленія и суда, т. е. осуществленіе хотя бы въ ограниченномъ размѣрѣ того принципа, имѣвшаго силу въ средневѣковой Европѣ, по которому купцы хотѣли управляться и судиться на чужбинѣ на основаніи собственнаго домашняго права. Въ числѣ купцовъ, проживавшихъ въ Итилѣ, были Руссы и Славяне, какъ мы видѣли; кромѣ того, по словамъ Масуди, они составляли отчасти войско царя и его прислугу [39]). А писатель IX вѣка Баладури извѣщаетъ о большомъ поселеніи Славянъ въ предѣлахъ собственной Хозаріи. По его словамъ Марванъ, одинъ изъ арабскихъ полководцевъ, вступивъ въ хозарскіе предѣлы чрезъ аланскія (т. е. кавказскія) ворота «сдѣлалъ нападеніе на Славянъ, жившихъ въ землѣ Хозаръ, взялъ изъ нихъ въ плѣнъ 20 тысячъ осѣдлыхъ людей и поселилъ ихъ въ Кахетіи» [40]). Трудно сказать, гдѣ именно жили эти Славяне; быть можетъ и цифра плѣнныхъ ихъ сильно преувеличена; однако нельзя безусловно отвергать это извѣстіе, если принять во вниманіе что Славяне рано проникали къ границамъ Хозарской земли (Русь Донская и Тьмутораканская); возможно, что часть ихъ углубилась въ прикавказье, гдѣ и подверглась нападенію Арабовъ.

Кромѣ главнаго города Итиля въ землѣ Козаръ были нѣсколько другихъ населенныхъ городовъ. Таковъ *Семендеръ* между Итилемъ и Дербентомъ, прежняя столица кагановъ.

---

[38]) Масуди, перев. Гаркави, стр. 130.
[39]) Тамже.
[40]) Тамже, стр. 38.

По словамъ Ибнъ-Гаукала въ немъ было много садовъ и до 40 тысячъ виноградниковъ, кромѣ мусульманъ его населяли христіане и евреи, у которыхъ были свои церкви и синагоги; городомъ управлялъ царь изъ евреевъ, родственный съ царемъ хозарскимъ [41]). На Дону находилась крѣпость *Саркелъ* или Бѣлая вежа, построенная съ помощію византійскихъ инженеровъ противъ нападенія Руссовъ и Печенѣговъ: крѣпость лежала на томъ колѣнѣ Дона, гдѣ онъ всего ближе подходитъ къ Волгѣ, и откуда Руссы переволакивались на низовья Волги для грабежа и торговли. У позднѣйшихъ писателей (Касвини) описывается еще одинъ большой городъ въ хозарской землѣ по имени *Саксинъ*: онъ лежалъ на очень рыбной рѣкѣ, которая больше Тигра, былъ очень многолюденъ, имѣлъ много каналовъ и деревьевъ; жители его мусульмане строили много мечетей, и вмѣсто серебряной монеты употребляли въ торговлѣ свинецъ [42]). Профессоръ Хвольсонъ доказываетъ, что этотъ городъ лежалъ на Уралѣ; въ подтвержденіе его доводовъ можетъ служить еще слѣдующее извѣстіе, приводимое академикомъ Дорномъ изъ одного арабскаго источника XIII вѣка: «рынкомъ товаровъ Саксина и Булгара до нашего времени былъ *Амуль* [43]); люди приходили изъ Ирака, Сиріи, Хорасана и отъ предѣловъ Индостана, требуя ихъ товаровъ; торговля жителей Табаристана была въ Булгарѣ и Саксинѣ по той причинѣ, что на томъ берегу моря *Саксинъ лежитъ насупротивъ Амуля;* говорятъ, что когда корабль отправляется въ Саксинъ, то онъ ходитъ три мѣсяца, а если оттуда отходитъ, то одну недѣлю» [44]). Насупротивъ Амуля, лежавшаго на южномъ берегу Каспійскаго моря, на сѣверномъ его берегу какъ разъ приходится устье Урала; то обстоятельство, что суда ходятъ до Саксина три мѣсяца, а обратно одну недѣлю повидимому указываетъ, что въ первомъ случаѣ суда поднимались до города вверхъ по рѣкѣ, и слѣдовательно плыли медленнѣе, чѣмъ обратно, что городъ по этому лежалъ не на устьи Урала, а нѣсколь-

---

41) *Гаркави*, стр. 220.

42) *Хвольсонъ*. Изв. Ибнъ-Дасты.. стр. 63—66.

43) Въ Табаристанѣ, на южномъ берегу Каспійскаго моря.

44) Каспій. О походахъ древн. Русскихъ въ Табаристанъ и проч. стр. 32—36.

ко выше: по крайней мѣрѣ Казвини не говоритъ, чтобы онъ лежалъ на устьи рѣки. Впрочемъ, причиною медленнаго плаванія по Каспійскому морю съ юга на сѣверъ могли быть также противные сѣверные вѣтры [45]).

Еще нѣсколько свѣдѣній о культурномъ состояніи Хозаръ сообщаетъ Ибнъ-Гауканъ: «городъ Итиль — говоритъ онъ, неимѣетъ предмѣстій, а вокругъ его на двадцать парасанговъ простираются поля и дачи; на этомъ пространствѣ часто занимаются земледѣліемъ, и хозяева отправляютъ свои произведенія въ городъ на судахъ и на повозкахъ. Главные питательные продукты народа составляютъ рыба и рисъ; отъ границъ русскихъ привозятъ медъ и воскъ. Вообще нужные предметы жизни, у нихъ не производящіеся, какъ напр. ковры, занавѣсы, восковыя свѣчи и другія подобныя вещи они получаютъ изъ другихъ земель; у нихъ нѣтъ своихъ матерій для изготовленія платьевъ: они покупаютъ ихъ изъ Джорджана, Арменіи и Византіи [46]).» Въ послѣднюю страну, т. е. въ Грецію за мануфактурныя ея издѣлія Козары отправляли свои сырые продукты; испанскій визирь Хасдаи въ письмѣ къ хозарскому кагану Іосифу между прочимъ пишетъ: «многія суда приходятъ изъ Хозаріи въ Константинополь, привозятъ рыбу, кожи и всѣ роды товаровъ: они, Хозары, союзники Грековъ и пріятели [47]).» Можно указать нѣкоторыя сходныя постановленія на счетъ торговли какъ въ Византіи, такъ и у Козаръ, что касается, напр. взиманія съ купцовъ торговой пошлины въ размѣрѣ десятины; по словамъ Ибнъ-Хордадбе, писателя IX вѣка «Русскіе вывозятъ мѣха выдры, мѣха черныхъ лисицъ и мечи изъ дальнѣйшихъ концовъ Славоніи къ Румскому (Черному) морю, и царь Рума беретъ съ нихъ *десятину;* а если желаютъ, ходятъ на корабляхъ по рѣкѣ Славоніи (Волгѣ), проходятъ по заливу хозарской столицы, гдѣ владѣтель ея беретъ съ нихъ десятину [48])».

---

[45]) У Мукаддеси упоминаются еще два города хазарскихъ: *Бейда* и *Беленджеръ;* но мѣстоположеніе ихъ опредѣлить трудно.—*Хвольсонъ*, Изв. Ибнъ-Дасты, стр. 45.

[46]) Изъ отрывка у Клапрота, стр. 264 — 267.

[47]) Перев. *Гаркави.* Труды восточ. отдѣл. И. Рус. Арх. Общ. Ч. XVII, стр. 365.

[48]) *Гаркави.* Сказ. мус. писат., стр. 49.

Тоже самое говоритъ Ибнъ-Даста о волжскихъ Булгарахъ: «когда къ нимъ приходятъ мусульманскія купеческія суда, то они берутъ съ нихъ пошлину десятую часть ихъ товаровъ [49]).» Такимъ образомъ сборъ десятины съ купцовъ былъ общимъ уставомъ въ торговлѣ русско-арабской и русско-византійской, если только подъ словомъ десятина не разумѣли торговую пошлину вообще. Но возвратимся къ Хозарамъ. По видимому ихъ мануфактурная промышленность была совершенно незначительна, и главная ихъ роль заключалась въ торговомъ посредничествѣ. Упоминаемое Ибнъ Гаукаломъ земледѣліе велось только въ окрестности Итиля на берегахъ Волги, тогда какъ остальная мѣстность была совсѣмъ неудобна для земледѣлія; «страна Хозаръ, говоритъ Мукаддеси, очень обширна, но суха и неплодородна; много въ ней овецъ, меду и Евреевъ» [50]). И дѣйствительно Евреи составляли значительный, и вѣроятно наиболѣе дѣятельный элементъ въ Хозарской торговлѣ; со временъ глубокой древности они жили въ Крыму, принимая участіе въ торговлѣ невольниками; ихъ вліяніе и вѣра распространились даже до Булгара на Волгѣ: по словамъ Мукаддеси въ землѣ Булгаръ былъ одинъ городъ, жители котораго сперва были Евреями, а потомъ сдѣлались мусульманами [51]). Вспомнимъ также еврейскую пропаганду въ Кіевѣ при князѣ Владимірѣ. Всегда сильные духомъ прозелитизма Евреи особенно высоко подняли голову въ Хозаріи, гдѣ каганъ и бегъ исповѣдывали еврейство; слухъ о томъ, что глава хозарскаго государства держится еврейскаго закона, прошелъ въ отдаленныя страны, и сильно пріободрилъ Евреевъ. Стоитъ читать письмо испанскаго визиря Хасдаи, чтобы видѣть, какой восторгъ возбуждаетъ въ немъ и всѣхъ испанскихъ Евреяхъ мысль, что на свѣтѣ есть одно царство, гдѣ Евреи наслаждаются полными правами подъ покровительствомъ единовѣрнаго царя: Хасдаи готовъ вѣрить уже въ наступленіе царства Мессіи... Вотъ почему въ Хозарію устремились еврейскіе купцы, путешественники и миссіонеры изъ Испаніи, Византіи и другихъ странъ, гдѣ особенно въ Византіи къ нимъ относились весьма неблагосклонно. Но

---

[49]) *Хвольсонъ*. Изв. Ибнъ-Дасты, стр. 24.
[50]) Тамже, стр. 45.
[51]) Тамже, стр. 85.

разноплеменность хозарской державы и разновѣрность ея жителей, а также слабость верховной власти, подѣленной между каганамъ и бегомъ, были причиною ея скораго распаденія. Самый сильный ударъ нанесъ Козарамъ кіевскій князь Святославъ. Подъ 6473 (945) годомъ начальная лѣтопись говоритъ: «иде Святославъ на Козары; слышавше же Козари изидоша противу съ княземъ своимъ каганомъ, и съступишася битися, и бывши брани одолѣ Святославъ Козаромъ, и градъ ихъ Бѣлу Вѣжю взя; и Ясы побѣди и Касогы [52]). Володѣють Козары Русскии князи и до днешняго дне», — замѣчаетъ лѣтописецъ въ другомъ мѣстѣ [53]). Съ этими извѣстіями русской лѣтописи согласуется въ общемъ смыслѣ показаніе Ибнъ-Гаукала, писавшаго около 976 или 977 года: «въ настоящее время, — говоритъ онъ; не осталось и слѣда ни изъ Булгаръ, ни изъ Буртаса, ни изъ Хазара: ибо Руссы напали на нихъ всѣхъ, отняли у нихъ всѣ эти области и присвоили ихъ себѣ». Въ другомъ мѣстѣ онъ добавляетъ, что Руссы ограбили Булгаръ, Хазеранъ (купеческій кварталъ Итиля), Итиль и Семендеръ въ 358 году геждры, т. е. 969 по Р. Хр. [54]). Хотя это времяопредѣленіе не согласно съ данными русской лѣтописи, — быть можетъ русскій и арабскій лѣтописцы говорятъ не объ одномъ, и нѣсколькихъ нападеніяхъ на Козаръ кіевской Руси, — но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что сущность дѣла они передаютъ вѣрно. Не трудно догаться и на счетъ тѣхъ побужденій, которыми руководился Святославъ, нападая на Козаръ: кромѣ желанія попользоваться богатствами Итиля и другихъ торговыхъ городовъ Хозаръ Святославъ хотѣлъ еще обезпечить Руси кіевской и тмуторокапской доступъ къ Каспійскому морю и въ прикавказскія страны, гдѣ кромѣ грабежа Руссы могли заниматься и торговлей. Между тѣмъ Хозары затрудняли этотъ доступъ, позволяя Русскимъ торговать только въ Итилѣ. Въ отвѣтномъ письмѣ кагана къ упомянутому испанскому визирю говорится: «я недопускаю Руссовъ, прибывающихъ на судахъ, нашествовать на мусульманъ; если бы я дозволилъ имъ это, то они опустошили бы

[52]) Полн. собр. Рус. Лѣт. Т. I, стр. 27.
[53]) Тамже, стр. 7.
[54]) Перев. *Гаркави*, стр. 218—219.

всю землю Измаила (халифатъ) до Багдада [55]). Однако несмотря на эти препятствія Русскіе совершили до 969 года (завоеваніе Хазаріи по Ибнъ Гаукалу) четыре похода въ прикаспійскія страны и закавказье [56]); третій изъ этихъ походовъ 913 года былъ предпринятъ съ вѣдома и согласія Хозаръ: сначала каганъ пропустилъ Руссовъ въ Каспійское море за обѣщанную ему половину добычи, а потомъ по совѣту мусульманской гвардіи напалъ на возвращавшихся Руссовъ и нанесъ имъ пораженіе; остатки ихъ добили Буртасы и Булгары, въ землю которыхъ бѣжали нѣсколько Руссовъ, спасшихся въ Хозаріи. По остроумной догадкѣ г. Григорьева походъ Святослава имѣлъ видъ мщенія Хозарамъ за ихъ вѣроломство [57]). Къ этому прибавимъ, что тоже мщеніе постигло Буртасовъ и Булгаръ, какъ это видно изъ извѣстія Ибнъ-Гаукала. Такимъ образомъ распался хозарскій каганатъ. Что же касается собственно до Славянскихъ племенъ, то освобожденіе ихъ отъ Хозарской дани началось гораздо ранѣе похода Святослава. По преданію начальной русской лѣтописи Кіевъ освободился отъ Хозаръ при Аскольдѣ и Дирѣ въ 862 году; Олегъ принудилъ Сѣверянъ и Радомичей въ 884—885 годахъ отдавать хозарскую дань себѣ, а не кагану; Святославъ заставилъ сдѣлать тоже самое Вятичей, а затѣмъ разгромилъ и Хозаръ [58]). Сынъ и внукъ Святослава приняли славный титулъ кагана, и дѣйствительно имѣли право его носить, владѣя тѣми областями, которыя принадлежали хозарскому кагану.

Такъ одновременно на сѣверѣ и югѣ Руси возникаютъ два государственные центра, Новгородъ и Кіевъ. И если такъ называемое призваніе варяжскихъ князей въ Новгородъ до сихъ поръ представляетъ нѣкоторыя спорныя и неясныя стороны, то относительно южно-русскаго княженія дѣло представляется яснѣе. Зависимость отъ Азіатовъ, выражавшаяся

---

[55]) *Гаркави.* Сказ. мус. пис., стр. 226.

[56]) *Дорнъ,* О походахъ древ. Русск. въ Табаристанъ, стр. 531—533.

[57]) О древнихъ походахъ Руссовъ на востокъ. Сборникъ „Россія и Азія“, стат. № 1, стр. 42.

[58]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 9—10, 27.

въ собиранiи дани и вѣроятно значительной торговой эксплоатацiи, вызвала въ Полянахъ и другихъ южныхъ славянскихъ племенахъ стремленiе къ самостоятельности. Изъ народа выдѣляются дружинники, собирающiеся вокругъ кiевскаго князя, все равно какого бы онъ ни былъ племени, — ибо важнѣе сущность принадлежащей князю власти, чѣмъ его нацiональность. Потомъ являются удалые богатыри, степные бродники, которые постепенно проникаютъ внутрь Хозарской земли, и шагъ за шагомъ занимаютъ ее для своего племени (Русь Донская, Русь Тмутораканская и Прикавказская). Въ Итиль и другiе города Хозаръ проникаютъ русскiе купцы, которые высматриваютъ положенiе дѣлъ, и потомъ возбуждаютъ дома своими разсказами любопытство и жажду попользоваться богатствами хозарскихъ жидовъ и бусурманъ, а иногда жалуются на притѣсненiя, имъ оказываемыя въ хозарскихъ городахъ. Когда же наконецъ Козары оказываютъ грубое вѣроломство по отношенiю къ Руси, великiй князь кiевскiй наноситъ имъ смертельный ударъ. Съ тѣхъ поръ приднѣпровые съ матерью русскихъ городовъ во главѣ становится важнымъ политическимъ, а вмѣстѣ и торговымъ центромъ.

Арабскiе писатели говорятъ, что въ Кiевъ ѣздили торговать и восточные купцы. Такъ *Истахри* говоритъ: «Руссы состоятъ изъ трехъ племенъ, изъ которыхъ одно ближе къ Булгару, а царь его живетъ въ городѣ, называемомъ *Куяба*, который больше Булгара.. въ Куябу прибываютъ купцы» [59]). Повѣствуя о славянскихъ племенахъ и ихъ князьяхъ Масуди замѣчаетъ: первый изъ славянскихъ царей есть царь *Диръ*; онъ имѣетъ обширные города и многiя обитаемыя страны; мусульманскiе купцы прибываютъ въ столицу его государства съ разнаго рода товарами» [60]). Въ комментарiи къ этому мѣсту изъ Масуди Шармуа полагаетъ, что подъ именемъ Дира здѣсь нельзя разумѣть брата Аскольдова, умершаго въ концѣ IX вѣка, слѣдовательно гораздо раньше, чѣмъ Масуди издалъ свое сочиненiе «золотые луга» (947 или 948 г.); вмѣсто Дира

---

[59]) Перев. *Гаркави*, стр. 193.

[60]) Relation de Masoudi et d'autres auteurs musulmans sur les anciens Slaves, par *Charmoy*. (Мемуар. Акад. Наукъ, сер. наук. политич. и пр. Т. II, стр. 393—394).

онъ предлагаетъ читать *Оттона* или *Лотаря*, или наконецъ имя царя *Альдебурга*, славянскаго *Старгарда*. Но поѣздки мусульманскихъ купцовъ въ Германію, или земли прибалтійскихъ славянъ въ высшей степени невѣроятны, принимая во вниманіе отдаленность этихъ земель отъ Итиля и Булгара. Всего естественнѣе здѣсь разумѣть именно Кіевскаго Дира: Масуди могъ назвать этимъ именемъ современнаго себѣ Кіевскаго князя по примѣру *бывшаго* Дира т. е. обратить собственное имя въ нарицательное, или списать все извѣстіе о Дирѣ изъ такого автора, который былъ современникъ брату Аскольдову [61]). Наконецъ быть можетъ нелишена значенія и догадка Шармуа, что подъ словомъ *аль-Диръ* скрывается сокращеніе имени *Владиміра*, сдѣланное однимъ изъ переписчиковъ Масуди. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ вѣрно, что Кіевъ былъ извѣстнымъ для восточныхъ купцовъ торговымъ пунктомъ; о восточной торговлѣ Кіева свидѣтельствуютъ и арабскія деньги, найденныя въ самомъ этомъ городѣ [62]). Въ болѣе тѣсныхъ торговыхъ связяхъ Кіевъ находился съ Византіей, гдѣ издавна жили русскіе купцы, — и очень вѣроятно, что первый походъ на Царьградъ Руссы совершили частію за оскорбленія проживавшимъ тамъ кіевскимъ купцамъ [63]). Договоры Русскихъ съ Византіей X вѣка указываютъ на продолжительныя торговыя сношенія ихъ съ Греками. Весьма знаменательно, что по этимъ договорамъ отмѣняется береговое право по берегамъ Чорнаго моря, когда во всей Европѣ не только въ X вѣкѣ, но и гораздо позже береговые жители не стѣснялись пользоваться этимъ правомъ; напротивъ Руссы и Греки обязываются оказывать другъ

---

[61]) Что глава Масуди о Славянахъ средней Европы и прибалтійскаго края заимствована имъ изъ письменнаго источника, и притомъ византійскаго происхожденія, это едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Г. Гаркави уже указалъ на одного арабскаго писателя *Хоррами*, бывшаго византійскаго плѣнника, отъ котораго между прочимъ бралъ свои свѣдѣнія Масуди. (Сказ. мус. писат., стр. 161). Заимствованіе Арабами свѣдѣній о Славянахъ чрезъ Византію станетъ понятнымъ, если припомнимъ напримѣръ, какъ много Славянъ Балканскихъ, Русскихъ и Карпатскихъ зналъ Импер. Константинъ Багрянородный.

[62]) О восточной торговлѣ Кіева въ арабскую эпоху ср. *Френа* Ibnfoszlans und anderer Araber Berichte... S. Petersb. 1823. Beil. № I.

[63]) На это есть намеки въ бесѣдахъ патріарха Фотія.

другу всякое содѣйствіе въ несчастіяхъ, приключающихся на берегу; напримѣръ корабль, занесенный бурею къ берегамъ, провожать въ безопасное мѣсто, грузъ съ разбитаго корабля или вырученныя за его продажу деньги возвращать его хозяину съ послами или гостями. Имѣніе гостя, умершаго на чужбинѣ и неуспѣвшаго распорядиться на счетъ его въ духовномъ завѣщаніи, постановлено выдавать его землякамъ для передачи родственникамъ покойника. Съ обѣихъ сторонъ выговаривается право выкупать проданныхъ въ рабство и попавшихся въ плѣнъ. Болѣе подробны статьи договоровъ о торговлѣ Руси въ Константинополѣ: Русскіе могутъ отправлять въ Грецію корабли, сколько хотятъ съ послами и гостями; они обязаны вмѣсто золотыхъ и серебряныхъ печатей, какъ бывало до 945 года (договоръ Игоря) предъявлять греческому правительству грамоты отъ своего князя, въ которыхъ нужно было означать количество кораблей: безъ этой грамоты (паспорта) корабли могутъ быть задержаны, а въ случаѣ сопротивленія людей они могутъ быть даже убиты, и Греки за это не отвѣчаютъ. Живя въ Цареградѣ Русскіе не должны дѣлать никакихъ безчинствъ; на постоянное имъ мѣстожительство отводится предмѣстье Св. Мамы. Чиновники императора имѣютъ право переписать всѣхъ русскихъ гостей, и тогда эти получаютъ право на даровое содержаніе (мѣсячное), дававшееся купцамъ изъ Кіева, Чернигова и Переславля; но торговлю они производятъ подъ надзоромъ особеннаго пристава, который провожаетъ ихъ въ городъ сквозь одни назначенные ворота, и притомъ въ количествѣ не свыше 50 человѣкъ; покупать паволокъ они могутъ не больше какъ на 50 златницъ; купленныя паволоки осматривалъ приставъ и налагалъ на нихъ штемпель. Отправляясь въ Русь, купцы берутъ пищи и всего нужнаго на дорогу даромъ; зимовать они неимѣютъ права ни въ предмѣстьи Св. Мамы, ни въ устьи Днѣпра, ни Бѣлобережьи, ни у Св. Елеферія. Такимъ образомъ кіевскіе Руссы были въ Византіи и вообще въ предѣлахъ имперіи, только *лѣтними гостями;* самая торговля ихъ, какъ видно изъ договоровъ, была обставлена тамъ значительными затрудненіями со стороны Грековъ, которые не могли не позволить Руссамъ вести торговлю въ Византіи, но съ другой стороны боялись ихъ буйства. Несмотря на разныя полицейскія мѣры столк-

новенія между Греками и русскими купцами однако случались, и приводили къ серьезному разладу. По разсказу Кедрина вотъ что случилось въ Цареградѣ въ 1043 году: «продолжавшійся между Россіянами и Греками долгое время миръ нарушенъ былъ въ лѣто отъ с. м. 6551, индикта 11 съ россійской стороны по слѣдующей причинѣ: въ силу заключеннаго договора и сродства греческаго царскаго дома съ россійскими князьями дозволено было Россіянамъ отправлять свободно торги съ Греціей, чего ради безпрерывно бывали въ Константинополѣ купцы отъ онаго народа. Но около вышеупомянутаго времени произошла у нихъ въ Цареградѣ съ Греками ссора, при чемъ дошло до драки, и одинъ знатной природы Россіянинъ убитъ былъ». Императоръ узнавши, что великій князь кіевскій (Ярославъ Владиміровичь) готовится отмстить за обиду, причиненную его купцамъ, съ своей стороны сталъ ополчаться, «и приказалъ находившихся въ Цареградѣ россійскихъ купцовъ и воиновъ разослать по разнымъ областямъ своей имперіи, а что-бы они неучинили мятежа, — имѣть за ними крѣпкое смотрѣніе» [64]). Но въ мирное время торговля Кіева съ Византіей была оживленная. Кіевскіе купцы, производившіе ее, извѣстны были подъ названіемъ *гречниковъ*. Три важнѣйшихъ пути вели изъ Кіева къ предѣламъ имперіи, *греческій*, *соляной* и *залозный*, охранять которые князья считали своимъ интересомъ, потому что сбывали по нимъ въ Грецію свою дань, собиравшуюся натурой и предметы собственнаго обширнаго хозяйства. Главные предметы торговли, получавшіеся изъ Византіи, были по словамъ Святослава: «*золото, паволоки* (парча), *вина и овощеве разноличніи*» [65]). Привозились также оттуда *богатыя*

---

[64]) Извѣстія византійск. истор., объясн. россійскую исторію древн. временъ и переселенія народовъ. Собр. Штриттеромъ, Спб. 1770 — 1775. Часть 3, стр. 107 — 110. Походъ 1043 г. подъ предводительствомъ сына Ярослава Владиміра, несчастно для русскихъ окончившійся, описанъ и въ нашей лѣтописи. П. С. Р. Л. Т. I, стр. 66—67.

[65]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 28.— Очень вѣроятно, что названія нѣкоторыхъ овощей, плодовыхъ деревьевъ и хлѣбныхъ растеній, а быть можетъ и самая культура ихъ пришли въ приднѣпровскую Русь изъ Греціи, какъ напр. огурецъ — αγγύριον, αγγυρον, свекла или севклъ — σευτλον, капуста — средпев. caputium, рожки — *κερατια*, черешня — *κερασος* и пр.; изъ хлѣбныхъ растеній вѣроятно пришла въ приднѣпровье *греча*,

одежды, *ковры*, *сукна*, *сафьянъ*, *перецъ*, затѣмъ предметы церковнаго украшенія и принадлежности богослуженія: *ризы*, *сосуды*, *иконы*, *вино*, *ладонъ*, *елей*, *губки*, *мраморъ*, *краски*, *мозаика* и пр. [66]). Изъ Руси въ Грецію шли *скора* (мѣха), *воскъ*, *медъ* *и* *челядь* (невольники). Торговля невольниками составляла въ ту пору обширную статью; вспомнимъ Константина Багрянороднаго, который описалъ торговый путь по Днѣпру и сквозь его пороги, гдѣ скованныхъ невольниковъ высаживали и вели вдоль по берегу рѣки; обширный контингентъ рабовъ доставляла въ то время война. Въ невольничьей и вообще всякаго рода торговли съ Греками не малое участіе принимали разные степные варвары, хотя чаще ей мѣшали своими грабежами. Такъ о *Мадьярахъ* Ибнъ Даста говоритъ: «воюя Славянъ и добывши отъ нихъ плѣнниковъ, они отводятъ ихъ берегомъ моря къ одной изъ пристаней Румской земли, которая зовется *Кархъ* (древн. Каркинитъ). А какъ дойдутъ до Карха съ плѣнными своими, Греки выходятъ къ нимъ на встрѣчу: Мадьяры заводятъ съ ними торгъ, отдаютъ имъ плѣнниковъ своихъ, а взамѣнъ ихъ получаютъ греческую парчу, пестрые шерстяные ковры и другіе греческіе товары» [67]). Константинъ Багрянородный о *Печенѣгахъ* говоритъ, что съ ними стараются Русскіе жить въ согласіи: ибо они доставали отъ Печенѣговъ рогатый скотъ, коней и овецъ; во вторыхъ они боялись ихъ вторженій и тѣхъ препятствій, которыя могли дѣлать Печенѣги въ греческой торговлѣ: ниже днѣпровскихъ пороговъ они часто нападали на кіевскихъ купцовъ. «И для Печенѣговъ также было полезно жить дружелюбно съ Россіянами, особливо для тѣхъ, которые жили въ окрестностяхъ Херсона: ибо оные получали изъ Россіи товары, которые послѣ привозили Корсунянамъ и греческимъ императорамъ за деньги» [68]). Такимъ

т. е. греческій хлѣбъ, или жито. Впрочемъ могло быть и наоборотъ, т. е. нѣкоря названія культурныхъ растеній зашли въ средневѣковый греческій языкъ изъ славянскаго.

[66]) Промышл. древ. Руси, *Аристова*, стр. 183—187.

[67]) Перев. *Хвольсона*. Изв. Ибнъ-Дасты.... стр. 27.

[68]) Извѣст. визант. историковъ... ч. 3, стр. 30—33. (Изъ сочиненія Конст. Багрянор. „Объ управленіи имперіей“).

образомъ Печенѣги могли отрѣзать кіевскимъ купцамъ доступъ въ Крымъ и Грецію, расположившись кочевать какъ разъ на главномъ торговомъ пути, т. е. греческомъ (по Днѣпру). Кромѣ Печенѣговъ купеческимъ караванамъ «пакостили» *Половцы*. Между тѣмъ въ Крыму было нѣсколько городовъ, славныхъ по своей торговлѣ, какъ *Херсонесъ*, *Корчева* (Керчь), *Сурожъ* и др., куда кіевскіе купцы конечно еще чаще ѣздили, чѣмъ въ отдаленную Византію. — Въ заключеніе о Кіевѣ припомнимъ, что въ эпоху арабской торговли онъ и на западѣ Европы былъ извѣстенъ, какъ большой торговый городъ: *Дитмаръ* говоритъ, что въ немъ было 8 торжищъ, *Адамъ Бременскій* называетъ его соперникомъ Константинополя (aemula sceptri Constantinopolitani), быть можетъ преувеличенно, если только онъ не имѣетъ въ виду грозныхъ походовъ кіевской Руси въ IX и X вѣкахъ на Византію; тогда дѣйствительно для Кіева названіе соперника Константинополя было бы въ значительной степени подходящимъ.

Теперь обратимся снова къ приволжскимъ странамъ. — Къ сѣверу отъ Козаръ между Итилемъ и Булгаромъ жило племя *Буртасы*. Земля ихъ составляла собственно часть хозарскаго царства; по крайнѣй мѣрѣ во времена Ибнъ-Дасты въ X вѣкѣ они признавали власть кагана, и выставляли въ поле будто бы 10 тысячъ всадниковъ. По описанію Ибнъ-Дасты они имѣютъ верблюдовъ, рогатый скотъ и много меду; земля, ими обитаемая, ровна; изъ деревьевъ въ ней чаще другихъ встрѣчается хеленджъ (береза); занимаются они и хлѣбопашествомъ; но главное ихъ богатство составляетъ медъ, мѣха куньи и другіе [69]).

На сѣверъ отъ Буртасовъ и хозаръ въ области Волги и Камы находилось *Булгарское* царство, столь же древнее, какъ царство Хозарское и столь же, какъ то, разноплеменное [70]). Кромѣ господствующаго племени Булгаръ, по всей вѣроятности

[69]) Хвольсонъ. Изв. Иб. Дасты, стр. 21.

[70]) О Булгарахъ кромѣ книгъ и статей Френа, Григорьева, Савельева, Березина, Лихачева и др. ср. недавно вышедшую книгу *Шпилевскаго*: древніе города и другіе болгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи. Казань, 1877. Книга замѣчательна по группировкѣ фактовъ и выводовъ относительно Булгаръ.

тюркскаго, значительный элементъ въ немъ составляли Финны и Славяне; по извѣстію Димешки Булгары говорили о себѣ въ XIV вѣкѣ: «мы народъ, родившійся между Тюрками и Славянами», — въ томъ смыслѣ, что они народъ, смѣшанный изъ Тюрковъ и Славянъ [71]). Что Булгары не были финскаго племени, доказательствомъ тому служитъ между прочимъ и тотъ фактъ, что въ землѣ Финновъ они вели нѣмую торговлю: значитъ ни они не понимали языка Финновъ, ни тѣ — языка Булгаръ. Кромѣ того въ борьбѣ съ Суздальскими князьями Булгары являются племенемъ весьма энергичнымъ и совсѣмъ непохожимъ на слабыхъ континентальныхъ Финновъ, напр. Мерю и Весь. — Главнѣйшія черты быта Болгаръ по арабскимъ извѣстіямъ слѣдующія: они народъ земледѣльческій, и воздѣлываютъ всякаго рода хлѣбъ, какъ то: пшеницу, ячмень, просо и другіе хлѣба [72]). Скотоводство у нихъ настолько значительно, что подать царю они уплачивали между прочимъ бычачьими шкурами (по шкурѣ съ дома [73]). Булгары знали устройство прочныхъ деревянныхъ домовъ, обработку металловъ, изготовленіе кольчугъ и всякаго рода оружія, выдѣлку кожъ, извѣстныхъ и въ Азіи подъ именемъ булгарскихъ, разныхъ вещей домашняго быта и украшеній [74]). По Волгѣ и Камѣ они имѣли нѣсколько городовъ: *Бряхимовъ* или *Булгаръ*, *Бюларъ* или такъ называемый *великій городъ*, *Ошель* и *Жукотинъ* [75]). Сверхъ хозяйственной и разнообразной издѣльной промышленности Булгаре вели обширную торговлю. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ торговлѣ они были посредниками между Европой и Азіей, и что главный ихъ городъ по значенію своего рынка былъ тоже, что Ка-

---

[71]) Хвольсонъ. Ибнъ-Даста и пр., стр. 89.

[72]) Тамъ же, стр. 23.

[73]) Ибнъ-Фоцланъ, перев. Гаркави, стр. 91.

[74]) *Лихачевъ.* Бытовые памятники великой Булгаріи. (Труды 2 археолог. съѣзда). Впрочемъ трудно опредѣлить, какіе изъ этихъ памятниковъ принадлежатъ древней до-магометанской, и какіе позднѣйшей магометанско-татарской эпохѣ, что изъ нихъ мѣстное, и что привозное изъ Азіи.

[75]) *Шпилевскій.* Древн. города Казанской губ., стр. 124 и слѣд. Что касается до названій *Соба, Куль, Челмата, Темтюзи* и др., то авторъ считаетъ ихъ за названія *племенъ*, а не городовъ Булгарскихъ; стр. 139.

зань въ позднѣйшую пору, или Нижній-Новгородъ — въ настоящее время. Между Болгаромъ и Ховарезмомъ двигались торговые караваны и обратно, повѣствуетъ Масуди [76]). Еще чаще были плаванія купеческихъ судовъ по Волгѣ до Итиля и наоборотъ. Но что касается арабскихъ купцовъ, то они неѣздили дальше Булгара; чтобы удержать ихъ отъ поѣздокъ внутрь финскихъ земель, Булгары стращали ихъ разными сказками, въ родѣ людоѣдства Эрзы, — которымъ Арабы въ своей наивности вѣрили, неговоря о томъ, что Булгары могли удержать ихъ отъ этихъ поѣздокъ и силой. Что за племя была Эрза или Арта, и гдѣ она жила, объ этомъ арабскіе писатели даютъ весьма неясныя опредѣленія; Френъ считалъ ихъ за мордовское племя, жившее примѣрно въ Нижегородской или Пензенской губерніи [77]); г. Хвольсонъ даетъ ей мѣсто въ Біарміи или Перми [78]); г. Иловайскій, основываясь на буквальномъ показаніи арабскихъ писателей, что Эрза или Арта есть третье русское племя (Куяба, Славія, Арта), считаетъ ее за Тмутороканскую Русь при устьи Кубани [79]). Не считая себя компетентными рѣшать этотъ вопросъ, мы позволимъ себѣ выразить слѣдующую догадку: поводомъ къ составленію басни о людоѣдствѣ Эрзы не послужило-ли русское названіе *Самоядь* или *Самоѣды*, которое можетъ осмыслиться въ *людоѣдовъ?* Въ такомъ смыслѣ это названіе могли передать Булгарамъ русскіе купцы, которые тамъ часто и въ большомъ количествѣ живали, а отъ Булгаръ это представленіе вѣроятно заимствовали легковѣрные и жадные къ чудесному Арабы. Непозволяя арабскимъ купцамъ ѣздить въ финскія страны Булгаре въ тоже время недопускали въ свой городъ купцовъ финскихъ подъ тѣмъ предлогомъ, что если бы напримѣръ *Весь* вошла туда, то воздухъ сразу измѣнился бы, и настала бы такая стужа, что растительность вся погибла бы, случились это даже среди лѣта [80]). Такимъ образомъ эксплоатацію финскихъ зе-

---

[76]) *Хвольсонъ.* Изв. И. Дасты и пр., стр. 163.

[77]) Ibn. Foszlans u. a. Araber Berichte... S. 162—170.

[78]) Изв. И. Дасты.., стр. 174—177.

[79]) Розысканія о началѣ Руси. 1876. Москва, стр. 129.

[80]) Объ этомъ говорятъ Казвини и Бакуви. *Frähn.* Ibn-Foszlans und and. Arab. Berichte... S. 210—211.

мель Булгары хотѣли предоставить исключительно только себѣ. По Волгѣ они ѣздили въ землю Мери и Веси [81]), и вели тамъ нѣмую торговлю. О томъ, какъ велась эта нѣмая торговля на крайнемъ сѣверѣ Руси, примѣрно въ странѣ Печоры и Югры, даетъ чрезвычайно любопытное извѣстіе *Ибнъ-Батута:* «я хотѣлъ было, говоритъ онъ — путешествовать изъ Булгара въ страну мрака, но потомъ отказался отъ этого намѣренія, мало ожидая себѣ полезнаго. Упомянутая земля мрака лежитъ на 40 дней пути отъ Болгара, и поѣздки туда совершаютъ на небольшихъ повозкахъ, запряженныхъ собаками. Почва въ томъ краю обледенѣлая, по которой не могли бы ступать ни лошади, ни люди, а только собаки съ помощью своихъ когтей. Путешествіе туда предпринимать могутъ только богатые купцы; каждый изъ нихъ запрягаетъ до ста повозокъ, нагруженныхъ пищей, напитками и дровами: ибо тамъ, куда они ѣдутъ, нѣтъ ни дерева, ни камня, ни открытой почвы (т. е. вся она покрыта снѣгомъ?). Руководителемъ въ пути служитъ собака, не разъ уже бывавшая въ такихъ поѣздкахъ и потому очень дорого цѣнимая: за нее платятъ до тысячи денаровъ. Ее запрягаютъ съ другими собаками такимъ образомъ, что она бѣжитъ впереди и показываетъ дорогу прочимъ тремъ собакамъ; какъ скоро она остановится, станутъ и другія. Хозяинъ ее не бьетъ и не бранитъ, а старается накормить раньше людей; въ противномъ случаѣ она обозлится, убѣжитъ отъ хозяина и такимъ образомъ причинитъ ему большой вредъ. Наконецъ послѣ 40 дней пути путешественники останавливаются въ землѣ мрака; тамъ они раскладываютъ свои товары, а сами удаляются на недалекое пространство къ мѣсту своей стоянки; на слѣдующее утро они приходятъ на то мѣсто, гдѣ оставили свои товары, и находятъ мѣха соболей, бѣлокъ и горностаевъ, выложенные рядомъ съ ихъ товарами, какъ пред-

---

[81]) Хотя Казвини и др. арабскіе писатели говорятъ только о Веси (Вису), жившей на верхней Волгѣ, Тверцѣ, Мологѣ и Шекснѣ, но очевидно что Болгаре ѣздили туда сквозь страну Мерянъ, которые жили по Клязьмѣ, Нерли и озеру Клещину. Поэтому вѣроятно, что Меря у Арабскихъ писателей разумѣется подъ тѣмъ же названіемъ Веси. О землѣ Вису и торговлѣ тамъ Булгаръ см. *Френъ*, Ibn Foszlans.. Beil. № III.

лагаемую въ обмѣнъ за товары цѣнность. И если владѣтель товаровъ будетъ доволенъ, то онъ беретъ мѣха; въ противномъ случаѣ оставляетъ ихъ нетронутыми. Если въ слѣдующій разъ сдѣлаютъ прибавку мѣховъ, то онъ наконецъ принимаетъ ихъ взамѣнъ товаровъ. Такимъ-то образомъ происходитъ тамъ купля-продажа: путешественники даже не знаютъ, съ кѣмъ они ведутъ торговлю, съ людьми или духами: потому что никого они не видятъ въ лицо» [82]). Эта нѣмая, или такъ сказать — *заглазная* торговля велась гдѣ-то далеко отъ Булгара, быть можетъ на берегу сѣвернаго Океана. Конечно, если бы мы стали вникать въ подробности этого разсказа, то натолкнулись бы на разнаго рода недоумѣнія и сомнѣнія [83]). Одно изъ главныхъ недоразумѣній – въ томъ, какимъ образомъ избѣгали обмановъ, столь возможныхъ нетолько въ заглазной, но и въ обыкновенной торговлѣ, когда продавецъ и покупатель долго и съ недовѣріемъ присматриваются другъ къ другу. Чтобы это недоразумѣніе устранить, придется предположить, что Финны, какъ и многіе дикари вообще отличались высокой честностью, да и сами Булгаре въ видахъ своей же пользы въ будущемъ не допускали слишкомъ грубыхъ обмановъ. Но другія черты разсказа нельзя не признать дѣйствительно вѣрными. Можно думать, что такіе большіе караваны, состоящіе изъ нѣсколькихъ сотъ повозокъ, имѣли цѣль не только торговую, но и промышленную, т. е. купцы и ихъ спутники занимались на пути битьемъ пушнаго звѣря, руководимые искусной охотничьей собакой, которая потому такъ дорого и цѣнилась. Любопытно, что среди Финновъ до сихъ поръ сохраняются черты быта, похожія на древній бытъ Булгаръ: Зыряне напримѣръ до сихъ поръ употребляютъ нарты или сани, запряженныя собаками; эти сани, нагруженныя провизіей, собаки тащатъ до мѣста промысла, а послѣ везутъ домой грузъ мѣховъ, добытыхъ во время охоты. Вообще Финны до настоящаго времени остаются отличными охотниками и высоко цѣнятъ хорошую собаку: такъ Вогулъ при всей своей бѣдности платитъ за охотничью собаку до 30 руб. [84]). Теперь станетъ понятно, какія боль-

---

[82]) Ibn-Foszlans u. a. Arab. Berichte, S. 231—232.

[83]) Ср. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ*. Рус. Истор. I, стр. 68, примѣч. 19.

[84]) *Л. Н. Майковъ*. О древней культурѣ зап. Финновъ (по сочиненію А. Алквиста), стр. 95.

шія партіи мѣховъ могли закупать Болгаре въ древнюю пору среди охотниковъ Финновъ, и потомъ сбывать ихъ арабскимъ купцамъ: мѣха составляли тогда главный предметъ отпуска въ Азію. Одинъ изъ арабскихъ писателей слѣдующимъ образомъ перечисляетъ товары, которые вывозились изъ Булгара и сосѣднихъ съ нимъ странъ въ Азію: «мѣха собольи, бѣличьи, горностаевые, куньи, лисьи, бобровые, заячьи, козьи шкуры, воскъ, крупная рыба, бѣлужій клей, рыбьи зубы, шапки, бобровая струя, янтарь, юфть, медъ, орѣхи, барсы, мечи, кольчуги, березовый лѣсъ, (т. е. вѣроятно бруски на подѣлки), славянскіе невольники, овцы и рогатый скотъ [85]). За всѣ эти товары изъ Азіи въ Булгаръ, а чрезъ него на всю сѣверовосточную Русь приходила та масса арабскихъ денегъ, о которыхъ мы говорили выше. Нужно впрочемъ замѣтить, что значительная часть денегъ долго обращалась въ качествѣ простаго товара, или въ качествѣ украшенія: въ кладахъ и курганахъ весьма часто встрѣчались арабскія монеты съ провернутыми дирочками, или съ припаянными ушками [86]), что очевидно показываетъ, что ихъ носило какъ *монисто*, т. е. украшеніе, составленное изъ *монетъ*. Финскія женщины до сихъ поръ любятъ носить такое украшеніе, а до недавняго времени ихъ носили и русскія крестьянки, и только въ послѣднюю пору замѣтно прекращается обычай просверливать мелкія серебряныя деньги. Что касается древней эпохи и булгарской торговли на финскомъ сѣверѣ, то несомнѣнно, что тамъ долгое время на ряду съ монетой значеніе всеобщей мѣновой цѣнности имѣли мѣха; въ самомъ дѣлѣ къ монетѣ присмотрѣлись не сразу, и не вдругъ поняли, что на нее можно все покупать, словомъ, что она есть общая мѣновая цѣнность или деньги, не говоря уже о томъ, что долго могли сомнѣваться на счетъ доброкачественности серебра и вѣса монеты. Кромѣ серебряныхъ арабскихъ денегъ путемъ восточной торговли на Русь приходили разныя изящныя издѣлія азіатской промышленности,

---

[85]) *Хвольсонъ*. Изв. И. Дасты.. стр. 181. Къ этому тексту изъ Мукаддеси ср. примѣч. автора на стр. 181 — 193, гдѣ высказано много остроумныхъ соображеній.

[86]) *Савельевъ*. Мухам. нумизм. стр. XXXIII. Онъ полагаетъ, что монеты носили въ качествѣ *амулетовъ*.

которыя покупались и носились какъ украшенія. Особенно былъ любимъ цвѣтной *бисеръ* и преимущественно — зеленаго цвѣта: Ибнъ-Фоцланъ говоритъ, что для Руссовъ величайшее украшеніе составляетъ зеленый бисеръ, и что за каждую бисеринку для своихъ женъ они платятъ по диргему [87]). И дѣйствительно бисеръ считался на столько изящнымъ украшеніемъ, что напримѣръ древніе русскіе писатели, говоря о духовныхъ сокровищахъ вѣры и благочестія, не находили лучшаго предмета для сравненія, какъ бисеръ добрый, драгій, многоцѣнный. Припомнимъ одно характерное для древней эпохи обращеніе къ равноапостольному Владиміру: уподобился еси купцу, ищущему добраго бисера, славнодержавный княже Владиміре (тропарь святому 15 іюля). Часто разноцвѣтный бисеръ находили въ могильныхъ курганахъ Мери, Ливовъ и Сѣверянъ, какъ украшеніе покойниковъ. Есть указанія, что его издавна находили разсыпаннымъ на поверхности почвы, какъ арабскія деньги: «пришедшю ми въ Ладогу — говоритъ одинъ древній лѣтописецъ — повѣдаша ми Ладогожане, яко се здѣ, егда будеть туча велика, беруть дѣти наши *глазки стъкляныя, и малы и велики, провертаны*, а другіе подлѣ Волховъ беруть, еже выполаскиваеть вода, отъ нихъ же взя болѣ ста, суть же различни» [88]). Очевидно дѣло идетъ о находкахъ бисера въ почвѣ, размытой дождемъ и по берегу Волхова. Послѣ бисера цѣнны и употребительны были разные цвѣтные камни, которые судя по ихъ названіямъ, стали впервые извѣстны на Руси путемъ восточной торговли [89]). Наконецъ курганныя раскопки въ землѣ Мерянъ представили любопытные образчики изящныхъ азіатскихъ подѣлокъ, которыя удовлетворяли неприхотливому вкусу мерянскихъ богачей, и доставлялись имъ изъ Булгара: это суть украшенія изъ серебра, бронзы, стекла и глины, какъ-то:

---

[87]) *Frähn.* Ibn-Fozlans Berichte. S. 5, 90—91.

[88]) П. С. Р. Л. II, 4—5, 1114.

[89]) Изъ арабскаго, персидскаго и другихъ восточныхъ языковъ взяты названія: бусы или бисеръ, алмазъ, яхонтъ, топазъ, изумрудъ, бирюза, яшма, жемчугъ и др. Оттуда же взяты слова: базаръ, барышъ, киса, амбаръ, сундукъ. См. *Савельевъ*, мухам. нумизмат., стр. 215 — 217. Изъ арабскаго языка заимствованы: магазинъ, касса, тарифъ, — сначала въ европейскіе, а потомъ и въ русскій языкъ.

кольца, ожерелья, запястья, пряжки, серьги, бусы, металлическія зеркала, посуда и т. п. вещи. И какъ американскіе дикари при встрѣчѣ съ Европейцами за разныя изящныя бездѣлушки давали имъ полными горстями золото, такъ Финны за красивыя азіатскія подѣлки сбывали хитрымъ Булгарамъ массы драгоцѣнныхъ мѣховъ.

Взглянемъ теперь въ какихъ отношеніяхъ къ Булгарамъ находились славянскія племена, особенно Новгородскіе Славяне.

Въ 922 году въ отдаленный Булгаръ прибыло посольство халифа Муктадира для наставленія въ мусульманской вѣрѣ царя Булгарскаго и его подданныхъ, а также для построенія мечети и крѣпости. Секретаремъ посольства былъ Ибнъ-Фоцланъ, оставившій чрезвычайно любопытное описаніе всего видѣннаго имъ на пути, и особенно въ самой землѣ Булгаръ: первый изъ арабскихъ писателей онъ сообщаетъ ясныя и опредѣленныя извѣстія о значительномъ количествѣ Славянъ въ Булгарской землѣ: царя Булгаръ онъ прямо называетъ славянскимъ царемъ, городъ и страну его — также славянскими. Въ описаніи пріема пословъ и двороваго этикета проглядываютъ черты славянскаго быта: пословъ при встрѣчѣ осыпаютъ серебряными деньгами; за обѣдомъ царь жалуетъ со своего стола кушанье каждому изъ нихъ отдѣльно; послѣ обѣда пили медовый напитокъ, называемый *саджу* (быть можетъ сыта или сычевка, какъ догадывался Сенковскій). Самъ князь ведетъ себя просто, выѣзжаетъ одинъ, и его подданные вовсе необязаны къ тому раболѣпному поклоненію, какое требовалось по отношенію къ Хозарскому кагану: при встрѣчѣ съ нимъ достаточно было снять шапку, чтобы тѣмъ выразить ему почтеніе. Извѣстія Ибнъ-Фоцлана заслуживаютъ полнаго нашего вниманія: тутъ не смѣшеніе Болгаръ Волжскихъ и Дунайскихъ, какъ думалъ Френъ [90]), а настоящее историческое свидѣтельство очевидца, притомъ его извѣстія о Славянахъ въ Булгарѣ нестоятъ особнякомъ: они подтверждаются другимъ арабскимъ писателемъ *Андалуси* (XII вѣка), подобно Ибнъ-Фоцлану лично посѣщавшимъ Булгаръ. Подобно ему Андалуси смотритъ на Булгаръ, какъ на

[90]) Ibn-Foszlans.. Berichte.. S. LV.—Текстъ записки, составленной Ибнъ-Фоцланомъ о его путешествіи, см. у *Гаркави*, Сказ. мус. писат. стр. 85—92.

Славянъ, и сообщаетъ слѣдующую важную черту ихъ торговаго быта: «если кто нибудь изъ нихъ ведетъ торговыя дѣла съ иностранцемъ, и потомъ окажется несостоятельнымъ должникомъ, то продаютъ его жену, дѣтей, домъ и даже его самаго въ удовлетвореніе претензій иностраннаго купца» [91]). Любопытенъ также слѣдующій обычай въ землѣ Булгаръ, описываемый у Андалуси. «Въ странѣ Славянъ,—говоритъ онъ — каждые двадцать лѣтъ появляются старыя женщины, которыя предаются волшебству, и которые причиняютъ тѣмъ большое смятеніе среди народа. Тогда хватаютъ всѣхъ женщинъ, какихъ ни встрѣтятъ, и связавши ихъ по рукамъ и по ногамъ, бросаютъ ихъ въ большую рѣку, протекающую въ этой странѣ: тѣ женщины, которыя плаваютъ поверхъ воды, считаются волшебницами, а тѣ, которыя погружаются вглубь, считаются неповинными въ колдовствѣ: ихъ вытаскиваютъ изъ воды, и отпускаютъ на свободу» [92]). Какъ разъ такое же извѣстіе передаетъ лѣтописецъ XVI вѣка *Ніенштедтъ* о древнихъ Ливахъ; по его словамъ если Ливы хотѣли узнать подозрѣваемаго колдуна, то хватали его, связывали ему руки и ноги и бросали въ воду; если онъ не виновенъ былъ въ колдовствѣ, то прямо погружался на дно; но если виноватъ, то плавалъ на поверхности воды, «какъ снопъ соломы» [93]). Какъ видно этотъ способъ испытанія колдуновъ былъ господствующимъ у Финновъ, и отъ нихъ вѣроятно уцѣлѣлъ въ суздальской землѣ до конца XIII вѣка: «вы поставляете - обличалъ Владимірцевъ епископъ Серапіонъ— въ свидѣтели воду, и говорите: если станетъ тонуть, то невинна, а если поплыветъ то волшебница» [94]). Намъ кажется поэтому, что извѣстіе Андалуси ближе всего относится къ Финнамъ, также многочисленнымъ въ землѣ Булгаръ, хотя и тогда уже Славяне, бывшіе въ Булгарѣ, могли заимствовать у нихъ этотъ обычай. Но какъ же понять эти извѣстія Ибнъ-Фоцлана и Андалуси о Славянахъ въ Булгарѣ, и въ какомъ смыслѣ Булгары назывались Славянами? Для рѣшенія этихъ вопросовъ нужно принять во вниманіе фактъ славянской ко-

---

[91]) *Charmoy.* Relations de Masoudi et d'autres auteurs.. p. 342.
[92]) Тамже, стр. 342—343.
[93]) Franz-Nyenstädts Chronik. 5. 11. (Monum. Lir. antiq. II).
[94]) *Порфирьевъ.* Истор. Рус. Словесн. Казань, 1870, стр. 340.

лонизаціи Поволжья въ IX и слѣдующихъ вѣкахъ. Эта колонизація, направлявшаяся главнымъ образомъ изъ земли новгородскихъ Славянъ и Кривичей, уже въ IX вѣкѣ распространилась весьма далеко и приблизилась почти до предѣловъ булгарской земли. По словамъ начальной лѣтописи «приія власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своп грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро... Перьвии насельници.. в Ростовѣ Меря, в Бѣлѣозерѣ — Весь, в. Муромѣ Мурома и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ» [95]). Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ на основаніи этого и другихъ лѣтописныхъ извѣстій, что славянскій элементъ укрѣпился ко второй половинѣ IX вѣка въ землѣ Мери, и что города, тамъ поставленные, были славянскіе [96]). И въ самомъ дѣлѣ, если славянскія колоніи были въ Ростовѣ и Муромѣ, то нельзя не предполагать, что въ землѣ Мерянъ, расположенной между этими двумя пунктами, были посредствующія славянскія поселенія, конечно далеко не сплошныя, а разсѣянныя по разнымъ мѣстамъ, и преимущественно около городовъ, которые имъ служили центральными укрѣпленными пунктами [97]). Крайнимъ предѣломъ этихъ поселеній въ IX вѣкѣ нужно считать Муромъ. Если же Ибнъ-Фоцланъ въ началѣ X вѣка называетъ Булгаръ славянскою землею, то это должно понимать или въ томъ смыслѣ, что славянскія поселенія

---

[95]) П. С. Р. Л., т. I, стр. 19.

[96]) *Д. А. Корсаковъ.* Меря и Ростов. княжество. Казань, 1872, стр. 48—49. Къ тому же выводу приходитъ г. *Барсовъ*: Очерки рус. историч. географіи: геогр. начальн. лѣтописи. Варшава, 1873, стр. 65.

[97]) Если значительную славянскую колонизацію въ землѣ Мери въ IX—XI вѣкахъ признать за фактъ, что̀ по нашему мнѣнію слѣдуетъ признать, то позволительно усумниться, чтобы всѣ курганы, разрытые въ землѣ Мерянъ, принадлежали именно Мерянамъ. Почтенный археологъ, гр. Уваровъ (Меряне и ихъ бытъ... стр. 694) допускаетъ, что нѣкоторые могилы принадлежали Варягамъ: невѣрнѣе ли еще Славянамъ? Что касается до обрядовъ погребенія, то трупосожиганіе и трупохороненіе вполнѣ свойственны какъ Мери, такъ и Славянамъ, какъ свойственны тѣмъ и другимъ закапываніе съ покойникомъ разныхъ вещей; а потому по однимъ признакамъ хороненія покойниковъ и по вещамъ находимымъ въ ихъ могилахъ нельзя удовлетворительно рѣшить вопросъ о народности покойниковъ. Впрочемъ по некомпетентности въ вопросахъ курганной археологіи мы нехотимъ придавать большой цѣны своему сомнѣнію.

зашли тогда уже за предѣлы Мурома внутрь Мордовской и Болгарской земли, или же Булгаре захватили тогда переднія поселенія Славянъ около Мурома. А еще вѣроятнѣе, по нашему мнѣнію, извѣстія Ибнъ-Фоцлана и Андалуси относятся до торговой колоніи Славянъ въ родѣ той, какая была въ Итилѣ, а частію быть можетъ до Славянъ, находившихся въ войскѣ царя Булгарскаго, который поэтому и носитъ титулъ царя славянскаго. Какъ бы то ни было несомнѣннымъ во всякомъ случаѣ нужно признать, что въ X вѣкѣ славянскіе колонисты дошли до границъ Булгаръ, и вскорѣ вступили съ ними въ столкновеніе, которое вызвало походъ на нихъ Кіевскаго князя Святослава; въ 976 или 977 году Ибнъ-Гаукалъ пишетъ, что Булгаръ теперь есть небольшой городъ, неимѣющій большихъ владѣній, что прежде онъ былъ извѣстенъ какъ торговая пристань для сосѣднихъ земель, но Руссы ограбили его, также Хозеранъ, Итиль и Семендеръ въ 969 году. Но — продолжаетъ тотъ же авторъ —тѣ, которые спаслись отъ ихъ рукъ, разсѣялись по ближайшимъ мѣстамъ изъ желанія остаться вблизи своихъ странъ, и надѣясь заключить съ Русскими миръ и подчиниться имъ» [98]). Миръ дѣйствительно кажется былъ заключенъ: Булгары остались на своемъ мѣстѣ, и по прежнему продолжали торговлю. Но въ 985 году сынъ Святослава Владиміръ предпринялъ новый походъ на Булгаръ съ дядею Добрыней, побѣдилъ ихъ и снова заключилъ миръ [99]). Въ 1006 году онъ подтвердилъ этотъ миръ, заключа съ Болгарами особый торговый договоръ, пересказъ котораго въ своей исторіи Татищевъ дѣлаетъ слѣдующимъ образомъ: Прислали Болгары пословъ съ дары многими, дабы Владиміръ позволилъ имъ въ городахъ по Волгѣ и Окѣ торговать безъ опасенія, на что̀ имъ Владиміръ охотно соизволилъ, и далъ имъ во всѣ града печати, дабы они вездѣ и во всемъ вольно

---

[98]) Перев. *Гаркави.* Сказ. мус. писат.. стр. 218.

[99]) П. С. Р. Л. I, 36,985: „иде Володимеръ на Болгары съ Добрынею, съ уемъ своимъ в лодьяхъ, а Торъки берегомъ приведе на конихъ, и побѣди Болгары. Рече Добрыня Владиміру: съглядахъ колодникъ, и суть вси въ сапозѣхъ; симъ дани намъ недаяти, поидемъ искатъ лапотниковъ. И створи миръ Володимеръ съ Болгары, и ротѣ заходиша межю собѣ, и рѣша Болгаре: толи небудеть межю нами мира, оли камень начнеть плавати, а хмель почнеть тонути“.

торговали, а русскіе купцы съ печатьми отъ намѣстниковъ въ Болгары безъ опасенія съ торгомъ ѣздили; а Болгарамъ всѣ ихъ товары продавать въ градахъ купцамъ, и отъ нихъ купить что потребно, а по селамъ не ѣздить; тіуномъ, вирникамъ, огневитинѣ и смердинѣ—продавать, и отъ нихъ некупить» [100]). Въ примѣчаніи Татищевъ поясняетъ это мѣсто: «Владиміра благоразсудное учрежденіе, что имъ (Болгарамъ), яко иноземцамъ, непозволилъ со шляхетствомъ и крестьяны торговать, но единственно съ купцами во градахъ» [101]). Изъ этого договора видно, что русскіе купцы и раньше 1006 года торговали въ Булгарѣ, по всей вѣроятности непозже начала X вѣка, когда въ Булгарѣ былъ Ибнъ-Фоцланъ, видѣвшій многочисленныхъ Славянъ. Кромѣ Волги, главной торговой дороги, по которой шла торговля съ Булгаромъ новгородскихъ Славянъ и Кривичей, былъ еще путь изъ Кіева въ Булгаръ: онъ шелъ по Деснѣ, потомъ волокомъ до Оки, а этой рѣкой въ Волгу до Булгара [102]). Этимъ же путемъ вѣроятно направлялись дружины Святослава и Владиміра въ ихъ походахъ на Булгаръ; имъ ѣздили и позже, какъ напримѣръ Мономахъ, ходившій «сквозѣ Вятичѣ»; по нему же конечно шла колонизація южныхъ Славянъ въ Муромскую землю. Такимъ образомъ славянскіе купцы и колонисты съ двухъ сторонъ подвигались къ предѣламъ Булгарской земли; тотъ же фактъ, что въ началѣ XI вѣка заключается особенный договоръ для обезпеченія купцовъ булгарскихъ и славянскихъ, достаточно свидѣтельствуетъ о важности торговли въ Поволжьи и на Окѣ въ IX—XI вѣкахъ. И въ слѣдующіе вѣка эта торговля продолжается. О Булгарѣ XII вѣка, *Эдриси,* говоритъ, что онъ населенъ христіанами и мусульманами: также было особенное христіанское кладбище, на которомъ первоначально былъ похороненъ христіанскій купецъ *Аврамій,* замученный по словамъ его житія Булгарами; по нѣкоторымъ извѣстіямъ онъ былъ родомъ Булгаринъ, — въ такомъ случаѣ Болгаре могли ему мстить за перемѣну вѣры [103]). Въ годъ смерти Аврамія

[100]) Исторія Россійская... кн. II, стр. 88—89.

[101]) Также, стр. 416.

[102]) *Савельевъ.* Мух. нумизм. стр. CXLIII.

[103]) Объ Авраміи у *Татищева* читаемъ: „въ великомъ градѣ Болгарскомъ замученъ былъ христіанинъ, *Болгарянинъ родомъ,* именемъ

(1229 г.) былъ заключенъ другой торговый договоръ между Булгаромъ и суздальскимъ в. кн. Юріемъ Всеволодовичемъ. Подробности о немъ передаетъ тотъ же Татищевъ, изъ котораго позволимъ себѣ здѣсь привести ихъ [104]). «Князь Болгарскій прислалъ къ Юрію Всеволодовичу пословъ для заключенія мира; князь же великій принялъ ихъ съ честію, и сослали съ обоихъ сторонъ пословъ знатныхъ людей на особое мѣсто близь границы русской на островъ, имянуемый Кореневъ, и оные учинили миръ на 6 лѣтъ: купцамъ ѣздить въ обѣ стороны съ товары невозбранно, и пошлину платить по уставу каждаго града безобидно, рыболовамъ ѣздить въ обѣ стороны межи, и имѣть любовь и миръ; плѣнниковъ освободить, а буде же будетъ распря, судить съѣхався судіямъ отъ обоихъ на межѣ». Какъ было важно заключеніе договора по его послѣдствіямъ видно изъ слѣдующаго продолженія этого извѣстія: «въ сіе время гладъ былъ во всей Руси два года, и множество людей помирало, а болѣе въ Новѣградѣ и Бѣлѣозерѣ, но Болгары учиня миръ возили жита по Волгѣ и Окѣ во всѣ грады русскіе и продавали, и тѣмъ великую помочь сдѣлали. Князь же Болгарскій прислалъ въ даръ къ великому князю Юрію 30 насадовъ съ жителями, которое великій князь принялъ съ благодареніемъ, а къ нему послалъ сукна, парчи съ золотомъ и серебромъ (т. е. вѣроятно золотую и серебряную парчу), кости рыбьи и другія изящныя вещи». Хлѣбъ покупали у Болгаръ еще въ 1024 году, также во время неурожая [105]). Такимъ образомъ торговля съ Бул-

---

Аврамій; купецъ былъ знатный, ѣздилъ по разнымъ странамъ купечества ради, и научася вѣры Христовы крестился самъ и другихъ поучалъ". (Истор. Росс. кн. III, стр. 454). Извѣстіе Эдриси см. въ книгѣ *Шпилевскаго*: Древн. города и др. памят... стр. 9. Кромѣ Аврамія жертвой фанатизма Булгаръ былъ еще мученикъ Ѳеодоръ. См. *тамже*, стр. 167.

[104]) Истор. Россійск. кн. III, стр. 454—455. Эти свѣденія о булгарскихъ договорахъ принадлежатъ къ числу многихъ и важныхъ достоинствъ книги Татищева, которую по справедливости высоко цѣнитъ *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ*. (В. Н. Татищевъ, статья въ Древ. и Нов. Россіи за 1875 годъ).

[105]) П. С. Р. Л. I, стр. 64, 1024: „бѣ мятежь великъ и голодъ по всей той странѣ (Суздальской); идоша по Волзѣ вси людье в Болгары, и привезоша жито, и тако ожиша".

гарами была насущной важности для суздальскаго края. Она же постоянно вызывала приливъ колонистовъ изъ разныхъ мѣстъ Руси, привлекавшихся выгодами жизни на промышленной волжской дорогѣ. Но кромѣ купцовъ и промышленниковъ туда направлялись и другаго рода колонисты, заходившіе въ предѣлы Булгарской области. Г. Корсаковъ приводитъ любопытныя извѣстія о выселеніи ростовскихъ жителей въ предѣлы Булгарской земли въ эпоху распространенія христіанства, котораго эти выселенцы нехотѣли принимать: въ одной космографіи XVII вѣка между прочими жителями Казанскаго царства упоминаются «ушлецы языка словенскаго земли Ростовскія: ушедше бо отъ св. крещенія во идолопоклоненіе, и тамо кочевное житіе тотарское вѣры безсерменскія изволиша» [106]. Въ исторіи о казанскомъ царствѣ еще говорится: «Черемисы, зовомая Отяки, тое же глаголются Ростовская чернь, забѣгше тоже отъ русскаго крещенія, и вселившимъ имъ въ болгарскихъ жилищахъ» [107]. Есть указаніе, что въ началѣ XIII вѣка славянскіе поселенцы были внутри мордовской земли: въ 1229 году во время раздора двухъ мордовскихъ князьковъ Пургаса и Пуреши у перваго оказываются помощниками какіе то Русскіе [108]. Замѣтно и обратное движеніе колонизаціи изъ земли Булгаръ и Мордвы въ область суздальскую: Татищевъ говоритъ о Юріи Долгорукомъ, что онъ «зачалъ строить въ области своей многіе города... созывая людей отвсюду, которымъ не малую ссуду давалъ, и въ строеніяхъ и другими подаяніями помогалъ въ которые приходя множество Болгаръ, Мордвы, Венгровъ, кромѣ Русскихъ селились, и предѣлы яко многими тысячи людей наполняли» [109].

Итакъ, принимая во вниманіе, что въ области средней Волги встрѣчаются два торговыя теченія, одно съ востока

[106]) Меря и Ростов. княж. стр. 30. Подъ этими выселенцами г. Корсаковъ понимаетъ ославянившуюся Мерю, но изъ приведеннаго текста этого прямо невидно; напротивъ тамъ говорится: ушлецы языка словенскаго.

[107]) Тамже. Здѣсь дѣло идетъ очевидно о финскихъ выселенцахъ.

[108]) П. С. Р. Л. I, стр. 192: „Пурешовъ сынъ съ Половци изби Мордву всю и Русь Пургасову“.

[109]) Истор. Россійск. кн. III, стр. 176.

изъ Булгара, а другое съ запада отъ Балтійскихъ береговъ, теченія, наглядно доказываемыя находками арабскихъ и европейскихъ денегъ; принимая во вниманіе, что эта торговля вызывала усиленный приливъ славянскихъ колонистовъ изъ разныхъ мѣстъ Руси, мы должны заключить, что верхнее и среднее Поволжье, эта колыбель великорусскаго племени и московскаго государства, уже въ IX вѣкѣ служило сценой важной исторической жизни; славянство проникло тогда въ область Мери и Веси до границъ Мордвы и Булгаръ; въ X вѣкѣ оно появилось въ землѣ Булгаръ, гдѣ въ эпоху Ибнъ-Фоцлана была значительная торговая колонія Славянъ, а съ XI вѣка интересы купцовъ обезпечиваются особенными торговыми договорами. Такъ какъ и въ Итилѣ Славяне южнорусскихъ областей составляли значительный элементъ населенія въ качествѣ купцовъ, служителей и воиновъ кагана, то съ правомъ арабскіе писатели называютъ Волгу славянскою рѣкой, русскою рѣкой [110]); въ то время Волга могла носить это названіе съ большимъ правомъ, чѣмъ въ XIII и послѣдующихъ вѣкахъ, когда Татары надолго прекратили колонизаціонное движеніе Руси на востокъ, начавшееся съ новой силой только послѣ покоренія Казани.

Съ верховьевъ Волги слѣдомъ за арабскими деньгами перейдемъ въ область новгородскую, искони знаменитую торговлей и колонизаціоннымъ движеніемъ своихъ жителей до такой степени, что торговля и колонизація составляютъ едва ли не самыя характерныя черты новгородскаго быта во все продолженіе существованія великаго Новгорода. Въ самомъ началѣ исторіи Новгорода и русскаго государства мы встрѣчаемся съ новгородскими поселеніями внутри финскихъ земель: Бѣлоозеро, Ростовъ и Муромъ. Въ XII вѣкѣ толпа ушкуйниковъ основываетъ колонію въ вятской землѣ, какъ разъ по сосѣдству съ Булгаромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Новгородцы видѣли въ Булгарахъ своихъ соперниковъ по эксплоатаціи сѣвернаго края и собиранію дани съ тамошнихъ финскихъ инородцевъ: какъ Новгородъ посылалъ своихъ дань-

[110]) Ибнъ-Хордадбе, Ибнъ-Гаукалъ и др. Послѣдній о Волгѣ выражается: „Табаристанское (каспійское) море питается преимущественно русской рѣкой, называемой Итиль“. *Гаркави*, сказ. мус. пис. стр. 55.

щиковъ и промышленниковъ въ Заволочье, Пермь, Печору и Югру, такъ и Булгаре отправлялись далеко въ глубь сѣверныхъ странъ для промышленныхъ и торговыхъ цѣлей; и тѣ и другіе издавна вели на финскомъ сѣверѣ нѣмую торговлю [111]). Можно полагать поэтому, что поселенія новгородскихъ ушкуйниковъ въ сосѣдствѣ съ Булгарами и на пути Булгаръ въ сѣверные края не было дѣломъ простой случайности; весьма вѣроятно, что выборъ мѣстности для поселенія былъ сдѣланъ съ умысломъ сдерживать до нѣкоторой степени Булгаръ въ ихъ поѣздкахъ на сѣверъ, или по крайней мѣрѣ уравновѣсить въ свою пользу выгоды эксплоатаціи сѣвернаго края: въ хлыновскомъ лѣтописцѣ прямо говорится, что вятскіе выселенцы ушли изъ Новгорода съ согласія Новгородцевъ [112]). Съ своей стороны Булгаре старались захватить въ сѣверномъ краѣ такіе важные пункты въ торговомъ отношеніи, какъ великій Устюгъ, который былъ взятъ ими въ 1219 году [113]). Трудно рѣшить, кому въ ту пору принадлежалъ Устюгъ, Новгороду или суздальскимъ князьямъ; неизвѣстно и то, долго ли Булгаре владѣли имъ; но во всякомъ случаѣ знаменателенъ фактъ такого смѣлаго предпріятія Булгаръ, какъ походъ на отдаленный Устюгъ. По смѣлости съ нимъ равняются походы новгородскихъ ушкуйниковъ XIV вѣка, которые большими массами нападали на поволжскіе города, грабили и убивали басурманскихъ купцовъ, нещадя и русскихъ. Новгородское правительство смотрѣло равнодушно на эти походы, отговариваясь предъ вели-

---

[111]) О нѣмой торговлѣ Новгородцевъ близъ Уральскихъ горъ съ тамошними племенами срав. извѣстный разсказъ Юряты Роговича: „въ горѣ той просѣчено оконце мало и тудѣ молвять и есть не разумѣти языку ихъ, но кажють на желѣзо и помавають рукою просяще желѣза; и аще кто дасть имъ ножь ли, ли сѣкиру, и они скорою дають противу". П. С. Р. Л. I, стр. 107.

[112]) Авторъ хлыновской лѣтописи отвергаетъ разсказъ, будто вятскіе ушкуйники бѣжали изъ Новгорода послѣ того, какъ сжились съ женами Новгородцевъ, бывшихъ семь лѣтъ въ отлучкѣ на войнѣ и прижили съ ними дѣтей; лѣтописецъ говоритъ, что Вятчане сочинили это сами въ насмѣшку надъ Новгородцами, но въ дѣйствительности они „изъ Новгорода отлучишася съ согласія ихъ, *Карамзинъ*, И. Г. Р. III, прим. 33.

[113]) Тамже, стр. 106.

кимъ княземъ московскимъ, что ходили-де «молодые люди безъ новгородскаго слова»; но въ сущности походъ на басурманскихъ Болгаръ и Татаръ, притомъ на соперниковъ Новгороду въ сѣверовосточной торговлѣ вѣроятно заслуживалъ тайное одобреніе Новгородцевъ. Но обратимся къ новгородской колонизаціи. Во все время независимаго существованія Новгорода она продолжалась въ большихъ размѣрахъ; главной причиной ея были неблагопріятныя естественныя условія края: болотистая почва, покрытая лѣсами и водами была мало плодородна; холодъ, засуха и ненастье нерѣдко вредили посѣвамъ и жатвамъ, такъ что отнимали надежду даже на скудный урожай. Крестьянинъ, истощивъ въ одномъ мѣстѣ почву, переходилъ на другую, вырубалъ или выжигалъ лѣсъ подъ новую пашню, а по истощеніи ея двигался дальше. Такое перемѣщеніе крестьянства внутри новгородскихъ пятинъ замѣтно еще въ XV и XVI вѣкахъ, въ пору составленія писцовыхъ книгъ; въ этихъ послѣднихъ нерѣдко встрѣчаются названія новыхъ поселеній, какъ-то: выставки, починки, поселки, при чемъ о старыхъ деревняхъ замѣчается, что они запустѣли «отъ войны, отъ лихого повѣтрія и отъ хлѣбнаго недороду.» Еще дальше чѣмъ землепашцы, въ Заволочье и на дальній сѣверо-востокъ ходили промышленныя артели для битья пушнаго звѣря и птицы, для ловли рыбы, выварки соли, гонки смолы, приготовленія золы и для другихъ промысловъ. Богатые двинскіе бояре призывали въ свои владѣнія поселенцевъ, и ихъ руками вели хозяйство на земляхъ, пріобрѣтенныхъ у финскихъ владѣльцевъ, то силой, то покупкой. Такъ въ 1315 году новгородскій посадникъ Василій Своеземцевъ купилъ у чудскихъ старостъ земли въ Шенкурскомъ погостѣ; въ XVI вѣкѣ пятеро братьевъ Чупровыхъ основали селеніе Ижму, куда приглашали сосѣднюю Чудь и Зырянъ [114]). Наконецъ въ лѣсахъ и на дальнихъ островахъ основывались монастыри, которые со временемъ обзаводились правильнымъ хозяйствомъ, и также привлекали къ себѣ за сравнительно легкій оброкъ крестьянъ землепашцевъ. Такъ разные элементы новгородскаго населенія, побуждаемые различными интересами и располагая раз-

---

114) *Ефименко.* Заволоцкая Чудь, стр. 34—71.

ными средствами всѣ способствовали заселенію сѣверо-восточнаго края. Общественный строй великаго Новгорода много помогалъ ходу колонизаціи: власть правительства была весьма незначительна сравнительно съ широкою частной иниціативой: какой нибудь бояринъ, недовольный порядками города, набиралъ себѣ партію вольныхъ людей и безпрепятственно уходилъ въ дальній край отыскивать привольной и выгодной жизни. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерное явленіе новгородской жизни представляютъ походы ушкуйниковъ отъ 1359—1409 годъ; до какой степени въ этихъ походахъ много было участниковъ, можно судить по количеству ушкуевъ; такъ для похода 1366 года было снаряжено 200 ушкуевъ, для похода 1374 года — 90-то, 1375 г. — 70-тъ, наконецъ для похода 1409 года—250 ушкуевъ [115]). Во главѣ послѣдняго похода стоялъ бояринъ Анѳалъ Никитинъ изъ Заволочья; походомъ 1375 года заправлялъ старѣйшина Прокопъ и еще какой-то Смольнянинъ. Если положить, что на каждомъ ушкуѣ помѣщалось до 50 человѣкъ, то окажется, что въ походахъ, напр. 1366-го и 1409 года было до 10 тысячъ участниковъ, что составляетъ населеніе довольно значительнаго древнерусскаго города. Много укшуйниковъ теряли свои головы въ битвахъ, иные попадались въ плѣнъ басурманамъ; во всякомъ случаѣ далеко не всѣ изъ нихъ возвращались на родину, многіе изъ нихъ вѣроятно оставались на чужбинѣ, заводя гдѣ нибудь въ глухомъ углу новое поселеніе. Такъ разбрасывался великій Новгородъ, когда Москва собиралась; и между тѣмъ какъ московское населеніе все больше привыкало смотрѣть на Москву, какъ на объединяющій и собирательный свой центръ, котораго само оно старалось ближе держаться, сыны Новгорода скоро забывали свою метрополію и стремились отъ нее обособиться, послѣ чего постепенно утрачивали свою независимость въ пользу великихъ князей суздальскихъ и московскихъ. Такова была судьба Ростова, Бѣлаозера, Вятки, Двинскихъ колоній, наконецъ и Пскова, старѣйшаго новгородскаго пригорода; и самъ Новгородъ сослуживъ большую службу

---

[115]) Лѣтописныя извѣстія о походахъ ушкуйниковъ сведены въ книгѣ г. *Шпилевскаго*: древ. гор. и др. булгарско-татар. памятн. стр. 170—175.

для обрусѣнія сѣверовосточнаго края, присоединяется къ московскому государству. Было еще одно важное условіе, облегчившее новгородскимъ колонистамъ движеніе внутрь финскихъ земель, это — податливость самихъ Финновъ, и слабое ихъ сопротивленіе пришельцамъ. Правда по временамъ они выказывали нѣкоторый отпоръ новгородскимъ даньщикамъ [116]), но такіе случаи рѣдки и относятся только къ исключеніямъ; обыкновенный ходъ колонизаціи финскихъ земель былъ таковъ, что туземцы или уступали свои мѣста новгородскимъ выселенцамъ, уходя дальше, или оставались на прежнихъ жилищахъ и постепенно русѣли [117]). Уже съ давнихъ поръ Финны являются зависимыми по отношенію къ Новгороду, и нельзя согласиться съ Савельевымъ, который предполагаетъ въ эпоху арабской торговли существованіе политическаго и торговаго союза между Новгородцами и Финнами наряду съ восточнымъ финско-булгарскимъ союзомъ [118]). Трудно себѣ представить, въ какомъ бы видѣ могъ существовать этотъ союзъ между столь различными племенами, какъ новгородскіе Славяне и Финны; вѣроятно при этомъ имѣлось въ виду извѣстіе лѣтописи объ участіи Чуди и Веси въ призваніи Варяговъ; но это извѣстіе, если даже допустить подлинность самаго факта призванія князей, скорѣе можетъ быть понято въ томъ смыслѣ, что подъ Чудью и Весью разумѣются славянскіе колонисты внутри названныхъ финскихъ земель [119]). Конечно въ XIII вѣкѣ Новгородъ позволялъ Нѣмцамъ вести торговлю съ Карелами и Ижорянами, жившими по Невѣ и Финскому заливу въ западной части Водской пятины; но это были подданные великаго Новгорода, притомъ вѣроятно находившіеся подъ вѣденіемъ новгородскаго старосты, потому что едва ли бы Новгородъ довѣрилъ разборъ важныхъ дѣлъ между своими и нѣмецкими купцами туземцу-старостѣ [120])

---

[116]) П. С. Р. Л. III, 19, 1187: „избьени быша печерьскѣи даньники и Югърьскіи въ Печерѣ. а другіи за Волокомъ, и паде головъ о стѣ къметьства“.

[117]) *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ*, о колонизаціи Великорусскаго племени. (Журн. М. Н. Пр. 1867, іюнь).

[118]) Мухам. нумизм. стр. CLXIII и слѣд.

[119]) *Костомаровъ*. Сѣвернорус. народоправ. I, стр. 15—18.

[120]) Sartorius-Lappenberg. Urk. Gesch. II, S. 37: „quando naves

Вообще нельзя себѣ представить другихъ отношеній Финновъ къ Новгороду кромѣ данническихъ: «се суть языци, иже дань дають Руси: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Мордва, Пермь, Печера, Ямь», говоритъ древній лѣтописецъ; о равноправіи Финновъ, какъ союзниковъ Новгорода по дѣламъ торговымъ и политическимъ, трудно говорить послѣ такого свидѣтельства. Зато несомнѣнно, что уже въ эпоху арабской торговли Новгородъ былъ важнымъ торговымъ центромъ сѣверо-западной области прилегающей къ Балтійскому морю, и имѣлъ на западѣ тоже значеніе, что и Булгаръ на востокѣ, причемъ для того и другаго Финны были жертвой ихъ промышленной и торговой эксплоатаціи. «Между Руссами, — говоритъ Масуди — есть племя, называемое *Лудана,* которое есть многочисленнѣйшее изъ нихъ: они путешествуютъ съ товарами въ страну Андалусъ, Румію, Кустантинію и Хозаръ» [121]). Какъ бы ни читали въ этомъ текстѣ слово *Лудана,* въ смыслѣ Ладожанъ или Норманновъ [122]); во всякомъ случаѣ вѣрно, что дѣло идетъ о торговлѣ въ сѣверозападной Руси и о торговыхъ плаваніяхъ жителей въ западную Европу по Балтійскому морю, которое также извѣстно арабскимъ писателямъ подъ именемъ Варяжскаго [123]), въ Константинополь по Днѣпру и въ Итиль по Волгѣ; всѣ эти пути начинались именно въ новгородской области. Самымъ важнымъ изъ нихъ, по которому Новгородъ производилъ свою заморскую торговлю, былъ Волховъ, Нева и Финскій заливъ; нѣтъ сомнѣнія, что уже въ эпоху арабской торговли Новгородъ находился въ торговыхъ сношеніяхъ съ жителями Балтійскихъ береговъ, на которыхъ стояло нѣсколько городовъ, знаменитыхъ своею торговлей. Ближайшимъ къ Новгороду тор-

---

mercatorum sunt in Nu (Нева), secundum antiquam justiciam libere possunt negotiari hospites cum Carelis et Engeris. Замѣчательно, что у кареловъ купецъ до сихъ поръ называется словомъ *saxa* т. е. Саксъ, Саксонецъ, — названіе ганзейскаго купца изъ нижнесаксонскихъ городовъ. См. *Л. Н. Майкова* о древн. культ. запад. Финновъ, стр. 64.

[121]) Перев. *Гаркави,* сказ. мус. писат., стр. 130.

[122]) *Хвольсонъ.* Изв. И. Дасты, стр. 167. — Кромѣ того арабскіе писатели знаютъ Новгородцевъ подъ ихъ собственнымъ именемъ *Славянъ:* „Руссы состоятъ изъ трехъ племенъ.... второе племя называютъ *Славія*" (Ибнъ-Истахри, Ибнъ-Гаукалъ и др.).

[123]) *Френъ.* Ibn-Foszlans u. a. Arab. Berichte... Beil. № II.

говымъ пунктомъ на Балтійскомъ морѣ былъ островъ *Готландъ*, жители котораго были въ XII вѣкѣ извѣстны въ Новгородѣ подъ именемъ *Готовъ* или *Варяговъ*. Торговое значеніе Готланда всего лучше доказываютъ деньги, найденныя на немъ въ громадномъ числѣ: изъ 20 тысячъ диргемовъ, найденныхъ въ Швеціи до 1873 года, 13 тысячъ штукъ падаетъ на островъ Готландъ; большинство ихъ чеканены въ IX и X вѣкахъ; еще больше отыскано монетъ западно-европейскихъ: ихъ число на островѣ доходитъ до 30 тысячъ; вообще по количеству денегъ и другихъ серебряныхъ находокъ островъ Готландъ есть богатѣйшая область на всемъ сѣверѣ Европы [124]). На самомъ материкѣ Швеціи существовали въ эпоху еще дохристіанскую нѣсколько торговыхъ городовъ, особенно въ области Упландъ; таковы: *Упсала*, *Ситуна*, *Біорка* или *Бирка* и нѣсколько другихъ, расположенныхъ около озера Меларъ [125]). Въ Даніи былъ знаменитъ торговлею городъ *Шлезвигъ* или *Гатсби*. Въ X вѣкѣ изъ этого города вдоль южнаго берега Балтійскаго моря плавали Вульфстанъ и Отеръ; цѣлью ихъ плаванія была торговая пристань *Трусо*, находившаяся приблизительно на мѣстѣ позднѣйшаго Эльбинга; полагаютъ, что упомянутые путешественники были купцы, и пріѣзжали въ Трусо по дѣламъ торговли [126]). Такимъ образомъ англо-саксонскія деньги X — XI вѣковъ, находимыя въ прибалтійскихъ земляхъ, зашли въ Данію не только въ видѣ дани, которую собирали Канутъ и другіе датскіе короли на Англіи (такъ наз. Dänegeld), но и какъ предметъ торговли, привозимый купцами въ пристани Балтійскаго моря. На южномъ его берегу лежали нѣсколько славянскихъ городовъ; первое мѣсто между ними занималъ *Юлинъ* или *Волинъ*, гдѣ по словамъ Адама Бременскаго, жили купцы разныхъ націй, и свободно производили торговлю подъ условіемъ невыказывать явно своего вѣроисповѣданія. Другіе города Балтійскихъ Славянъ, какъ *Штетинъ*, *Колобрегъ*, *Вольгастъ*, *Дыминъ* были также извѣстны торговлей и предпріимчивостью жителей, а городъ Обот-

---

[124]) *Hans Hildebrand*. Das heidnische Zeitalter in Schweden übers. von *Mestorf*, Hamburg, 1873, S. 127, 184.

[125]) Также, стр. 148—152.

[126]) *Voigt*. Gesch. Preuss. I, S. 220.

ритовъ *Любекъ* долго запиралъ Нѣмцамъ доступъ къ морю. У Балтійскихъ славянъ издавна было развито земледѣліе, добывалась соль; около береговъ, особенно около острова Руяны, въ изобиліи ловились сельди, доколѣ они не отплыли далѣе на западъ. Несомнѣнно, что быстрое развитіе нѣмецкой жизни въ вендскихъ земляхъ въ значительной степени было обусловлено тѣмъ, что нѣмецкое населеніе направлялось не въ дикій и пустынный край, а уже значительно обработанный, гдѣ давно жили земледѣльцы Славяне, гдѣ были города и селенія, издавна велась торговля, слѣдовательно издавна были проложены торговые пути и намѣчены рынки. Однако мнѣніе о томъ, что купечество славянскихъ городовъ составляло свой торговый союзъ, что славянская ганза существовала гораздо раньше нѣмецкой [127]), нельзя считать иначе, какъ преувеличеніемъ: тѣ немногія извѣстія о торговлѣ вендскихъ городовъ, преимущественно Юлина, которыя сообщаются нѣмецкими лѣтописцами недаютъ права предполагать существованіе организованнаго купечества нѣсколькихъ городовъ, имѣвшихъ съѣзды, договаривавшихся между собой и заграничными городами, дружно преслѣдовавшихъ извѣстную торговую политику, — короче сказать того, что мы представляемъ съ именемъ нѣмецкой Ганзы. Что касается до значенія самаго слова «ганза,» и его производства отъ славянскаго корня (жѫѧ), то это словопроизводство хотя можетъ быть сдѣлано безъ натяжки правилами славянской лингвистики, однако встрѣчаетъ затрудненія съ другихъ сторонъ. Дѣло въ томъ, что названіе «ганза» въ смыслѣ купеческой корпораціи, и въ смыслѣ торговой пошлины, раньше всего употребляется на западѣ Европы, въ Англіи и Фландріи и только съ конца XIV вѣка его начинаютъ прилагать къ нѣмецкимъ городамъ сѣверной Германіи въ томъ значеніи, съ какимъ оно осталось въ исторіи [128]). Въ такомъ случаѣ странно, почему въ сѣверной Германіи или прежней Славіи, родинѣ предполагаемой славянской Ганзы, а потомъ и дѣйствительной Ганзы нѣмецкихъ городовъ, это слово такъ долго неупотребляется, а замѣняется выраженіями:

---

[127]) *Савельевъ.* Мухам. нумизм., стр. CXCVIII—IX.

[128]) *Sartorius-Lappenberg.* Urkundl. Gesch. II, S. 73—76. Срав. замѣтку *Pauli:* Auftreten und Bedeutung des Wortes Hansa in England (Hans. Geschichtsblätter, Jahrgang 1872).

universi mercatores, communis mercator и т. п. Съ другой стороны непонятно также, почему въ Новгородѣ не пользуются предполагаемымъ славянскимъ словомъ «ганза», а всегда говорятъ о ганзейскихъ купцахъ «Нѣмцы» «нѣмецкіе сыны», «заморскіе Нѣмцы», «всѣ нѣмцы» и пр. Между тѣмъ Я. Гриммъ указалъ, что уже въ переводѣ евангелія Ульфилы слово «ганза» употреблено въ значеніи сборища, толпы (cohors, multitudo) [129]; то же обстоятельство, что въ позднѣйшемъ нѣмецкомъ языкѣ такъ мало сложныхъ и производныхъ словъ отъ корня «ганза» указываетъ, что это названіе въ средніе вѣка принадлежало уже къ числу устарѣвшихъ, и только въ узкомъ спеціальномъ смыслѣ употребительныхъ словъ, что основное и первоначальное его значеніе почти не сознавалось, а нѣкоторыми осмыслялось въ значеніи совершенно неподходящемъ [130]. Здѣсь-же позволимъ себѣ сдѣлать небольшое замѣчаніе по вопросу о славянствѣ Варяговъ, будто-бы призванныхъ въ Новгородъ съ Балтійскаго поморья. Мысль о славянствѣ Варяговъ уже не разъ высказывалась въ русской исторической литературѣ; въ послѣднее время ее хотѣлъ научно доказать г. Гедеоновъ въ своей во всякомъ случаѣ замѣчательной книгѣ [131]. Для доказательства г. Гедеоновъ чаще всего употребляетъ историко лингвистическіе доводы; такъ онъ сближаетъ древне-русскій языкъ съ чешскимъ и польскимъ, къ семьѣ которыхъ принадлежалъ и древній вендскій языкъ балтійскихъ Славянъ. Это сближеніе оказалось очень полезнымъ для объясненія нѣкоторыхъ малопонятныхъ теперь словъ Русской Правды, Слова о полку Игоревѣ и другихъ памятниковъ древнерусскаго языка; но оно непригодно для той цѣли, которую имѣлъ въ виду г. Гедеоновъ т. е. доказать, что эти древнія и малопонятныя слова вошли въ древнерусскіе памятники отъ призванныхъ Варяговъ, которые поэтому будто-бы должны быть славянскаго происхожденія; это сближеніе еще разъ потверждаетъ только тотъ фактъ, что въ древнюю пору славянскіе языки далеко не такъ расходились между собой,

---

129) *Sartorius-Lappenberg.* Urk. Gesch. II, S. 75, Anmerk. 3.

130) Такъ Вальдемаръ III, король датскій, однажды обозвалъ ганзейскихъ купцовъ *гусями*; эта насмѣшка очевидно основана на игрѣ словъ (Hansen-Gänse).

113) Варяги и Русь, ч. 1—2. Спб. 1876.

какъ они расходятся въ нашу пору, что чѣмъ дальше пойдемъ вглубь славянской старины, тѣмъ больше найдемъ сходства въ языкѣ Славянъ и въ ихъ быту вообще; г. Гедеоновъ могъ бы увеличить количество сходныхъ словъ въ языкахъ древнерусскомъ, чешскомъ, польскомъ и южно-славянскихъ, сходныхъ притомъ въ такую уже сравнительно позднюю эпоху славянской жизни, какъ развитіе государственной жизни Славянъ (IX-й вѣкъ); можно было-бы распространить сравненіе и на другія стороны славянской жизни — религіозныя вѣрованія, право, государственныя и общественныя учрежденія; отчасти это и дѣлаетъ авторъ, но при этомъ погрѣшаетъ въ своей основной точкѣ зрѣнія, потому что предполагаетъ *заимствованіе* тамъ, гдѣ было *сходство*: по нашему мнѣнію это его главная ошибка. Но если стать на другую точку зрѣнія, т. е. признать сходство въ языкѣ, учрежденіяхъ и въ быту Славянъ новгородскихъ и вендскихъ, тогда вопросъ о Варягахъ-Вендахъ представится иначе. Въ самомъ дѣлѣ если Варяги были Венды, что мы выигрываемъ этимъ для объясненія начальной новгородской исторіи? Конечно дружина призванныхъ Вендовъ скоро слилась съ новгородской народностью по причинѣ ихъ племеннаго родства; но вѣдь это родство существовало *до* призванія Вендовъ, и *послѣ* прошло безслѣднымъ для самихъ призвавшихъ въ смыслѣ вліянія на ихъ жизнь; иначе сказать племенное родство Вендовъ и Новгородцевъ и призваніе Варяговъ — Вендовъ въ Новгородѣ, будь такое имѣло мѣсто, остаются двумя разными фактами, одинъ отъ другаго независимыми и одинъ для другаго безразличными. Если же принять обычное предположеніе, что Варяги были Норманны, то опять неудивительно, что и они неоставили слѣдовъ въ новгородской жизни: ибо пришлая съ княземъ дружина была весьма малочисленна и скоро обрусѣла; вопросъ о народности призванныхъ Варяговъ былъ бы гораздо важнѣе въ томъ случаѣ, если бы въ Новгородъ пришло цѣлое племя сразу или въ продолженіе извѣстнаго времени; но тогда и вопросъ скорѣе былъ бы рѣшенъ, потому что призванные оставили бы болѣе ощутительные слѣды своего вліянія въ новгородской жизни; а такъ какъ призванные во всякомъ случаѣ были малочисленны, то несравненно важнѣе становится вопросъ не о народности призванныхъ князей, а о сущности власти ихъ, той цѣли, для которой искали князя

и того круга власти который былъ ему представленъ.—Что до вопроса о вендской колоніи въ Новгородѣ, то его совсѣмъ нельзя считать доказаннымъ въ книгѣ г. Гедеонова; а его соображенія, что будто бы Поморяне и Штетинцы въ XII вѣкѣ были въ Новгородѣ многочисленны и вели тамъ постоянную торговлю, чтобы наконецъ они тамъ приняли православіе и построили для себя двѣ церкви [132]), — всѣ эти соображенія крайне рискованны. Однако нельзя отрицать торговыхъ сношеній Новгорода съ южнымъ балтійскимъ поморьемъ, съ вендскими и датскими купцами; только эти сношенія немогли быть правильными и постоянными въ виду большой небезопасности плаваній по Балтійскому морю, которое въ IX—XI вѣкахъ было наполнено всякаго рода пиратами; въ то время въ пиратствѣ упражнялись не только Норманны, но также балтійскіе Славяне и прибрежные Финны, напримѣръ Эсты и Корелы: сосѣдство моря и нападенія морскихъ пиратовъ развили у прибрежныхъ Финновъ характеръ гораздо болѣе энергичный, чѣмъ у континентальныхъ ихъ соплеменниковъ; вспомнимъ, какое упорное сопротивленіе оказывала Чудь (Эсты) Новгородцамъ и Нѣмцамъ, Корелы — Новгородцамъ и Шведамъ: въ 1187 году Корелы даже переплыли море и напали на Сигтуну [133]). О балтійскихъ Славянахъ весьма характерное извѣстіе сообщаетъ Гельмольдъ: «привычки пиратства — говоритъ онъ — такъ овладѣли Славянами, что они почти совсѣмъ оставили выгоды земледѣлія и предались морскимъ набѣгамъ, полагая единственную надежду и все свое достояніе въ корабляхъ; они мало заботятся объ удобствахъ жизни, хижины свои сплетаютъ изъ вѣтвей и то затѣмъ только, чтобы укрыться отъ непогоды и дождя; когда же пронесется вѣсть военной тревоги, они прячутъ хлѣбъ, золото и серебро и все драгоцѣнное въ ямы» [134]). Къ числу сокровищъ, зарывавшихся ими въ клады, принадлежатъ и арабскія деньги, обильно встрѣчающіяся въ Помераніи, Мекленбургѣ и далѣе

---

[132]) Такжe I, стр. 347—348.

[133]) *Lehrberg.* Untersuchungen zur Erläutung der älter. Gesch. Russlands, s. 268.

[134]) *Котляревскій.* Древн. права балтійск. Славянъ. Прага, 1874, ч. I, стр. 149.

на западъ [135]); эти деньги ясно доказываютъ фактъ торговли балтійскихъ Славянъ въ странахъ, облегавшихъ Балтійское море; кромѣ того есть прямыя извѣстія о плаваніи западныхъ купцовъ, въ томъ числѣ вѣроятно и славянскихъ, въ Русь: такъ Дитмаръ Мерзебургскій говоритъ, что въ его время много Датчанъ жили въ Кіевѣ и кіевской области; Адамъ Бременскій замѣчаетъ, что до Новгорода иногда доплываютъ въ 4 недѣли, а обыкновенно отъ устья Одера туда плаваютъ 43 дня [136]). Въ сагѣ Олава Триггвасона разсказывается, что Олавъ проживши девять лѣтъ въ Гольмгардѣ (Новгородѣ) и замѣтивъ нерасположеніе къ себѣ конунга отправился въ Балтійское море, ограбилъ островъ Борнгольмъ, и оттуда отплылъ къ югу въ Вендландію т. е. землю Вендовъ, гдѣ назвался Олавомъ гардскимъ (новгородскимъ) и выдалъ себя за купца [137]). Эта послѣдняя черта очень любопытна: въ ту пору дѣйствительно ремесло пирата и купца были тѣсно связаны; что же до названія Олава гардскимъ купцомъ, то оно повидимому указываетъ, что новгородскій купецъ не былъ рѣдкимъ явленіемъ въ вендской землѣ.

Въ торговлѣ того времени примѣтно выдается русскій остзейскій край. Въ могилахъ его древнихъ обитателей были найдены арабскія деньги VIII—XI вѣковъ, западноевропейскія—IX—XI вѣка, византійскія X вѣка и др. [138]). Обозрѣвая деньги и разныя другія находки Крузе пришелъ къ тому выводу, что отъ IX до XI вѣка въ остзейскомъ краѣ происходила живая торговля съ западной Европой; главными торговыми пунктами были Ашераденъ, Кремонъ и вообще область рѣки Аа. Впрочемъ къ этому выводу необходимо присоединить оговорку: торговлю тогдашняго времени никакъ нельзя представлять въ томъ видѣ, какъ она велась здѣсь позже, напримѣръ въ XIII вѣкѣ, когда между Лифляндіей и нѣмецкими

---

[135]) *Ледебуръ.* О восточн. монетахъ въ прибалтійск. странахъ (въ прилож. мухам. нумизм. *Савельева*).

[136]) *Lehrberg.* Untersuchungen, s. 266—267.

[137]) Извлеченіе изъ саги Олава, сына Триггвіева, сдѣлано *Сабининымъ*: Рус. Историч. Сборникъ, т. IV, 1840.

[138]) *Kruse.* Necrolivonica oder Alterthümer Liv-Est- und Kurlands. Dorpat, 1842, — съ прекраснымъ атласомъ рисунковъ. Всѣ монеты и вещи описаны весьма тщательно; гр. Уваровъ неразъ указываетъ на сходство ихъ съ мерянскими находками по ихъ стилю и орнаменту.

городами совершались ежегодно правильныя торговыя сношенія; напротивъ взявъ во вниманіе громадное развитіе пиратства по берегамъ Балтійскаго моря мы должны думать, что разнаго рода деньги и цѣнныя вещи зашли въ прибалтійскій край столько же путемъ мирной торговли, сколько и грабежа. Изъ вещей особенно важны находки, сдѣланныя близъ Ашерадена и Пальфера: это небольшіе довольно изящной работы вѣсы, вложенные въ удобный футляръ; по мнѣнію Крузе они принадлежали Норманнамъ и были употребляемы ими для взвѣшиванія денегъ; но какая система вѣсовая употреблялась въ торговлѣ того времени, и какая вѣсовая единица была основной, Крузе нерѣшался сказать; обращаясь за рѣшеніемъ этого вопроса къ разнымъ ученымъ физикамъ, онъ получалъ разные отвѣты. Тѣмъ же вопросомъ по поводу такихъ же вѣсовъ, найденныхъ въ Швеціи занялся г. Гильдебрандъ въ упомянутомъ выше сочиненіи о древней культурѣ Швеціи; результатомъ его изслѣдованій оказалось, что вѣсы найденные въ Швеціи, Финляндіи и остзейскомъ краѣ суть всѣ одного типа и при томъ *арабскаго* происхожденія, что основной единицей вѣса для драгоцѣнныхъ металловъ въ то время служилъ такъ называемый *мискаль* халифа Эль-Мамуна, сына Гаруна-аль-Рашида, очень близко подходящій къ византійскому *solidus aureus*, и слѣдовательно древне-русскому *золотнику*; упомянутый халифъ именно извѣстенъ въ исторіи арабской метрологіи: поэтому очень возможно, что установленная имъ вѣсовая система вмѣстѣ съ торговлей достигла на сѣверъ Европы [139]).

Этими замѣчаніями окончимъ объ арабской торговлѣ. Съ конца XI вѣка она падаетъ вслѣдствіе ослабленія халифата и разныхъ переворотовъ внутри Азіи; но разъ возбужденное ею въ Европѣ движеніе непрекратилось; напротивъ оно вызвало ближайшія торговыя связи Новгорода съ нѣмецкимъ западомъ.

---

[139]) Das heidnische Zeitalter in Schweden, s. 127—129.

ГЛАВА II.

Лифляндскій лѣтописецъ XVI—XVII вѣка *Ніенштедтъ*, уроженецъ Вестфаліи, переселившійся въ Дерптъ, оттуда ѣзжавшій торговать въ Новгородъ, Псковъ и Москву и сильно разбогатѣвшій, наконецъ перешедшій въ Ригу, гдѣ нѣкоторое время былъ бургомистромъ, оставилъ послѣ себя хронику, нелишенную нѣкотораго интереса, особенно въ тѣхъ случахъ, когда дѣло касается торговли [1]). Между прочимъ о древней торговлѣ, производившейся по Балтійскому морю еще до времени такъ называемаго открытія Лифляндіи, Ніенштедтъ повѣствуетъ слѣдующимъ образомъ: «за 800 лѣтъ до настоящаго времени въ землѣ Помераніи на морскомъ берегу существовалъ славный городъ Винета; много разнаго народа тамъ селилось для торговли, чрезъ что городъ такъ возросъ, что въ ту пору ему не было равнаго во всей Европѣ: главные ворота города и всѣ другіе ворота тамъ были сдѣланы изъ чистой мѣди. Но отъ своего богатства городъ сталъ заносчивъ, жители его пустились въ насилія и пиратство; Господь непотерпѣлъ существованія языческой тиранніи въ томъ городѣ, гдѣ не было мѣста для христіанской вѣры и наслалъ датскаго короля, который опустошилъ городъ; за тѣмъ ринулось на него море, поглотившее его остатки, которые и теперь можно видѣть на днѣ морскомъ. Хотя на его мѣстѣ былъ выстроенъ новый городъ, названный Юлиномъ и достаточно увеличился, но онъ никогда уже не могъ сравняться съ прежнею Винетой, а потомъ палъ отъ готскаго короля Визбоа (Wisboa), выпросившаго себѣ для поселенія островъ Готландъ, и начавшаго тамъ строить городъ въ свое имя... Городъ началъ быстро возвышаться, потому что въ ту пору еще не было плаванія къ берегамъ Лифляндіи и купцы ганзейскихъ городовъ стали селиться въ Визби; туда же доставляли свои товары Русскіе и Шведы; городъ постепенно бо-

---

[1]) Напечатана въ „Monum. Livoniae antiquae, Bd. II. Впрочемъ издатель справедливо называетъ автора хроники только дилетантомъ.

гатѣлъ, тамъ было выстроено много большихъ домовъ, туда же привезены были изъ разрушенной Винеты мѣдныя верея, желѣзные запоры и ворота» и т. д. [2]). Въ этомъ баснословномъ сказаніи о Винетѣ, одномъ изъ многочисленныхъ сказаній, которыя сочинялись книжниками XVI и XVII вѣка [3]) есть однако вѣрныя историческія черты. Мы уже видѣли торговое значеніе острова Готланда въ эпоху арабской торговли; въ XII вѣкѣ Готландъ, или точнѣе главный его городъ Визби, становится первымъ торговымъ рынкомъ для всего сѣверо-востока Европы именно послѣ паденія Юлина и другихъ славянскихъ городовъ, погибшихъ во время датскихъ и нѣмецкихъ войнъ, или отъ нападеній пиратовъ; въ памяти купцовъ недаромъ сохранялось преданіе, что Визби наслѣдовалъ торговлю Юлина. Такую же судьбу имѣли и другіе города, славившіеся своей торговлей и привлекавшіе на себя грабителей именно молвой о своемъ богатствѣ: такъ Шлезвигъ былъ раззоренъ Датчанами въ 1157 году, Сигтуна разграблена Карелами въ 1187 году [4]). Древній торговый городъ Бардевикъ въ землѣ Вагровъ также упалъ, несмогши выдержать конкурренціи съ сосѣднимъ Любекомъ, послѣ того какъ Генрихъ Левъ сталъ оказывать послѣднему свое покровительство и далъ ему самоуправленіе [5]). Однако въ XII вѣкѣ Любекъ еще не былъ настолько великъ, чтобы быть опаснымъ для Визби соперникомъ по торговлѣ; напротивъ Генрихъ Левъ, послѣ пожалованія Любеку городскаго права спѣшитъ заключить съ Визби торговый договоръ въ 1163 году [6]). Герцогъ предаетъ забвенію недавнюю вражду, ссоры и убійства, которыя случились между Готами и любецкими купцами, поселившимися въ Визби, и приглашаетъ Готовъ чаще посѣщать

---

[2]) Хрон. Ніенштедта, глав. IV, стр. 12—13.

[3]) Какъ напримѣръ Кранцемъ и Канцовымъ, авторомъ Померанской хроники и др. См. диссертацію *Грановскаго*: Волинъ, Іомсбургъ и Винета (Собран. сочин. т. I, Москва, 1856, стр. 251—252). Мотивъ о перенесѣ воротъ повторяется и въ другихъ мѣстахъ; такъ о Корсунскихъ вратахъ въ Новгородѣ также говорили, что они были похищены Русскими изъ Сигтуны. См. *Карамзина* И. Г. Р. т. I, прим. 458.

[4]) *Lehrberg*. Untersuchungen, s. 268.

[5]) *Фортинскій*. Примор. Вендск. город. стр. 57—58.

[6]) *Sart. Lappenb*. Urkundl. Gesch. II, № 4.

его новый портъ Любекъ. По примѣру своего дѣда, императора Лотаря, онъ обѣщаетъ купцамъ безопасность внутри своихъ владѣній и безпошлинную торговлю по всѣмъ городамъ. За убійство, совершенное внутри городскихъ стѣнъ, полагается смертная казнь, за нанесеніе раны мечемъ — отсѣченіе руки; за ударъ палкой или кулакомъ виновникъ также подвергается отвѣтственности по законамъ того города, гдѣ провинится; но за убійство, сдѣланное внѣ города, напримѣръ на проѣзжей дорогѣ, виновникъ можетъ откупиться предъ родственниками убитаго 40-ка марками монеты. Имѣніе купца, умершаго на чужбинѣ, сохраняется въ продолженіе одного года и дня для выдачи его наслѣдникамъ; если въ этотъ срокъ истецъ не явится, оно поступаетъ въ пользу городскаго фогта. Въ заключеніе герцогъ желаетъ, чтобы его купцы имѣли на Готландѣ такія же права, какія онъ даетъ Готамъ въ своихъ владѣніяхъ, а изъ приписки его къ договору видно, что любецкіе купцы въ Визби имѣли особеннаго фогта для разбора уголовныхъ дѣлъ, влекущихъ за собой смертную казнь и отсѣченіе руки, — и всякихъ другихъ дѣлъ, которыя герцогъ велитъ фогту судить по вышеизложенному договору. И такъ любецкіе купцы по крайней мѣрѣ съ начала XII вѣка составляли на Готландѣ свою корпорацію, гильдію или ганзу, какъ тогда говорилось [7]), хотя эта корпорація Любчанъ была встрѣчена недружелюбно туземцами, вѣроятно боявшимися нажить въ нихъ опасныхъ себѣ конкуррентовъ. Кромѣ любецкихъ купцовъ, и еще раньше ихъ, на Готландѣ образовались корпораціи купцовъ изъ другихъ нѣмецкихъ городовъ, какъ увидимъ преимущественно изъ Вестфаліи. Всѣ вмѣстѣ они составляли такъ называемое общее купечество на Готландѣ (communis mercator, universi mercatores, mercatores imperii Romani, societas mercatorum, mare orientale frequentantium, mercatores teutonici etc.). Нѣкоторые изъ пріѣзжихъ нѣмецкихъ купцовъ поселялись въ Визби на постоянное жительство, становились постоянными его гражданами; число этихъ поселенцевъ въ Визби къ началу XIII вѣка увеличилось на столько, что они занимали тамъ цѣлый кварталъ, и

---

[7]) Такъ корпорація любецкихъ купцовъ въ Лондонѣ называлась любецкой ганзой; также была кельнская ганза и гамбургская.

построили себѣ особенную церковь Св. Маріи [8]); наконецъ Нѣмцы получили доступъ въ городской совѣтъ Визби: изъ одного древняго кодекса городскаго права Визби видно, что въ немъ засѣдали 18 человѣкъ ратмановъ изъ Готовъ, и столько же изъ Нѣмцевъ; во главѣ рата стояли два фогта, одинъ готскій, а другой — нѣмецкій [9]). Свои отношенія къ королю шведскому городъ ограничивалъ обѣщаніемъ ему вѣрности, какъ своему сеньеру, и вопреки его волѣ окружилъ себя крѣпкими стѣнами [10]): въ ту пору крѣпкія стѣны составляли необходимость, потому что богатый островъ, такъ выгодно расположенный среди Балтійскаго моря, служилъ станціей какъ для купцовъ, такъ и для многочисленныхъ пиратовъ; насколько небезопасна была жизнь на островѣ, всего лучше доказываетъ масса денегъ, которыя зарывались тогда въ землю.

Неподлежитъ сомнѣнію, что восточныя страны балтійскаго моря издавна были посѣщаемы купцами съ острова Готланда. Отсюда же отправлялись на востокъ воинскія дружины Норманновъ; такъ въ одной готской сагѣ разсказывается, что однажды часть Готовъ вслѣдствіе многочисленности островного населенія принуждена была выселиться; сначала переселенцы отправились на востокъ къ острову, лежащему противъ Эстляндіи, гдѣ и построили замокъ; но такъ какъ они немогли здѣсь удержаться, то отправились вверхъ по рѣкѣ, называемой Двинѣ, чрезъ Россію ѣхали все дальше и наконецъ прибыли въ Грецію [11]). По всей вѣроятности устье западной Двины было извѣстно Готамъ гораздо ранѣе 1159 года, и такъ называемое открытіе ливонскаго порта бременскими купцами было открытіемъ только для Нѣмцевъ, а не для Готовъ; да и самое извѣстіе древней ливонской хроники объ этомъ открытіи

---

[8]) Освящена въ 1225 году. *Sart. Lapp.* Urk. Gesch. II, s. 5.

[9]) *E. Hermann.* Beiträge zur Gesch. des Russ. Reiches. Leipzig, 1843, s. 12—14.

[10]) *Фортинскій.* Прим. Венд. города, стр. 358—360.

[11]) *E. Hermann.* Beiträge, с. 10. Припомнимъ преданіе начальной лѣтописи о приходѣ въ Полоцкъ Рогвольда изъ-за моря. Не на Готландъ ли бѣжалъ Владиміръ нанимать Варяговъ? Островъ былъ сборнымъ пунктомъ для разнаго рода искателей приключеній, промежуточной станціей изъ Швеціи въ Русь, и обратно.

Бременцевъ въ послѣднее время подвергается сомнѣнію [12]). Конечно неменѣе былъ извѣстенъ для Готландцевъ путь по Финскому заливу, Невѣ и Волхову, хотя нужно полагать, что Готландцы несразу установили торговыя сношенія съ Новгородомъ, а поселились первоначально въ *Ладогѣ*, или Альдегіаборгѣ, какъ она называется въ скандинавскихъ сагахъ [13]). И въ послѣдующее время Ладога была не простою станціей на пути въ Новгородъ: въ XIII вѣкѣ тамъ жила болѣе или менѣе постоянная колонія нѣмецкихъ купцовъ; изъ латинской редакціи договора 1270 года узнаемъ, что Нѣмцамъ принадлежала тамъ церковь Св. Николая съ нѣкоторымъ количествомъ отведенныхъ для нея луговъ [14]). Въ книгѣ Вотской пятины 1500 года въ Ладогѣ упоминается «варяжская улица [15]); по всей вѣроятности на ней находились дворъ и церковь древнихъ нѣмецкихъ купцовъ.

Въ самомъ Новгородѣ колонія готландскихъ купцовъ существовала по крайней мѣрѣ съ половины XII вѣка; церковь ею построенная горѣла уже въ 1152 году [16]); по латинской

---

[12]) Извѣстныя слова хроники Генриха Лотыша: „inventus a mercatoribus Bremensibus portus Livonicus“ считаются позднѣйшею интерполяціей; по крайней мѣрѣ въ древнѣйшемъ спискѣ лѣтописи Генриха, недавно найденномъ въ Варшавѣ въ библіотекѣ Замойскаго и относящемся къ концу XIII или началу XIV вѣка, эти слова отсутствуютъ. Вообще участіе Бремена въ лифляндской колонизаціи признается весьма незначительнымъ. См. *Höhlbaum*, Die Gründung der deutschen Kolonie an der Düna Hans. Geschichtsblätter, Jahrgang 1872).

[13]) *Карамзинъ*. И. Г. Р. т. I, прим. 485.

[14]) *Sart-Lapp*. Urk. Gesch. II, s. 39; „sanctus Petrus et sanctus Nycholaus in Aldachen secundum jura antiqua rehabere debent sua prata“. На основаніи этихъ словъ Сарторій допускаетъ двѣ католическихъ церкви въ Ладогѣ; Карамзинъ — одну (И. Г. Р. III, стр. 126). Дѣйствительно подъ церковью св. Петра вѣроятно разумѣется новгородская; то обстоятельство, что здѣсь она поставляется на ряду съ ладожской, указываетъ по нашему мнѣнію на то, что обѣ строили Нѣмцы, а не Готы; такъ какъ обѣ церкви нѣмецкія, то о нихъ и говорится въ одной статьѣ.

[15]) *Неволинъ*. О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ. Зап. Имп. Геогр. Общ. т. VIII, прилож. I, стр. 46—47.

[16]) П. С. Р. Л. III, стр. 11: „Церквій сгорѣ 8-мь, а 9-я Варязьская“. Другой разъ она горѣла въ 1181 году, третій — въ 1217-мъ, причемъ вмѣстѣ съ церковью сгорѣло много товаровъ. Тамже, стр. 18 и 35.

редакціи договора 1270 г. видно, что готландская церковь Св. Олафа имѣла особенное кладбище и нѣкоторую часть луговъ къ ней приписанныхъ [17]). Вскорѣ за Готами въ Новгородъ стали ѣздить и нѣмецкіе купцы т. е. члены общаго купечества, имѣвшаго свой центръ въ Готландѣ. Въ Новгородской III лѣтописи подъ 1184 годомъ находится краткое извѣстіе: «поставиша нѣмецкую ропату, и о томъ бысть чудо о посадникѣ Добрынѣ» [18]). Въ чемъ именно состояло дѣло Добрыни подробно разсказывается въ одномъ позднѣйшемъ сказаніи [19]) По нему выходитъ, что Нѣмцы прислали отъ имени всѣхъ семидесяти городовъ посла къ архіепископу съ просьбой разрѣшить построеніе католической церкви въ Новгородѣ. Сначала Новгородъ отказывалъ: «кое причастіе свѣту ко тьмѣ? и какъ вашей божницѣ быть въ нашемъ градѣ?» Тогда Нѣмцы обратились къ степенному посаднику Добрынѣ, приподнесли ему значительный посулъ, и наученные имъ снова обратились къ купецкимъ старостамъ и всему новгородскому купечеству съ слѣдующими словами: «только нашей божницѣ храму верховныхъ апостолъ Петра и Павла небыти у васъ въ великомъ Новгородѣ, и то вашимъ церквамъ у насъ по нашимъ городамъ небыти-жъ». Тогда Новгородъ уступилъ Нѣмцамъ и посаднику; послѣдній даже велѣлъ снести деревянную церковь Ивана Предтечи подъ новую нѣмецкую ропату, за что на слѣдующій день испыталъ небесную кару: когда онъ переѣзжалъ Волховъ въ насадѣ, вдругъ начался сильный вихрь, приподнялъ насадъ къ верху и потопилъ его съ посадникомъ; послѣ едва отыскали трупъ его, но оставили безъ похоронъ. Вотъ сущность сказанія. Если въ немъ отбросимъ нѣкоторыя черты, напримѣръ тотъ анахронизмъ, будто въ XII вѣкѣ было посольство отъ *70 ганзейскихъ городовъ*, то получимъ въ сущности довольно вѣрный разсказъ. Дѣйствительно построеніе

---

[17]) *Sart. Lapp.* Urb. Gesch. II, s. 42: „curia Gotensium cum ecclesia et cimiterium sancti Olaui et prata adjacentia in omnibus libera erunt secundum justiciam habitam ab antiquis.

[18]) П. С. Р. Л. III, стр. 216.

[19]) Напечатано въ „Памятн. старин. рус. литературы“, I, стр. 251—253, но подъ неточнымъ названіемъ: „Легенда о построеніи *варяжской* церкви въ Новгородѣ“; дѣло идетъ о построеніи *нѣмецкой* церкви св. Петра, а не варяжской.

католической церкви не могло обойтись безъ нѣкоторыхъ препятствій и возраженій со стороны Новгорода; что Нѣмцы для успѣха своего дѣла дали посаднику взятку, это нисколько неудивительно: поднесеніе подарковъ новгородскимъ властямъ со стороны ганзейскихъ купцовъ было дѣломъ обыкновеннымъ; наконецъ доводъ, представленный посадникомъ и Нѣмцами, нельзя непризнать основательнымъ: дѣйствительно Новгородцы могли строить свои церкви на Готландѣ и въ городахъ Лифляндіи только подъ условіемъ позволенія Нѣмцамъ имѣть ихъ собственныя церкви въ Новгородѣ; поэтому сомнительно, чтобы легенда вѣрно передавала настроеніе новгородскаго купечества; купцы лучше чѣмъ кто другой понимали важность имѣть собственную церковь на чужбинѣ; какъ и правительство оно конечно спокойнѣе отнеслось къ предложенію Нѣмцевъ, чѣмъ это представляетъ авторъ легенды, быть можетъ духовное лице. Однако Татищевъ говоря о заключеніи договора между Новгородомъ и Нѣмцами въ 1226 году добавляетъ, что Новгородцы въ строеніи церквей отказали Нѣмцамъ [20]). Но по всей вѣроятности дѣло шло тогда о возобновленіи церквей послѣ пожара 1217 года, при которомъ сгорѣла варяжская божница, а вѣроятно и нѣмецкая, находившаяся отъ нея неподалеку, — но не о построеніи этихъ церквей вновь: церковь варяжская несомнѣнно существовала до 1152 года; нѣмецкая же построена въ 1184 году, и вѣроятно при тѣхъ условіяхъ, о какихъ разсказано въ легендѣ. Почему Новгородъ непозволялъ возобновлять церкви, давъ однажды право ихъ построить, изъ Татищева невидно; быть можетъ дѣло остановилось за подарками?

Недавно было высказано мнѣніе что нѣмецкимъ купцамъ въ Новгородѣ кромѣ церкви Петра принадлежала еще церковь Св. Николая [21]). Въ основаніе этому мнѣнію приводится слѣдующее мѣсто изъ латинской договорной грамоты 1270 года: «ab ecclesia Sancti Nicholai usque ad curiam hospitum curia non debet occupari aedificiis usque ad plateam» [22]), —

---

[20]) Истор. Россійск. т. III, стр. 445.

[21]) *Kopman:* Die Recessen u. and. Akten. Einleitung, s. XXIX — XXX.

[22]) *Sart-Lappenb.* Urk. Gesch. II, s. 39.

изъ котораго однако нисколько невидно, чтобы никольская церковь была католическая. Далѣе — соображаетъ Копманъ — купцы сѣверной Германіи любили избирать своимъ патрономъ Св. Николя и строить ему церкви, какъ оно случилось и въ Новгородѣ. Наконецъ такъ какъ Готы имѣли въ Новгородѣ два двора, да Нѣмцы — третій, то такимъ образомъ на трехъ дворахъ должны быть и три церкви. Построеніе церкви Николая Копманъ приписываетъ висбійскимъ Нѣмцамъ въ ту пору, когда они еще не слились съ Готами въ одну общину, а жили отдѣльною корпораціей; когда же это сліяніе произошло, то Визби оказался во владѣніи двухъ церквей въ Новгородѣ (Олафа и Николая); послѣ Визби уступилъ свой прежній дворъ съ церковью Николая нѣмецкимъ купцамъ (т. е. общему купечеству), и тогда уже Нѣмцы очутились съ двумя церквами — Петра и Николая; первая по мнѣнію Копмана издавна принадлежала тѣмъ нѣмецкимъ купцамъ, которые нежили постоянно въ Визби, а только проѣзжали чрезъ Готландъ въ Новгородъ, т. е. членамъ общаго нѣмецкаго купечества на Готландѣ.

Мнѣніе доктора Копмана однако невыдерживаетъ критики. Изъ древней скры новгородскаго двора, изъ латинской и нѣмецкой редакціи договора 1270 года, наконецъ изъ новгородскихъ лѣтописей видно, что съ конца XII вѣка въ Новгородѣ существовали два двора: готскій съ церковью Св. Олафа и нѣмецкій съ церковью Св. Петра. Правда до 1270 года Готы продали свой прежній дворъ Нѣмцамъ, причемъ передали имъ и обязанность содержать около него мостовую [23]), но ни изъ чего невидать, чтобы на этомъ дворѣ была особенная церковь Св. Николая; церковь этого имени, упоминаемая въ латинской договорной грамотѣ 1270 года, есть православная церковь Николая Чудотворца на Ярославовомъ дворищѣ [24]), и упомянута въ этой грамотѣ только какъ граничный пунктъ, до котораго Готы владѣли землей вокругъ своего двора. Что

---

[23]) Тамже, стр. 42: „Item Curiam gilde, quam iidem Gotenses vendiderunt, non tenentur renouatione pontis aliquatenus procurare“.

[24]) См. *Красова* „О мѣстоположеніи древняго Новгорода, стр. 97—100. Новгородъ, 1851. Ср. планъ Новгорода, приложенный къ этому сочиненію, гдѣ по сосѣдству съ Ярославовымъ дворомъ помѣщаются церкви Николая Чудотворца, Прокопія, Пятницы и другія.

святитель Николай былъ популяренъ между купечествомъ сѣверной Германіи, это ничего еще недоказываетъ: потому что онъ столько же былъ почитаемъ въ Новгородѣ, Полоцкѣ [25]) и во всей Руси, и не между однимъ купечествомъ, хотя дѣйствительно въ древнихъ русскихъ городахъ на торгу чаще другихъ ставились церкви никольскія и пятницкія. Наконецъ мнѣніе Копмана о томъ, будто нѣмецкіе поселенцы Визби построили въ Новгородѣ никольскую церковь до времени соединенія съ Готами въ одну городскую общину, а потомъ уступили ее общему купечеству, — это мнѣніе совершенно произвольно, и ничѣмъ не подтверждено: древняя скра нѣмецкаго двора въ Новгородѣ и всѣ послѣдующіе документы говорятъ только объ одной церкви Св. Петра; церкви Николая они совершенно незнаютъ. Что касается того вопроса, сколько было въ Новгородѣ купеческихъ дворовъ, принадлежавшихъ Готамъ и Нѣмцамъ, то онъ можетъ повести къ сбивчивымъ выводамъ, если неусловиться напередъ въ самомъ понятіи двора. Для насъ оно важно въ смыслѣ купеческой *корпораціи*, управлявшейся внутри по извѣстнымъ правиламъ, выбиравшей себѣ своего представителя (ольдермана), являвшейся по отношенію къ Ганзѣ и Новгороду, какъ отдѣльное общество, какъ особенный дворъ. Въ такомъ смыслѣ понимаемыхъ дворовъ въ Новгородѣ издавна — съ конца XII вѣка, какъ было сказано, — было два: готскій и нѣмецкій, а съ конца XIV вѣка только одинъ ганзейскій дворъ. Но что Готы и Нѣмцы для своихъ квартиръ и для склада товаровъ имѣли не по одному зданію, а по нѣскольку *дворовъ*, огороженныхъ заборомъ, или частію внѣ его, что они ихъ другъ другу передавали на временное или постоянное пользованіе, это также неподлежитъ сомнѣнію. Но изъ того, что Готы до 1270 года смѣнили прежній дворъ на новый, не слѣдуетъ, чтобы на обоихъ дворахъ они имѣли по церкви, какъ полагаетъ Копманъ. Если даже согласиться съ нимъ, что Готы передали Нѣмцамъ церковь Николая, то для чего — спрашивается — эти послѣдніе стали бы содержать одновременно двѣ церкви? Нѣмецкіе купцы тяготились ремонтировкой даже одной церкви Св. Петра, у которой по време-

[25]) Полочане имѣли православную церковь святителя Николая въ Ригѣ. (Въ Рус. Лив. А. №№ 370 и 374 относятся до этой церкви).

намъ крыша приходила въ совершенную ветхость, грозя обрушиться; да и содержаніе двороваго священника Нѣмцы строго разсчитывали, внося въ скру точныя правила, сколько марокъ кунъ должны давать ему гости лѣтніе и зимніе; въ XV вѣкѣ встрѣчаются просьбы двора къ Ганзѣ, чтобы та уменьшила содержаніе священника, хотя оно вовсе не было богатымъ [26]).

Съ показаніями новгородскихъ лѣтописей о построеніи церквей на дворѣ готскомъ и нѣмецкомъ почти совпадаетъ выводъ, къ которому пришелъ Берманъ послѣ изслѣдованія древней скры или устава Нѣмецкаго двора въ Новгородѣ: онъ нашелъ, что скра по содержанію своему и языку древнѣе самыхъ первыхъ кодексовъ любецкаго права, и что время ея происхожденія относится къ третьей четверти XII вѣка [27]). Но скра въ томъ видѣ, какъ до насъ дошла, неможетъ быть принята за оригиналъ конца XII вѣка: ибо во 1-хъ въ ней на ряду съ гостями, пріѣзжающими въ Новгородъ водянымъ путемъ, упоминаются гости сухопутные, которые очевидно суть Нѣмцы изъ лифляндскихъ городовъ, основанныхъ уже въ XIII вѣкѣ; 2. въ нѣкоторыхъ статьяхъ скры штрафъ съ купцовъ нарушеніе дворовой дисциплины полагается медомъ также на лифляндскій вѣсъ; 3. Сарторій указалъ на заключительную статью скры, гдѣ говорится, что остатокъ дворовой кассы долженъ быть отправляемъ въ Визби въ церковь Св. Маріи, освященной только въ 1225 году, и справедливо заключилъ, что скра должна была явиться нераньше этого года [28]). При всемъ томъ однако мнѣніе Бермана остается на половину вѣрнымъ: изъ первой статьи скры видно, что она заключаетъ въ себѣ правила, практиковавшіяся на новгородскомъ дворѣ

---

[26]) *Гильдебрандъ.* Отчеты о розысканіяхъ, произвед. въ риж. и ревел. архив. по части рус. исторіи (Прилож. къ XXIX т. Зап. И. Ак. Н.), стр. 38.

[27]) *Behrman.* De scra van Nougarden. 1828. Изданіемъ копенгагенскаго списка скры Берманъ занялся по порученію нашего канцлера Румянцева. Лучшее изданіе древней Скры по тремъ спискамъ въ сборникѣ *Сарторія-Лаппенберга:* Urk. Gesch. II, № 9.—Переводъ древней скры по русски сдѣланъ въ приложеніи къ разсужденію *Андреевскаго:* О договорѣ 1270 года.—Scra, Schragen = tabula, libellus; въ латинскихъ документахъ это слово объясняется, какъ *liber juris.*

[28]) Urk. Gesch. II, c. 17.

съ древнихъ временъ (van aneginne), т. е. съ основанія двора во второй половинѣ XII вѣка. Поэтому мы здѣсь же разсмотримъ содержаніе древней скры, изъ которой будетъ видна организація древняго нѣмецкаго купечества въ новгородскомъ дворѣ.

Два разъ въ годъ, весной и осенью приплывали въ Новгородъ заморскіе купцы, съ острова Готланда (waterfare); тѣ изъ нихъ, которые пріѣзжали весной, оставались во дворѣ на лѣто, и потому назывались лѣтними гостями (somerfare); пріѣхавшіе осенью проводили на дворѣ зиму и назывались зимними гостями (winterfare). Ніенштедтъ, знавшій древнюю скру, замѣчаетъ о зимнихъ гостяхъ: «въ зимнее время я думаю они ѣздили частію на саняхъ, а частію на челнокахъ, какъ это бываетъ и въ нашу пору, что ѣдущіе зимой изъ Швеціи волокутъ за санями челноки, и гдѣ замерзло ѣдутъ на саняхъ, а гдѣ море открыто — тамъ на челнокахъ» [29]). Эта догадка конечно не лишена остроумія; но поѣздки по льду были сопряжены съ большими неудобствами и рискомъ, и едва ли купцы часто на нихъ рѣшались: подъ зимними гостями разумѣются именно тѣ купцы, которые плавали съ Готланда осенью до начала невскаго ледохода, и проводили въ Новгородѣ зиму. По прибытіи въ устье Невы зимніе и лѣтніе гости должны были выбрать ольдермана двора и ольдермановъ Св. Петра: первый получалъ права верховнаго управленія и суда во дворѣ, былъ его представителемъ въ сношеніяхъ съ Новгородомъ и съ общимъ нѣмецкимъ купечествомъ; ольдерманы Св. Петра завѣдывали сборомъ штрафовъ и пошлинъ, вообще вели хозяйственную часть двора и церкви. Въ помощники себѣ ольдерманы выбрали четырехъ купцовъ (ратмановъ); всѣ вмѣстѣ т. е. ольдерманы и ратманы составляли постоянную коммисію, правившую дѣлами двора; это былъ въ небольшомъ видѣ ратъ. Въ случаяхъ болѣе важныхъ собирался стевенъ (steuene) или общее собраніе купцовъ; неявившіеся въ это собраніе платили

---

[29]) Хрон. Ніенпт. стр. 13.—Нельзя отожествлять зимнихъ гостей съ сухопутными, а лѣтнихъ—съ морскими, какъ-то дѣлаетъ г. *Костомаровъ* вопреки ясному ихъ различенію въ Скрѣ (Сѣверн. рус. народопр. II, стр. 193). Какъ морскіе такъ и сухопутные гости дѣлали по двѣ поѣздки въ годъ, весной и осенью, слѣдоват. были въ Новгородѣ лѣтними и зимними гостями.

штрафъ въ пять кунъ, потомъ въ десять, а наконецъ — пять лифляндскихъ фунтовъ меду (liuesche punt). Равнымъ образомъ ольдерманъ могъ присудить къ штрафу того, кто ослушался бы его приказанія сопутствовать ему къ новгородскимъ властямъ, или кто отказался бы отъ возлагаемыхъ на него должностей (ольдерманства или ратманства). Всѣ комнаты двора за исключеніемъ большой, спеціально назначенной для зимнихъ гостей, считались общими и распредѣлялись по жеребью между отдѣльными купецкими артелями (kumpanen, selscap, mascopien), на которыя распадалось купечество [30]); но ольдерманъ двора съ своей артелью могъ выбирать себѣ помѣщеніе по желанію; равнымъ образомъ ольдерманъ лѣтняго поѣзда купцовъ имѣлъ право помѣститься гдѣ хотѣлъ въ большой зимней комнатѣ. Если прибывшіи во дворъ лѣтніе купцы найдутъ сухопутныхъ гостей (landfare), то эти послѣдніе должны уступить имъ тѣ комнаты, о которыхъ они метали жеребій и перейти въ другія помѣщенія, льгота для морскихъ гостей понятная въ виду дальности и трудности ихъ пути; между тѣмъ сухопутные гости въ крайнемъ случаѣ т. е. если бы во дворѣ было слишкомъ тѣсно, могли уѣхать въ свои лифляндскіе города. Ольдерманы и ратманы имѣли право даже совсѣмъ не пускать во дворъ сухопутныхъ гостей; кто пустилъ бы ихъ безъ согласія ольдермана во дворъ, тотъ платилъ высшій штрафъ въ 10 марокъ серебра, да кромѣ того отвѣчалъ за вредъ, который бы могъ притомъ приключиться [31]). Въ каждомъ поѣздѣ кромѣ купцовъ-хозяевъ, пріѣзжавшихъ на собственный счетъ (мейстеры, meistermane) была извѣстная часть прислуги (knapen), организованной также въ отдѣльное товарищество; оно выбирало себѣ особеннаго ольдермана, который разбиралъ ссоры, случавшіяся между товарищами за обѣдомъ и т. п. менѣе значительныя дѣла; но драки и побои между

---

[30]) Невидно впрочемъ изъ скры, что служило основаніемъ для этого дѣленія на компаніи, происхожденіе ли изъ одного города, или наемъ одного судна, или общее хозяйство во дворѣ.

[31]) Изъ этого достаточно ясно, какъ было значительно преобладаніе заморскихъ купцовъ надъ сухопутными, т. е. лифляндскими, тогда только что начинавшими торговать въ Новгородскомъ дворѣ. Да и понятно такое преобладаніе: заморское купечество основало дворъ, было полнымъ его хозяиномъ.

прислугой, а равно ссоры хозяевъ съ прислугой разбиралъ самъ ольдерманъ двора. Для помѣщенія прислуга имѣла особенную комнату (kinder-stoue); но она могла ея лишиться, если бы она потребовалась подъ складъ товаровъ. Ея отношенія къ хозяевамъ опредѣляются слѣдующими правилами, правда, не особенно точными: прикащикъ обязанъ помогать хозяину въ счастіи и несчастіи, и никогда его не оставлять; если на пути или во дворѣ онъ выкажетъ нерадѣніе о хозяйскихъ дѣлахъ, вслѣдствіе чего хозяину будетъ нанесенъ убытокъ, въ особенности если будетъ доказано, что именно онъ виновникъ убытка, то онъ платитъ хозяину 10 марокъ серебра, а соучастники его изъ прислуги — по двѣ марки. Съ другой стороны хозяинъ не могъ отказать мальчику въ услуженіи безъ законныхъ основаній; онъ немогъ напримѣръ лишить его мѣста по случаю болѣзни, напротивъ обязанъ доставить его въ то мѣсто, откуда взялъ его на морское плаваніе. Отправляясь въ длинный и опасный путь и располагаясь въ Новгородѣ на полугодичное пребываніе купцы брали съ собой священника для исправленія требъ. Его содержаніе на пути до двора и обратно падало на гостей; во дворѣ же священникъ зимняго поѣзда получалъ изъ дворовой кассы 50 марокъ кунъ; но лѣтніе гости и во дворѣ содержали его на свой счетъ [32]). Чтобы вѣрнѣе обезпечить доходъ священника было постановлено, что съ пріѣздомъ новаго священника старый долженъ тотчасъ уступить ему свое мѣсто, и всѣ живущіе во дворѣ должны держаться вновь пріѣхавшаго. Сверхъ того ему были добровольныя приношенія; а изъ позднѣйшей скры видно, что онъ занимался письмоводствомъ, что также составляло для него нѣкоторый источникъ дохода. Всѣ жившіе во дворѣ хозяева и прикащики обязаны были по очереди стеречь дворъ и церковь, какъ днемъ такъ и ночью; очередная стража должна была наблюдать и за собаками, которыхъ въ извѣстные часы, вѣроятно ночные, велѣно было держать на привязи; уклонявшійся отъ сторожки двора платилъ марку кунъ. Особенно крѣпко стерегли церковь, служившую складочнымъ мѣстомъ для разныхъ товаровъ; кто уклонялся отъ ночевки вну-

[32]) Это потому — думаетъ Сарторій — что лѣтніе гости меньше времени жили во дворѣ, чѣмъ зимніе. Urk. Gesch. II, s. 21.

три церкви платилъ марку серебра; торговля съ Новгородцами внутри самой церкви была запрещена подъ страхомъ высшаго штрафа въ 10 марокъ серебра, скорѣе конечно изъ боязни покражъ, чѣмъ нарушенія благочинія: потому что сами Нѣмцы ставили же бочки съ виномъ подлѣ самаго алтаря. Доходы церкви Св. Петра, изъ которыхъ покрывалось содержаніе двора, были слѣдующіе: 1) приходя въ Неву на своихъ судахъ (mit koggen) зимніе гости должны платить сборъ въ церковь Св. Петра (sceten sunte petere) въ количествѣ одного фертинга со 100 марокъ, слѣд. $1/4$ %; лѣтніе гости платятъ только половину этой суммы. 2) каждый хозяинъ платитъ фертингъ наемной платы за помѣщеніе во дворѣ въ продолженіе зимы; лѣтній гость платитъ только марку кунъ, равно и сухопутные гости и всѣ, кто случайно заѣзжали во дворъ, напримѣръ сбившіеся съ пути (такъ назыв. bisteruare). 3) Лѣтніе гости, равно и зимніе если они случайно остались на лѣто въ новгородскомъ дворѣ, платятъ такъ называемую княжескую подать (koninges scoth), очевидно назначавшуюся первоначально въ пользу новгородскаго князя [33]). 4) Въ кассу Св. Петра шли судебные штрафы. 5. Въ ея же пользу наконецъ полагалась плата за пользованіе дровами при вываркѣ пива и котломъ для перетопки воска. Всѣхъ доходовъ по временамъ накоплялось столько, что за покрытіемъ нуждъ двора оставался излишекъ суммы, который нужно было отправлять въ Визби въ церковь Св Маріи и запирать тамъ въ сундукѣ Св. Петра, ключи отъ котораго хранились у ольдермановъ Готланда, Любека, Сеста и Дортмунда, важнѣйшихъ городовъ, купцы которыхъ составляли общее нѣмецкое купечество; упомянутые ольдерманы очевидно суть представители отдѣльныхъ купеческихъ корпорацій или гильдій. Прибавимъ, что въ смоленскомъ договорѣ 1229 года кромѣ купцовъ вышеозначенныхъ городовъ упоминаются еще представители Мюнстера, Гренингена и Бремена, а въ грамотѣ кельнскаго архіепископа отъ 1165 года указывается, что и граждане Медебаха ведутъ торговлю въ Руси [34]), и тогда придемъ къ заключенію, что купцы вестфальскихъ городовъ составляли, наибольшую часть въ

---

[33]) Въ своемъ мѣстѣ скажемъ подробнѣе объ этой подати.

[34]) Urk. Gesch. II, s. 7: „qui pecuniam suam dat alicui concivi suo, ut inde negotietur in Datia, uel *in Rutia*. Сарторій подозрѣваетъ пра-

общемъ купечествѣ на Готландѣ, и что они именно положили начало новгородскому двору и церкви Св. Петра. Они долго помнили свои заслуги для основанія двора и ясно высказывали это въ концѣ XIII вѣка, когда поднялся споръ о томъ, Визби или Любекъ нужно считать высшимъ апелляціоннымъ пунктомъ въ дѣлахъ новгородскаго двора. Собственно о мѣстѣ апелляціи немогло бы быть и спора, потому что внутри новгородскаго двора дѣйствовало готландское право [35]), и слѣдовательно за рѣшеніемъ спорныхъ дѣлъ естественно было обращаться въ Визби, — если бы во дворѣ не было купцовъ изъ Висмара, Ростока, и другихъ городовъ, принявшихъ любецкое право, которые по этому хотѣли апеллировать къ своимъ ратамъ или рату Любека, и если бы Любекъ нестремился къ преобладанію въ купеческомъ союзѣ, скоро обратившемся въ Ганзу. Въ сущности споръ объ апелляціонной инстанціи въ дѣлахъ новгородскаго двора означалъ борьбу древняго готландскаго купечества съ начинающейся Ганзой, древнихъ вестфальскихъ городовъ съ новыми остзейскими, во главѣ которыхъ стоялъ Любекъ. Дѣло началось съ того, что Висмаръ и Ростокъ разослали къ ратамъ разныхъ городовъ предложеніе признать Любекъ верховной судебной инстанціей по дѣламъ новгородской конторы, прося ихъ дать согласіе на него по предлагаемой формулѣ [36]). До двадцати четырехъ городовъ дали согласіе, какъ хотѣли Висмаръ и Ростокъ, и только нѣкоторые сдѣлали отступленіе отъ присланной формулы. Въ числѣ согласившихся упоминается и Рига; однако отвѣтъ рижскаго рата, сохранившійся до насъ, выказываетъ полное несогласіе съ предложеніемъ стороннихъ Любеку городовъ: «доколѣ — пишетъ рижскій ратъ въ Визби — ратманы города Визби по-

---

вильность чтенія послѣдняго слова, и вмѣсто его предлагаетъ читать *Ruja* т. е. Рюгенъ; онъ сомнѣвается, чтобы купцы Вестфаліи въ то время непосредственно торговали съ Русью. Но вѣдь купцы Медебаха на равнѣ съ купцами другихъ вестфальскихъ городовъ могли составлять часть готландскаго купечества, и вести торговлю въ Руси съ острова Готланда.

[35]) *Фортинскій*. Примор. вендск. города, стр. 376.

[36]) Вотъ эта формула: si aliquis mercator in curia Nogardensi se in suo jure grauatum cognosceret uel sentiret, quod pro recuperatione sui juris ad nullum alium locum preterquam ad ciuitatem Lubicensem respectum habere debet et recursum. *Sart Lap.* II, s. 179.

зволяютъ намъ и всѣмъ купцамъ, посѣщающимъ Готландъ, пользоваться древними правами и вольностями, какими до селѣ пользовались наши предшественники, до тѣхъ поръ и мы нежелаемъ, чтобы печать общаго купечества и верховная судебная инстанція были переводимы куда нибудь въ другое мѣсто, если только измѣнить все это незахотятъ города съ общаго и единодушаго согласія» [37]). Вестфальскіе города Мюнстеръ, Сестъ и Оснабрюкъ вовсе не прислали отвѣта; изъ письма Визби въ Оснабрюкъ видно, что молчаніе этихъ городовъ означало полное неодобреніе мѣры, предлагавшейся Висмаромъ и Ростокомъ. Вотъ что писали ратманы Визби къ рату Оснабрюка: «отъ всего сердца приносимъ вамъ благодарность за ваше расположеніе къ намъ и согражданамъ нашимъ, въ особенности за то что вы несогласились съ ратманами любецкими, когда тѣ чрезъ разосланныя письма требовали перенести права и вольности купцовъ, посѣщающихъ Готландъ и новгородскій дворъ на свой городъ, и такимъ образомъ замѣнить ихъ любецкимъ правомъ. Ваше благоразуміе да припомнитъ себѣ, что ваши предки въ старыя времена положили начало этимъ правамъ въ новгородскомъ дворѣ [38]), которыя единодушно соблюдались тамъ и на Готландѣ вплоть до послѣдняго времени. Да и странно было бы купцамъ, оставя свои товары въ Новгородѣ или на Готландѣ, отправляться въ Любекъ для отысканія тамъ своихъ правъ. И такъ во избѣжаніе вреда для насъ и будущихъ купцовъ просимъ васъ недавать никакой вѣры предложеніямъ (Любека и его сторонниковъ) безъ согласія остзейскихъ городовъ: ибо при помощи божіей, при содѣйствіи вашемъ и остзейскихъ городовъ мы всегда старались неуменьшать купеческихъ правъ, а по возможности ихъ увеличивать, поступая такъ на тотъ, конецъ, чтобы заслужить вашу признательность» [39]). Даже Стральзундъ, городъ жившій по любскому праву, далъ небезусловное согласіе на адресованное къ нему предложеніе: онъ припоминаетъ, что въ прежнее время купцы новгородской конторы

---

37) Recesse u. and. Akten, I, № 71.

38) „Vestri quidam progenitores dictas libertates a primaevis temporibus in Curiam Nogardensem, ueluti ipsarum libertatum fundatores, primitus apportabant“ “.

39) Recesse u. and. Akt. I, № 70.

въ случаяхъ спорныхъ обращались въ Стральзундъ, иногда въ Ростокъ, но небезусловно въ Любекъ, — и припоминаетъ очевидно съ желаніемъ, чтобы такой порядокъ былъ и впредь. Выходитъ такимъ образомъ, что въ прежнее время ратъ посторонняго города выбирался для рѣшенія спорнаго дѣла просто какъ третейскій судья, но не какъ верховная судебная инстанція, окончательно рѣшающая дѣло, какъ того хотѣлъ Любекъ; въ выборѣ рата не было стѣсненія: для большинства купцовъ высшей судебной инстанціей служилъ Визби, центръ общаго купечества; купцы вендскихъ городовъ искали удовлетворенія въ Стральзундѣ, Ростокѣ и Любекѣ, какъ показываетъ отвѣтъ стральзундскаго рата [40]). И теперь вслѣдствіе оппозиціи вестфальскихъ городовъ, Риги и Визби вопросъ объ апелляціи не былъ рѣшенъ въ смыслѣ, желательномъ для Любека и вендскихъ городовъ, — такъ еще сильно было готландское купечество въ концѣ XIII вѣка. Вопросъ былъ поднятъ снова въ XIV вѣкѣ; такъ на собраніи 1366 года онъ былъ затронутъ, но опять отложенъ до будущаго времени [41]); на собраніи 1373 года онъ былъ порѣшенъ окончательно въ томъ смыслѣ, что Любекъ долженъ быть единственнымъ мѣстомъ апелляціи по дѣламъ новгородской конторы [42]). Однако когда ганзейскіе послы сообщили это рѣшеніе новгородской конторѣ, то готландскій представитель на него несогласился, а послъ рижскій колебался дать на него утвердительный или отрицательный отвѣтъ [43]). Чѣмъ дѣло кончилось неизвѣстно; по всей вѣроятности Визби на ряду съ Любекомъ сохранялъ значеніе высшей инстанціи, и купцы смотря по желанію попеременно обращались то въ одно, то въ другое мѣсто; купцы вестфальскихъ городовъ вѣроятно по прежнему тянули къ Визби, центру древняго купечества; да и въ пору преобладанія Любека они выразили свою особность на новгородскомъ дворѣ тѣмъ, что составляли въ немъ осо-

---

[40]) Ibidem, s. 34—35.

[41]) Recesse u. a. A. I, s. 332: „dissensio, quae uertitur inter Lubicenses et Wysbicenses super appellacione mercatorum curiae Nougardensis, suspensa est usque ad proximum terminum“.

[42]) Ibid. II, s 78: „de bescheldinge van Nogarden anders nergen wezen scolde, denne to Lubeke“.

[43]) Ibid. s. 78, № 69. Ср. Рус. Лив. А. № 96.

бенную квартиру или четь [44]). Таково было устройство общаго готландскаго купечества и двора, имъ основаннаго въ Новгородѣ. Обратимся теперь къ новгородскому купечеству, и прослѣдимъ его сношенія съ заморскимъ западомъ въ XII вѣкѣ.

Въ половинѣ этого вѣка въ Новгородѣ было организовано особенное купечество для заморскихъ поѣздокъ, которое и называлось «купцы заморскіе». Подъ 1156 годомъ лѣтописи извѣщаютъ, что это купечество построило собственную церковь Св. Пятницы на торговищѣ [45]). Въ новгородской 3 лѣтописи объ этой церкви читаемъ болѣе подробное извѣстіе: въ лѣто 6664 (1156) заложиша церковь каменную въ великомъ Новѣградѣ въ торгу заморскіе купцы, святыя Пятницы, а совершена бысть въ лѣто 6853 (1345) при Василіи архіепископѣ что порушилась въ великій пожаръ, повелѣніемъ рабъ божіихъ Андрея сына тысяцкого и Павла Петровича [46]). Важное извѣстіе о пятницкой церкви даетъ не разъ уже упомянутый латинскій договоръ 1270 года, имѣющій большое значеніе для новгородской старины вообще: если гость (нѣмецкій), — сказано тамъ — приходящій изъ верхнихъ земель области (новгородской), захочетъ отправиться на Готландъ, то платитъ въ церковь святой Пятницы одну марку серебра, но не больше» [47]). Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ ясно, что св. Пятница была православная церковь новгородскаго заморскаго купечества; разъ построенная имъ она и позже возобновляется богатыми же Новгородцами. Считать ее католической церковью, а заморскихъ купцовъ — Нѣмцами, какъ это дѣлаетъ

---

[44]) *Riesenkampf.* Der deutsche Hof zu Nowgorod, s. 27. Въ XV в. Новгородскій дворъ дѣлился на четыре квартиры: саксонскую, *вестфальскую*, вендскую и лифляндскую.

[45]) П. С. Р. Л. IV, стр. 9: „Поставиша купци заморьстіи церковь св. Пятница на торговищи". Въ Новгор. 1 лѣт. сказано просто „заморьстіи". Отъ этой купеческой церкви нужно отличать другую того же имени, построенную частными лицами: „срубиша церковь... св. Пятници на търговищи късятине съ братомъ". Также, т. III, стр. 20, подъ 1191 годомъ.

[46]) Также III, стр. 215.

[47]) Sart. Lappenb. II, s. 39: „Si hospes veniens de superioribus partibus terrae versus gotlandiam ire voluerit, dabit *ecclesiae sancti rridach* marcam argenti, non plus."

Лербергъ [48]), совсѣмъ неосновательно: въ самомъ дѣлѣ съ какой стати Нѣмцы въ договорѣ съ Новгородомъ стали бы говорить, что они, Нѣмцы, должны платить въ пользу *своей же* церкви гривну серебра? для подобнаго опредѣленія мѣсто было бы въ скрѣ, а не въ договорѣ съ Новгородомъ, какъ справедливо замѣтилъ Сарторій [49]). Предположеніе Ризенкампфа, что церковь Пятницы прежде нѣмецкая впослѣдствіи перешла къ Русскимъ [50]), также нельзя назвать удачнымъ: уступка церкви въ пользу иновѣрцевъ въ ту пору показалась бы дѣломъ страннымъ, да едва ли была и возможна: ни Нѣмцы неуступили бы своей церкви Новгородцамъ, ни тѣ неприняли бы католической божницы отъ Нѣмцевъ. Очевидно св. Пятница была патрональная церковь новгородскаго купечества, и Нѣмцы имѣли къ ней обязательство, именно какъ къ церкви купеческой. Нелегко впрочемъ сказать, за что именно нѣмецкіе купцы платили гривну серебра въ пользу этой церкви. Если обратимъ вниманіе на то, что ее платили не всѣ Нѣмцы, а только тѣ, которые ѣздили торговать по новгородской области, то можно полагать, что означенная плата взималась именно за право торговли внѣ Новгорода: ибо отправляясь торговать внутрь новгородской области нѣмецкіе купцы являлись конкурентами домашнему купечеству, а потому если не наравнѣ съ нимъ привлекались къ уплатѣ проѣздныхъ и другихъ пошлинъ, то по крайней мѣрѣ дѣлали небольшой взносъ въ купеческую церковь. Недавно было выражено мнѣніе, что пятницкая церковь была построена поморскими т. е. славянскими гостями, принявшими въ Новгородѣ православіе [51]). Но въ лѣтописи названы заморскіе купцы, а не поморскіе славянскіе гости, которыхъ она со всѣмъ не знаетъ. Да опять какой бы смыслъ былъ въ томъ, что Нѣмцы обязываются платить въ пользу пятницкой церкви поморскаго купечества? Что это за право поморскихъ Славянъ? При чемъ тутъ былъ самъ Новгородъ? Все это вопросы, при искусственной теоріи г. Гедеонова неразрѣшимые.

Но если заморское купечество съ патрональнымъ храмомъ

---

48) Untersuchungen, s. 270.
49) Urk. Gesch. II, s. 39 (Anmerkung 3).
50) Der deutsche Hof zu Nowgorod, s. 74.
51) *Гедеоновъ.* Варяги и Русь, I, стр. 348.

Св. Пятницы было новгородское, что неподлежитъ никакому сомнѣнію, то спрашивается: въ какомъ отношеніи оно стояло къ знаменитому купечеству иванскому? [52]).

Иванское купечество, устройство котораго завершилось жалованною грамотой Всеволода Мстиславича около 1130 года [53]), состояло изъ богатѣйшихъ новгородскихъ купцовъ; чтобы стать членомъ иванскаго купечества требовалось уплатить ему гильдейскій капиталъ въ 50 гривенъ серебра; внесшій такую сумму получалъ имя «пошлаго», т. е. потомственнаго почетнаго купца; слѣдовательно иванскіе купцы въ Новгородѣ были купцы первой статьи или первой гильдіи. Половина купеческаго вклада шла въ казну церкви св. Ивана Предтечи на Опокахъ, по которой прозывалось само купечество; какъ употреблялась другая половина, въ жалованной грамотѣ Всеволода не говорится: быть можетъ изъ нея составлялся общій капиталъ купечества, который потомъ употреблялся на общія нужды и предпріятія. При церкви Св. Ивана сосредоточивалась торговля воскомъ, который взвѣшивали въ притворѣ церкви иванскіе старосты, двое пошлыхъ купцовъ; непошлые купцы неимѣли права держать старощенія, ни взвѣшивать воскъ. Пошлины, взимаемыя имъ въ казну иванской церкви, за провѣсъ воска, составляли доходъ исключительно этой церкви: ни городъ, ни владыка, ни бояре недолжны были вступаться въ иванскій «вощаной вѣсъ»; въ ея же пользу шла половина пошлинъ за взвѣшиваніе воска при спасской церкви въ Торжкѣ; наконецъ мѣстность вокругъ иванской церкви («бусвище, петрятино дворище») отдавалась въ аренду, которая тоже доставляла нѣкоторый доходъ въ церковь Св. Ивана. Расходы церкви были слѣдующіе: князю ежегодно платилось 25 гривенъ; такая же сумма отпускалась на храмовой праздникъ (24 Іюня), который справлялся съ большой торжественностью и сопровождался богатымъ угощеніемъ со стороны купцовъ для почетныхъ гостей; за службу владыкѣ въ этотъ день дарили гривну серебра и сукно ипское, архимандриту юрьев-

---

[52]) Въ прекрасномъ очеркѣ иванскаго купечества „Св. великій Иванъ на Опокахъ“ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1870, Августъ) г. *Никитскій* некасается однако вопроса объ отношеніяхъ заморскаго и иванскаго купечества.

[53]) Доп. къ Ак. Истор. I, № 3.

скому и игумену антоніевскому — по полгривнѣ; на содержаніе двоихъ священниковъ отпускалось по 8-ми гривенъ въ годъ; дьякона — 4, дьячка и сторожей — по 3 гривны. Нѣтъ сомнѣнія, что такіе подарки и содержаніе причта по тому времени были очень значительны и давать ихъ могла только такая богатая купеческая церковь, какъ Св. Иванъ на Опокахъ. — При церкви была учреждена дума по дѣламъ торговли и купеческаго суда; во главѣ ея стоялъ тысяцкій великаго Новгорода; съ нимъ судили и правили трое старостъ отъ житьихъ людей и двое купеческихъ старостъ. Дума была поставлена независимо отъ города и посадника, которые неимѣли права входить въ дѣла иванскаго купечества ни въ какихъ случаяхъ: управленіе и судъ по дѣламъ иванскаго да и всего новгородскаго купечества принадлежали этой думѣ: ибо судъ торговый и судъ тысяцкаго — одно и тоже [54]). Изъ нѣмецкихъ документовъ видимъ, что судъ Новгородцевъ съ Нѣмцами по дѣламъ торговли или въ случаяхъ какихъ-либо столкновеній производился также во дворѣ церкви Св. Ивана т. е. невыдѣлялся изъ общей сферы купеческихъ дѣлъ; сами Нѣмцы такъ привыкли къ суду въ этомъ мѣстѣ, что нехотѣли ни гдѣ кромѣ него судиться, и жаловались когда это мѣсто обходилось [55]). На судѣ Нѣмцевъ предъ тысяцкимъ присутствовалъ и посадникъ, какъ видно изъ нѣмецкой грамоты договора 1270 года; но всегда ли онъ тамъ присутствовалъ трудно сказать. По нашему мнѣнію его присутствіе, или точнѣе —

---

[54]) *Никитскій* въ указан. очеркѣ, стр. 215 — Доп. къ А. И. I, стр. 3—4: „и язъ князь великій Всеволодъ поставилъ есми св. Ивану три старосты отъ житьихъ людей и отъ черныхъ-тысяцкаго, а отъ купцевъ два старосты: управливати имъ всякая дѣла и Иванская и торговая, и гостиная, и судъ торговый; а Мирославу посаднику въ то невступатца и инымъ посадникомъ въ иванское ни во что же, ни бояромъ новгородцкымъ“.

[55]) *Sart Lappenb.* Urk. Gesch. II, 38: „Placita hospitum inter hospites et Ruthenos habenda sunt in curia sancti Johannis coram duce, oldermanno, Nogardiensibus, et non coram aliquo alio“.—Schut en twist tuschen den dudeschen un den Nogarderen, dhe twist sal endegen up sente Johannis houe uor deme borchgreuen, deme hertogen unde uor dhen copluden“. Ibid. s. 99.—Quod forum justiciarum mercatorum debet esse in curia s. Johannis, et non alias, coram duce et duobus senioribus Theutonicorum“. — Подробнѣе о судѣ съ нѣмцами ср. въ указан. выше очеркѣ г. *Никитскаго*, стр. 217—220.

его председательство на судѣ съ Нѣмцами было необходимо по крайней мѣрѣ въ случаяхъ наиболѣе важныхъ; въ самомъ дѣлѣ иныя дѣла съ Нѣмцами по своему значенію могли выйти за предѣлы простыхъ купеческихъ тяжбъ; они могли повести къ столкновеніямъ съ лифляндскими Нѣмцами и Ганзой, къ запрещенію торговли или даже къ открытой враждѣ съ ними т. е. затронуть интересы всего Новгорода, а не одного только купечества; поэтому естественно предположить, что посадникъ, какъ представитель всего Новгорода, засѣдалъ въ такихъ случаяхъ на судѣ съ Нѣмцами. Впрочемъ что касается собственно новгородскихъ купцовъ, то между ними иванскіе всѣхъ ближе стояли къ Нѣмцамъ; въ ихъ рукахъ находилась торговля воскомъ, который на ряду съ мѣхами составлялъ главный предметъ заморскаго отпуска; съ другой стороны есть указанія, что иванскіе купцы продавали въ розницу нѣмецкія сукна, которыя сами они покупали у Нѣмцевъ цѣлыми штуками: ибо упоминаемый въ одномъ церковномъ уставѣ «локоть иванскій» т. е. образцовая мѣра для суконъ, главной статьи нѣмецкаго привоза въ Новгородъ, по всей вѣроятности хранился въ иванской церкви, либо въ иванской купеческой думѣ, а самая продажа суконъ на этотъ локоть производилась иванскими купцами: они были богатые купцы — суконники. Ко дню храмоваго праздника иванскихъ купцовъ пріурочивались переговоры съ Нѣмцами и сроки перемирія. Такъ въ 1371 году въ Нейгаузенѣ (новомъ городкѣ) было заключено съ нѣмецкими послами перемиріе до иванова дня 1373-го года. Въ 1434 году ганзейскіе послы въ Новгородѣ также взяли миръ отъ иванова дня этого года до тогоже дня 1436 года [56]). При заключеніи договора съ Ганзой въ 1436 году иванскіе купецкіе старосты принимали большое участіе: они неразъ приходили къ ганзейскимъ посламъ во дворъ, гдѣ уговаривались о вознагражденіи частныхъ истцовъ съ обѣихъ сторонъ о срокѣ мира, о взвѣшиваніи воска и прочихъ предметахъ; по окончаніи всѣхъ переговоровъ во дворѣ церкви Св. Ивана читали и укрѣпляли печатями договорныя грамоты по русски и по нѣмецки, которыми размѣнялись на обѣ стороны [57]). Наконецъ во дворѣ иванской церкви сберегали

[56]) *Kopp.* Hanserecesse, I, № 288.

[57]) Ibid. № 586, s. 519: „waert desse breff gelesen, belevet unde besseghelt vor sunte Johannes“.

тяжебный товаръ до рѣшенія дѣла законнымъ судомъ: въ 1375 году въ Новгородъ пріѣхалъ купецъ Брунсвикъ съ своей компаніей; новгородецъ Максимъ, одинъ изъ компаньоновъ Аввакума, недавно задержаннаго въ Дерптѣ, заявилъ на Брунсвика и его товарищей искъ, взялъ двоихъ приставовъ отъ тысяцкаго и посадника и арестовалъ у пріѣзжихъ товаръ, который до времени суда былъ снесенъ въ иванскую церковь [58]). Всѣ эти данныя показываютъ большое значеніе иванскаго купечества въ Новгородѣ и его ближайшія отношенія къ ганзейскимъ Нѣмцамъ. Послѣ того что же оставалось на долю заморскаго купечества? Какова могла быть его роль на ряду съ такимъ первостатейнымъ купечествомъ, какъ иванское? При скудости извѣстій на эти вопросы можно отвѣчать только гадательно; по нашему мнѣнію иванское и заморское въ сущности есть одно и тоже купечество, или правильнѣе — заморское есть вѣтвь иванскаго. Около 1156 года (построеніе пятницкой церкви) заморскіе купцы начинаютъ обособляться отъ иванскихъ, пробуютъ устроиться въ самостоятельное купечество; однако это обособленіе неудалось, — и заморское купечество неразвилось на степень большой купеческой корпораціи, равной по значенію иванской. Оно и понятно: новгородскіе купцы постепенно были вытѣсняемы изъ моря Нѣмцами и Шведами; великій Новгородъ неустроилъ государственнаго флота въ защиту купеческаго, тогда какъ Ганза уже въ XIV вѣкѣ имѣла большія когги, вооруженныя пушками. Правда Новгородцы неразъ предпринимали, какъ увидимъ, торговыя поѣздки на Готландъ и въ Германію во все время сношеній съ Ганзой; но при этомъ нѣтъ никакихъ признаковъ, чтобы эти поѣздки совершали именно члены особеннаго заморскаго купечества, которое бы руководило заморской торговлей Новгорода; послѣ XII вѣка о немъ нѣтъ никакихъ извѣстій, между тѣмъ какъ иванская старина была памятна долго спустя послѣ паденія великаго Новгорода [59]).

---

[58]) *Bunge*, LEK. Urk. III, № 1103: „dat gut vorden se in sunte Johannes kerken“. — Такой же случай былъ въ началѣ XV вѣка; см. также IV, № 1506.

[59]) Въ грамотѣ отъ 1556 года царь Иванъ Васильевичъ говорилъ новгородскимъ дьякамъ: „какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ часа того въ Новгородѣ выбрали людей, да тое бъ есте вѣсчую

Но въ XII вѣкѣ, въ эпоху готландской торговли новгородскіе заморскіе купцы нерѣдко плавали на Готскій берегъ и въ Любекъ; въ то время между Новгородомъ и общимъ нѣмецкимъ купечествомъ нестояли Орденъ и Лифляндія; само общее купечество на Готландѣ небыло организовано такъ строго, какъ впослѣдствіи, когда оно обратилось въ Ганзу; въ ту пору оно только что начинало торговать съ Новгородомъ, и немогло недопустить морскихъ плаваній Новгородцевъ на Готландъ и въ Германію. Прямыя свѣденія объ этихъ плаваніяхъ восходятъ къ первой половинѣ XII вѣка, хотя всѣ эти плаванія сопровождались большой неудачей для новгородскихъ купцовъ. Такъ подъ 1130 годомъ въ лѣтописи записано: «идуце изъ заморія съ Готъ (Готланда) потопи лодій семь, а сами истопоша и товаръ, а друзіи вылѣзоша, но нази, а въ домы приидоша нази» [60]). Въ 1134 году въ Даніи, вѣроятно въ Шлезвигѣ, новгородскіе купцы были арестованы [61]). Другой арестъ они испытали въ 1157 году, когда датскій король Свенъ IV-й при осадѣ Шлезвига захватилъ много русскихъ купцовъ, а товаръ ихъ роздалъ своимъ воинамъ [62]). Въ 1142 году среди моря на Новгородцевъ, возвращавшихся домой, напалъ шведскій король, который плылъ на 60-ти шнекахъ въ сопровожденіи одного епископа [63]). Что новгородскіе заморскіе купцы бывали и въ Любекѣ, доказатель-

---

пошлину подъ Иваномъ Святымъ на меня, царя и великаго князя велѣли брати тѣмъ людемъ, которыхъ вы выберете". Доп. къ Ак. Ист. I, № 95. Какіе именно товары вѣсили при иванской церкви показываетъ уставная таможенная грамота Новгороду 1571 года: „а воскъ, и медъ, и олово, и свинецъ, и квасцы, и ладонъ, и темьянъ вѣсить по старинѣ на крюкъ у Ивана Святого подъ церковью на петрятинѣ дворищѣ; а таможникомъ въ то невступатися ни во что". А. А. Эксп. I, № 282.—Воскъ и медъ издавна составляли предметы отпускной торговли Новгорода; остальные товары — главныя статьи нѣмецкаго привоза; изъятіе этихъ товаровъ изъ вѣденія таможниковъ и порученіе вѣсить ихъ особеннымъ новгородскимъ выборнымъ въ нѣкоторой степени напоминаетъ еще древній порядокъ, когда вѣсили воскъ иванскіе старосты.

[60]) П. С. Р. Л. III, стр. 6.

[61]) Тамже: „рубоша Новгородць за моремъ въ Дони".

[62]) *Lehrberg*, Untersuchungen, s. 268.

[63]) П. С. Р. Л. III, стр. 9: „приходи свѣйскѣ и князь съ списко-

ствомъ тому служитъ жалованная грамота Любеку императора Фридриха I, въ которой между купцами съ востока, посѣщающими Любекъ, на первомъ мѣстѣ названы русскіе [64]). Конечно еще чаще Новгородцы плавали на ближайшій къ нимъ Готландъ, гдѣ они имѣли свой дворъ и церковь; впервые объ этомъ дворѣ или «становищѣ» упоминается въ договорѣ Александра Невскаго съ Нѣмцами 1260 года [65]); однако съ полной вѣроятностью его начало можно относить къ томуже времени, когда и Готы построили свой дворъ съ церковью въ Новгородѣ т. е. къ половинѣ XII вѣка.

Подъ конецъ этого столѣтія случился долговременный перерывъ въ торговлѣ Новгорода съ Готами и Нѣмцами: подъ 1188 годомъ лѣтопись разсказываетъ о захватѣ новгородскихъ гостей на Готландѣ, вслѣдствіе чего и Новгородъ непустилъ своихъ купцовъ на весеннее плаваніе, а Варяговъ т. е. готскихъ купцовъ отправилъ безъ мира и недалъ имъ проводника [66]). По тону лѣтописнаго разсказа можно догадываться, что сами Готы спѣшили поскорѣе уладить дѣло, которое разстроилось по ихъ винѣ; но миръ долго не могъ состояться частію потому что Новгородъ хотѣлъ дать Варягамъ миръ на всей волѣ своей, а частію по причинѣ смутъ, волновав-

---

номъ на гость, иже изъ заморья шли въ 3 лодьяхъ, и бишася неуспѣвше ничтоже, и отлучиша ихъ 3 лодьѣ, избиша ихъ полутораста". — Извѣстіе впрочемъ очень неясное; невидно, были ли это Новгородцы, или готскіе купцы, и успѣли ли они отбиться отъ шведовъ.

[64]) *Sart-Lappenb.* Urk. Gesch. II, 9: „Rutheni, Gothi, Normanni et ceterae gentes orientales absque teloneo et absque hansa ad civitatem saepe dictam (Любекъ) veniant et libere recedant".

[65]) Рус. Лив. А. стр. 9.—Въ XVII вѣкѣ шведскіе чиновники доносили своему правительству: „In Wisbya sicut gentes aliae, ita Russi quoque templum habuere publicum domumque conuchendis ac permutandis mercibus proprium". По одной упсальской рукописи это мѣсто приводитъ *Сарторій*, Gesch. des hans. Bund. I, 381.

[66]) П. С. Р. Л. III, 20: „рубоша Новгородцѣ Варязи на Гтѣхъ, Нѣмеце въ Хоружьку и въ Новотържцѣ, а на весну непустиша изъ Новагорода ни одиного мужь за море, ни сла (посла) вдаша Варягомъ, но пустиша я безъ мира". Опять неясное извѣстіе: что за мѣстности „въ Хоружьку и въ Новотържьцѣ"? Есть ли это переводныя названія какихъ нибудь мѣстностей на Готландѣ, или дѣло идетъ о Новомъ Торжкѣ, гдѣ Новгородцы велѣли схватить нѣмецкихъ купцовъ въ отместку за арестъ своихъ купцовъ на Готландѣ, — трудно сказать.

шихъ самый Новгородъ и по непрочному положенію тамъ князя Ярослава Владиміровича (свояка Всеволода III Юрьевича, вел. князя суздальскаго). Въ 1195 году Новгородцы незахотѣли держать у себя Ярослава и стали просить у Всеволода сына его; но великій князь разсердился и взялъ подъ стражу новгородскихъ пословъ съ посадникомъ Мирошкой во главѣ; Ярославъ остался въ Новгородѣ, а противники его были въ плѣну у суздальскаго князя. На слѣдующій годъ Всеволодъ даже вступилъ съ войскомъ въ новгородскую землю; впрочемъ до кровопролитія дѣло недошло: Всеволодъ, Ярославъ и южные князья даже признали свободу Новгорода выбирать себѣ князя, гдѣ онъ хочетъ: «а Новгородъ выложиша вси князи въ свободу: кдѣ имъ любо, ту же собѣ князя поимають» [67]). Однако пословъ новгородскихъ Всеволодъ все еще неотпускалъ; тогда наконецъ Новгородъ изгналъ Ярослава. Тотъ сѣлъ въ Торжкѣ, сталъ собирать дани въ волости Торжка, по всему Верху, Мстѣ и за Волокомъ; между тѣмъ Новгородъ всю зиму оставался безъ князя, потомъ призвалъ изъ Чернигова Ярополка Ярославича, но чрезъ полгода изгналъ его и снова обратился къ Ярославу. Такимъ образомъ восторжествовала суздальская партія, — да иначе и быть немогло: сидя въ Торжкѣ Ярославъ прекратилъ всю торговлю Ногорода съ Поволжьемъ. На этотъ разъ вмѣстѣ съ Ярославомъ возвратился и посадникъ Мирошка; это было въ 1197 году; спустя два года Всеволодъ отозвалъ Ярослава, а на его мѣсто посадилъ сына Святослава [68]). Ко времени этого-то послѣдняго княженія Ярослава въ Новгородѣ (1197—1199) и относится первый письменный договоръ Новгорода съ Готами и Нѣмцами, который впрочемъ названъ только подтвержденіемъ стараго мира: «се язъ князь Ярославъ Володимеричь сгадавъ с посадникомь Мирошкою и с тысяцкымъ Яковомь и с всѣми Новгородьци потвердихомь мира старого с посломь Арбудомь и съ всѣми нѣмецкыми сыны и с Готы и с всѣмь латиньскымь языкомь, послалъ есмь посла своего Григу на сеи правдѣ» [69]). Послѣднія слова указываютъ, что посолъ

[67]) П. С. Р. Л. III, стр. 23. Это положеніе высказали князья, а не вѣче, какъ толкуетъ его г. *Костомаровъ* (Сѣверпор. Народоправ. I, стр. 78).

[68]) Тамже, стр. 23—25.

[69]) Рус. Лив. Ак. № 1.

Григорій былъ отправленъ на Готландъ съ договорной грамотой для утвержденія ея печатью общаго купечества т. е. здѣсь былъ тотъ же порядокъ, который повторился спустя лѣтъ 30 въ Смоленскѣ, когда князь Мстиславъ Давыдовичь отправилъ своихъ пословъ въ Ригу и на Готландъ для окончательнаго утвержденія договорной грамоты печатью общаго купечества. Но и на этотъ разъ дѣло непришло къ концу: весной 1201 года Новгородъ все еще «пустилъ Варяговъ безъ мира», и только осенью того года «далъ миръ на всей волѣ своей», что случилось уже при новомъ князѣ Святославѣ Всеволодовичѣ [70].

Хотя Ярославова грамота по нѣкоторымъ признакамъ есть проектъ, однако несомнѣннымъ нужно признать, что Готы и Нѣмцы согласились на миръ съ Новгородомъ именно по этой грамотѣ. Что она проектъ, видно во 1-хъ изъ того, что у ней недостаетъ конца, на что обратилъ вниманіе И. И. Срезневскій [71]); во 2-хъ въ самой грамотѣ говорится, что она дана послу Григорію, только еще отправляющемуся на Готландъ; въ грамотѣ виденъ также намекъ на непрочное положеніе Ярослава въ Новгородѣ: «а кого Богъ поставитъ князя, а с тѣмь мира потвердить». Но что грамота получила значеніе дѣйствительнаго договора, доказываетъ то обстоятельство, что она переписана рядомъ съ договоромъ 1260 года съ Нѣмцами на одномъ пергаминномъ листѣ: очевидно она имѣла значеніе настоящаго документа, если послѣ находили нужнымъ ее переписывать на ряду съ договоромъ, вполнѣ авторитетнымъ. Да и въ самомъ дѣлѣ она должна была имѣть такое значеніе: новый князь Святославъ былъ данъ по желанію той же суздальской партіи, которая поддерживала прежняго князя Ярослава, такъ что въ передѣлкѣ договорной грамоты непредставлялось никакой нужды съ прибытіемъ новаго князя. Порядки торговли въ грамотѣ Ярослава опредѣляются слѣдующимъ образомъ: новгородскіе купцы и послы безпрепятственно могутъ плавать на Готландъ и въ нѣмецкую землю, а Готы и Нѣмцы, или какъ тѣ и другіе называются вмѣстѣ—Варяги, безпрепятственно пріѣзжаютъ въ Новгородъ. Если новгород-

[70]) П. С. Р. Л. Ш, 25.
[71]) Изв. 2 отдѣлен. Ак. Наукъ. Т. VI, стр. 155.

скій князь вступитъ въ разладъ съ Новгородомъ, то гости, не смотря на то, могутъ продолжать торговлю, а потомъ подтвердить миръ съ новымъ княземъ [72]). Для провода нѣмецкой лодьи, Новгородъ обѣщаетъ давать «кормника» т. е. лоцмана, но о платѣ за проводы, ни о другихъ отношеніяхъ, въ какія могли стать Нѣмцы къ лоцманамъ, договоръ неупоминаетъ [73]). Въ одной статьѣ встрѣчаемъ важное указаніе, что Нѣмцы уже тогда торговали не въ одномъ Новгородѣ: «оже тяжа родиться — сказано въ ней — в иное земли въ русскыхъ городѣхъ, то у тѣхъ свое тяже прошати, искати Новугороду ненадобѣ, а тяжа на городы». Подъ городами «иной земли нельзя разумѣть конечно новгородскіе пригороды, напримѣръ Ладогу, Псковъ, Торжекъ и другіе; пригороды относились къ новгородской землѣ, тянули къ Новгороду по управленію и суду, въ томъ числѣ и по суду съ нѣмецкими гостями, за исключеніемъ впрочемъ Пскова, который весьма рано начинаетъ торговать и договариваться съ Нѣмцами независимо отъ Новгорода. Подъ иной землей нужно разумѣть области, непринадлежащія Новгороду, какъ-то: полоцкую, смоленскую, а быть можетъ и суздальскую. Въ самомъ дѣлѣ Всеволодъ и его своякъ Ярославъ могли требовать у Новгорода пропуска нѣмецкихъ купцовъ и въ суздальскую землю, гдѣ сами Новгородцы были обыкновенными гостями; для суздальскаго князя было бы гораздо выгоднѣе, если бы къ нему пріѣзжали сами Нѣмцы и безъ посредства Новгородцевъ продавали ему заморскіе товары; оговорка, что въ случаѣ тяжбы Нѣмцевъ съ другими городами Новгородъ ни за что не отвѣчаетъ, пока-

---

[72]) „Аче будеть судъ князю новгороцъкому Новѣгородѣ или нѣмецкъму въ Нѣмчьхъ, а в томь миру ити гостю домовь бес накости“. Слова „аче будеть *судъ*“ г. Владимірскій-Будановъ объясняетъ: „если *умретъ* князь Новгородскій“ (Хрестом. по истор. рус. права, I, стр. 102). По нашему мнѣнію важнѣе было предусмотрѣть случаи разладовъ великаго князя съ Новгородомъ, или нѣмецкаго сеньера съ общиной, чѣмъ ихъ смерть, тѣмъ болѣе, — что касается Новгорода — то князья тамъ умирали весьма рѣдко, тогда какъ оставляли его по неудовольствію съ вѣчемъ весьма часто.

[73]) Статья о лоцманахъ, какъ и другія мѣста договора 1199 года, выражены довольно неясно; является возможность разной постановки знаковъ препинанія, дающей до нѣкоторой степени различный смыслъ.

зываетъ, какъ Новгороду было бы нежелательно, чтобы Нѣмцы вели торговлю внѣ его земли. При взысканіи долговъ устанавливается слѣдующій порядокъ. Если должникъ будетъ запираться, то истецъ долженъ представить двѣнадцать человѣкъ послуховъ, которые присягаютъ въ справедливости иска, послѣ чего кредиторъ получаетъ свой долгъ; во всякомъ случаѣ должника нельзя посадить въ «погребъ»: можно приступить къ его имуществу, но личность его остается неприкосновенной; при томъ тяжба можетъ быть отложена до слѣдующаго года, и если только въ слѣдующій пріѣздъ должникъ неплатитъ, тогда заявя князю и людямъ можно приступить къ его имѣнію. Но большинство статей договора опредѣляютъ штрафы за уголовныя преступленія: за убійство полагается вира въ десять гривенъ серебра; за посла, заложника (таля) и священника вира удвояется; за несправедливый арестъ и самоуправство виновникъ платитъ 12 гривенъ старыхъ кунъ, за ударъ оружіемъ или палкой — 6 гривенъ кунъ. Строго караются преступленія противъ женской чести: за побои, нанесенные замужней женщинѣ или дѣвицѣ, виновный платитъ ей 40 гривенъ кунъ за безчестье, и столько же гривенъ штрафа въ пользу князя; если кто сорветъ повязку съ головы женщины («повои») и она окажется съ открытой головой, «простоволоса», виновный платитъ за безчестье 6 гривенъ кунъ; даже за оскорбленіе холопки положена гривна серебра. Если возникнетъ условная тяжба безъ видимыхъ слѣдовъ преступленія («оже тяжа родится без крови»), то обѣ стороны, обвиняющая и обвиняемая — должны представить свидѣтелей, затѣмъ бросить жеребій, какой сторонѣ принимать присягу: данное подъ присягой показаніе и рѣшаетъ все дѣло. Въ заключеніе замѣтимъ, что количество штрафа, назначаемаго въ договорѣ за преступленія, какъ разъ совпадаетъ съ тѣмъ, которое положено за тѣ же преступленія въ Русской Правдѣ; въ этомъ отношеніи справедливо сказано въ лѣтописи, что договоръ Ярослава данъ Варягамъ на всей волѣ новгородской.

ГЛАВА III.

Со второй половины XII вѣка въ прибалтійскій край энергически направляется нѣмецкая колонизація. Въ короткое время по всему юговосточному берегу побережью Балтійскаго моря разливается нѣмецкая жизнь; отъ Голландіи до Эстляндіи звучитъ нѣмецкая рѣчь, всюду виденъ предпріимчивый нѣмецкій колонистъ. Главный пріютъ этой жизни составляютъ города, выростающіе очень быстро; такъ отъ 1170 по 1250 годъ, слѣдовательно менѣе чѣмъ въ одно столѣтіе, на пространствѣ приблизительно въ 250 миль, явились слѣдующіе города: Ростокъ, Рига, Стральзундъ, Ревель, Кульмъ, Торнъ, Маріенвердеръ, Данцигъ, Эльбингъ, Висмаръ, Грейфсвальдъ, Мемель, Перновъ и Кенигсбергъ [1]). Находясь при морѣ и устрояя свою внутреннюю жизнь преимущественно по любецкому праву города быстро богатѣли чрезъ свою промышленность и торговлю, служа въ тоже время опорой дѣлу обращенія туземцевъ въ католичество и подчиненія ихъ нѣмецкому господству. И правъ рижскій архіепископъ, который выразился о купцахъ, что послѣ Бога они всего болѣе помогли обращенію къ вѣрѣ Лифляндіи, Эстляндіи, Курляндіи и Пруссіи [2]). За купцами наибольшую услугу тому же дѣлу оказало духовенство. Лица съ характеромъ болѣе идеальнымъ были одушевлены желаніемъ проповѣди среди язычествующихъ балтійскихъ Славянъ, Литовцевъ, Ливовъ и Эстовъ; нѣкоторые простирали свою ревность и на схизматиковъ Русскихъ, которыхъ также хотѣли привести въ лоно католической церкви. Болѣе практичные духовные видѣли впереди основаніе новыхъ епархій и полученіе доходовъ съ новообращенной паствы. Въ помощь рижской каѳедрѣ и для

---

[1]) *K. Schlötzer.* Die Hansa und der deutsche Ritterorden in Ostseeländer, s. 25—27, 1851.

[2]) *Bunge.* LEK Urk. I, № 440: „omnes terrae supradictae maxime post deum ope mercatorum ad fidem catolicam sunt conversae“ (рижскій архіепископъ Іоаннъ въ привилегіи купцамъ 1275 г.).

болѣе вѣрной ея поддержки противъ язычниковъ и схизматиковъ былъ учрежденъ ливонскій орденъ Меченосцевъ, вскорѣ соединившійся съ орденомъ въ Пруссіи. Наконецъ тоже воинственное стремленіе на востокъ выказываютъ Датчане и Шведы. Такой напоръ цѣлаго тевтонскаго племени требовалъ немалаго напряженія силъ со стороны славянскаго, литовскаго и финскаго племенъ для его отраженія; однако этотъ напоръ вовсе не былъ подавляющимъ, и если бы Новгородъ и Псковъ съ одной стороны и полоцкіе князья съ другой встрѣтили пришельцевъ съ большимъ единодушіемъ, и лучше сумѣли воспользоваться силами финскихъ и литовскихъ племенъ, доведенныхъ до отчаянія наступавшими Нѣмцами, то конечно послѣдніе неуспѣли бы утвердиться въ прибалтійскомъ краѣ, и потомъ грозить безопасности русскихъ земель. Но именно этого единодушія со стороны западныхъ русскихъ городовъ и недоставало: напротивъ весьма рано обнаружилась рознь Новгорода и Пскова какъ въ отношеніи Нѣмцевъ, такъ и между собой. Въ 1229 году великій князь Ярославъ Всеволодовичъ собрался въ походъ на Ригу, и уже привелъ полки изъ суздальской земли; но Псковичи, испугавшись силы Ярослава, и нежелая ссориться съ Нѣмцами, которые въ случаѣ розмирья нападали прежде всего на псковскую волость, поспѣшили заключить миръ съ Ригой, причемъ выговорили себѣ помощь Нѣмцевъ на тотъ случай, если бы великій князь обратилъ свои силы на Псковъ [3]); затѣмъ послали сказать Ярославу и Новгородцамъ: «кланяемся тебѣ, князь, а къ намъ неходи; мы взяли миръ съ Рижанами, и въ походъ съ вами непойдемъ: ходили вы Колываню и Кеси, взяли серебро, правды неучинили, а затѣмъ воротились въ Новгородъ, только раздраживши Нѣмцевъ, которые за то избили нашу братью, а иныхъ взяли въ полонъ; если вы и тепе́рь такъ надумали, то мы будемъ противъ васъ со святою Богородицей [4]). Слыша такія рѣчи Новгородъ отказался идти съ Ярославомъ на Ригу. и князь

---

[3]) П. С. Р. Л. III, 43: „слышавше Пльсковици, яко приведе Ярославъ полкы, убоявшеся того взяша миръ съ Рижаны, Новъгородъ выложивъше, а ркуче: то вы, а то Новгородци, а намъ ненадобе, но оже поидуть на насъ, то вы намъ помозите, и они рекоша: тако буди“.

[4]) Тамже, IV, 178, 1228.

былъ принужденъ распустить свои полки. По указаннымъ причинамъ т. е. изъ боязни быстрыхъ нападеній Нѣмцевъ на свою землю и сомнительности выгодъ отъ совмѣстнаго участія съ Новгородцами, Псковичи были расположены соблюдать миръ съ Нѣмцами очень строго, и даже помогали имъ въ походѣ на Литву 1237 года [5]). Въ послѣдующее время рознь Новгорода и Пскова неоднократно высказывалась весьма рѣзко: Новгородъ далеко на всегда поддерживалъ Псковъ противъ Ордена, особливо когда сталъ замѣчать въ своемъ пригородѣ стремленіе къ независимости, — и не разъ псковскій лѣтописецъ, повѣствуя о нападеніи Нѣмцевъ, горько жалуется, что Новгородцы непомогли Пскову [6]). Вслѣдствіе того Псковъ начинаетъ ближе держаться князей литовскихъ, что крайне смущаетъ Орденъ; при Гедиминѣ, когда тотъ владѣлъ Полоцкомъ и Витебскомъ, когда подручникомъ ему былъ смоленскій князь Иванъ Александровичь, когда наконецъ во Псковѣ сидѣлъ литовскій князь Давыдъ, также подручный Гедимину, Орденъ такъ встревожился, что поспѣшилъ вступить съ Новгородомъ въ союзъ, направленный противъ литовскаго князя и всѣхъ его сторонниковъ, въ томъ числѣ и противъ Пскова. Въ силу этого союза, который обозвали вѣчнымъ (ewige vorbindige), Новгородъ и Орденъ обязались помогать другъ другу въ войнѣ противъ Литвы, и незаключать съ нею отдѣльнаго мира безъ вѣдома другъ друга. «И если — говорилось въ договорѣ — Псковичи неотстанутъ отъ Литовцевъ, то мы, Орденъ, должны помогать Новгородцамъ, и вмѣстѣ съ ними воевать на Псковичей, покуда тѣ непридутъ въ подданство Новугороду» [7]).

---

5) Тамже, III, 50, 1237.

6) Вотъ два примѣра: „гонци мнози гоняху отъ Пскова къ князю великому Юрью и къ Новугороду со многою печалію и тугою; а въ то время притужно бяше вельми Пскову, а князь великій Юрьи и Новогородци непомогоша“; П. С. Р. Л. IV, 184, 1323. — Во время нападеній Нѣмцевъ на псковскую и новгородскую область въ началѣ XV вѣка „Новгородци всего того небрегоша Псковичемъ въ перечину, а Псковичи много челомъ биша Новугороду, а Новогородци непомогоша Псковичемъ нимало“. Тамъ же, 200, 1409.

7) *Bunge*, LEK. Urk. II, № 68[illegible]: „were och dat also, dat de Plescowere van den Lettowen nicht laten ne wolden, so scolde wi den Nowgarderen helpen dar to, und orlogen also lange mit den Nowgarderen und

При Витовтѣ отношенія по видимому измѣняются: сохранился договоръ литовскихъ князей съ Орденомъ, по которому они отказывались отъ всѣхъ завоеваній, какія сдѣлаетъ Орденъ въ псковской землѣ одинъ или съ помощью Литовцевъ [8]). Но едва ли можно вѣрить искренности этого договора; по всей вѣроятности хитрый Витовтъ давалъ Ордену волю воевать Псковъ только для того, чтобы удобнѣе потомъ отнять это завоеваніе въ свою пользу; да и сами Псковичи въ крайнемъ случаѣ скорѣе признали бы власть литовскаго князя, чѣмъ нѣмецкаго Ордена. Къ розни политической и церковной, разъединявшей Новгородъ и Псковъ и ослаблявшей ихъ силы, нужно прибавить ихъ торговое соперничество. Ни въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ договоровъ Новгорода съ Ганзой нѣтъ упоминанія о Псковѣ, — явный знакъ, что пригородъ Псковъ торговалъ и договаривался съ Нѣмцами на собственной волѣ гораздо раньше того времени, когда Новгородъ призналъ Псковъ своимъ молодшимъ братомъ. Мы видѣли, какъ въ 1229 году Псковичи въ договорѣ съ Ригой «выложили» Новгородцевъ; съ своей стороны Новгородцы при заключеніи договора съ Ганзой въ 1392 году «вымирили» Псковичей [9]). Правда послы псковскіе иногда бываютъ въ Новгородѣ по дѣламъ нѣмецкой торговли, а Новгородцы иногда принимаютъ посредничество для примиренія Пскова съ Нѣмцами; но это посредничество обыкновенно было мало успѣшно. Въ 1436 году Псковичи аресто-

---

se mit uns up de Pleschowere bet se den Nowgarderen underdanich werden". — Договоръ заключенъ въ Генварѣ 1323 года при владыкѣ Давыдѣ, посадникѣ Варѳоломеѣ и тысяцкомъ Абрамѣ.

[8]) Рус. Лив. А. № 138: „terrae et dominia Rutenorum de Plescow qualitercunque per nos, siue per ipsum Ordinem, conjunctim aut divisim acquisitae fuerint, aut alias qualitercunque devenerint solus Ordo easdem perpetuo obtineat impediemus" (Свитригайло договаривается съ Орденомъ въ 1402 году по примѣру Витовта).

[9]) П. С. Р. Л. IV, 194: „пріѣхаша послы нѣмецкіе въ великій Новгородъ миру имати съ Новымгородомъ великимъ, и взяху Новгородци миръ съ Нѣмци, а Псковичь вымирили вонъ, и взяху Псковичи миръ особѣ". Въ договорѣ Новгорода съ Орденомъ 1482 года условлено: „а во псковскомъ дѣлѣ посла и гостя непорубати новгородского Нѣмцомъ, а въ новгородскомъ дѣлѣ посла и гостя непорубати псковского". Сборникъ *Муханова*, № 27 (изд. 2, 1866). Такое условіе ставили конечно еще раньше.

вали у себя ганзейскихъ купцовъ въ количествѣ 24-хъ лицъ; въ то время какъ въ Новгородѣ лѣтомъ того года жили ганзейскіе послы и вели тамъ переговоры о разныхъ дѣлахъ, туда же прибыли псковскіе послы, — посадникъ Юрій самъ четвертъ. Посадникъ началъ жаловаться новгородскимъ и ганзейскимъ уполномоченнымъ, что псковскіе купцы были ограблены въ области дерптскаго епископа, посажены подъ арестъ и побиты; ганзейскіе послы отвѣчали, что это дѣло до нихъ некасается, такъ какъ они не имѣютъ ни какихъ приказаній отъ дерптскаго епископа, присланы въ Новгородъ не отъ него и не для такого дѣла, впрочемъ спросили съ своей стороны: а по какой причинѣ Псковичи схватили нѣмецкихъ гостей и держатъ ихъ въ тяжкомъ заключеніи? Посадникъ отвѣчалъ: по той причинѣ, что псковскіе купцы были побиты, взяты въ плѣнъ и ограблены въ землѣ дерптскаго епископа, на что Нѣмцы по прежнему возражали, что имъ нѣтъ дѣла до дерптскаго епископа. Спустя недѣлю послѣ этого препирательства ганзейскіе послы начали просить Новгородъ о примиреніи ихъ со Псковомъ: «тогда мы стали — пишутъ послы въ своемъ отчетѣ — говорить Новгородцамъ о Псковичахъ, которыхъ они считаютъ своими младшими братьями [10]), чтобы уговорили ихъ освободить нѣмецкихъ купцовъ, которыхъ вопреки божеской правдѣ и крестоцѣлованію они схватили съ товарами и держатъ въ плѣну». Новгородъ согласился, и около петрова дня отправилъ своихъ пословъ во Псковъ переговорить по дѣлу Нѣмцевъ; но спустя двѣ недѣли посольство воротилось безъ успѣха: ибо Псковичи непріняли благословенія владыки и новгородскаго слова, и Нѣмцевъ не освободили [11]). До какой степени доходило торговое соперничество между Новгородомъ и Псковомъ видно напримѣръ изъ слѣдующаго обстоятельства: въ одномъ письмѣ отъ начала XV вѣка Новгородъ зоветъ къ себѣ ревельскихъ

---

[10]) Любопытно, что Нѣмцы усвоили себѣ это русское понятіе: „sprеke wy als van den Plescauweren, *de se vor ore jungesten brodere heilden*“ *Ropp*, Hanserecesse, s. 517.

[11]) Ibid. s. 518: „also were Naugarden bode wedder kommen unde de Plescauwer, ore jungeste brodere, wolden des ertzebisscobes van Naugarden zegeninghe unde groten Nougarden woert nicht nomen, so dat se Dutzschen loesleten“.

купцовъ, прося ихъ ѣхать прямо въ Новгородъ, а не на Псковъ: «а гостю братьи вашеи хто поѣдетъ въ великій Новгородъ и вы имъ велите ѣхати новгородчкимъ путемъ, а на Псковъ имъ пути нѣтъ» [12]). Конечно Нѣмцы понимали это соперничество, и умѣли имъ пользоваться къ своей выгодѣ. Ко всему этому нужно присоединить разладъ и борьбу партій внутри Новгорода и Пскова, доходившую до того, что вожаки партій вступали въ дружбу съ Нѣмцами, чтобы доставить перевѣсъ себѣ и своей партіи, какъ поступилъ напримѣръ Твердило Иванковичъ, измѣннически предавшій Псковъ Нѣмцамъ въ 1240 году [13]). Вообще у вождей партій незамѣтно ни прочно опредѣленной политики по отношенію къ Нѣмцамъ, ни предусмотрительности: за близорукость ихъ достаточно говоритъ то обстоятельство, что они находили возможнымъ вступать въ союзы съ Орденомъ, направленные противъ своихъ же братьевъ. Конечно великій князь могъ бы примирить партіи и соединить всѣ силы Новгорода и Пскова противъ ихъ враговъ, какъ это было напримѣръ при Александрѣ Невскомъ; но власть великаго князя въ этихъ городахъ была сильно ограничена; въ частности чтобы не дать князю усилиться во время войны опираясь на военную партію, Новгородъ лишаетъ его права начинать войну: «а безъ новгородьского ти слова, княже войны не замышляти» [14]). Взявъ все это въ соображеніе мы поймемъ, какъ Нѣмцы могли утвердиться въ прибалтійскомъ краѣ, несмотря притомъ на внутренній разладъ, обнаружившійся въ ихъ собственной средѣ. Съ первыхъ же поръ духовенство Лифляндіи вступило въ ожесточенную вражду съ Орденомъ изъ-за полученія доходовъ съ новообращенныхъ туземцевъ, вообщее изъ-за верховнаго надъ ними вліянія; съ другой стороны Орденъ подъ предлогомъ распространенія вѣры старался увеличить свои владѣнія чрезъ постоянныя войны съ язычниками и схизматиками, что существенно препятствовало какъ проповѣди ка-

---

[12]) По одной рукоп. Румянцев. музея эти слова приводитъ г. *Аристовъ*, Промышл. др. Руси, стр. 201.

[13]) П. С. Р. Л. IV, 179, 1240: „бяху перевѣтъ держали съ Нѣмци Плесковичи, подвелъ Твердила Иванковичь съ нимѣ, а самъ нача владѣти Псковомъ съ Нѣмцы, воюя села Новгородцкія“.

[14]) Собр. Гос. Гр. и Догов. I, № 8.

толической, такъ равно и мирной торговлѣ горожанъ; кромѣ того рыцари требовали у городовъ людей и денегъ на веденіе войны, вообще старались и надъ ними распространить свою власть. Между самими городами существовала большая рознь: такъ и Рига и лифляндскіе города стремились присвоить въ свое вѣденіе торговлю по западной Двинѣ, и вытѣснить оттуда ганзейскихъ купцовъ, въ тоже время домогаясь увеличить свое вліяніе на дѣла новгородской конторы. Такимъ образомъ таже рознь интересовъ, тоже стремленіе вступать въ отдѣльные договоры, заключать отдѣльные миры, «sunderliche vriede» постоянно существуютъ и среди Нѣмцевъ, хотя эта рознь между ними значительно меньше, чѣмъ Русскими; по крайней мѣрѣ противъ Новгорода и Пскова они дѣйствовали съ гораздо большимъ согласіемъ, чѣмъ тѣ противъ нихъ.

При такомъ положеніи дѣлъ торговыя сношенія Новгорода съ Ганзой становились чрезвычайно усложненными, — и для обѣихъ сторонъ нужно было не мало времени и хлопотъ, чтобы согласить всѣ частные интересы. Лифляндскіе Нѣмцы хотѣли собственныхъ выгодъ въ ущербъ общей Ганзѣ; съ другой стороны у Русскихъ выходили постоянныя столкновенія съ Орденомъ и лифляндскими городами, которыя весьма невыгодно отзывались на ганзейскихъ купцахъ въ Новгородѣ. А тутъ Данія и Швеція хотѣли преслѣдовать относительно Русскихъ свои особенные виды: Швеція не только хотѣла овладѣть землей Еми и Кореловъ въ Финляндіи, но и претендовала на главный торговый путь Новгорода и Ганзы, т. е. на берега Невы и Финскаго залива, что для торгующихъ сторонъ создавало новыя затрудненія и хлопоты. Чтобы осмотрѣться среди этихъ сложныхъ отношеній считаемъ удобнымъ разсмотрѣть порознь: во первыхъ торговлю Риги и лифляндскихъ городовъ въ области западной Двины, верхняго Днѣпра и въ Новгородѣ; во вторыхъ разсмотрѣть, какое вліяніе на ходъ русско-ганзейской торговли оказывали Орденъ, Данія и Швеція.

Съ половины XII вѣка готландскіе купцы начали посѣщать устье западной Двины, какъ показываетъ древняя ливонская хроника. Съ купцами стали пріѣзжать и проповѣдники католической вѣры; первымъ былъ августинскій монахъ Мейнгардъ, построившій съ позволенія князя полоц-

каго церковь и замокъ въ Икскулѣ; въ 1188 году онъ былъ уже епископомъ небольшой паствы въ Икскулѣ. Его преемникъ епископъ Бертольдъ палъ въ сраженіи съ Ливами, нехотѣвшими принимать новой вѣры. Но третій епископъ Альбертъ, одинъ изъ знаменитыхъ людей своего вѣка, повелъ дѣло обращенія туземцевъ въ католичество съ чрезвычайной энергіей; получа отъ папы полномочіе проповѣдывать крестовый походъ въ Ливонію, онъ почти ежегодно былъ въ Германіи, и каждый разъ возвращался оттуда съ многочисленными пилигриммами. Строились зàмки и церкви; туземцевъ крестили и облагали оброкомъ. Спеціально въ подмогу церкви былъ учрежденъ въ 1201 году военно-монашескій орденъ Меченосцевъ; въ томъ же году было положено основаніе городу Ригѣ, причемъ основатель принялъ во вниманіе удобство мѣстности для торговой пристани [15]). Одинъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ епископа Дитрихъ, впослѣдствіи цистеріанскій аббатъ, еще до заложенія Риги хлопоталъ передъ папой о запрещеніи купцамъ ѣздить мимо новаго города къ устью рѣки Аа (Semigall-Aa); запрещеніе клонилось къ той цѣли, чтобы сдѣлать изъ Риги принудительный рынокъ. Общее нѣмецкое купечество на Готландѣ подтвердило это распоряженіе, и само оказывало содѣйствіе при построеніи новаго города. Такое участіе готландскаго купечества въ этомъ дѣлѣ наводитъ на мысль, что оно и прежде обращало вниманіе на торговлю при устьѣ Двины, и что бременскіе купцы ѣздили туда съ вѣдома всего купечества, потому что они сами составляли часть этого купечества, какъ это видно изъ смоленскаго договора 1229 года. Важно и то обстоятельство, что епископъ Альбертъ пожаловалъ Ригѣ готландское право, и та съ первыхъ же поръ стала выбирать себѣ особеннаго фогта. Въ 1211 году епископъ далъ готландскому купечеству слѣдующую важную привилегію: всѣ купцы, особенно готландскіе — говоритъ онъ — плаваютъ по Двинѣ безпошлинно; всѣ гавани Лифляндіи считаются вольными; ни одинъ рижскій гражданинъ, или нѣмецкій купецъ

---

[15]) *Scriptores rerum Livonicarum* I, B. 1, 1853, s. 74: „eadem estate in campo spatioso, juxta quem portus navium esse poterat, Riga civitas aedificatur".

не обязанъ носить горячаго желѣза, или вступать по принужденію на судебный поединокъ; имущество потерпѣвшихъ кораблекрушеніе никто не смѣетъ отнимать у нихъ; убійца можетъ откупиться за свое преступленіе сорока марками серебра [16]). Въ 1226 году въ Ригѣ былъ учрежденъ городской ратъ,—знакъ, что община, спустя четверть вѣка послѣ своего основанія, достигла уже значительной степени развитія. Изъ этого новаго города и начались живыя торговыя сношенія съ Полоцкомъ, Витебскомъ и Смоленскомъ.

Первыя свѣдѣнія о торговлѣ рижскихъ Нѣмцевъ съ Русскими сообщаются въ хроникѣ Генриха Лотыша; по его словамъ, еще до основанія Риги нѣмецкіе купцы однажды ѣхали отъ устья Двины во Псковъ по зимнему пути, но около Юрьева были ограблены Унганніями, однимъ эстонскимъ племенемъ [17]). Въ годъ основанія Риги одинъ купецъ спускался внизъ по Двинѣ, намѣреваясь проплыть мимо Риги, но тутъ былъ задержанъ рижскими Нѣмцами, и въ произшедшей ссорѣ убитъ вмѣстѣ съ кормчимъ, послѣ чего остальные люди на суднѣ принуждены были воротиться обратно [18]). Вообще въ то время, при всеобщемъ возстаніи Ливовъ, Эстовъ и Лотышей, и при враждѣ, какую съ перваго раза Русскіе оказали къ Нѣмцамъ, нелегко было вести торговлю. «Въ то время—говоритъ Генрихъ Лотышъ—церковь ливонская находилась въ угнетеніи отъ русскихъ и литовскихъ племенъ, которыя намѣревались ее уничтожить; а посему Рижане опредѣлили послать къ князю полоцкому освѣдомиться, нельзя ли будетъ заключить миръ на какихъ нибудь условіяхъ; для сего былъ посланъ Рудольфъ Эрихъ съ нѣсколькими другими лицами». Но такъ какъ это посольство недостигло Полоцка — ибо на пути было вовлечено въ битву съ Эстами у Вендена — «то посланъ былъ Арнольдъ, братъ воинства Христова (рыцарь) къ князю полоцкому для того,

---

[16]) *Bunge*, LEK. Urk. I, № 20.—Въ 1225 году епископъ также говорилъ о себѣ папскому легату: „consessit civibus in genere jus Gotorum, et specialiter libertatem a duello, teloneo, candente ferro et naufragio. *Ibidem.* № 75.

[17]) Script. rer. Livon. I, B. 1, S. 118.

[18]) Ibid. S. 74. — Очень вѣроятно, что это былъ русскій купецъ изъ Полоцка: *Bonnel*, Rus. Livländ. Chronographie, Commentar. S. 45.

чтобы этотъ послѣдній заключилъ миръ и открылъ рижскимъ купцамъ свободный путь въ свою землю. Князь принялъ ихъ ласково, хотя не безъ тайнаго коварства; вмѣстѣ съ ними онъ отправилъ Лудольфа изъ Смоленска, мужа благоразумнаго и весьма богатаго; всѣ вмѣстѣ они пришли въ Ригу, и изложили условія князя, которыя понравились Рижанамъ; тогда между княземъ и Ригой былъ заключенъ вѣчный миръ, но съ тѣмъ условіемъ, что Ливы, или вмѣсто нихъ епископъ должны давать дань князю полоцкому; и всѣ возрадовались, тѣмъ болѣе, что теперь стало возможно воевать съ Эстами и другими сосѣдними племенами» [19]). Въ этомъ первомъ торговомъ договорѣ Русскихъ съ Ригой 1210 года по всей вѣроятности участвовалъ и Витебскъ, судя по его всегдашней близкой связи съ Полоцкомъ, а также и Смоленскъ; на участіе послѣдняго указываетъ упомянутый выше нѣмецкій купецъ Лудольфъ изъ Смоленска, который, судя по его прозванію, часто бывалъ въ Смоленскѣ по дѣламъ торговли [20]). Вѣроятно онъ получилъ полномочіе для заключенія договора отъ князя Мстислава Романовича, княжившаго въ то время въ Смоленскѣ (1197—1212 г.). Что Нѣмцы въ его княженіе уже торговали въ Смоленскѣ, видно изъ договора, заключеннаго съ Нѣмцами его сыномъ, неизвѣстнымъ по имени смоленскимъ княземъ около половины XIII вѣка, въ которомъ этотъ князь ссылается на порядки, существовавшіе при его отцѣ Мстиславѣ Романовичѣ [21]). Чрезъ два года по заключеніи договора полоцкій князь назначилъ рижскому епископу свиданіе близъ Герцике; по словамъ Генриха Лотыша, описавшаго это свиданіе съ живыми подробностями, полоцкій князь Владиміръ началъ убѣждать и грозить епископу, чтобы онъ отсталъ отъ проповѣди и крещенія Ливовъ, его подданныхъ, которыхъ онъ, князь, воленъ крестить, или оставить вовсе некрещеными: ибо — замѣчаетъ лѣтописецъ — русскіе князья неимѣютъ обычая обра-

---

[19]) Scriptor. rer. Livon. I, B. 1, 144—146.

[20]) Это соображеніе принадлежитъ г. *Кунику*: Рус. Лив. А. стр. 405.

[21]) Рус. Лив. А. стр. 452: „како то было при моемъ отци, при Мьстиславѣ при Романовици“.

щать къ христіанской вѣрѣ покоренныхъ язычниковъ, а только собираютъ съ нихъ дань. На это епископъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ отказаться отъ предпріятія, возложеннаго на него св. отцомъ папой; Владиміръ разсердился,—и дѣло едва недошло до столкновенія людей, бывшихъ въ свитѣ князя и епископа. Но потомъ помирились на слѣдующихъ условіяхъ: князь полоцкій отказался отъ своихъ верховныхъ правъ на Ливонію, а противъ Литовцевъ и другихъ язычниковъ заключилъ съ епископомъ союзъ; что касается купцовъ, то по прежнему Двина объявлена свободною для ихъ плаваній. Почему князь полоцкій отказался отъ Ливоніи, Генрихъ необъясняетъ: быть можетъ князь находилъ труднымъ сопротивляться могуществу епископа, все больше возраставшему: а быть можетъ и ливонскій лѣтописецъ чего нибудь не договариваетъ, преувеличивая подвиги своего обожаемаго епископа [22]). Въ 1216 году Владиміръ снова разсорился съ Ригой; побуждаемый Эстами онъ собралъ большое войско изъ Полочанъ и Литвы, и хотѣлъ уже плыть для осады Риги, но входя на корабль нечаянно умеръ, въ чемъ ливонскій лѣтописецъ усматриваетъ для него небесную кару [23]). Какъ видно несогласія Русскихъ съ Нѣмцами продолжались съ тѣхъ поръ вплоть до времени калкской битвы; въ ливонской хроникѣ вслѣдъ за описаніемъ этой битвы говорится: «князь смоленскій, полоцкій и другіе русскіе князья отправили пословъ въ Ригу съ просьбой о заключеніи мира, который и былъ возстановленъ по всѣмъ статьямъ, какъ онъ существовалъ издавна» [24]). Долго ли сохранялся этотъ миръ, и долго ли шла безпрепятственно торговля съ Полоцкомъ и Смоленскомъ, неизвѣстно; вѣрно только, что договору 1229 года предшествовало «розлюбье», которое и было устранено этимъ знаменитымъ договоромъ.

Основатель Риги и ливонскаго ордена епископъ Альбертъ умеръ 17 Генваря 1229 года [25]). Вскорѣ послѣ его смерти, частію быть можетъ вслѣдствіе ея, между Смоленскомъ и Ригой начались мирные переговоры: смоленскій князь Мстиславъ

---

[22]) Scriptor. rer. Liv. I, B. 166—168.
[23]) Ibid. 198.
[24]) Ibid. 266.
[25]) *Bonnel.* Rus. Livl. Chronogr. Comment. S. 66.

Давыдовичъ [26]) отправилъ въ Ригу своего «лучшаго попа» Еремѣя и умна мужа Пантелѣя, сотскаго Смоленска, для заключенія торговаго договора; посредничество въ этомъ дѣлѣ приняли на себя рыцарь Раульфъ изъ Касселя и нѣмецкій купецъ Тумашъ смоленскій. Изъ Риги посольство отправилось на Готландъ для совѣщанія съ общимъ нѣмецкимъ купечествомъ, гдѣ и была составлена первоначальная редакція договорной грамоты; по возвращеніи въ Ригу написали другую окончательную редакцію договора, который былъ утвержденъ печатью всего купечества изъ слѣдующихъ городовъ: Висби, Любека, Сеста, Мюнстера, Гренингена, Дортмунда, Бремена и Риги. Съ русской стороны кромѣ Смоленска въ договоръ также включены Полоцкъ и Витебскъ [27]). По своей подробности и по важности внутренняго содержанія смоленскій договоръ 1229 года, или „мстиславова правда» есть важнѣйшій между всѣми древне-русскими памятниками этого рода. Договоръ начинается изложеніемъ уголовныхъ преступленій и штрафовъ, которыми можно было за нихъ откупаться: за убійство свободнаго человѣка платится вира въ 10 гривенъ серебра, или сорокъ гривенъ кунами, пѣнязями, т. е. чеканною монетою, которая вѣроятно приходила въ Смоленскъ путемъ нѣмецкой торговли; за убійство холопа полагается одна гривна серебра, а за ударъ ему—одна гривна кунъ; за членовредительство, напр. переломъ руки или выбитье глаза платится пять гривенъ серебра; за выбитый зубъ три гривны серебра, за ударъ палкой до кровавыхъ или синихъ пятенъ, и за раны безъ увѣчья платится полторы гривны серебра; за

---

[26]) У Давыда Ростиславича Смоленскаго было два сына Мстислава: старшій по просьбѣ Новгородцевъ сталъ ихъ княземъ съ 1184 года, но чрезъ три года былъ изгнанъ ими (П. С. Р. Л. III, 18—19). Младшій Мстиславъ-Өедоръ родился въ 1193 г. заключилъ договоръ съ Нѣмцами въ 1229 г. и умеръ въ 1230 году (П. С. Р. Л. II, 143; IV, 29). Новгородскимъ княземъ онъ никогда не былъ; поэтому соображеніе *Ризенкампфа* (d. deut. Hof zu Nowgor. S. 66), будто Мстиславъ Давыдовичъ, бывши въ Новгородѣ узналъ выгоды нѣмецкой торговли, и потомъ пожелалъ завести контору въ Смоленскѣ, становится неумѣстнымъ.

[27]) Семь договорныхъ грамотъ по двумъ редакціямъ — готландской и рижской—отлично изданы г. *Куникомъ* въ Русск. Лив. Ак. Прилож. I. Тексту предпослано весьма обстоятельное историко-критическое введеніе и описаніе всѣхъ грамотъ.

ударъ по уху, за драньe волосъ и за легкій ударъ палкой— три четверти гривны серебра; за убійство посла и священника и за оскорбленіе имъ во всѣхъ этихъ случаяхъ полагается двойной штрафъ. Этотъ подробный анализъ преступленій едвали былъ сдѣланъ заранѣе и *a priori;* скорѣе онъ указываетъ, что преступленія подобнаго рода въ дѣйствительности нерѣдко случались между пріѣзжими Нѣмцами и Смольнянами. За насиліе свободной женщинѣ виновникъ платитъ десять гривенъ серебра; за насиліе рабѣ, засвидѣтельствованное послухами, или женщинѣ, уже извѣстной легкостью поведенія, платится одна гривна серебра [28]). Лице, обвиняемое въ важныхъ уголовныхъ преступленіяхъ, нельзя вызывать противъ его воли на судъ Божій, а именно на испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ и судебный поединокъ; но поединки между самими иностранцами на чужой землѣ, напр. между Нѣмцами въ Смоленскѣ, стоятъ внѣ вѣденія мѣстной власти. О должникахъ и взысканіи долговъ договоръ содержитъ слѣдующія постановленія. Ни въ какомъ случаѣ нельзя держать должника подъ тяжкимъ арестомъ въ дыбѣ или погребѣ; но его можно посадить въ желѣза, если за него не будетъ поручителей; при взысканіи долговъ иностранный кредиторъ преимуществуетъ предъ туземнымъ и даже предъ самимъ княземъ: иностранецъ удовлетворяется прежде всѣхъ. Наслѣдникъ должника платитъ его долгъ. На судѣ должно доказывать свой искъ двумя свидѣтелями, землякомъ и чужестранцемъ; за самовольный и несправедливый арестъ должника или предполагаемаго преступника виновникъ платитъ три гривны. При взысканіи долга бываетъ слѣдующій порядокъ: кредиторъ извѣщаетъ о своихъ требованіяхъ власть, которая предварительно побуждаетъ должника къ расплатѣ; если это не подѣйствуетъ, то она должна дать пристава на должника; если приставъ не вытребуетъ долга впродолженіе недѣли, должникъ обязанъ представить за себя

---

[28]) Въ преступленія подобнаго рода купцы впадали очень естественно; они ѣздили въ чужестранныя конторы безъ женъ; браки же между купцами и туземными женщинами были строго запрещены. *Сарторій* (Gesch. des hans. Bund. II, S. 353) объ этомъ предметѣ замѣчаетъ: Ганза, какъ и папа, хорошо сознавала, что брачныя связи съ туземными женщинами тотчасъ же бы выдали всѣ купеческія тайны. Впрочемъ на Руси онѣ были совсѣмъ невозможны по разности вѣроисповѣданія.

поруку; въ случаѣ отсутствія таковой кредиторъ имѣетъ право взять должника къ себѣ на домъ, вѣроятно для заработки долга личнымъ трудомъ и услуженіемъ; кромѣ того онъ могъ посадить несостоятельнаго должника въ желѣза, или наконецъ обратить его въ холопство; но изъ холопства его имѣютъ право выкупить отдѣльныя лица или вся община [29]). Но чтобы избѣжать вмѣшательства толпы въ видахъ отмщенія за земляка и насильственнаго захвата товаровъ, постановляется общее правило: при всякихъ денежныхъ и торговыхъ тяжбахъ истецъ долженъ знать только истца. Другіе торговые порядки опредѣляются въ договорѣ слѣдующимъ образомъ. Прибывши на волокъ, находящійся между западной Двиной и Днѣпромъ, нѣмецкіе купцы должны увѣдомить о себѣ волоцкаго тіуна, а тотъ обязанъ немедленно послать артель волочанъ для перевозки Нѣмцевъ съ ихъ товарами и для сбереженія ихъ на пути отъ нападеній «погани», вѣроятно разбойничьихъ литовскихъ шаекъ. Если одновременно съ Нѣмцами на волокъ пріѣдутъ смоленскіе купцы, то нужно рѣшать жеребьемъ, кого везти впередъ; гости изъ другихъ русскихъ городовъ во всякомъ случаѣ перевозятся послѣ. Взявши товаръ волочане всѣ вмѣстѣ отвѣчаютъ за его пропажу на пути; предварительно нагрузки товаровъ на «кола» (телѣги) ихъ взвѣшиваютъ на особенныхъ вѣсахъ, данныхъ Нѣмцами; если эти вѣсы попортятся, ихъ нужно повѣрять другими, находящимися въ нѣмецкой церкви въ Смоленскѣ. По пріѣздѣ въ Смоленскъ нѣмецкіе купцы даютъ княгинѣ «поставъ частины» (полотна), а волоцкому тіуну — готскія перчатки въ награду за его хлопоты [30]). Какъ вознаграждались сами волочане въ договорѣ несказано: судя потому что волочане находятся подъ вѣденіемъ особеннаго княжескаго тіуна можно думать, что вся организація дѣла перевозки принадлежала князю, что поэтому онъ самъ или его тіунъ производили разсчетъ волочанамъ.

---

[29]) Рус. Лив. А. стр. 430: „аже Смолняне не дадуть ему (кредитору надъ должникомъ) воле, Смолняномъ самымъ платити долгъ тъ" (текстъ С).

[30]) „*Рукавицѣ пърстаты готьские*". Выраженіе „рукавицы перстатыя" постепенно сократилось въ „перстатки, перчатки. А такъ какъ вмѣсто „готскія" въ Новгородѣ и Смоленскѣ говорилось еще „варяжскія", то съ другой стороны выраженіе „рукавицы варяжскія" могло сократиться въ „*ва́ряжки, ва́реги*".

Были ли они жители волока, какъ думаетъ Карамзинъ [31]), или они пріѣзжали изъ Смоленска на волокъ къ извѣстному сроку по приказу тіуна, изъ грамоты невидно; во всякомъ случаѣ вѣрно, что они составляли изъ себя артель съ круговою порукой. Въ другихъ смоленскихъ договорахъ о волочанахъ уже неупоминается, а въ одной грамотѣ около 1300 года указывается, что для проѣзда отъ Витебска до Смоленска Нѣмцы нанимали иногда людей витебскаго князя, которые провожали ихъ чрезъ Двину и Касплю, потомъ волокомъ до Днѣпра [32]). Бывало и такъ, что нѣмецкіе купцы запасались проводниками въ самой Ригѣ: такъ въ 1213 году магистръ Ордена Фольквинъ провожалъ купцовъ вверхъ по Двинѣ, причемъ натолкнулся на толпу Литовцевъ, которыхъ и разсѣялъ [33]). Далѣе о торговлѣ договоръ мстиславовъ содержитъ слѣдующія постановленія. Иностранные купцы могутъ свободно торговать всякаго рода товарами, Нѣмцы въ Смоленскѣ, а Русскіе — въ Ригѣ, Визби и Любекѣ. Купленные Нѣмцами въ Смоленскѣ дворы съ принадлежащею къ нимъ землею (дворищами), а равно земля, находящаяся около нѣмецкой церкви (св. Маріи, какъ и на Готландѣ) должны состоять въ полномъ распоряженіи Нѣмцевъ, и князь смоленскій не можетъ ставить въ нихъ татарскихъ или иныхъ пословъ [34]). Главный предметъ закупки Нѣмцевъ въ Смоленскѣ былъ воскъ; торговые вѣсы, на которыхъ онъ взвѣшивался — такъ называемый вощный пудъ или капь — должны были повѣряться образцовыми вѣсами, находившимися въ православной и католической церквахъ. Нѣмцы могутъ свободно отъѣзжать изъ Смоленска въ другіе города безъ платы проѣзжихъ пошлинъ (мыта), но торговыя пошлины они платятъ въ слѣдующихъ размѣрахъ: отъ двухъ капій воску — одну куну, за купленную гривну золота — одну ногату, за серебро въ издѣліяхъ — одну куну, а за гривну серебра въ слиткѣ — только двѣ векши; за переплавку

---

[31]) Ист. Г. Р. III, стр. 128.

[32]) Рѣчка Каспля впадаетъ въ Двину нѣсколько выше Витебска; въ XIII вѣкѣ по ней плавали въ *учанахъ*, судахъ большого типа. Рус. Лив. А. стр. 27.

[33]) Script. rer. Liv. I, B. 1, s. 178.

[34]) Приписка о дворахъ находится при двухъ грамотахъ мстиславова договора по рижской редакціи, и вѣроятно сдѣлана около половины XIII вѣка, когда и Смоленскъ подпалъ подъ татарскую власть.

серебра платилась куна съ гривны [35]); но если Нѣмцы продаютъ золото и серебро въ Смоленскѣ, то они вовсе не платятъ вѣсовыхъ пошлинъ. Этѣ данныя объ обращеніи въ смоленской торговлѣ золота, серебра и серебряныхъ издѣлій доказываютъ, что тамошняя торговля была довольно обширна, и далеко уже немѣновая; видно, что Смоленскъ, находясь между Новгородомъ и Кіевомъ, на такомъ важномъ пути, какъ Днѣпръ, былъ значительнымъ по богатству и населенности городомъ; о населенности Смоленска свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что въ 1230—1231 г. въ немъ умерло отъ моровой язвы 32 тысячи жителей,—цифра весьма значительная, если даже предположить, что нѣкоторая часть умершихъ относится не къ одному городу, а и къ ближайшей его окрестности [36]). Какъ въ срединномъ пунктѣ между сѣверною и южною Русью въ Смоленскѣ обращались предметы торговли кіевской и новгородской; любопытное извѣстіе по этому предмету даетъ лѣтопись при описаніи свиданія между великимъ княземъ кіевскимъ Изяславомъ Мстиславичемъ и братомъ его Ростиславомъ смоленскимъ, причемъ они обмѣнялись другъ съ другомъ подарками: «Изяславъ да дары, что отъ рускыи землѣ и отъ всихъ царьскихъ земль, а Ростиславъ да дары, что отъ верьхнихъ земль и отъ Варягъ», т. е. новгородскихъ и заморскихъ [37]). Есть указаніе, что смоленскіе купцы проникали и въ суздальскую землю: такъ въ 1216 году Ярославъ Всеволодовичъ, потерпѣвъ пораженіе подъ Юрьевомъ, прибѣжалъ въ Переяславль и съ досады захватилъ новгородскихъ и смоленскихъ гостей, послѣднихъ въ числѣ 15 человѣкъ, и посадилъ ихъ въ погребъ [38]). Наконецъ по Двинѣ чрезъ Витебскъ и Полоцкъ Смольняне производили торговлю съ Нѣмцами, которая несомнѣнно для нихъ была очень важна, и которая длилась хотя и съ перерывами во все продолженіе XIII—XV вѣковъ, причемъ обѣ стороны — Смоленскъ и Рига — старались придерживаться знаменитой мстиславской правды 1229 года. Такъ

---

[35]) Смоленская гривна серебра = 4 грив. кунъ = 80 ногатамъ = 200 кунамъ = 1920 векшамъ. *Прозоровскій*, монета и вѣсъ въ древней Россіи (Зап. Археол. общ. кн. XII).

[36]) П. С. Р. Л. IV, 29.

[37]) Тамже, II, 39, 1148.

[38]) Тамже, IV, 25, 1216.

около половины XIII ст. договоръ Мстислава съ Нѣмцами былъ подтвержденъ неизвѣстнымъ по имени смоленскимъ княземъ, сыномъ Мстислава Романовича [39]). Въ существенныхъ чертахъ этотъ возобновленный договоръ сходенъ съ правдою 1229 года, но редакція его статей отличается особенной ясностью; нѣкоторыя изъ нихъ выражены какъ будто съ намекомъ, что именно онѣ были нарушены, что изъ-за нихъ и нужно было возобновить договоръ. Такъ въ самомъ началѣ грамоты говорится, что мѣста на корабляхъ должны быть вольныя для Смольнянина и Нѣмца: какъ видно Нѣмцы невсегда охотно брали Русскихъ на свои суда, или взявши оказывали имъ на пути разныя притѣсненія; въ концѣ внесена статья, установляющая штрафъ за вырванье бороды боярину или куноемцу (тіуну), по всей вѣроятности вызванная какимъ нибудь недавнимъ случаемъ въ этомъ родѣ. Двѣ новыя статьи особенно любопытны; по одной князь выговариваетъ себѣ право вѣдать отъѣздъ гостей въ другія земли, какъ это бывало при его отцѣ Мстиславѣ Романовичѣ и братѣ Мстиславѣ: «о немъ (отъѣздѣ) ся прошати, а мнѣ ѐ по думѣ пущати»; это право станетъ понятно при томъ предположеніи, что князь обѣщался давать Нѣмцамъ проводниковъ на волокъ и въ сосѣднія княжества. Въ концѣ грамоты князь Мстиславичъ дѣлаетъ оговорку, что онъ не будетъ разбирать ссоръ между Нѣмцами и людьми того князя, который бы въѣхалъ въ Смоленскъ, а также ссоръ Нѣмцевъ съ гостями изъ другихъ русскихъ городовъ [40]). Что это за князь, который бы могъ въѣхать въ Смоленскъ, имѣется ли тутъ въ виду обыкновенное посѣщеніе смоленскаго князя какимъ нибудь его родственникомъ или сосѣдомъ, или враждебное нападеніе кого нибудь на Смоленскъ и временный его захватъ, сказать не легко: быть можетъ не-указывается ли здѣсь на раздѣленіе Смоленска между нѣсколькими князьями, изъ коихъ каждый «держалъ тіуна на своей части» и бралъ доходы каждый со своей трети? Что Смоленскъ подобно Москвѣ, Твери и Рязани былъ дѣлимъ князь-

[39]) Рус. Лив. А. стр. 451—453, Прилож. II.

[40]) Рус. Лив. А. стр. 453: „аже въѣдеть братъ мои которыи въ Смольньскъ, а учинится вамъ свада съ ихъ мужьми, вамъ ся вѣдати с ними самѣмъ; или гость не которое земле придеть въ мои Смольньскъ, а будѣть вы с нимь свада, а вѣдайте ся съ ними сами“.

ями на части, на это указываетъ прямо лѣтопись подъ 1054 годомъ: «по семъ — говоритъ она о братьяхъ Ярославичахъ — раздѣлиша Смоленскъ на три части [41]); въ такомъ случаѣ дѣло было бы понятно: князь отклоняетъ отъ себя разборъ тяжебныхъ дѣлъ, происходящихъ не въ его части города, а у другаго его совладѣтеля. Что касается до неподсудности князю дѣлъ между Нѣмцами и купцами другихъ русскихъ городовъ, то это обстоятельство, по нашему мнѣнію, указываетъ на существованіе въ Смоленскѣ особеннаго купеческаго суда наподобіе торговаго суда иванскаго купечества въ Новгородѣ. Въ самомъ дѣлѣ значительная торговля Смольнянъ должна была повести къ организаціи ихъ въ купеческія общества или купечества съ собственнымъ судомъ и самоуправленіемъ; намеки на это можно видѣть въ договорѣ 1229 года, при заключеніи котораго, какъ мы видѣли, интересы городскаго купечества представлялъ сотскій Пантелѣй; въ договорѣ князя Мстиславича ясно различаются его собственные люди и Смольняне [42]); наконецъ въ Смоленскѣ не меньше Новгорода было развито сильное вѣче, иногда вступавшее съ княземъ въ рѣзкое несогласіе [43]). Поэтому со стороны общей возможности нѣтъ препятствій признать независимость первостатейнаго смоленскаго купечества отъ суда княжескаго; что такое купечество должно было устроиться въ Смоленскѣ слѣдуетъ думать и потому, что Смоленскъ въ обоихъ договорахъ выговариваетъ себѣ право заморскихъ поѣздокъ на Готландъ и въ Любекъ; осуществленіе же этихъ поѣздокъ иначе могло быть, какъ при организаціи особеннаго общества купцовъ, вносящихъ извѣстный вкладъ на постройку учановъ, на издержки плаванія и тому подобныя общія нужды; вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо допустить, что это купечество имѣло право суда какъ по своимъ собственнымъ дѣламъ, такъ и по дѣламъ гостей, пріѣзжающихъ въ Смоленскъ изъ другихъ русскихъ го-

[41]) П. С. Р. Л. V, 139.

[42]) Рус. Лив. А. стр. 453: „тоже есмь с вами рядъ свой докопьчалъ *про свое муже, и про свое Смоляны*".

[43]) П. С. Р. Л. III, 19, 1186: „въстань бысть Смоленьскѣ промежи князьмъ Давыдомъ и Смоляны, и много головъ паде луцьшихъ мужь". Въ концѣ XIV и началѣ XV в. въ Смоленскѣ какъ и въ Новгородѣ сильно боролись партіи русская и литовская; эта борьба облегчила Витовту покореніе города.

родовъ, но не Нѣмцевъ: тяжбы ихъ съ Смольнянами разбиралъ самъ князь, или его бояре и тіуны. Впрочемъ въ договорахъ послѣдующаго времени неупоминается ни о заморскихъ Нѣмцахъ, ни о поѣздкахъ Смольнянъ въ Любекъ и на Готландъ: такъ договорная грамота Өедора Ростиславича Чернаго 1284 года писана только на имя рижскаго архіепископа и другихъ рижскихъ властей [44]). Другая грамота этого князя любопытна въ томъ отношеніи, что указываетъ на практическое примѣненіе закона о несостоятельныхъ должникахъ: въ томъ же 1284 году князь разбиралъ дѣло Нѣмца Бирела и Армановича о нѣмецкомъ колоколѣ, причемъ оказалось, что Бирель правъ, а Армановичъ виноватъ, и какъ несостоятельный должникъ былъ выданъ и съ дворомъ своимъ Нѣмцамъ; невидно впрочемъ, какимъ образомъ колоколъ сталъ предметомъ тяжбы между Бирелемъ и Армановичемъ; неизвѣстно также, былъ ли это обыкновенный колоколъ, или колоколъ—вѣсы, о которыхъ упоминается въ договорѣ Полоцка съ Ригой 1407 года [45]). Къ самому концу XIII вѣка относится договоръ смоленскаго князя Александра Глѣбовича, который «хочетъ съ Нѣмцами такой же любви, въ какой находились его отецъ и дядя» Глѣбъ и Өедоръ Ростиславичи, и обѣщаетъ имъ чистый путь до Смоленска; свою грамоту онъ посылаетъ на имя только рижскаго рата, вовсе умалчивая объ епископѣ и магистрѣ Ордена; тотъ же князь сполна подтвердилъ договоръ 1229 года посредствомъ надписи на одномъ экземплярѣ мстиславской правды [46]). Однако сомнительно, чтобы Смольняне воспользовались правомъ поѣздокъ въ Любекъ и на Готландъ, а заморскіе Нѣмцы сравнялись въ правахъ смоленской торговли съ рижскими купцами, какъ бы то слѣдовало по договору 1229 года; дѣло въ томъ, что съ конца XIII вѣка Рига получаетъ преобладающее вліяніе на дѣла этой торговли: изъ одной записи рижской долговой книги, относящейся къ

---

[44]) С. Г. Г. и Д. II, № 3.

[45]) Рус. Лив. А. № 164. Правая грамота о колоколѣ также № 37. На судѣ съ княземъ присутствовали бояре и *окольничій Лука;* это первое по времени упоминаніе объ окольничемъ, а не въ договорной грамотѣ сыновей Калиты 1341 года, какъ полагаетъ г. *Калугинъ* (Архивъ истор. юридич. свѣдѣній кн. 2, полов. 1, изд. г. Калачова).

[46]) Рус. Лив. А. № 47. Срав. тамъ же, стр. 420, текстъ мстиславова договора подъ литтерой В.

1289 году, видно, что деньгами нѣмецкой церкви въ Смоленскѣ распоряжаются рижскіе ратманы [47]). Послѣдній договоръ Смоленска съ Ригой былъ заключенъ въ княженіе Ивана Александровича (1330—1359 г.); въ договорѣ князь пишетъ, что онъ «докончалъ по тому докончанію, какъ его братъ старѣйшій Гедиминъ и его дѣти Глѣбъ (Наримонтъ) и Ольгердъ, княжившіе въ то время въ Полоцкѣ и Витебскѣ [48]); такъ какъ Гедиминъ съ своими сыновьями заключилъ торговый договоръ съ Ригой въ 1338 году [49]), то по всей вѣроятности и договоръ смоленскаго князя относится къ этому же времени. При Витовтѣ Смоленскъ окончательно переходитъ подъ власть Литвы, что немѣшало ему продолжать торговыя сношенія съ Ригой, какъ это видно изъ полоцкихъ договорныхъ грамотъ XV и XVI в., но Полочане пишутъ въ одной изъ грамотъ, что они пропустятъ рижскихъ купцовъ въ Витебскъ и Смоленскъ подъ тѣмъ только условіемъ, если Рига дастъ имъ свободный проѣздъ за море и предоставитъ свободные пути въ Лифляндіи помимо Риги [50]). Такимъ образомъ торговля Смоленска по временамъ становилась въ зависимость отъ Полоцка; да и для Риги Смоленскъ утратилъ свое прежнее значеніе, вѣроятно вслѣдствіе его отдаленности и неудобства поѣздокъ по верховьямъ Двины и волоку; съ того времени, т. е. приблизительно съ конца XIV вѣка торговля Риги сосредоточивается въ полоцкой конторѣ.

Длинный рядъ договоровъ, которые *Полоцкъ* отдѣльно отъ Смоленска заключалъ съ Ригой начинается 1264 годомъ; первый договоръ этого года писанъ отъ имени литовскаго князя Герденя, который прежде всего отказывается въ пользу Ордена отъ такъ называемой лотыгольской земли; почти одновременно съ нимъ написали свои грамоты Изяславъ князь полоцкій и другой Изяславъ, вѣроятно князь витебскій: оба заявляютъ, что они хотятъ имѣть съ Нѣмцами миръ и лю-

---

[47]) Das Rigische Schuldbuch, herausg. v. H. *Hildebrand.* SPB. 1872. S. 87, № 1336: „domus s. Spiritus tenetur domino Arnoldo Crispo et Andree parvo ex parte ecclesiae beatae virginis in Smalencike XII mrc. arg. Quando reposcerint in VIII diebus sequentibus solvere debent“.

[48]) С. Г. Г. и Д. II, № 8.

[49]) Р. Лив. А. № 83.

[50]) Také, № 266. Срав. также №№ 279 и 384.

бовь, какъ было при первыхъ князьяхъ полоцкихъ, и выговариваютъ Витеблянамъ и Полочанамъ права вольной торговли въ Ригѣ, на Готскомъ берегу и въ Любекѣ [51]). Въ княженіе Витеня полоцкій владыка Іаковъ посылалъ въ Ригу грамоту о пропускѣ въ Полоцкъ жита; изъ грамоты, замѣчательной по ея добродушному тону, невидно, почему прекратился подвозъ хлѣба въ Полоцкъ, по военнымъ ли обстоятельствамъ, или по какому неудовольстію между Полоцкомъ и Ригой [52]). При владыкѣ Григоріѣ и князѣ Наримонтѣ около 1330 года былъ сдѣланъ особенный уговоръ съ Ригой о взвѣшиваніи разнаго рода товаровъ, преимущественно воска и соли, и о взиманіи вѣсовыхъ пошлинъ [53]). При Гедиминѣ, расположеніемъ котораго такъ дорожила Рига, и въ которомъ она хотѣла найти себѣ защитника противъ властолюбиваго Ордена, былъ также заключенъ договоръ о торговлѣ съ обозначеніемъ границъ, внутри которыхъ купцы могли безопасно ее вести [54]). Но самое большое количество полоцкихъ договорныхъ грамотъ падаетъ на время Витовта, княженіе котораго составляетъ эпоху въ торговлѣ Нѣмцевъ съ Русью и Литвой; договоры Витовта настолько подробно опредѣляли отношенія торгующихъ сторонъ, считались настолько удовлетворительными, что и въ позднѣйшее время Полоцкъ и Рига не разъ возобновляли договоры именно витовтова времени [55]). Права торгующихъ сторонъ и торговые порядки въ этихъ договорахъ опредѣляются слѣдующимъ образомъ: торговля всякаго рода товарами производится полоцкими и рижскими купцами свободно и безпрепятственно, кромѣ мелочной торговли (parva mercancia, quae *pluckinghe* dicitur), которую Нѣмцы немогутъ вести въ Полоцкѣ, а Полочане въ Ригѣ; кромѣ того Нѣмцы неимѣютъ права держать въ Полоцкѣ корчмы т. е. продавать въ розницу хмѣльные напитки. Съ обѣихъ сторонъ купцы имѣютъ право свободнаго пріѣзда и отъѣзда, даже въ случаѣ войны между

51) Тамже, № 25; обѣ грамоты переписаны на одномъ листѣ.
52) Тамже, № 38; грамота отъ конца XIII вѣка.
53) Тамже, № 74.
54) Тамже, № 83.
55) Договоры Полоцка при Витовтѣ многочисленны; главнѣйшіе см. въ Рус. Лив. А. №№ 122, 153—154, 160—161, 164—165; ихъ подтвержденіе представляютъ №№ 242, 255 и др.

великимъ княземъ литовскимъ и магистромъ Ордена. Нѣмцы могутъ торговать въ Полоцкѣ съ пріѣзжими новгородскими и московскими купцами, но Полочане выговариваютъ себѣ право «ходить между ними» т. е. право нѣкотораго посредства и надзора за пріѣзжими купцами на томъ основаніи, что Новгородцы у себя дома также непозволяютъ торговать въ гостинномъ дворѣ безъ посредства Новгородца, и Москвичи берутъ на нихъ, Полочанахъ, тамгу [56]). Вѣсовщики должны цѣловать крестъ въ увѣреніе, что будутъ вѣсить по совѣсти; положивши товаръ и гири они должны отнять руки и отступить отъ вѣсовъ для устраненія всякаго подозрѣнія. Соль вѣсится на пудномъ ремнѣ (вѣроятно родъ большаго безмѣна), а воскъ на скалкахъ; для серебра существуютъ особенные, болѣе чувствительные вѣсы; вѣсы, называемые колоколы и скалки, Нѣмцы должны привезти и уставить въ Полоцкѣ на собственный счетъ; но если они попортятся, то отправляютъ ихъ въ Ригу для починки уже Полочане на ихъ счетъ. Въ случаѣ проступка купца, когда онъ напримѣръ сталъ бы продавать подмѣшанный воскъ, онъ отсылается для суда въ свой городъ и судится тамъ у своихъ судей, — черта любопытная, которой нельзя подмѣтить въ сношеніяхъ Нѣмцевъ съ Новгородомъ, гдѣ пересылка виновныхъ до Визби или Любека, или оттуда въ Новгородъ была бы затруднительна по отдаленности этихъ мѣстъ, неговоря уже о томъ, что Новгородъ не всегда позволилъ бы уйти преступнику отъ его суда, тогда какъ при близкомъ сосѣдствѣ Полоцка и Риги пересылка преступниковъ была весьма удобна и въ томъ отношеніи цѣлесообразна, что устраняла лишній поводъ къ неудовольствіямъ и столкновеніямъ, и безъ того часто происходившимъ. Однажды Нѣмцы поссорились даже съ самимъ Витовтомъ; разъ князь спросилъ у нихъ въ Полоцкѣ въ долгъ сукна, обѣщаясь уплатить деньги въ Вильнѣ; но нѣмецкіе купцы отказали подъ тѣмъ формальнымъ предлогомъ, что имъ на Руси и въ Литвѣ запрещено торговать въ кредитъ. Витовтъ сильно разсердился: «вы нанесли мнѣ позоръ — говорилъ онъ — сравнявши меня съ купцами», и затѣмъ запретилъ Нѣмцамъ вести торговлю въ Полоцкѣ, такъ что они даже съѣстные припасы могли

[56]) Также, № 154.

покупать только втихомолку. Рижскій ратъ поспѣшилъ успокоить великаго князя заявленіемъ, что онъ порицаетъ поступокъ купцовъ и сожалѣетъ о немъ; Витовтъ остался доволенъ такимъ заявленіемъ и снова позволилъ Нѣмцамъ торговлю въ Полоцкѣ [57]). Но главный предметъ споровъ между Полоцкомъ и Ригой были заморскія плаванія, которыхъ Полоцкъ постоянно требовалъ для своихъ купцовъ, угрожая въ противномъ случаѣ непропускать рижскихъ купцовъ дальше Полоцка [58]). Другой разъ Полоцкъ жалуется, что Рига непропускаетъ русскихъ купцовъ не только за море, но даже не во всѣ мѣстности Лифляндіи [59]). Съ своей стороны Рига въ письмѣ въ Данцигъ отъ 1470 года откровенно сознается, что у нея съ давнихъ поръ происходитъ много споровъ съ Полочанами изъ-за того, что тѣ хотятъ плавать за море со своими товарами, но что она, Рига, никогда немогла позволить имъ этого [60]). Очевидно Рига хотѣла привязать къ своему рынку всю торговлю Русскихъ изъ области западной Двины; для этой цѣли она открывала русскимъ и литовскимъ купцамъ обширный кредитъ особенно подъ воскъ и мѣха. Любопытныя данныя по этому предмету представляетъ рижская долговая книга: цѣлая треть записей, относящихся въ этой книгѣ до Русскихъ, положительно говоритъ о воскѣ, какъ предметѣ уплаты со стороны Русскихъ; иногда они доставляютъ его въ огромномъ количествѣ: такъ нѣкто Василій обѣщается однажды поставить своему нѣмецкому кре-

---

[57]) Тамже, №№ 135—136.

[58]) Тамже, № 266, стр. 236: „князя великого купьцомъ Полочаномъ у Ризе торговати доброволно, и за море путь чистъ водою и сухимъ путемъ *какъ издавна бывало, по старому.* А дастъ ли нанъ князь вашъ мештерь купцомъ Полочаномъ за море нуть чистъ, а у насъ вашимъ купцомъ Ризкимъ путь чистъ к Витебску и к Смоленску".

[59]) Тамже, № 279, стр. 242: „ажь вы намъ поставляете одинъ Юрьевъ противъ всѣе нашее дороги, а вѣдь намъ и вамъ свѣдомо, што не писанъ Юрьевъ у старихъ записехъ, и вы намъ отлазите одным Юрьевомъ противу всѣе нашее дороги".

[60]) Тамже, № 258: „van langen tyden her vele twist unnd moge mit den plosskouwsrn in eynem punte ǵehat hebben, dat se ywerlde wolden unnd noch willen van Rige uth tor zeewert mit erer kopenschopp zegeln, unnd sso ghy unnd juwe seligen vorfares van oldinges en dat nye hebben willen steden hebben".

дитору сразу полласта — т. е. 15 капей или приблизительно около ста восьмидесяти пудовъ [61]). Воскъ привозили на продажу обыкновенно перетопленнымъ (cera resoluta, was geschmolten), причемъ ему давали форму круглыхъ кусковъ вѣсомъ въ нѣсколько пудовъ; вообще воскъ составлялъ едва ли не самую главную статью отпускной рижской торговли: изъ Литвы, знаменитой своими лѣсами и Руси онъ шелъ чрезъ Ригу въ западную Европу въ громадномъ количествѣ. Тѣ изъ Русскихъ, которые поселялись въ Ригѣ на постоянное жительство и получали тамъ права гражданства, служили кажется посредниками этой торговли между Нѣмцами и своими пріѣзжими земляками; въ качествѣ рижскихъ гражданъ они пользуются правомъ заморской торговли, какъ напримѣръ нѣкто Тимошка, который около 1327 года оказывается ведущимъ торговлю въ Любекѣ [62]). Кромѣ Русскихъ, осѣвшихся въ Ригѣ на постоянное жительство, тамъ была значительная колонія временно-пріѣзжихъ Русскихъ, состоявшая изъ купцовъ и разнаго рода промышленниковъ, напримѣръ кормчихъ и посильщиковъ; въ Ригѣ упоминается еще цѣлая улица, населенная Русскими, а въ предмѣстьи ея — русская деревня [63]). Недопуская полоцкихъ купцовъ до заморскихъ поѣздокъ Рига въ тоже время старалась препятствовать и ганзейскимъ купцамъ проникать въ область западной Двины; это видно изъ того, что ганзейское собраніе 1383 года писало магистру Ордена и городу Ригѣ, чтобъ они допустили свободное плаваніе по Двинѣ всѣмъ купцамъ; чрезъ пять лѣтъ другое собраніе рѣшило отправить въ Лифляндію посольство, которое должно было настаивать или совсѣмъ запереть Двину, или же допускать по ней плаваніе не однимъ рижскимъ купцамъ [64]). Такимъ образомъ торговыя сношенія Полоцка и Риги ограничивались поѣздками ихъ купцовъ

---

[61]) D. Rig. Schuldbuch, S. 103, № 1623.

[62]) Ibid. S. 96, № 1511.

[63]) Рус. Лив. А. стр. 203: „здесь появилося было повѣтрие на люди на тыхъ, которыи у васъ у Ризе были *кормники и тяглеци*". Письмо отъ 1465 г. — Въ нашей замѣткѣ (Ж. М. Н. П. 1877, Февраль) мы старались доказать, что большинство русскихъ поселенцевъ Риги были изъ Полоцка и вообще изъ двинской области.

[64]) *Sartorius*. Gesch. des hans. Bund. II, S. 446—447.

другъ къ другу, но иногда одна сторона позволяла купцамъ болѣе дальнія поѣздки, если другая была готова дать такое же позволеніе: Полоцкъ пропускалъ Нѣмцевъ до Смоленска и Москвы, если Рига давала Полочанамъ свободный путь за море [65]). Но конечно наиболѣе часто посѣщаемыми рынками оставались Рига и Полоцкъ; въ послѣднемъ рижскіе купцы составляли также значительную колонію, но жили не на собственномъ дворѣ, какъ въ Смоленскѣ, а по квартирамъ у полоцкихъ мѣщанъ; при Витовтѣ имъ было отведено мѣсто подъ церковь [66]). Всѣ вмѣстѣ они составляли одну корпорацію, которая выбирала изъ своей среды ольдермана, но по важнѣйшимъ дѣламъ находилась въ зависимости отъ рижскаго рата, который посылалъ ей въ руководство разныя инструкціи. Такъ въ одной инструкціи отъ 1393 года, составляющей родъ небольшой скры, рижскій ратъ постановляетъ, что никто не долженъ покупать въ Полоцкѣ воска, подмѣшаннаго саломъ и вообще нечистаго воска; никто недолженъ покупать кожаныхъ и мѣховыхъ товаровъ свыше четверти тысячи штукъ (quartir); прежде покупки мѣховой товаръ должно брать съ собой на домъ и тамъ его тщательно разсмотрѣть; не должно покупать мѣховъ испорченныхъ, какъ то: подстриженныхъ, или повыщипанныхъ, или подкрашенныхъ; равно нельзя покупать мѣховъ нецѣльныхъ (сшитыхъ изъ лоскутковъ), а также волоса остриженнаго съ мѣховъ; никто недолженъ вступать съ Русскими въ компанію, или брать ихъ товары на коммиссію. Всѣ эти правила — добавляетъ ратъ — должно соблюдать подъ опасеніемъ штрафа въ 10 марокъ серебра [67]).

На пути между Полоцкомъ и Смоленскомъ важнымъ торговымъ пунктомъ былъ *Витебскъ*, гдѣ Нѣмцы также вели торговлю, кажется преимущественно по зимамъ. Въ одну изъ

---

[65]) Рус. Лив. А. стр. 236: „а какъ Гарманъ вашь намъ слюбилъ и руку далъ, что нашимъ купцомъ Полочаномъ за море путь чистъ торговати и мы потому слюбенью по Гарманову вашихъ есмо купцовъ пропустили к Витебьску и к Смоленску, оли жъ и на Москвѣ побывали“.

[66]) *H. Hildebrand.* Das deutsche Kontor zu Polozk (Baltische Monatschrift, 1873). Въ этой статьѣ много интересныхъ подробностей, заимствованныхъ частію изъ документовъ, еще ненапечатанныхъ.

[67]) Рус. Лив. А. № 117.

зимъ въ концѣ XIII столѣтія они потерпѣли много обидъ отъ витебскаго князя Михаила Константиновича, которыя подробно описаны въ жалобѣ рижскаго рата, адресованной на имя упомянутаго князя [68]). О личности этого князя ничего неизвѣстно; быть можетъ онъ былъ сынъ того Константина, который уступилъ Нѣмцамъ Лотыголу, судя потому что грамота отзывается объ этомъ Константинѣ, какъ расположенномъ къ Нѣмцамъ князѣ. Вѣроятно въ грамотѣ есть нѣкоторыя преувеличенныя подробности, которыя описываются со словъ самихъ потерпѣвшихъ купцовъ; но во всякомъ случаѣ жалоба рижскаго рата принадлежитъ къ числу интересныхъ памятниковъ изъ исторіи торговыхъ сношеній Русскихъ съ Нѣмцами. Изъ нея оказывается между прочимъ, что нѣмецкіе купцы иногда заводили торговлю плѣнниками, которыхъ набирали грабительскія литовскія шайки; однажды такая шайка стояла подъ Витебскомъ, и одинъ Нѣмецъ, вооружившись мечемъ, вышелъ изъ города къ тому мѣсту, гдѣ Литовцы разбили свой лагерь съ намѣреніемъ купить плѣнницъ («дѣвкы купити»); дорогой онъ заблудился и подошелъ къ одному монастырю, находившемуся въ окрестности Витебска, какъ вдругъ изъ него выскочили три монаха и съ ними еще четвертый человѣкъ, бросились на Нѣмца, обезоружили его и избили; князь же на другой день взялъ его, оковалъ цѣпями, а товаръ его на три берковца воску отнялъ себѣ [69]). Другой разъ князь захватилъ товаръ убійцы, который бѣжалъ къ нему, боясь мести своихъ земляковъ; тутъ же князь захватилъ товаръ другого ни въ чемъ невиноватаго купца, а именно волчьи мѣха на сумму пяти марокъ серебра. Въ одинъ день князь запретилъ Нѣмцамъ производить торговлю другъ съ другомъ, объявя во всеуслышаніе: «гость съ гостемъ неторгуй!» Узнавъ такое распоряженіе

---

[68]) Также, № 49. Грамота отъ конца XIII вѣка; по порученію рижскаго рата ее очевидно писалъ какой нибудь русскій человѣкъ, проживавшій въ Ригѣ; какъ образчикъ живой русской рѣчи того вѣка она очень интересна.

[69]) Надо полагать, что монахи приняли нѣмецкаго купца за лазутчика; въ виду Литовцевъ, расположившихся подъ самымъ Витебскомъ, они естественно были подозрительны ко всякому прохожему, а тѣмъ болѣе вооруженному.

купецъ Фридрихъ пошелъ къ князю и попросилъ у него особеннаго позволенія продать одному человѣку мѣшокъ соли; но когда онъ хотѣлъ было взвѣшивать соль, дворяне князя, стоявшіе на гостинномъ дворѣ, отняли у него ключъ отъ клѣти и ушли прочь; потомъ явился княжескій дѣтскій и отъ имени князя взялъ его подъ арестъ, заковалъ въ желѣза и предалъ истязаніямъ, а князь въ то время послалъ другихъ приставовъ на подворье Фридриха, и тѣ захватили его товаръ на четыре капи воску. Однажды князь увидалъ у нѣмецкихъ купцовъ красиваго коня, принадлежавшаго ратману Герлаху, и пожелалъ его себѣ купить; Нѣмцы несоглашались продать чужого коня, но потомъ когда князь предложилъ имъ проводниковъ отъ Витебска до Смоленска и обратно до Полоцка, то уступили коня; въ сопровожденіи княжескаго пристава они поѣхали въ Смоленскъ, гдѣ и подарили ему кусокъ скарлата (краснаго сукна); но приставъ получа подарокъ скоро ускакалъ въ Витебскъ, оставивъ Нѣмцевъ безъ провода; ратманы по этому случаю требуютъ у князя назадъ либо лошадь, либо деньги. Разъ при отъѣздѣ купцовъ изъ Витебска въ Смоленскъ Литовцы перехватали ихъ подъ самымъ городомъ, перевязали ихъ и ограбили у нихъ товаръ, а князь ничего несдѣлалъ для ихъ защиты. Послѣднія обвиненія состоятъ въ томъ, что князь неплатитъ долговъ и беретъ лишнія вѣсовыя пошлины. Имѣли ли какое послѣдствіе всѣ эти жалобы, остается неизвѣстнымъ, какъ равно и то, почему витебскій князь причинилъ Нѣмцамъ описанныя обиды; невымещалъ ли онъ на нихъ убытки своихъ Витеблянъ, которые около того же времени были ограблены подъ Ригой на десять берковцевъ воску, при чемъ у нихъ былъ убитъ еще одинъ человѣкъ. Оправданіе по этому дѣлу писалъ рижскій архіепископъ къ смоленскому князю Ѳеодору Ростиславичу: неотвергая грабежа и убійства онъ говоритъ однако, что въ преступленіи виноваты не Рижане [70]).

Еще одна рижская контора находилась въ *Динабургѣ* или *Невгинѣ*, какъ онъ называется въ полоцкихъ грамотахъ [71]). Въ одномъ письмѣ рижскій ратъ передаетъ тамошнимъ куп-

---

[70]) Рус. Лив. А. № 34.

[71]) Также, №№ 266 и 279.

цамъ распоряженіе Гапзы непокупать у Русскихъ извѣстнаго сорта мѣховъ, и еще присоединяетъ просьбу неиграть въ шапки, какъ въ азартную и опасную для купцовъ игру [72]). Наконецъ внутри Литвы въ городѣ *Ковно* была также знаменитая купеческая контора, основанная и руководимая преимущественно купцами изъ Данцига; процвѣтаніе этой конторы, какъ и полоцкой, относится ко времени Витовта [73]). Такъ глубоко и съ разныхъ сторонъ проникали внутрь Литвы и западной Руси нѣмецкіе купцы, и нѣтъ сомнѣнія, что при своей предпріимчивости и настойчивости съ одной стороны и покровительствѣ великихъ князей литовскихъ съ другой, они умѣли извлекать изъ тамошней торговли большіе барыши.

Обращая исключительно въ свою пользу двинскую торговлю, Рига въ тоже время стремится увеличить права лифляндскихъ купцовъ на новгородскомъ дворѣ; она желаетъ, чтобы званіе двороваго ольдермана давалось не только гражданамъ Любека и Висби, какъ это опредѣлялось въ правилахъ скры [74]), но и лифляндскимъ уроженцамъ, чтобы постановленія конторы о торговлѣ и разныхъ торговыхъ порядкахъ дѣлались съ вѣдома и согласія лифляндскихъ городовъ. Замѣтно вообще, что Ригѣ неправилось преобладаніе Любека въ новгородскомъ дворѣ, и она пускала въ ходъ противъ него тайныя интриги: въ концѣ XIII вѣка о рижскихъ купцахъ ходила молва, что они втихомолку вычеркнули тѣ статьи скры, въ которыхъ опредѣлялись права Любека; конечно Рига отрицала взводимое на ея купцовъ обвиненіе, и высказывала готовность слѣдовать правиламъ скры во всей ихъ полнотѣ безъ тѣхъ извращеній, которыя въ ней кѣмъ-то сдѣланы [75]); однако едвали можно утверждать, чтобы упомянутый слухъ былъ совершенно безосновательною клеветой. Наконецъ Рига хотя и

---

[72]) Тамже, № 128.

[73]) *Hirsch.* Handels- und Gewerbsgesch. Danzigs. S. 160—172 (das Kontor in Kauen).

[74]) *Sartor. Lappenb.* Urk. Gesch. II, S. 275: „des hoves olderman sal men keysen to ener did van Lubeke, tor anderen tid van Gotlande".

[75]) Тамже, S. 190—191: „quod articulus, qui nomen tangebat civitatis Lubeke in jure curiae Nogardiensis deletus erat in libro juris, ipsius curiae, qui sera dicitur, nobis molestum erat et nobis ignorantibus et sine nostro consensu dicimus contigisse. Sed noc presentibus protesta-

не вдругъ достигаетъ своихъ цѣлей: въ 1361 году ганзейскіе уполномоченные, бывши въ Новгородѣ постановили, а собраніе 1366 года подтвердило, что на будущее время контора не можетъ дѣлать никакихъ важныхъ распоряженій безъ вѣдома и согласія лифляндскихъ городовъ [76]). Еще на ганзейскомъ собраніи 1363 года за лифляндскими городами было признано право держать въ новгородскомъ дворѣ особенную квартиру или все равно — составлять тамъ особенную треть, хотя и съ оговоркою, показывающею нѣкоторое недовѣріе къ лифляндскимъ городамъ со стороны Ганзы [77]). Въ силу этого права лифляндскіе купцы могли съ тѣхъ поръ назначаться въ ольдерманы двора, что ясно было выражено на томъ же собраніи въ такомъ постановленіи, что ольдерманомъ двора можетъ быть всякій купецъ, изъ какого бы ганзейскаго города онъ нибылъ, мужъ способный и честный, который и остается въ своей должности безсмѣнно, развѣ только совершитъ какое либо преступленіе [78]). Тѣмъ не менѣе прежнее правило о выборѣ ольдермановъ попеременно изъ любецкихъ и визбійскихъ гражданъ оставалось въ своей силѣ; спустя десять лѣтъ послѣ вышеприведеннаго постановленія новгородская контора пишетъ въ 1373 году въ Любекъ, что рижскіе купцы жалуются на то, что ихъ обходятъ при выборѣ ольдермана; по этому случаю контора имѣла общее собраніе, на которомъ былъ поднятъ вопросъ: запомнитъ ли кто-нибудь, чтобы риж-

---

mur, quod illo jure et vigore scripture semper uti volumus, sicut dictus liber, scra nuncupatus, continebat, antequam deletio predicta procederet ad effectum".

[76]) *Die Recesse* u. a. Akt. II, S. 336—337: „mercatores in Nougardia jacentes nulla debent perampla, magna et gravia facere instituta, nisi cum prescitu et consensu civitatus Lubicensis, Wisbicensis et aliarum ab intra, quibus inde litteras ante mittere debent"... myt witschop der stede Lubeke und Wysbu und anderen stede, de van binnen landes liggen, als Righe, Darpte und Reval". (Тамже изъ скры по списку стокгольмской библіотеки).

[77]) Тамже, стр. 236: „illi de Riga admissi sunt ad servandum terciam partem curie Nogardensis, dummodo fecerint, quod facere tenentur, ut aliae partes, addita eciam ista conditione, quod si per admissionem predictam privilegia communis mercatoris in curia Nougardensi paterentur aliquod detrimentum ipsi de Riga et alü admissi pro illo detrimento satisfacere tenentur.

[78]) Тамже, стр. 236.

скіе купцы выбирались въ ольдерманы, — и всѣ сказали, что этого никогда небывало [79]). Выходитъ такимъ образомъ, что права лифляндскихъ городовъ неосуществлялись на дѣлѣ; по всей вѣроятности онѣ были даны Ганзой только съ цѣлію задобрить лифляндскіе города и привлечь ихъ къ участію въ предстоявшей датской войнѣ. Явные признаки недовѣрія Ганзы къ лифляндскимъ городамъ высказываются и въ другихъ случаяхъ; такъ въ концѣ XIII вѣка Лифляндія предлагала заморскому нѣмецкому купечеству перевести рынокъ изъ Новгорода въ какой нибудь городъ Лифляндіи; то сначала согласилось было на нѣкоторое время прекратить свои поѣздки въ Новгородъ, но потомъ нашло полезнымъ опять возобновить сгорѣвшій новгородскій дворъ [80]). Очевидно Ганза боялась ущерба своей торговлѣ съ переводомъ рынка въ Лифляндію; ганзейскіе купцы всегда могли опасаться, что въ Лифляндіи на нихъ взглянутъ, какъ на чужихъ гостей, и примѣнятъ къ нимъ запрещеніе: «гость съ гостемъ не торгуй», что и дѣйствительно случалось въ XVI вѣкѣ. Любопытно, что по закрытіи новгородскаго двора въ 1494 году Лифляндія весьма мало выказывала охоты помогать Ганзѣ въ возстановленіи его, а Ніенштедтъ прямо говоритъ, что послѣ этого закрытія русскіе товары пошли въ Ригу, Ревель и Дерптъ, отчего эти города начали сильно богатѣть [81]). Все это Ганза, конечно предусматривала раньше, а потому и старалась придерживаться Новгорода, несмотря на нѣкоторыя важныя неудобства тамошней торговли; ибо въ Новгородѣ ганзейскіе купцы могли совершать свои дѣла безъ всякаго чужого посредства; тоже удобство конечно представлялось и Новгородцамъ. Мы не хотимъ сказать, чтобы у Ганзы и Лифляндіи не было общихъ интересовъ въ русской торговлѣ, или чтобы между ними постоянно господствовало торговое соперничество и недовѣріе; напротивъ Любекъ во многихъ случаяхъ дѣлаетъ ратамъ Риги, Ревеля и Дерпта важныя порученія, рекомендуетъ новгородской конторѣ слушаться полезныхъ совѣтовъ, которые могутъ дать лифляндскіе города, какъ ближе знающіе русскія отно-

---

[79]) Тамже, II, стр. 75.

[80]) *Bunge*, LEK. Urk. I, № 452. *Koppmann*, Die Recesse, I, 7—8.

[81]) Monumenta Livon. antiq. II, S. 33.

шенія; часто лифляндскіе послы ведутъ отъ имени Ганзы переговоры съ Новгородомъ: наконецъ во время разладовъ съ Русскими Ганза нерѣдко принимаетъ сторону Лифляндіи и прекращаетъ торговлю съ Новгородомъ и Псковомъ [82]). Но все это не можетъ сгладить черты указанной розни между Лифляндіей и Ганзой: фактъ остается тотъ, что Ганза долго недавала равныхъ правъ для купцовъ Лифляндіи на новгородскомъ дворѣ, и не соглашалась перевести свой главный рынокъ ни въ одинъ городъ Лифляндіи. И пусть нѣмецкіе историки становятся на ту точку зрѣнія, что Ганза, Лифляндія и Орденъ выполняли на восточной окраинѣ одну и туже культурную задачу; до нѣкоторой степени такая точка зрѣнія на ихъ мѣстѣ конечно справедлива, но она не должна намъ мѣшать видѣть разладъ, господствовавшій между самими носителями нѣмецкой культуры. Въ самомъ дѣлѣ для ганзейскихъ купцовъ дѣло казалось проще: для нихъ на первомъ планѣ стояли интересы безпрепятственной торговли съ Новгородомъ, между тѣмъ какъ Лифляндія и Орденъ мѣшали ея правильному ходу своими частыми ссорами съ Новгородомъ и Псковомъ, за которыя Ганза платилась арестомъ своихъ купцовъ и товаровъ, а иногда долговременнымъ перерывомъ торговли, и все это въ сущности за чуждые ей интересы. Съ другой стороны если для Новгорода и Пскова близость лифляндскихъ городовъ была выгодна въ отношеніи торговомъ, то слишкомъ близкое сосѣдство съ ними было также причиною частыхъ столкновеній по дѣламъ той же торговли и неопредѣленности границъ: такъ Псковъ находился почти въ непрерывной войнѣ съ своими сосѣдями, Орденомъ и дерптскимъ епископомъ, съ которыми никакъ не могъ окончательно размежеваться. Самое закрытіе двора въ концѣ XV вѣка ближайшимъ образомъ было обусловлено, какъ увидимъ, столкновеніемъ великаго князя Ивана Васильевича съ лифляндскими Нѣмцами, и смѣло можно сказать, что если бы между Ганзой и Русью нестояли Лифляндія съ Орденомъ, то мирный ходъ торговли больше бы отъ того выигралъ. Чтобы выяснить еще больше нашъ взглядъ обратимся къ Ордену.

---

[82]) Въ одной изъ послѣдующихъ главъ мы представимъ подробнѣе отношенія лифляндскихъ городовъ къ Ганзѣ.

Какъ верховная власть страны Орденъ держалъ въ своихъ рукахъ миръ и войну, и слѣдовательно оказывалъ существенное вліяніе на ходъ торговли. Учрежденный въ помощь рижской церкви и поставленный первоначально подъ главенство рижскаго епископа, Орденъ стремится къ освобожденію отъ этого главенства и постепенно становится верховнымъ правителемъ земли. Уже при Альбертѣ I-мъ возникъ споръ о томъ, въ какой мѣрѣ и надъ какою частью пріобрѣтаемыхъ земель должны имѣть власть рижская каѳедра, Орденъ и городъ Рига; для рѣшенія этого спора въ Лифляндію пріѣзжалъ папскій легатъ, который порѣшилъ дѣло такимъ образомъ, что всѣ новыя земельныя пріобрѣтенія должны дѣлиться между упомянутыми властями поровну; однако въ примѣненіи этого правила на практикѣ постоянно встрѣчались недоразумѣнія и споры [83]). Преемники Альберта неотличались ни его умомъ, ни энергіей, а Орденъ между тѣмъ все больше усиливался и пріобрѣталъ значеніе, особенно вслѣдствіе возраставшей необходимости бороться со своимъ смертельнымъ врагомъ Литовцами, которые напоминали ему палестинскихъ Саррациновъ [84]). Въ половинѣ XIV вѣка рижскіе архіепископы отказались отъ верховныхъ правъ надъ Орденомъ, а папскою буллою 1397 года было постановлено, что на будущее время въ архіепископы можетъ назначаться только орденскій братъ [85]). Конечно рижское духовенство не сразу уступило свои права; вмѣстѣ съ городомъ Ригой оно вступило въ открытую войну съ Орденомъ, стараясь привлечь на свою сторону сильнаго Гедимина; въ тоже время, т. е. вначалѣ XIV вѣка оно написало папѣ грозный доносъ на Орденъ, въ которомъ обвиняло его въ нерадѣніи и даже прямой измѣнѣ дѣлу католической вѣры въ Пруссіи и Лифляндіи [86]). Доносъ былъ расчи-

---

83) *Bunge*, LEK. Urk. I, № 83: „terrarum, quae fuerint ed cultum fidei conversae, partem unam episcopo et ecclesiae suae, aliam magistro et fratribus militiae Christi et tertiam partem civibus Rigensibus adsignamus".

84) Litwini, *Sarraceni* dictarum partium" (т. е. Пруссіи и Лифляндіи)—выражается однажды Орденъ. *Voigt*. Gesch. Preussens, IV, S. 242.

85) *Bunge*, LEK. Urk. IV, № 1446. Впрочемъ эта булла была скоро отмѣнена.

86) *Voigt*. Gesch. Preus. IV, 234—249.

танъ хитро: въ туже пору во Франціи происходилъ судебный процессъ надъ тампліерами, и рижское духовенство спѣшило пользоваться нерасположеніемъ папы и высшаго западнаго духовенства къ орденамъ. Дѣло кончилось однако не въ пользу рижскаго духовенства: Орденъ отклонилъ отъ себя большинство обвиненій, да притомъ мало боялся папскаго отлученія, если бы таковое послѣдовало: гохмейстеръ Ордена въ то время переселился изъ Венеціи въ Маріенбургъ, что имѣло смыслъ демонстраціи, направленной противъ враговъ Ордена. Подъ конецъ Орденъ восторжествовалъ надъ духовенствомъ; въ тоже время и Рига, обыкновенно стоявшая на сторонѣ архіепископа, должна была признать надъ собой верховенство Ордена; наконецъ присоединеніе къ нему Эстляндіи еще болѣе усилило его могущество. Сверхъ того Орденъ дѣлалъ себѣ постоянныя завоеванія на счетъ русскихъ и литовскихъ земель. Однимъ изъ первыхъ по времени пріобрѣтеній его была такъ называемая лотыгольская земля или Лотыгола, принадлежавшая прежде Полоцку, а потомъ уступленная Ордену какимъ то полоцкимъ княземъ по имени Константиномъ; въ договорѣ Полоцка съ Ригой 1264 года уступка этой земли представляется какъ фактъ уже совершившійся, и Полочане отказываются отъ всякихъ на нее притязаній; очень вѣроятно, что этотъ Константинъ былъ крещеный Литвинъ, и уступилъ Ордену Лотыголу за поддержку противъ другихъ литовскихъ князей, претендовавшихъ на Полоцкъ [87]). Подобный случай былъ въ XIV вѣкѣ, когда Андрей Ольгердовичъ уступалъ Ордену даже самый Полоцкъ на ленныхъ условіяхъ [88]); эта сдѣлка впрочемъ неимѣла значенія потому уже одному, что Полоцкъ въ моментъ передачи его Ордену принадлежалъ не Андрею, а его брату Ягелло. Есть однако указаніе, что Орденъ успѣвалъ хотя и на короткое время владѣть Полоцкомъ. Въ 1310 году папа

---

[87]) Г. *Боннель* въ приложеніи къ своей хронографіи (стр. 323) высказываетъ предположеніе, что Константинъ былъ сынъ Товтивила, и что уступленная имъ Лотыгола есть то, что впослѣдствіи называлось польскіе Инфлянты. Эту уступку поспѣшили утвердить за Орденомъ папы Иннокентій IV и Урбанъ IV.

[88]) *Bunge*, LEK. Urk. III, №№ 1226—1227. Въ послѣднемъ читаемъ: „regnum in Ploscow in feudum recepimus a magistro Livoniae et ab Ordine“.

Климентъ V-й со словъ упомянутаго выше доноса рижскаго духовенства обвинялъ Орденъ между прочимъ въ томъ, что онъ отступилъ отъ Полоцка, который по завѣщанію полоцкаго князя, крещенаго въ католичество и умиравшаго безъ законныхъ наслѣдниковъ, былъ уступленъ рижской церкви. На слѣдствіи, наряженномъ по этому дѣлу, одинъ изъ свидѣтелей показалъ, что дѣйствительно былъ одинъ полоцкій князь, обращенный въ католичество, въ княженіе котораго въ Полоцкѣ поселилось-было католическое духовенство, но рыцари своими насиліями людямъ полоцкаго князя довели дѣло до того, что пришли язычники (Литовцы) и изгнали Нѣмцевъ, а частію перебили ихъ и взяли въ плѣнъ. На это обвиненіе Орденъ отвѣчалъ, что Полоцкъ былъ всегда русскимъ городомъ, но отвѣчалъ такъ конечно только послѣ неудачи, его постигшей [89]); очевидно Орденъ въ этомъ случаѣ нашелъ себѣ болѣе сильныхъ соперниковъ въ лицѣ князей литовскихъ. Послѣ Полоцка цѣлію нападеній Ордена служила земля псковская, а иногда новгородская. При такихъ воинственныхъ стремленіяхъ онъ являлся большою помѣхой для мирныхъ торговыхъ сношеній Ганзы съ Русью: волей-неволей Ганза должна была входить въ планы Ордена, исполнять его совѣты и просьбы. Такъ въ 1268 году магистръ Ордена Конрадъ фонъ-Мандернъ уговаривалъ Любекъ не посылать на тотъ годъ товаровъ въ Новгородъ, и когда получилъ на это согласіе, то съ обѣихъ сторонъ былъ составленъ въ Любекѣ слѣдующій протоколъ: «граждане Любека — говоритъ магистръ — хотя и съ ущербомъ для себя, но по обычаю предпочитая выгодамъ честь, благосклонно приняли нашу просьбу, присоединивши впрочемъ слѣдующія условія: если между Русскими и Латинами будетъ заключенъ миръ, то въ мирный договоръ должны быть включены означенные граждане и купцы, если же, чего да не будетъ, кто нибудь отдѣльно отъ другихъ и по своей только волѣ захочетъ вести войну съ Русскими, то любецкіе граждане и купцы не должны испытывать препятствій для свободнаго ввоза и вывоза товаровъ въ Новгородъ и обратно, но должны пользоваться привилегіями и правами торговли по землѣ и водѣ; но если, чего Богъ не дай — добавляетъ ма-

---

[89]) Тамже, II, №№ 630 и 638.

гистръ Ордена — все христіанство вынуждено будетъ вести войну съ Русскими, по причинѣ ихъ заносчивости, то мы, Орденъ, принуждены будемъ повторить просьбу къ упомянутымъ гражданамъ и всему купечеству, чтобы они вѣру, насажденную въ Лифляндіи кровію многихъ христіанъ, неставили въ опасность изъ-за интересовъ своей торговли» [90]). Спустя нѣсколько недѣль другой магистръ Ордена пишетъ изъ Лифляндіи подобное же письмо, увѣдомляя ратъ Любека, что онъ будто бы разрушилъ до основанія городъ Псковъ, ставшій убѣжищемъ предателей христіанской вѣры (намекъ на Довмонта и другихъ Литовцевъ, поселившихся во Псковѣ), а съ Новгородомъ заключилъ перемиріе, магистръ проситъ все купечество не посѣщать русскихъ земель съ товарами, а прежде отправить посольство въ Лифляндію и потомъ въ Новгородъ для окончательнаго подтвержденія мира съ Русскими; при этомъ чтобы успокоить Ганзу прибавляетъ постановленіе лифляндскихъ городовъ, что изъ Риги также ни одинъ купецъ не долженъ ѣздить въ Новгородъ до окончательнаго утвержденія мира [91]). Около двухъ лѣтъ Ганза дѣйствительно не торговала съ Новгородомъ, наконецъ заключила мирный договоръ 1270 года, въ которомъ однако, какъ увидимъ, о лифляндскихъ городахъ неупомянуто ни однимъ словомъ: послѣ совмѣстнаго дѣйствія съ Лифляндіей и Орденомъ она предпочитаетъ заключить съ Новгородомъ отдѣльный договоръ, что ясно указываетъ, какъ неохотно она входила въ планы Ордена. Ровно столѣтіе спустя обстоятельства сложились точно также, какъ въ 1268 году: Новгородъ и Псковъ разсорились съ лифляндскими Нѣмцами, послѣдовало запрещеніе торговли, къ которому должна была присоединиться и Ганза. Вотъ что писалъ тогда ландмейстеръ Ордена въ Любекъ: «изъ вашей памяти конечно нескрылось, какъ Русскіе изъ Пскова съ давнихъ поръ причиняютъ намъ и дерптской епархіи невыносимый вредъ и тягости, вслѣдствіе чего мы даже противъ воли должны вести съ ними споры и войны; чрезъ коммандора феллинскаго мы старались уладить дѣло мирнымъ путемъ, требуя возна-

---

[90]) Также, I, № 308: „Fidem catholicam, in Livoniae partibus multorum proborum sanguine plantatam, non sinerent suis mercimoniis extirpari".

[91]) Также, I, № 410.

гражденія съ Русскихъ за свои убытки; и хотя Новгородцы не отвергали ни мира, ни перемирія, но въ тоже время вступили со Псковомъ въ тайное соглашеніе, и направились къ замку, недавно выстроенному дерптскимъ епископомъ, пристроили машины и начали его осаждать; услыхавши же, что идетъ большое войско изъ Ливоніи и Эстоніи, ночью поспѣшно отступили, предварительно разрушивши машины [92]). Итакъ чтобы схизматики русскіе, которые вступили въ заговоръ противъ упомянутой епархіи съ завистниками христіанъ Литовцами, неусилились бы какъ нибудь съ помощію торговли, мы убѣждаемъ всѣхъ и во имя Господа молимъ, какъ и прежде васъ молили, неотправлять впредь товаровъ къ невской пристани, ибо изъ того можетъ произойти великій вредъ для всего христіанства» [93]). Любекъ еще раньше принялъ къ свѣденію запрещеніе русской торговли, сдѣланное въ Лифляндіи и сообщилъ его въ Стральзундъ и другіе города [94]), но въ письмѣ къ ландмейстеру 1368 года жалуется, что лифляндскіе купцы сами же первые нарушаютъ постановленіе о запрещеніи русской торговли, подвозя свои товары въ пристань Невы, Выборгъ и Нарву [95]). Какъ видно вслѣдствіе этой жалобы Орденъ принялъ строгія мѣры противъ нарушителей постановленій, и арестовалъ у лифляндскихъ купцовъ, производившихъ непозволенную торговлю, разныхъ товаровъ на сумму до 30 тысячь марокъ, которые магистръ Ордена возвратилъ купцамъ не ранѣе 1371 года при заключеніи перемирія съ Русскими въ

---

[92]) О походѣ подъ Нейгаузенъ или Новый городокъ въ лѣтописи читаемъ: „ходиша Новгородци съ Плесковичи къ Новому городку нѣмецскому, и отъидоша невземше, занеже бяше твердъ городъ, и нѣколико людій пострѣляша съ города“. П. С. Р. Л. III, стр. 89. Впрочемъ это извѣстіе относится быть можетъ къ другому походу.

[93]) Die Recesse u. a. A. I, N 398: „Ne igitur Ruthenos cismaticos... mercatorum auxilio confortari contingat, universitatem vestram hortamur in Domino studiosius rogitantes, *sicut etiam alias per nos vobis extitit humiliter supplicatum*, ne de cetero merces in portum, Nu, dummodo aliquo modo possit fieri, ducere seu ordinare velitis, quia christianitati dampna non modica exinde poterunt provenire“.

[94]) Тамже, № 396.

[95]) Тамже, № 397: „vestri homines et vestrates predictum portum Nu, et Wiborgh atque Narwe solent visitare et ibi mercandizare, prout ipsis placet“.

Нейгаузенѣ [96]). До какой степени высокомѣрно Орденъ позволялъ себѣ обходиться съ купцами, и какое вліяніе на нихъ могъ оказывать даже внѣ своихъ владѣній показываетъ слѣдующій случай, бывшій въ Новгородѣ въ 1324 году, о которомъ рижскій ратъ пишетъ въ Любекъ въ письмѣ того же года. Упрекнувъ Орденъ за вѣроломное нарушеніе мира съ литовскимъ княземъ Гедиминомъ и за его притѣсненія тѣмъ сторонамъ, которыя не соглашаются вмѣстѣ съ нимъ быть такими же вѣроломными, какъ то: епископъ эзельскій, городъ Дерптъ и особенно Рига, ратъ продолжаетъ: «не далѣе какъ въ прошлую зиму магистръ и братья Ордена вступили въ мирный договоръ съ Новгородомъ на такомъ условіи, что вслѣдствіе его наши сограждане, прибывшіе въ Новгородъ для торговли, были лишены свободы и имущества: сами Новгородцы захватили товаръ нашихъ гражданъ, а ихъ самихъ выдали головой рыцарямъ, о чемъ посадникъ и тысяцкій публично заявляли на вѣчѣ предъ всѣми присутствовавшими, и только при помощи купечества изъ вашего и другихъ городовъ арестованные были освобождены, за что приносимъ вамъ безпредѣльную благодарность. Но вскорѣ послѣ того въ Новгородъ пріѣхалъ рыцарь Оттонъ Брамгорнъ, тотъ самый, который вмѣстѣ съ нами цѣловалъ крестъ Гедимину, и нашихъ освобожденныхъ согражданъ снова схватилъ и держалъ подъ арестомъ, доколѣ съ милостью божіей и при помощи вашихъ купцовъ они опять не освободились» [97]). Чтобы понять этотъ поступокъ Ордена относительно рижскихъ купцовъ надо вспомнить, что въ ту пору онъ находился въ открытой враждѣ съ архіепи-

---

[96]) Тамже, № 36: „magister eciam mercatoribus omnia bona eorum restituit, illicite. furtive ac contra prohibitionem magistri ipsis mercatoribus consentientibus cum dictis Ruthenis mercata et contracta, tempore guerre arrestata ad 30,000 marcarum“.

[97]) Рус. Лив. А. N. 62. Этотъ любопытный документъ напечатанъ впервые и только тамъ; приведемъ изъ него нѣсколько подлинныхъ словъ: „manifestum est, quia modo in hyeme Magister et Fratres Ordinis.. cum Ruthenis in Nogardia pacem osculando crucem inierunt tali conditione, quod omnes de nostris concivibus, Nogardia adventantes privati sint corporibus atque rebus; ispi vero Rutheni bona predictorum nostrorum civium obtinendo, capita vero eorundem dictis fratribus presentando, quod dux et borgrauius ibidem in Nogardia in foro communi et in publico colloquio coram cunctis astantibus publicarunt“.

скопомъ рижскимъ и городомъ Ригой; труднѣе понять, какъ Новгородъ позволилъ у себя своевольно распоряжаться какому-то пріѣзжему рыцарю; надо думать, что кромѣ обязательства, принятаго на себя по договору съ Орденомъ недружить съ его врагами, слѣдовательно въ томъ числѣ и съ гражданами Риги, Новгородъ имѣлъ противъ нея какія нибудь особенныя неудовольствія: по крайней мѣрѣ около 1307 года новгородскій владыка Θеоктистъ писалъ въ Ригу грамоту о выдачѣ грабителей и товаровъ, отнятыхъ у новгородскихъ купцовъ, какъ кажется въ самой Ригѣ [98]); но выдала ли Рига требуемое, неизвѣстно. Въ томъ же письмѣ въ Любекъ Рига сообщаетъ интересное извѣстіе, что рыцари нарушаютъ миръ съ литовскимъ княземъ съ тою цѣлію, чтобы подъ предлогомъ военнаго положенія двинской области прервать сообщеніе Риги съ Литвой и Русью; но сами рыцари въ тоже время втихомолку ведутъ торговлю съ литовскими купцами въ своихъ замкахъ [99]). Этому извѣстію вполнѣ можно довѣрять: рыцари были богатые помѣщики, сбывавшіе купцамъ предметы своего обширнаго хозяйства; конечно они вели эту торговлю чаще чрезъ коммиссіонеровъ, каковыми служили имъ преимущественно любецкіе купцы, но при случаѣ, какъ видно, рыцари могли обходиться и безъ посторонняго посредства, находя это для себя болѣе выгоднымъ. Изъ рижской долговой книги видно, что рыцари и магистръ Ордена давали рижскимъ купцамъ круглыя суммы денегъ въ долгъ подъ проценты [100]). Вообще о двинской торговлѣ навѣрное можно сказать, что Орденъ являлся въ ней большимъ конкуррентомъ Риги; этимъ объясняется участіе братьевъ Ордена въ торговыхъ договорахъ съ Русскими наряду съ представителями купечества; мы уже видѣли, что при заключеніи договоровъ 1210 и 1229 года посредничество принимали на себя рыцари Ордена, а въ договорной грамотѣ 1229 года находится статья, которая ясно

---

[98]) Тамже, № 50: „что избили братпю нашю у васъ и товаръ поимали, за то вамъ Богъ помози; аже есте разбойниковъ изыскали, по хрестьному целованію правду держите, братеи нашеи товаръ дайте и разбойникы“.

[99]) Тамже, стр. 40.

[100]) Такъ магистръ давалъ то 40, то 100 и 140 марокъ серебра. Rig. Schuldb. №№ 110, 220, 1336, 1813 etc.

показываетъ, что Орденъ смотрѣлъ на торговлю по Двинѣ, какъ дѣло зависящее отъ его власти: о рыцаряхъ тамъ говорится, что они «дали Двину вольну отъ устья до верху, по водѣ и по берегу, всякому гостю русскому и нѣмецкому, ходящимъ внизъ и вверхъ» — какъ будто значительная доля Двины не принадлежала Полоцку и Витебску [101]). Наконецъ въ договорѣ съ Нѣмцами смоленскаго князя Ивана Александровича на первомъ планѣ стоитъ орденская власть, представителемъ которой для заключенія договора въ Смоленскъ пріѣзжалъ одинъ рыцарь [102]). Полоцкія договорныя грамоты обыкновенно пишутся также на имя Ордена; въ самой Ригѣ рыцари позволяли себѣ употреблять противъ полоцкихъ купцовъ разныя насилія, какъ было напримѣръ въ концѣ XV вѣка [103]); въ закрытіи Двины для заморскихъ Нѣмцевъ и въ недопущеніи полоцкихъ купцовъ въ море виновата конечно не одна Рига, а и Орденъ, построившій въ самомъ устьи Двины крѣпкій замокъ. Что касается новгородской конторы, то Орденъ хотѣлъ сбывать и туда свои товары: однажды въ концѣ XIV столѣтія онъ успѣлъ провести въ Новгородъ одного ломбардскаго купца, везшаго товаръ Ордена; Ломбардецъ умѣлъ какъ-то проникнуть во дворъ, однако скоро былъ узнанъ и арестованъ на основаніи правилъ двора, строго запрещавшихъ доступъ въ него всякому неганзейскому, а тѣмъ болѣе чужестранному купцу; въ отместку за то магистръ Ордена арестовалъ въ Лифляндіи нѣсколько ганзейскихъ купцовъ, и какъ видно по письму Ростока преимущественно гражданъ этого города [104]). Прусскій Орденъ также желалъ участвовать въ торговлѣ на новгородскомъ дворѣ черезъ купцовъ Данцига; Ганза, узнавши это на собраніи 1388 года порѣшила, чтобы прусскіе купцы торговали въ новгородской конторѣ только своими товарами и на свои капиталы, а непривозили бы туда товаровъ господъ духовныхъ и свѣтскихъ,

---

[101]) Рус. Лив. А. стр. 441.

[102]) С. Г. Г. и Д, II, № 8: „а пріѣздили ко мнѣ на докончанье изъ Риги отъ местеря Пьсковъ, божии дворянинъ".

[103]) Рус. Лив. А. стр. 235: „князь вашъ мештерь Полочаномъ у Ризе торговати недалъ, а єщо и товаръ у нихъ пограбилъ, и суды отоималъ... такую имъ соромоту учинилъ".

[104]) *Sart. Lappenb.* Urk. Gesch. II, № 161.

и непускали бы въ оборотъ чужія деньги [105]). Итакъ Орденъ оказывалъ двоякое вліяніе на ходъ торговли: то онъ мѣшалъ ей своими войнами, причемъ для своихъ цѣлей убѣждалъ Ганзу прекращать торговлю съ Русскими; то въ мирное время онъ велъ торговлю чрезъ коммиссіонеровъ или даже безъ нихъ, и въ такомъ случаѣ оказывался важнымъ конкурентомъ для купцовъ, потому что при своемъ богатствѣ и власти могъ сдѣлать эту торговлю весьма для себя прибыльною.

Берега Финскаго Залива, главнаго торговаго пути между Ганзой и Новгородомъ, были заняты съ юга Датчанами, а съ сѣвера — Шведами.

Еще съ конца XII вѣка начались набѣги Датчанъ на Эзель и Эстляндію; въ началѣ слѣдующаго вѣка вмѣстѣ съ Нѣмцами они учащаютъ свои походы на востокъ. Въ 1219 году Вольдемаръ II-й, сопутствуемый двумя епископами, предпринялъ въ Эстляндію крестовый походъ, результатомъ котораго было основаніе Ревеля. Впрочемъ власть датскаго короля надъ Эстляндіей никогда небыла прочна; въ первое же время ливонскій Орденъ едва неотнялъ у Вольдемара его завоеванія; Эсты не разъ поднимали возстаніе противъ пришельцевъ, а вассалы короля, пользуясь отдаленностью отъ Даніи, неслушались распоряженій королевскаго намѣстника и своевольничали, какъ хотѣли. Какъ Эсты, такъ и ихъ господа упражнялись въ грабежѣ товаровъ и людей, выброшенныхъ бурею на берега Эстляндіи, невзирая на торжественныя обѣщанія епископа эзельскаго и королевскаго намѣстника въ Ревелѣ, что нѣмецкіе купцы будутъ пользоваться свободой отъ береговаго права по берегамъ Эстляндіи; даже при помощи короля любецкій ратъ въ концѣ XIII вѣка немогъ добиться у эстляндскихъ рыцарей выдачи пограбленныхъ товаровъ [106]). Что касается Новгорода, издавна собиравшаго дань на эстляндской Чуди, то онъ также враждебно встрѣтилъ Датчанъ въ Эстляндіи, какъ Нѣмцевъ въ Ливоніи: Ярославъ Всеволодовичъ въ 1223 году предпринялъ походъ на самый Ревель [107]); на поляхъ Эстляндіи

---

[105]) *Hirsch.* Handels- und Gewerbsgesch. Danzigs, S. 156.

[106]) Объ этомъ любопытный эпизодъ разсказанъ въ книгѣ г. *Фортинскаго*, Приморск. венд. города, стр. 189—191.

[107]) П. С. Р. Л. III, стр. 39.

близъ Раковора или Везенберга разразилась битва 1268 года, вызванная, какъ увидимъ ниже, претензіями датскихъ и ливонскихъ рыцарей на правый берегъ Наровы и западную часть Водской пятины. Наконецъ обѣ стороны рѣшили помириться: съ этой цѣлію въ княженіе Андрея Александровича около 1300 года начались переговоры съ намѣстникомъ Ревеля; оттуда пришло посольство въ Новгородъ, а князь въ свою очередь отправилъ «къ королевымъ мужамъ въ Колывань» сына своего и отъ Новгорода двоихъ пословъ, какъ видно изъ вѣрующей грамоты, врученной посламъ [108]); для окончательнаго утвержденія мира послы ѣздили къ датскому королю, откуда возвратились въ 1302 году [109]). До насъ не дошло перемирной грамоты; по всей вѣроятности кромѣ опредѣленія границъ въ ней было писано о свободѣ торговли для купцовъ обѣихъ сторонъ и о свободномъ проѣздѣ сквозь Эстляндію. Въ 1323 году королевскій намѣстникъ въ Ревелѣ снова объявилъ свободу отъ береговаго права и безпрепятственный проѣздъ нѣмецкимъ купцамъ до Новгорода съ оговоркою: «доколѣ сами Новгородцы будутъ расположены къ западнымъ христіанамъ» [110]). Но въ половинѣ XIV вѣка поднялось сильное возстаніе Эстовъ противъ датскаго господства, которое взялся усмирить Орденъ; дѣло кончилось тѣмъ, что датскій король Вальдемаръ III-й, видя трудность борьбы и въ тоже время нуждаясь въ деньгахъ, продалъ Эстляндію нѣмецкому гохмейстеру, а тотъ перепродалъ ее магистру ливонскому; съ тѣхъ поръ рѣка Нарова стала служить границей между владѣніями Ордена и новгородскою землей. Съ того же времени Ревель начинаетъ быстро возвышаться и пріобрѣтать большое значеніе; послѣ Риги онъ становится важнѣйшимъ между всѣми городами остзейскаго края. Для ганзейскихъ кораблей онъ былъ необходимой станціей на пути въ Новгородъ; здѣсь собиралась корабельная подать (Pfundzoll); наконецъ ревельскій ратъ ведетъ большую переписку по дѣламъ новгородскаго двора, что доказывается

---

108) Рус. Лив. А. № 43.

109) Р. С. Р. Л. III, стр. 68, 1302: „тогоже лѣта посылаша послы за море въ Доньскую землю, и привезоша миръ докончавше".

110) Рус. Лив. А. № 57, стр. 34: „quamdiu ipsi cives Nogardinses amici christianitatis fuerint et fautores".

громаднымъ числомъ документовъ, сохранившихся въ ревельскомъ архивѣ [111]). Есть извѣстія, что Новгородъ и въ XV вѣкѣ договаривался съ Даніей: такъ въ 1428 году Дерптъ пересылалъ въ Ревель письмо нѣмецкихъ купцовъ въ Новгородѣ, въ которомъ тѣ извѣщаютъ о недавнемъ возвращеніи новгородскихъ пословъ изъ Даніи и заключеніи съ нею пятилѣтняго мира [112]). Такъ какъ въ то время Данія не соприкасалась непосредственно съ новгородской землей, то очевидно договоръ былъ заключенъ для обезпеченія новгородскихъ купцовъ, торговавшихъ за моремъ въ Даніи. Съ тою же цѣлію вѣроятно великій князь Иванъ Васильевичъ заключилъ миръ съ датскимъ королемъ въ 1493 году [113]); а одинъ изъ лифляндскихъ историковъ сообщаетъ извѣстіе, будто въ силу этого договора великій князь началъ воевать со Швеціей за Финляндію и въ тоже время обѣщался прекратить торговлю ганзейскихъ городовъ съ Новгородомъ [114]).

И въ XIII вѣкѣ Шведы продолжали свои воинственные походы на восточные берега Балтійскаго моря; эти походы, бывшіе продолженіемъ древнихъ норманскихъ набѣговъ, по временамъ принимали видъ настоящихъ крестовыхъ походовъ для обращенія Еми, Кореловъ и Ижеры, а также для войны съ схизматическими Новгородцами, какъ знаменитые походы Биргера и Магнуса, столь неудачно окончившіеся для Шведовъ. Съ конца того вѣка ихъ стремленіе на берега Финскаго залива еще больше усиливается: они хотятъ утвердиться въ южной Финляндіи и въ самомъ устьи Невы. Для закрѣпленія своихъ завоеваній Шведы строили укрѣпленные города, какъ то: Выборгъ, Тавастгусъ, Ландскрону, Кексгольмъ и нѣкоторые другіе городки; съ своей стороны Новгородцы отвѣчали Шведамъ нападеніями на ихъ новые го-

---

[111]) *Гер. Гильдебрандъ.* Отчеты о розыскан. произведен. въ рижск. и ревельск. архив. по части рус. исторіи.

[112]) Тамже, № 85, стр. 38.

[113]) *Рус. лѣтоп. по Никон. списку* VI, стр. 136, 1493: „тогожъ лѣта Іюня пришелъ посолъ изъ нѣмецъ къ великому князю отъ датцкого короля Івана о любви и о братствѣ". Великій князь отправилъ съ нимъ въ Данію своихъ пословъ; на другой годъ они возвратились и размѣнялись грамотами. Тамже, стр. 140.

[114]) *Hadebusch.* Livländ. Jahrbücher, I, letz. Abschn. S. 246 (1780).

рода и вторженіями вглубь Финляндіи. Вслѣдствіе этой войны въ области, по которой пролегалъ древнѣйшій и самый важный торговый путь изъ Германіи въ Новгородъ, торговля должна была терпѣть большой уронъ: нѣмецкимъ купцамъ нельзя было ѣздить по Невѣ и Волхову; они должны были предпринимать поѣздки окольнымъ путемъ чрезъ Нарову и Чудское озеро и оттуда сухимъ путемъ до Новгорода; этотъ путь если не былъ длиннѣе, за то менѣе былъ безопасенъ, потому что пролегалъ между Эстляндіей, Новгородомъ и Псковомъ на границахъ этихъ земель, гдѣ собирались разные воровскіе люди, грабившіе проѣзжихъ купцовъ. Поэтому нѣмецкое купечество хлопотало предъ шведскими королями, чтобы ему и въ военное время былъ дозволенъ свободный проѣздъ въ Новгородъ по Финскому заливу и Невѣ; въ 1295 году Биргеръ далъ такое позволеніе, но очевидно съ неохотою, уступая, какъ онъ говорилъ, только просьбѣ императора, и то съ небольшимъ на одинъ годъ, обязавъ притомъ купцовъ непривозить въ Новгородъ оружія, желѣза, стали и разныхъ металлическихъ издѣлій, и убѣждая ихъ ни дѣломъ, ни совѣтомъ непредпринимать ничего вреднаго для Шведовъ. Тутъ же Биргеръ дѣлаетъ общее замѣчаніе, которое не разъ повторяли лифляндскіе Нѣмцы, а позже король польскій и другіе властители Европы, что отъ морской торговли Русскіе, ихъ враги, могутъ усилиться, — мысль конечно вѣрная, но только наполовину: ибо Ганза нехуже другихъ умѣла препятствовать морской торговлѣ Новгорода, какъ Рига и Орденъ препятствовали торговлѣ Полоцка, Витебска и Смоленска [115]). Впрочемъ что касается Шведовъ, то Ганза и Новгородъ, одинаково терпя отъ ихъ воинственныхъ нападеній, собща хлопотали о безопасности торговаго пути по Финскому заливу и Невѣ. Въ 1300 году Шведы высадились

---

115) Грамота Биргера у *Bunge*, LEK. Urk. I, № 559. Между прочимъ вотъ что говоритъ король: „quamvis hoc nobis damnosum noverimus, largam licentiam conferimus ad Nogardiam navigandi hac conditione adjecta, quod nullus de memoratis civitatibus ad Ruthenos navigans arma, ferrum, caliben vel expensas quascunque nisi pro usibus personae propriae, secum ferre praesumat; nullus etiam de praedictis facto vel consilio, per se vel per alios, oculte vel manifeste, attemptet procurare, puod in nostrum vel regni nostri cedere possit praejudicium vel gravamen“.

при устьи Невы и начали строить укрѣпленіе Ландскрону на мѣстѣ нынѣшняго С.-Петербурга; несмотря однако на это новгородскій великій князь Андрей Александровичъ въ грамотѣ Любеку обезпечиваетъ нѣмецкимъ купцамъ свободный проѣздъ по Невѣ подъ защитою его, князя, и новгородскихъ проводниковъ; онъ высказываетъ надежду, что Шведы покинутъ землю Св. Софіи и снесутъ свою крѣпость недавно построенную; въ послѣднемъ случаѣ князь проситъ Любчанъ прислать въ Новгородъ пословъ, чтобы они вмѣстѣ съ новгородскими могли отправиться къ шведскому королю для заключенія мира [116]). Шведы однако неоставили добровольно Ландскроны, а потому весной 1301 года Новгородцы собрались въ походъ и разрушили ее до основанія [117]). Снова возгорѣлась вражда съ обѣихъ сторонъ, длившаяся почти всю первую четверть XIV вѣка: Шведы въ 1313 году сожгли Ладогу, а въ 1317 году грабили новгородскихъ купцовъ на Ладожскомъ озерѣ; съ своей стороны Новгородцы предпринимали два похода въ южную Финляндію [118]), а въ 1322 году подступали подъ Выборгъ, хотя должны были воротиться безъ всякаго успѣха. Наконецъ осенью 1323 года при князѣ Юріѣ Даниловичѣ, посадникѣ Варѳоломеѣ и тысяцкомъ Аврамѣ Новгородъ заключилъ съ Швеціей знаменитый орѣховскій договоръ, по всей вѣроятности не безъ участія Ганзы, потому что для нѣмецкихъ купцовъ въ немъ выговорены важныя льготы; они не только пріобрѣли право безпрепятственнаго плаванія по Финскому заливу и Невѣ, но и право сухопутныхъ поѣздокъ отъ Выборга до новгородской земли чрезъ Корелію; въ спискѣ орѣховскаго договора на русскомъ языкѣ, отысканномъ недавно въ Швеціи, объ этомъ говорится слѣдующимъ образомъ: «гостю гостити безъ пакости изъ всей нѣмецкой землѣ, изъ Любка, изъ Готскаго берега и *Свѣйской землѣ по Невѣ*

---

[116]) Грамота въ русскомъ переводѣ напечатана въ приложеніи къ договору 1270 г. *Андреевскаго*, стр. 102—103. *Боннель* относитъ ее ко времени между построеніемъ Ландскроны и разрушеніемъ ея (Chronogr. Commentar. S. 138).

[117]) П. С. Р. Л. III, 67—68. *Bonnel*, Chronogr. s. 97.

[118]) О походахъ Новгородцевъ на Тавастгусъ 1311 года и на Або 1318 г. см. у *Лерберга*, Untersuchungen, S. 184—198.

въ Новгородъ горою и водою, а Свѣямъ всѣмъ изъ Выбора города гости неперенимати, такоже и нашему гостю чистъ путь за море» [119]). Граница между шведской и новгородской Финляндіей проводится отъ рѣки Сестры, впадающей въ Финскій заливъ, на сѣверъ вплоть до «каяна моря» т. е. до Сѣвернаго океана у береговъ Лапландіи. Орѣховскій миръ былъ неразъ подтверждаемъ и послѣ, какъ напримѣръ въ 1339 году; многочисленные латинскіе списки его XV—XVII вѣковъ свидѣтельствуютъ, какъ онъ былъ важенъ для обѣихъ сторонъ. Тѣмъ неменѣе Шведы и позже непереставали препятствовать торговлѣ Новгорода съ Ганзой: изъ Выборга они всегда имѣли возможность «перенять» купеческія суда, идущія по Финскому заливу; шведскимъ же королямъ постоянно было непріятно, что Новгородъ получаетъ отъ Нѣмцевъ нѣкоторыя средства для борьбы съ ними за Финляндію: въ 1352 году король Магнусъ снова жаловался Ганзѣ, что нѣмецкіе купцы усиливаютъ Русскихъ, подвозя къ нимъ оружіе, сукно, желѣзо, соль, соленую рыбу и прочія жизненныя средства, — вопреки папскимъ распоряженіямъ, имъ самимъ извѣстнымъ и въ большой ущербъ ему, королю; въ тоже время Магнусъ жаловался на безчестье, оказанное шведскимъ плѣннымъ въ Новгородѣ: ибо нѣмецкіе купцы попрекали Шведовъ, что они пираты и злодѣи, которые стараются уничтожить торговлю нѣмецкаго купечества, посѣщающаго Новгородъ, — упрекъ хотя и жесткій, но нужно признаться — далеко небезосновательный. До какой степени озлобленіе Нѣмцевъ и Новгородцевъ на Шведовъ было сильно, доказываетъ наконецъ третья жалоба короля: когда одинъ нѣмецкій купецъ, движимый состраданіемъ къ плѣннымъ Шведамъ, проживавшимъ въ Новгородѣ, сталъ оказывать имъ

---

[119]) *Я. К. Гротъ.* Библіогр. и историч. замѣтки (Прилож. къ XXXI т. Запис. И. Ак. Н. 1877). Подлинной договорной грамоты несохранилось, а только списки ея по двумъ редакціямъ, изъ коихъ одну считаютъ за особенный договоръ 1339 года (*Ленстремъ.* О мирныхъ договорахъ между Россіею и Швеціею въ XIV вѣкѣ. Учен. Зап. Казанск. Унив. кн. 2, 1855). Г. *Боннель* справедливѣе доказываетъ, что это только двѣ редакціи одного и того же договора 1323 года (Chronogr. Com. s. 153—155). Впрочемъ этотъ вопросъ заслуживаетъ пересмотра, болѣе тщательнаго.

нѣкоторую помощь деньгами и вещами, то дворъ исключилъ этого купца изъ своей среды, а Новгородцы взяли его и казнили смертью [120]).

ГЛАВА IV.

Одновременно съ развитіемъ колонизаціи и городской жизни въ прибалтійскомъ краѣ т. е. приблизительно съ XIII вѣка нужно полагать начало Ганзы нѣмецкихъ городовъ съ Любекомъ во главѣ. Съ тѣхъ поръ права суда и управленія отдѣльныхъ купеческихъ корпорацій, производившихъ торговлю на Готландѣ, въ Лондонѣ и другихъ чужестранныхъ рынкахъ, переходятъ на городскіе совѣты, которые берутъ въ свое руководство внутреннюю и внѣшнюю торговлю, все регулируютъ и направляютъ къ одной общей цѣли. Еще въ пору своего самостоятельнаго существованія заграничныя купеческія корпораціи или ганзы въ собственномъ смыслѣ неразъ нуждались въ содѣйствіи городовъ: связанныя съ ними происхожденіемъ и общимъ правомъ онѣ въ сомнительныхъ случаяхъ обращались къ городскимъ совѣтамъ за рѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ права, апеллировали туда какъ въ высшія судебныя инстанціи, или наконецъ просили содѣйствія городовъ для выполненія своихъ постановленій [1]). При томъ для отдѣльныхъ купеческихъ корпорацій, по крайней мѣрѣ въ первое время не было обязательно поступленіе въ общую нѣмецкую Ганзу; такъ напримѣръ гамбургскіе купцы долго

---

[120]) *Kopmann.* Die Recesse u. a. Akt. I, s. 109: Unum mercatorem, qui ipsis captivis compaciens, bona sua distribuit et pecunias exposuit ad tegendum eorum nuditatem et ad emendum et procurandum quibusdam necessaria vitae, quoad victum, qui alias fame et siti destructi fuissent, extra suum consortium ejecerunt, quem statim Rutheni ob eorum invidiam decollarunt". Эти плѣнные Шведы попали въ Новгородъ вѣроятно въ послѣднюю войну съ Магнусомъ 1348—9 года.

[1]) *Lappenberg.* Urk. Gesch. der Ursprung d. deut. Hansa, I, S. XXI.

составляли свои особенныя гильдіи въ Утрехтѣ, Слюйсѣ и Осткеркенѣ подъ именемъ фландрскихъ гостей; они сами управлялись и судились, а въ случаѣ нужды апеллировали въ Гамбургъ [2]). Однако такіе случаи независимости отдѣльныхъ купеческихъ гильдій на ряду съ общей Ганзой очень рѣдки: дальнѣйшая исторія внѣшней нѣмецкой торговли шла именно въ духѣ централизаціи, въ подчиненіи всѣхъ купцовъ руководству городскихъ ратовъ. Такое сосредоточеніе управленія купеческихъ дѣлъ въ городскихъ ратахъ случилось конечно въ ущербъ самостоятельности отдѣльныхъ купеческихъ гильдій, торговавшихъ за границей; но взамѣнъ того онѣ пріобрѣли въ городскихъ совѣтахъ, а особенно въ городскихъ союзахъ такую защиту своихъ правъ, какой прежде при своихъ малыхъ силахъ онѣ немогли себѣ обезпечить. Число такихъ городскихъ союзовъ въ сѣверной Германіи съ XIII вѣка, особенно со времени междуцарствія быстро возрастаетъ; изъ нихъ важнѣе были тѣ, которые заключалъ съ разными городами Любекъ и вендскіе города. Такъ въ 1241 году Любекъ вступилъ въ договоръ съ Гамбургомъ о свободѣ торговли ихъ купцовъ другъ у друга, — договоръ по замѣчанію Копмана означающій связь Балтійскаго моря съ Нѣмецкимъ [3]), хотя еще Сарторій справедливо сомнѣвался считать этотъ договоръ за начало Ганзы [4]). Затѣмъ Гамбургъ вступаетъ въ торговые и оборонительные союзы съ Бременомъ, Брауншвейгомъ и другими саксонскими городами; въ свою очередь саксонскіе города договариваются съ вендскими [5]). Въ концѣ XIII вѣка Любекъ вступаетъ въ договоръ съ Висби и Ригой о защитѣ купцовъ, плавающихъ по Балтійскому морю [6]). Но самый важный союзъ, впослѣдствіи привлекшій къ себѣ почти всѣ города нижней и средней Германіи, и такимъ образомъ послужившій ядромъ общей

---

[2]) Ibid. Срав. также ст. *К. Копмана:* Hamburgs Stellung in der Hansa (Hans. Geschichtsblätt. 1875).

[3]) Die Recesse u. a. Akt. I, s. XXXII. Подробнѣе о немъ Копманъ разсуждаетъ въ особой статьѣ: der Vertrag zwischen Hamburg und Lübek v. S. 1241 (Hans. Geschichtsbl. 1872).

[4]) Gesch. des hans. Bund. I, 371—379.

[5]) *Koppmann.* Die Recesse, I, S. XXXIV—V.

[6]) *Sart-Lapp.* Urk. Gesch. II, №№ 41 und 48.

нѣмецкой Ганзы, былъ союзъ вендскихъ городовъ: Любека, Висмара, Ростока, Стральзунда и Грейфсвальда [7]). Однако несмотря на то, что въ Любекѣ и сосѣднихъ съ нимъ вендскихъ городахъ идея общей нѣмецкой Ганзы была наиболѣе сильна, чѣмъ въ другихъ городахъ, — такъ какъ Любекъ съ вендскими городами наиболѣе выигрывалъ при осуществленіи этой идеи, — несмотря на то союзъ вендскихъ городовъ нерѣдко ослабѣвалъ, а въ началѣ XIV вѣка, благодаря хитрой политикѣ датскаго короля Эриха Менведа, совершенно разстроился: Любекъ очутился даже во враждѣ со Стральзундомъ и Висмаромъ; вслѣдствіе того вендскіе города больше прежняго должны были подчиниться Даніи и вассаламъ имперіи. Но со второй половины того же вѣка вендскій союзъ снова крѣпнетъ; датскій король Вальдемаръ III завоевалъ Визби, центръ прежняго нѣмецкаго купечества и одну изъ важнѣйшихъ торговыхъ станцій на Балтійскомъ морѣ; кромѣ того онъ намѣревался подчинить своей власти всю сѣверную Германію въ тѣхъ размѣрахъ, какими Данія владѣла въ началѣ XIII вѣка, и такимъ образомъ осуществить на дѣлѣ титулъ «короля Славіи». Для вендскихъ городовъ теперь предстояла борьба не только за всю будущность ихъ торговли на Балтійскомъ морѣ, но и за свое независимое существованіе. Правда первая война съ королемъ небыла удачна для Любека и вендскихъ городовъ; за то вторая подняла ихъ значеніе до высокой степени: по стральзундскому миру 1370 года чины датскаго королевства обязались выслушивать на будущее время согласіе Ганзы при избраніи новаго короля. Съ эпохи стральзундскаго мира начинается блестящій вѣкъ Ганзы, какъ торговаго и политическаго союза. Конечно нѣмецкая имперія никогда немогла признать самостоятельности ганзейскаго союза, хотя по своей слабости и терпѣла его существованіе; но нужно также замѣтить, что въ сущности Ганза содѣйствала видамъ имперіи: ибо Ганза докончила онѣмеченіе прибалтійскихъ Славянъ; она же сдер-

---

[7]) Въ прекрасномъ изслѣдованіи объ этомъ союзѣ г. *Фортинскій* особенно удачно выставляетъ на видъ одну сторону въ вопросѣ объ образованіи ганзейскаго союза, именно—развитіе *внутренней свободы городовъ* параллельно съ развитіемъ городскихъ союзовъ, а также домашней и заграничной торговли.

живала напоръ Даніи, которая стремилась овладѣть сѣверной Германіей. Главная сила союза состояла въ обширномъ флотѣ, посредствомъ котораго онъ хозяйничалъ въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ; въ этомъ отношеніи исторія Ганзы есть исторія морскаго могущества Германіи: въ средніе вѣка ганзейскій союзъ былъ на сѣверѣ Европы первостепенною морскою силой, особенно чувствительной для трехъ сѣверныхъ государствъ, соединенныхъ кальмарскою уніей, — и нѣтъ сомнѣнія, что ганзейская политика была одною изъ причинъ, мѣшавшихъ осуществленію этой уніи.

И однако было бы совершенно невѣрно представлять этотъ союзъ сильнымъ и прочно организованнымъ; напротивъ за все время своего существованія Ганза обнаруживала признаки далеко несовершенной организаціи и большой внутренней слабости. Крѣпкой центральной власти, связующей города, не существовало: ганзетаги собирались далеко невсегда исправно; ихъ рѣшенія оставались часто безъ исполненія, если отдѣльные города находили невыгоднымъ слѣдовать имъ. Согласить всѣхъ къ однообразному дѣйствію было весьма трудно, такъ какъ интересы городовъ, составлявшихъ союзъ, расходились весьма далеко. Кельнъ съ вестфальскими городами издавна стремился къ преобладанію въ лондонской конторѣ: въ XIII вѣкѣ онъ не допускалъ въ свою ганзу ни любецкихъ, ни гамбургскихъ купцовъ, и тѣ должны были организоваться въ свои отдѣльныя ганзы; при Эдуардѣ IV-мъ Кельнъ совершенно даже вытѣснилъ любецкихъ купцовъ съ лондонскаго двора и къ великому огорченію Ганзы очутился его полнымъ хозяиномъ [8]). Тѣже вестфальскіе города въ вопросѣ объ апелляціи на приговоры новгородскаго двора вмѣстѣ съ Визби представляли оппозицію Любеку и вендскимъ городамъ, по прежнему желая имѣть высшей инстанціей Визби, а не Любекъ. Выше мы представили, какъ Рига съ лифляндскими городами домогалась увеличить права своихъ купцовъ въ Новгородѣ и какъ въ тоже время стремилась удалить ганзейскихъ купцовъ изъ области западной Двины. Данцигъ съ прусскими городами

---

[8]) *R. Pauli.* Die Haltung der Hansestädte in den Rosenkriegen. (Hans. Geschichtsblät. 1874).

также требовалъ себѣ большихъ правъ въ новгородскомъ дворѣ, чѣмъ уступала ихъ Ганза: они требовали права имѣть тамъ особеннаго ольдермана и священника, права сухопутныхъ поѣздокъ въ Новгородъ, наконецъ права привозить туда польскія сукна [9]). Нерѣдко союзъ разстраивался до такой степени, что почти переставалъ существовать, и только Любекъ съ вендскими городами хлопоталъ тогда о поддержаніи «купеческой храмины». Противъ ослушниковъ своихъ распоряженій Ганза имѣла одно сильное средство,—это изгнаніе изъ союза съ лишеніемъ всѣхъ ганзейскихъ правъ и запрещеніемъ всякихъ сношеній съ опальнымъ городомъ или купцомъ. Но такое рѣшительное средство можно было употреблять изрѣдка и съ большой осторожностью; притомъ оно невсегда было дѣйствительно по отношенію къ большимъ городамъ: Бременъ напримѣръ трижды былъ исключаемъ изъ Ганзы, но повидимому ниразу не находилъ для себя чувствительной утрату ганзейскихъ правъ [10]). Если же несмотря на эти недостатки своей внутренней организаціи Ганза достигла большого политическаго значенія въ сѣверной Европѣ; если посредствомъ своихъ конторъ въ Новгородѣ, Бергенѣ, Брюгге и Лондонѣ она захватила въ свои руки обширную торговлю, и стала посредницей между востокомъ и западомъ съ одной стороны, и югомъ и сѣверомъ Европы съ другой, то причина всему этому лежитъ въ крайней раздробленности феодальной Европы вообще и нѣмецкой имперіи въ особенности: Ганза была сильна безсиліемъ другихъ, и только сравнительно съ малоустроенной имперіей можетъ назваться благоустроеннымъ союзомъ. За то усиленіе нѣмецкихъ князей, бывшее однимъ изъ важныхъ слѣдствій реформаціи, оказалось для Ганзы весьма опаснымъ: «князья ревниво наблюдали, чтобы какой нибудь городъ не вздумалъ уклониться отъ ихъ юрисдикціи: а когда въ городахъ къ религіозному движенію присоединилось соціальное, какъ въ Мюнстерѣ и Бременѣ, то князья въ высшей степени подозрительно стали смотрѣть на всякое безъ исключенія сво-

---

[9]) *T Hirsch.* Hand- u. Gewerbsgesch. Danzigs, 156—157.

[10]) *D. Schäfer.* Bremens Stellung in der Hansa. (Hans. Geschichtsblät. 1874). Самъ Любекъ, глава союза, въ началѣ XV вѣка былъ лишенъ нѣкоторое время ганзейскихъ правъ за демократическое движеніе внутри города и реформу рата.

бодное движеніе общинъ» [11]). Внѣ Германіи отношенія измѣнились также не въ пользу Ганзы. Съ развитіемъ королевской власти, съ пробужденіемъ національнаго чувства и сознанія народныхъ интересовъ для Ганзы стало невозможно удержать свои старинныя монополіи; а съ открытіемъ Америки и развитіемъ мореплаванія по Атлантическому океану усиливаются старые соперники Нѣмцевъ Голландцы и Англичане. Въ 1598 году декретомъ королевы нѣмецкій дворъ въ Лондонѣ былъ закрытъ, купцы изгнаны, а 60 кораблей ихъ арестованы [12]). Со временъ реформаціи усиливается Швеція, и король ея Густавъ Ваза рѣшительно заявляетъ: «нельзя больше терпѣть того, чтобы Любекъ обходился съ тремя великими царствами сѣвера, какъ съ мелочнымъ товаромъ» [13]). Но самый ранній и наиболѣе чувствительный ударъ Ганзѣ былъ нанесенъ великимъ княземъ московскимъ Иваномъ III Васильевичемъ, который въ 1494 году приказалъ опечатать нѣмецкій дворъ въ Новгородѣ, а купцовъ въ количествѣ сорока девяти человѣкъ — посадить въ тюрьму. Какъ велико было значеніе новгородской конторы видно изъ того, что Ганза послѣ ея закрытія несчитала выгоднымъ поддерживать контору въ Брюгге, такъ какъ безъ новгородской она не могла существовать.

Теперь обратимся къ нѣмецкому двору въ Новгородѣ, прослѣдимъ его внѣшнюю судьбу и разсмотримъ его внутреннее устройство.

На Торговой сторонѣ, въ Славянскомъ концѣ, на Варяжской улицѣ стоялъ древній варяжскій или готскій дворъ. Упомянутая улица, по изысканіямъ нашихъ ученыхъ совпадающая съ нынѣшнею Нутною улицей [14]), по всей вѣроят-

---

[11]) Таже, стр. 34.

[12]) *R. Pauli.* Der hansische Stahlhof in London. (Bilder aus alt England. 1876. Gota).

[13]) *K. v. Schlötzer.* Verfall und Untergang der Hansa und d. deutschen Ritterordens, S. 198. (1853).

[14]) Митр. *Евгенія* и г. *Красова.* Впрочемъ эти изслѣдователи не вполнѣ согласны въ опредѣленіи мѣстности готскаго и нѣмецкаго дворовъ; г. Красовъ даже отожествляетъ оба двора, что совсѣмъ невѣрно, и вообще колеблется точнѣе обозначить мѣстность нѣмецкаго двора (О мѣстоположеніи древн. Новгорода, стр. 97—100).

ности получила свое названіе отъ варяжской купеческой колоніи, изстари устроившейся въ Новгородѣ. Неподалеку отъ готскаго двора на нынѣшней большой Михайловской улицѣ стоялъ нѣмецкій дворъ св. Петра [15]); ближайшими сосѣдями того и другого были михайловскіе уличане [16]). Судя по разницѣ платы, которую Нѣмцы давали новгородскимъ извощикамъ за провозъ своихъ товаровъ съ берега Волхова, — 10 кунъ съ ладьи до готскаго двора и 15 кунъ—до нѣмецкаго, нужно заключить, что первый былъ ближе къ берегу Волхова, чѣмъ второй. Нельзя не замѣтить, что Нѣмцы выбрали для своихъ дворовъ весьма удобное мѣсто: неподалеку волховская пристань; вдоль берега рѣки тянулись луга, изстари уступленные Готамъ и Нѣмцамъ во владѣніе [17]); съ другой стороны весьма близко торговище, центръ новгородской торговли; путь къ нему съ готскаго двора лежалъ черезъ княжій дворъ, къ которому съ другой стороны примыкалъ псковскій торговый дворъ [18]). Рядомъ съ нѣмецкимъ дворомъ находилась церковь св. Ивана Предтечи на Опокахъ, гдѣ производился судъ между Нѣмцами и Новгородцами: значитъ и судная палата была у Нѣмцевъ подъ рукой. Конечно такое выгодное мѣсто они пріобрѣли не даромъ, какъ объ этомъ можно догадываться по разсказу о построеніи нѣмецкой божницы, а разъ пріобрѣвши его дорожили каждой пядью своей земли. По договору 1270 года они требуютъ, чтобы мѣсто вокругъ готскаго двора на разстояніи восьми шаговъ было свободно отъ построекъ, склада товаровъ и дровъ, и чтобы имъ оставался свободный проходъ до торговища черезъ княжій дворъ [19]); они также не

---

[15]) *Красовъ*. О мѣстополож. древ. Новгорода, стр. 99.

[16]) *Bunge*. LEK. Urk. III, № 1082 „Welk ungemak geschen is in der goten hove dat hebbe wi geendiget *mit unsen naburen van sunte Michelsstrate*" (Проектъ догов. 1371 г.).

[17]) См. гл. II, примѣч. 17.

[18]) *Sart-Lappenb*. Urk. Gesch. II, 42: „via a curia Gotensium trans curiam regis usque ad forum libera erit et aedificiis inoccupata". — П. С. Р. Л. IV, 109, 1406: „погорѣ княжь дворъ отъ гочкого двора до пьсковскаго".

[19]) *Sart-Lapp*. II, 42: „Circa curiam Gotensium secundum justiciam antiquam ad 8 passus aedificia poni non debent, nec lignorum congeries circumponi, nec aliquid in ea fieri debet preter ipsorum voluntatem".

позволяли Новгородцамъ строить лавокъ или останавливаться съ товарами на мостовой, которую они сами поддерживали вокругъ своего двора [20]). Съ своей стороны Новгородъ настаивалъ, чтобы при перестройкѣ ограды вокругъ двора Нѣмцы не захватывали земли больше прежняго [21]). Послѣ пожара 1299 года, истребившаго нѣмецкій дворъ, ганзейскій посолъ хлопоталъ въ Новгородѣ объ увеличеніи мѣста подъ новый дворъ; въ тоже время онъ просилъ позволенія провести водосточную трубу отъ церкви до берега Волхова [22]); согласился ли тогда Новгородъ на эти просьбы, неизвѣстно; если и согласился, то по всей вѣроятности за извѣстную плату со стороны Нѣмцевъ. Что касается водопровода, то вопросъ о немъ Нѣмцы поднимали неразъ и въ XV вѣкѣ. Въ 1431 году контора писала въ Дерптъ, что водопроводъ день ото дня портится, и вода не имѣетъ никакого стока со двора, что по этому случаю прикащикъ двора (des houes knecht) говорилъ съ улицкими старостами (mid den oldesten van der straten), а тѣ обѣщались доложить Новгороду просьбу Нѣмцевъ, чтобы исправить водопроводъ отъ церкви къ рѣкѣ [23]). Въ 1436 году ганзейскіе послы просили позволенія устроить водопроводъ отъ нѣмецкаго двора до готскаго, но не получили никакого отвѣта [24]), а изъ одного документа 1437 года узнаемъ, что Новгородъ соглашался на проведеніе трубы только при томъ условіи, если Нѣмцы позволятъ православной церкви въ Ревелѣ имѣть дверь съ улицы [25]). Наконецъ съ давнихъ поръ Новгородъ привлекалъ Готовъ и Нѣмцевъ къ участію въ мощеніи городскихъ улицъ, вѣроятно ближайшихъ къ ихъ дворамъ, какъ это видно изъ устава о мостовыхъ. Исторіографъ Карам-

---

[20]) *Bunge*, LEK. Urk. III, № 1082: „juwe koplude de en solen nicht stan up unser brugge to beidentsiden vor unseme houe (проектъ 1371 г.).

[21]) *Sart. Lappenb.* II, S. 100.

[22]) Ibid. s. 160: „de curia Teutonicorum laciori in reedificando.. de caua ab ecclesia ducenda ad aquam, dictam Wolchouwe“ — говорилъ между прочимъ ганзейскій посолъ въ Новгородѣ.

[23]) *Kopp.* Hanserecesse, I, № 217, S. 146—147.

[24]) Ibid. s. 520.

[25]) *Г. Гильдебрандъ.* Отчетъ о розыск. произведен. въ рижск. и ревельск. архив. стр. 42, № 140.

зинъ [26]) справедливо соображаетъ, что этотъ уставъ не можетъ быть приписанъ Ярославу I Владиміровичу, а скорѣе Ярославу Всеволодовичу; другіе впрочемъ думаютъ, что распоряженіе о мощеніи новгородскихъ улицъ было сдѣлано именно старымъ Ярославомъ [27]); но въ такомъ случаѣ нужно предположить, что статья о привлеченіи Готовъ и Нѣмцевъ къ поддержанію мостовой внесена въ *письменный* уставъ не раньше второй половины XII вѣка т. е. времени основанія нѣмецкаго двора въ Новгородѣ: быть можетъ она внесена въ то же время, когда написанъ первый до насъ дошедшій договоръ Новгорода съ Нѣмцами и Готами, т. е. въ самомъ концѣ этого столѣтія, при князѣ Ярославѣ Владиміровичѣ.

Что касается частнѣе готскаго двора, то приблизительно съ половины XIV вѣка ратманы Визби сдаютъ его въ наймы Ганзѣ. До насъ дошелъ цѣлый рядъ документовъ, въ которыхъ изложены самыя условія найма. Такъ въ 1414 году уполномоченный Визби пишетъ, что онъ получилъ съ ревельскаго рата наемную плату за готскій дворъ въ количествѣ сорока марокъ серебра за 12 лѣтъ, слѣдовательно по $3^1/_3$ марки въ годъ, — и возобновилъ контрактъ на слѣдующіе 10 лѣтъ на такихъ условіяхъ. Ганза платитъ городу Визби по 5 марокъ серебра въ годъ; на землѣ, принадлежащей готскому двору, Нѣмцы могутъ строить новыя зданія на ихъ собственный счетъ; если по истеченіи означеннаго срока Готы захотятъ сами владѣть своимъ дворомъ, то они должны представить понятыхъ, двоихъ готскихъ купцовъ и двоихъ Новгородцевъ: столько же понятыхъ должны представить и Нѣмцы, и всѣ вмѣстѣ произвести оцѣнку вновь построенныхъ Нѣмцами зданій; по уплатѣ оцѣночной суммы Готы могутъ вступить во владѣніе своимъ прежнимъ дворомъ; наконецъ если въ продолженіе означенныхъ десяти лѣтъ готскіе купцы пріѣхали бы въ Новгородъ, то они имѣютъ право остановиться въ своемъ дворѣ безплатно [28]). Но такіе случаи пріѣзда готскихъ купцовъ повидимому были рѣдки.

---

[26]) И. Г. Р. II, прим. 108. „Князю до нѣмецкого вымола (т. е. мостить), Нѣмчемъ до Еваня вымола; отъ Еваня вымола Готомъ до Геральда вымола до задьнего". Срав. Выше, прим. 20, и II гл. примѣч. 23.

[27]) Какъ думаетъ г. *Барсовъ*. Географія начальной лѣтописи, стр. 174.

[28]) Рус. Лив. Ак. № 185.

Изъ другихъ контрактовъ XV и XVI вѣковъ видно, что Готы во все это время ни разу невоспользовались правомъ выкупа своего двора; уже давно застроенный нѣмецкими зданіями въ сущности онъ сталъ собственностью Ганзы, такъ что Готамъ плата шла за одно только мѣсто; да и самый дворъ, судя по незначительности арендной платы, былъ очень не великъ.

Гораздо обширнѣе былъ нѣмецкій дворъ Св. Петра. Около 1260 года, въ княженіе Александра Невскаго Нѣмцы пріобрѣли у Новгорода три новыхъ зданія къ своему прежнему двору: «а которыхъ трое дворць выпросили ваша братья посли, а тѣхъ ся есмы отступили по своеи воли», — замѣчаетъ Новгородъ въ договорѣ съ Нѣмцами этого года [29]. Кромѣ того до 1270 года Нѣмцы пріобрѣли еще дворъ отъ Готовъ, причемъ вѣроятно обязались держать около него мостовую [30]. Съ половины XIV вѣка они берутъ въ наймы новый готскій дворъ. Наконецъ въ 1331 году на ряду съ нѣмецкимъ и готскимъ дворомъ упоминаются нѣсколько другихъ зданій, находившихся по близости съ ними, и отчасти невходившихъ въ общую ограду [31]. Такимъ образомъ съ увеличеніемъ ганзейской компаніи увеличивались и размѣры двора. Кромѣ того прикупка новыхъ зданій для Нѣмцевъ обусловливалась частыми пожарами, свирѣпствовавшими въ деревянномъ Новгородѣ, отъ которыхъ нерѣдко терпѣлъ и нѣмецкій дворъ. Любопытно, что отдѣльныя части двора въ XIV вѣкѣ носятъ русскія названія; въ скрѣ упоминаются клѣти (kleten), подклѣти (potklet), ропаты (rapaten), гридница (gridenissen) и погребъ (pogribben) [32]. И это понятно: при перестройкѣ двора Нѣмцы пользовались услугами новгородскихъ плотниковъ; отъ нихъ они и усвоили русскія названія построекъ. Сверхъ упомянутыхъ частей двора внутри его находились еще слѣдующія зданія: такъ называемая новая по-

---

29) Тамже, № 16.

30) См. гл. II, прим. 23.

31) Рус. Лив. А. стр. 56: „dat vornemen de duschen, de in der *hoten houe* stonden, in *anderen houen.*, do vloghen de duschen, de ut *anderen houen* weren ein del in der *goten hof*, un bleuen darinne de nacht; des morgen ghene mäle weder in *den hof, dar he inne ston*; to in *sunte peters hof*.

32) *Sart. Lappenb.* II, S. 269, 272, 273, u. a.

стройка (neuwerk), Морневегова камера (Mornewegs-kammer), названная вѣроятно по имени строителя, любецкаго купца, сильно разбогатѣвшаго отъ новгородской торговли [33]), комната для молотья (malstoue), вѣроятно на ручныхъ жерновахъ, больница (seykstoue) и пивоварня (brühaus) [34]). Изъ жилыхъ помѣщеній (dornsen) одно спеціально назначено было для священника (des papen dornsen), другое — для переводчика (tolkes klet). Въ клѣтяхъ были лавки (loes); клѣти велѣно было запирать вверху и внизу, — значитъ онѣ были двухъэтажныя, что также указываетъ на новгородскій обычай постройки [35]). Всѣ эти зданія и церковь Св. Петра были обнесены досчатымъ заборомъ (tune, planken); но часть пріѣзжихъ останавливалась и внѣ двора (buten houes) въ зданіяхъ, также принадлежавшихъ Нѣмцамъ [36]).

Съ увеличеніемъ ганзейской корпораціи и съ развитіемъ ея торговли въ Новгородѣ развивался и дворовый уставъ. Въ концѣ XIII вѣка любецкій ратъ прислалъ новгородскому двору нѣсколько правилъ, внесенныхъ потомъ въ скру [37]). Въ 1338 году общее купечество въ Готландѣ также постановило нѣсколько распоряженій, обязательныхъ для новгородской конторы [38]). Наконецъ въ 1370 году ганзейскіе послы, бывшіе въ Дерптѣ, подвергли пересмотру всю дворовую скру, причемъ оказалось, что много листовъ изъ нея повырѣзано, много статей внесено лишнихъ, написанныхъ людьми невѣжественными, по выраженію пословъ; результатомъ этого пересмотра была новая редакція скры, состоящая

[33]) Ibid. S. 266, Anmerk. 6.

[34]) Ibid. S. 271, 272, 273.

[35]) Ibid. S. 269, 273, 274.

[36]) Ibid. S. 270. Срав. Рус. Лив. А. стр. 57.

[37]) Эти правила составляютъ такъ называемую вторую скру, состоящую преимущественно изъ статей любскаго права. Напечат. у *Сарторія-Лаппенберга* Urk. Gesch. II, S. 200—212; въ переводѣ г. Андреевскаго, въ приложеніи къ договору 1270 года, она занимаетъ статьи 28—86.

[38]) Напечат. также у *Сарторія* (II, 350—354), но съ неточнымъ замѣчаніемъ, что это суть приложенія къ скрѣ, составленныя ганзейскими послами, бывшими въ Россіи (I, 136). Изъ списка этой скры, напечатанной въ Рус. Лив. А. (№ 64) видно, что она составлена уполномоченными Ганзы на Готландѣ. Въ переводѣ Андреевскаго она занимаетъ стат. 87—110.

изъ постановленій, которыя дѣлало само купечество двора въ XIV вѣкѣ [39]). Такимъ образомъ источникомъ скры послужили не только распоряженія, исходившія изъ любецкаго рата, отъ ганзейскихъ собраній и особенныхъ уполномоченныхъ, которыхъ Ганза отправляла въ Новгородъ, но также постановленія самого новгородскаго двора; слѣдовательно онъ не былъ лишенъ нѣкоторой законодательной власти. Впрочемъ нѣтъ ничего удивительнаго, что высшее завѣдываніе дѣлами новгородской конторы перешло къ городскимъ ратамъ. Нѣмецкій дворъ въ Новгородѣ не былъ постояннымъ ганзейскимъ поселеніемъ въ родѣ напримѣръ бергенской конторы; каждогодно по нѣскольку разъ, въ Новгородъ на смѣну однихъ купцовъ пріѣзжали другіе съ новымъ составомъ лицъ, изъ разныхъ городовъ и не въ одинаковомъ числѣ. Естественно, что при такихъ условіяхъ управленіе дворомъ сосредоточилось въ самихъ ганзейскихъ городахъ, главнымъ образомъ въ Любекѣ, а не во дворѣ съ его постоянно смѣняющимся населеніемъ, хотя для него все таки оставалась нѣкоторая доля самоуправленія и суда. Смѣной двороваго купечества объясняется и фактъ поддѣлокъ скры, засвидѣтельствованный ганзейскими послами; въ самомъ дѣлѣ при частой перемѣнѣ жителей двора, при несогласіи воззрѣній дворовыхъ ольдермановъ на вопросы, касающіеся жизни компаніи, открывалось большое поле для недоразумѣній и злоупотребленій, несмотря на тяжкій штрафъ угрожавшій всякому, кто сталъ бы своевольно вписывать въ скру новыя правила, или уничтожать прежнія. Для предупрежденія поддѣлокъ было постановлено держать скру всегда въ церкви; но не было запрещено снимать съ нея копіи по нѣмецки и по русски [40]). Наконецъ въ XV вѣкѣ встрѣчаемъ указаніе, что подлинникъ скры хранился въ ревельскомъ ратѣ [41]).

На основаніи правилъ скры XIII и XIV вѣка и другихъ

---

[39]) Это такъ называемая третья скра также въ сборникѣ Сарторія (II, 265—292). Въ началѣ она называется слѣдующимъ образомъ: „kerken recht, unde des houes recht, unde al Sante Peters recht".

[40]) *Sart. Lappenb.* Urk. Gesch. II, S. 353.

[41]) *Bunge*, LEK. Urk. IV, № 1622: „se dar neen bock en hebben, dar se sik an holden moegen",—пишетъ контора; какъ видно тамъ не было даже копіи скры.

данныхъ внутренняя жизнь ганзейскаго двора въ Новгородѣ и его порядки представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Старое дѣленіе купцовъ на лѣтнихъ и зимнихъ, на сухопутныхъ и морскихъ сохраняется въ XIV и XV вѣкѣ; по прежнему одинъ поѣздъ по распродажѣ товаровъ уѣзжалъ, уступая мѣсто другому; зимніе гости должны оставить дворъ при послѣднемъ санномъ пути, или по первому пути водяному; лѣтніе гости должны уѣхать по послѣднему пути водяному или по первому санному [42]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а именно когда было свободное помѣщеніе, зимніе гости могли проводить во дворѣ и лѣто, уплатя подать лѣтнихъ гостей; равнымъ образомъ лѣтніе гости могли оставаться на зиму, уплатя подать зимнихъ гостей; но больше года и дня ни въ какомъ случаѣ нельзя было проживать въ новгородскомъ дворѣ [43]). Однако бывали и такіе случаи, что между отъѣздомъ прежнихъ гостей и пріѣздомъ новыхъ оставался нѣкоторый промежутокъ времени; въ такомъ случаѣ ворота двора велѣно было запирать и ключи отъ него отдавать—предварительно опечатавши ихъ—на сохраненіе одинъ новгородскому владыкѣ, а другой юрьевскому архимандриту [44]). Но въ 1443 году Деритъ увѣдомлялъ Ревель, что владыка и архимандритъ незахотѣли принять ключей отъ Нѣмцевъ [45]), вѣроятно по случаю неудовольствій, возникшихъ тогда между Новгородомъ и Нѣмцами. По прежнему всѣ пріѣзжіе во дворъ дѣлились на хозяевъ, прикащиковъ и прислугу; хозяинъ обязанъ доставить на мѣсто своего прикащика подъ штрафомъ въ пять марокъ серебра; подъ страхомъ такого же штрафа прикащикъ не могъ остаться во дворѣ противъ воли своего хозяина; самъ хозяинъ могъ уѣхать до срока, оставя вмѣсто себя прикащика, и за это неплатилъ никакого штрафа; но если весь товаръ распроданъ, то хозяинъ немедленно долженъ ѣхать со двора и

---

42) *Sart. Lappenb.* II, 351.

43) Ibid. 278.

44) Ibid. 269: „wan men utvaret, so scal men de slotele besegelen, unde don den enen biscope van Nougarden, den anderen deme abate van sunte Juriane.

45) *Г. Гильдебрандъ.* Отчетъ о розыск. произв. въ риж. и рев. арх. стр. 47.

взять съ собой прикащика. Живя во дворѣ купцы-хозяева могутъ продавать свой товаръ не только Русскимъ, но и другимъ хозяевамъ и прикащикамъ двора, если хотятъ скорѣе распродать товаръ; они имѣютъ право мѣнять свои товары на русскіе, или покупать русскіе товары на чистыя деньги для продажи ихъ у себя дома; но перепродажа русскихъ товаровъ и дальнѣйшая торговля ими во дворѣ была запрещена [46]). Первоначально не считали нужнымъ обращаться къ посредству торговыхъ маклеровъ, и скра 1338 года запрещаетъ держать ихъ во дворѣ; но позже они являются во дворѣ, и для нихъ былъ написанъ особенный уставъ [47]). Количество товаровъ, которое могъ привезти купецъ одинъ или въ компаніи съ другимъ, или взявши его на коммисію, или просто для доставки во дворъ, ограничивается суммою въ тысячу марокъ серебра: товаръ сверхъ этой суммы арестуется въ пользу св. Петра; споръ о цѣнѣ привезеннаго товара, еслибы таковой случился, разрѣшается въ самомъ дворѣ: потому что только на мѣстѣ можетъ опредѣлиться настоящая цѣна товара и излишекъ его противъ положенной суммы ввоза [48]). Можетъ быть Ганза этимъ правиломъ хотѣла гарантировать менѣе состоятельныхъ купцовъ противъ крупныхъ капиталистовъ, которые могли подорвать мелкихъ торговцевъ [49]); но это распоряженіе могло имѣть еще и ту цѣль, чтобы во дворѣ ненакоплялось слишкомъ много товаровъ, причемъ цѣна ихъ естественно должна была упасть къ выгодѣ Новгородцевъ. По прежнему купцы и прислуга дѣлились на артели, вѣроятно для хозяйственныхъ цѣлей; во главѣ артели стоялъ староста (фогтъ), выбиравшій себѣ двоихъ помощниковъ — одного изъ хозяевъ, а другого — изъ прикащиковъ; вмѣстѣ съ ними онъ назначалъ особенныхъ надсмотрщиковъ надъ огнемъ и свѣтомъ, надъ клѣтями и отдѣльными жилыми помѣщеніями; по субботамъ фогтъ чинилъ разбирательство, и могъ судить виновныхъ въ нарушеніи дисциплины до 15-ти кунъ. Онъ обязанъ былъ смотрѣть за

[46]) *Sart. Lappenb.* II, 351.

[47]) Ibid. 352.

[48]) Ibid. 354, 278.

[49]) Также, стр. 278, примѣч. 5 (Сарторія).

исправнымъ употребленіемъ мебели и посуды, наблюдать за топкою печей и вообще за осторожнымъ обращеніемъ съ огнемъ; двое слугъ, затоплявшихъ печи, должны были постоянно держать на готовѣ котелъ съ водой; если они заснутъ, а огонь разгорится такъ сильно, что покажется большое пламя, то они должны платить штрафъ въ 10 марокъ серебра. Во дворѣ велѣно было соблюдать всевозможную тишину: дрова нужно было рубить днемъ, а не ночью, когда ложатся спать; лошадей нужно держать на привязи, а не давать имъ ходить по двору; запрещено было дразнить собакъ и возбуждать ихъ къ лаю; подъ штрафомъ 10 марокъ серебра запрещено было лазить черезъ дворовый заборъ. Но особенный предметъ заботы для всѣхъ составляла церковь св. Петра; правила о сторожкѣ церкви, о расположеніи внутри ея товаровъ и о церковномъ благочиніи вообще занимаютъ въ скрѣ довольно значительное мѣсто (kerkenrecht). Двое братьевъ, двое компаньоновъ, торгующихъ на общій капиталъ, наконецъ двое слугъ не могли держать ночной стражи въ церкви: спать въ ней должны только хозяинъ съ прикащикомъ посторонняго купца [50]). Тѣ, которые провожали сторожей для ночевки, должны были дожидаться у дверей церкви, пока она не будетъ заперта извнутри, а потомъ запереть ее и снаружи, а ключи ея отдать ольдерману двора [51]). Къ сторожкѣ церкви были обязаны всѣ живущіе какъ внутри двора, такъ и внѣ его; за обѣдомъ одни должны напоминать другимъ о наступающей для нихъ очереди. Если ночные сторожа въ церкви (kerkenschleper) забудутъ потушить огонь, или закрыть окна на ночь, то платятъ штрафъ. Если кто оставитъ церковь незапертою, или вынесетъ церковный ключъ со двора, то платитъ штрафу 10 марокъ серебра; если даже находясь во дворѣ будетъ имѣть ключъ наружи, такъ что его замѣтитъ Русскій, то и за это виновный платитъ марку серебра [52]). При вносѣ въ церковь товаровъ велѣно соблюдать осторожность, какъ бы не повредить дверей или петлей; входить въ церковь нужно было со свѣчей въ подсвѣчникѣ, а солому, въ которую обертыва-

[50]) Также, 265.
[51]) Также, 273.
[52]) Также, 266.

лись тюки, убирать; въ самой церкви оберегаться, чтобы не занять слишкомъ много мѣста въ ущербъ другимъ, не уронить товарныхъ тюковъ, подвѣшенныхъ вдоль стѣнъ на веревкахъ; каждый могъ протянуть для своихъ товаровъ только одну веревку; запрещено было занимать лѣстницу, ведущую въ камеру Морневегову и такъ называемую новую постройку, которыя, какъ видно, были соединены съ церковью [53]). Вдоль стѣнъ разставляли воскъ, мѣдь, олово и свинецъ, предварительно наложивши на нихъ клейма; болѣе громоздкія вещи, напримѣръ, большія бочки и тюки, велѣно было ставить въ особенномъ углубленіи подъ сводомъ [54]); вино ставили подлѣ алтаря, причемъ рекомендовалось незаливать его виномъ, а частію въ морневеговой камерѣ [55]). Вѣсы заблаговременно нужно отправлять въ церковь, прежде чѣмъ ее запрутъ; съ наступленіемъ вечера сукно и другіе товары, которые на день приносили въ клѣти и выставляли какъ образчики для новгородскихъ покупателей, велѣно также уносить обратно въ церковь [56]). Наканунѣ воскресенья средину церкви нужно было разобрать отъ всѣхъ товаровъ въ виду имѣющаго быть на завтра богослуженія; въ церкви послѣ службы держали совѣтъ объ общихъ дѣлахъ (стевенъ); за нарушеніе благочинія во время службы или за отсутствіе изъ церкви послѣ того, какъ священникъ оповѣстилъ собраніе, виновный подвергался извѣстному штрафу, равно и тотъ, кто бы проспалъ назначенный стевенъ [57]). Въ томъ случаѣ, когда купцы станутъ разъѣзжаться изъ Новгорода, такъ что во дворѣ останется менѣе шести хозяевъ и девяти приказщиковъ, церковь было велѣно запирать навовсе, причемъ было строго запрещено причислять къ хозяевамъ приказщика для пополненія указаннаго числа [58]); какъ видно такое число считали необходимымъ для сторожки и защиты церкви отъ Русскихъ.

---

[53]) Также, 266—267.

[54]) Подъ этимъ сводомъ (swichbogen) вѣроятно разумѣется подвалъ или углубленіе въ церковной стѣнѣ, какъ это бывало часто въ новгородскихъ церквахъ. Сарт. Лаппенб. II, стр. 267.

[55]) Также, стр. 268.

[56]) Также, 270.

[57]) Также, 267 — 268.

[58]) Также, 269.

Правила скры о торговлѣ съ Новгородцами показываютъ, что Нѣмцы не довѣряли имъ и боялись съ ихъ стороны обмановъ. На торговлю съ Русскими изъ двора запрещено было выходить по одиночкѣ; нужно было выходить по крайней мѣрѣ вдвоемъ, но не съ роднымъ братомъ, или съ компаньономъ, или съ собственнымъ слугой, такъ какъ упомянутыя лица въ случаѣ какой нибудь тяжбы съ Русскими не могли бы быть достаточно авторитетными свидѣтелями на судѣ [59]). Сторговавши у Новгородца товаръ, Нѣмецъ не долженъ платить ему тотчасъ всѣхъ денегъ, а производить расплату по доставкѣ товара во дворъ. Русскій отвѣчаетъ за проданный товаръ до тѣхъ поръ, какъ онъ не будетъ принесенъ во дворъ; равнымъ образомъ Нѣмецъ отвѣчаетъ за свой товаръ, пока онъ не будетъ вынесенъ со двора; такимъ образомъ приносъ и выносъ товара со двора считается временемъ окончательной сдѣлки [60]). Съ наступленіемъ вечера по данному знаку велѣно было прекращать торговлю съ Русскими, а самый дворъ запирать; если кто задержитъ Русскаго во дворѣ до того времени, какъ будутъ спущены съ цѣпи собаки, и они причинятъ ему какой нибудь вредъ, то дворъ за это не будетъ въ отвѣтѣ: самъ задержавшій пусть и вѣдается съ пострадавшимъ Русскимъ [61]). Запрещено пускать Русскаго въ подклѣть, гдѣ продавалось вино, пиво и медъ, и особенно строго запрещено допускать его къ церкви: если Русскій вступитъ только на первую ступеньку церкви,—выражается скра,—то сторожъ, допустившій это, платитъ штрафу 10 марокъ серебра [62]). Уплата серебромъ Новгородцу, на дому у него, была строго запрещена, равно доставка на домъ какого нибудь товара, или даваніе туда сукна для образчика [63]). Запрещено торговать съ Русскимъ въ кредитъ, вступать съ нимъ въ компанію, брать его товаръ на коммисію или для доставки его въ ка-

---

[59]) Тамже, 274.

[60]) Тамже, 274. Срав. въ Смоленск. договорѣ 1229 года: „аще который товаръ възметь Роусинъ у Нѣмчина, а понесеть изъ двора, тыи товаръ неворочается". (Рус. Лив. А. стр. 433).

[61]) Тамже, 274.

[62]) Тамже, 266.

[63]) Тамже, 275.

кой нибудь нѣмецкій городъ. Нѣкоторымъ Новгородцамъ, вѣроятно замѣченнымъ со стороны неблагонадежности, доступъ во дворъ былъ совершенно закрытъ; ихъ не иначе можно было допускать вновь во дворъ, какъ получа на то позволеніе Ганзы [64]). Наконецъ были запрещены азартныя игры, какъ въ своемъ, такъ и въ русскомъ дворѣ [65]).

По прежнему высшими властями двора были ольдерманъ двора и ольдерманы Св. Петра; существенныя измѣненія противъ прежняго порядка состоятъ въ томъ, что теперь ихъ выбираетъ не всегда само дворовое купечество, а особенные для того присылаемые въ Новгородъ уполномоченные Ганзы; притомъ ольдерманы выбираются изъ купцовъ только Любека и Висби, а не изъ всѣхъ городовъ безъ различія, какъ было въ эпоху готландской торговли, въ XII вѣкѣ. Когда ольдерманъ двора вступаетъ въ свою должность, ольдерманы Петра передаютъ ему всѣ ключи; отъ его воли зависитъ смѣнить ихъ, или оставить въ прежней должности; въ случаѣ выбытія ольдермановъ Петра дворовый ольдерманъ самъ можетъ назначить новыхъ на мѣсто выбывшихъ; въ противномъ случаѣ ихъ выбираютъ уполномоченные Ганзы также изъ купцовъ Любека и Висби; любопытно, что выборъ могъ пасть даже не на двороваго купца, а на лице, находящееся въ данное время внѣ двора. Наконецъ дворовый священникъ также назначался попеременно то Любекомъ, то Висби [66]). Отсюда достаточно видно, какое большое вліяніе на новгородскомъ дворѣ имѣли Любекъ и Висби, хотя не одинъ исключительно Любекъ, какъ онъ того добивался. Впрочемъ въ XV вѣкѣ должность ольдермана двора невсегда замѣщалась; полагаютъ [67]), что уже въ то время начался тотъ порядокъ, который предписываетъ скра XVI вѣка; по этой скрѣ мѣсто двороваго ольдермана заняли два присяжныхъ ольдермана Св. Петра; ихъ выборъ производили представители четырехъ квартиръ, на которыя дѣлился дворъ: каждая квартира или четь назначала троихъ избирателей, а эти избиратели, числомъ 12-ть, уже изъ своей среды выбирали

[64]) Также, 200 — 201; 353.

[65]) Также, стр. 277. Подъ русскимъ дворомъ разумѣется вѣроятно псковскій, лежавшій неподалеку отъ готскаго и княжаго дворовъ.

[66]) Также, стр. 275 — 276.

[67]) *Riesenkampf.* D. deutsche Hof zu Nowgorod, 32—33.

двоихъ ольдермановъ; въ случаѣ если число купцовъ во дворѣ непревышало тридцати человѣкъ, тогда ненужно было выбирать и ольдермановъ, а только такъ называемыхъ предстоятелей (vorsteher) [68]. Это предположеніе въ значительной степени подтверждается фактами. Въ 1433 году новгородскій дворъ жаловался въ Ревель, что нѣкоторые посѣтители двора, особенно изъ молодыхъ, ведутъ себя въ Новгородѣ весьма неприлично, торгуютъ съ Русскими въ кредитъ и бражничаютъ съ ними; особенно дурно они ведутъ себя по лѣтамъ, когда во дворѣ нѣтъ присяжныхъ ольдермановъ (sworen olderlude), потому что на предстоятелей двора (vorstendere) они обращаютъ мало вниманія и неслушаются ихъ; поэтому контора проситъ увеличить права предстоятелей, дабы они могли судить виноватыхъ строже [69]. Отсюда ясно видно, что предстоятелямъ двора давались меньшія полномочія, чѣмъ ольдерманамъ, а этимъ по всей вѣроятности меньше, чѣмъ дворовому ольдерману; степень полномочія, предоставлявшагося дворовымъ властямъ, соразмѣрялась такимъ образомъ съ количествомъ купцовъ, въ данное время проживавшихъ во дворѣ: чѣмъ больше была ганзейская компанія, тѣмъ осторожнѣе она должна была вести себя въ Новгородѣ, тѣмъ значительнѣе права, которыми облекались дворовыя власти — предстоятели, ольдерманы Петра и ольдерманъ двора. Поэтому мы думаемъ, что должность двороваго ольдермана не была окончательно уничтожена въ XV вѣкѣ; очень возможно, что во главѣ большаго купеческаго поѣзда Ганза по прежнему становила полномочнаго ольдермана двора [70]. Назначенные въ должность

---

68) *Willebrandt.* Hansische Chronick, III, S. 101.

69) *Ropp.* Hanserecesse, № 220.

70) Кромѣ названныхъ должностныхъ лицъ въ XV вѣкѣ упоминается еще прикащикъ двора „houes knecht“. Въ 1434 году уполномоченные лифляндскихъ городовъ постановили, что въ новгородскомъ дворѣ никто неможетъ продавать меду, пива или какихъ другихъ напитковъ кромѣ прикащика двора (*Ropp*, Hanserecesse, № 226, S. 153). Въ этомъ ли состояла главная роль прикащика, или онъ также былъ представителемъ конторы въ томъ случаѣ, когда въ ней проживало небольшое количество купцовъ, — сказать трудно; во всякомъ случаѣ онъ небылъ только цѣловальникомъ, а входилъ и въ другія дѣла: въ 1431 году напримѣръ онъ имѣлъ разговоръ съ уличкими старостами Новгорода о починкѣ водопровода. См. выше, стр. 135.

ольдермановъ должны были безпрекословно принимать ее; за отказъ выбранный платилъ штрафъ въ 10 марокъ серебра, а за отказъ въ третій разъ виновный лишался навсегда правъ двора и кромѣ того платилъ штрафъ въ 50 марокъ серебра [71]); какъ видно должности ольдермановъ не смотря на ихъ почетность, были очень тяжелы. За то ольдерманъ двора получалъ громадную власть: виновнаго въ убійствѣ онъ могъ присудить къ смертной казни, виновнаго въ нанесеніи раны оружіемъ — къ отсѣченію руки; всякаго вора какъ за большое, такъ и за малое воровство осуждалъ на висѣлицу [72]). Такимъ образомъ въ отдаленномъ новгородскомъ дворѣ, гдѣ было можно получить много барышей, а иной разъ — все потерять, Ганза старалась держать строгіе порядки; все время новгородскій дворъ состоялъ какъ бы на военномъ положеніи, особенно въ пору розмирья съ Новгородомъ; окруженный со всѣхъ сторонъ заборомъ, цѣлые сутки охраняемый сторожами, а ночью кромѣ того цѣпными собаками, онъ иногда походилъ на вооруженный лагерь посреди непріятелей, готовыхъ перейти въ наступленіе. Правда Нѣмцы требовали, чтобы въ ихъ дворъ невходили биричи и шестники (biriz, schelke) и только послу тысяцкаго (nuncius ducis) давали право звать Нѣмца на судъ съ Новгородцами; они требовали также, чтобы насильно врывавшіеся во дворъ судились по всей строгости законовъ, а именно приговаривались бы къ штрафу въ 20 марокъ серебра, чтобы тѣ которые бросали внутрь двора камни или стрѣлы, или стали бы портить заборъ вокругъ двора, наказывались суммой въ 10 марокъ серебра; они требовали, чтобы на площади между готскимъ и нѣмецкимъ дворомъ небыло кулачныхъ боевъ, потому что въ самомъ дѣлѣ толпа Новгородцевъ, разгоряченная дракой, могла броситься къ нѣмецкому двору, и свои расходившіяся силы попробовать на его воротахъ и заборѣ; наконецъ требовали, чтобы ихъ двору были предоставлены права неприкосновеннаго убѣжища, такъ чтобы преступники, бѣжавшіе къ нимъ во дворъ, невыдавались Новгороду, а судились бы какъ лица, скрывшіеся въ православной церкви [73]); но отъ всѣхъ этихъ требованій до выполненія ихъ

[71]) *Sart. Lappenb.* II, S. 276.

[72]) Ibid. 277 — 278.

[73]) Ibid. S. 37: „Curiae hospitum adeo debent esse liberae. ut si

было очень далеко, и нерѣдко двору грозила серьезная опасность. Однажды въ ноябрѣ 1331 года между Нѣмцами и Новгородцами произошла драка, во время которой одинъ Новгородецъ былъ убитъ; на другой день надъ Нѣмцами разразилась гроза: съ вѣча прибѣжала толпа Новгородцевъ, изрубила заборъ и вломившись во дворъ начала грабить клѣти; сами Нѣмцы заперлись въ своей церкви, гдѣ съ трепетомъ ожидали своей участи [74]). Въ 1412 году контора писала въ Ревель, что недавно Новгородцы украли въ готскомъ дворѣ девять бочекъ меду, для чего проломали заборъ, что они собирались обокрасть и нѣмецкую церковь, и уже пристроили было мостки, одинъ конецъ которыхъ уперли въ заборъ, а другой—къ церковному окну; что они два разъ врывались во дворъ и впредь грозятъ ограбить ихъ и убить, а дворъ поджечь, такъ что они, Нѣмцы, вотъ уже нѣсколько ночей неспятъ на обоихъ дворахъ [75]). Быть можетъ такіе ужасы рисовало отчасти напуганное воображеніе Нѣмцевъ: нельзя же въ самомъ дѣлѣ было вѣрить угрозамъ какой нибудь проходящей мимо праздной толпы,—но несомнѣнно, что по временамъ положеніе двора дѣйствительно было очень опасное, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда по приказанію Новгорода Нѣмцы цѣлыя недѣли сидѣли подъ арестомъ внутри своего двора и дожидались, когда Новгородъ получитъ удовлетвореніе за своихъ купцовъ, которымъ были нанесены обиды въ Лифляндіи или за моремъ.

Однако сама ганзейская компанія въ Новгородѣ не могла выдержать до конца характеръ строгой корпораціи, поступающей всегда на точномъ основаніи ей предписанныхъ правилъ.

---

aliquis excessum commiserit et ad eas confugerit, non debet dari extra eas in manus alicujus, sed placitari debet pro eo, ac si esset in propria ecclesia constitutus". Что обычай убѣжища въ храмъ для спасенія тамъ отъ преслѣдователей былъ и уважался въ Новгородѣ, на это есть ясныя указанія, кромѣ даннаго мѣста; такъ въ 1287 г. бояринъ Семенъ Михайловичъ спасся въ Софійскомъ храмѣ (*Карамзинъ*. И. Г. Р. IV, 90). Этотъ обычай, идущій изъ временъ библейскихъ, особенно долженъ былъ приняться въ Новгородѣ при страстной борьбѣ его партій, и конечно владыки, роль которыхъ какъ миротворцевъ достаточно извѣстна, съ охотой поддерживали его.

[74]) Рус. Лив. Ак. стр. 57.

[75]) Тамже, стр. 149.

Напротивъ отдѣльныя лица находили дворовыя правила обременительными для себя, а потому пытались обойти ихъ; тщетно съ каждаго пріѣзжаго отбиралась присяга, что онъ безпрекословно будетъ исполнять всѣ правила двора [76]); частные интересы лежали ближе къ сердцу, чѣмъ ганзейскіе, и разсчеты превозмогали совѣсть. Такъ Ганза предписывала ѣздить во дворъ только извѣстными путями; въ 1346 году она запретила ѣздить въ Новгородъ сухимъ путемъ на Пруссію и Курляндію, а также чрезъ Швецію, т. е. вѣроятно на Выборгъ; въ тоже время запретила плаваніе отъ береговъ Курляндіи и Эзеля: плыть въ Новгородъ можно было только отъ Риги, Пернова и Ревеля [77]). Но неоднократное повтореніе этого правила показываетъ, что оно часто нарушалось отдѣльными лицами, которыя достигали во дворъ контрабандными путями. Ганза запрещала торговлю съ Русскими въ кредитъ, однако и сама не была послѣдовательна въ этомъ пунктѣ: ибо въ договорахъ съ Новгородомъ предусматриваются случаи торговли въ кредитъ, и постановляются правила о взысканіи долговъ съ неисправныхъ должниковъ; поэтому на запрещеніе кредита въ скрѣ нужно смотрѣть неиначе, какъ только на временное распоряженіе; а при допущеніи кредита неимѣло смысла правило, опредѣлявшее *maximum* ввоза въ тысячу марокъ. Наконецъ несмотря на запретъ вступать съ Русскими въ близкое общеніе, особенно вступать съ ними въ односторонніе договоры, которые нужно было заключать отъ имени всей Ганзы [78]), нѣкоторые изъ пріѣзжихъ Нѣмцевъ успѣвали сближаться съ Новгородцами на столько, что пріобрѣтали между ними себѣ пріятелей, вѣроятно между ближайшими сосѣдями двора, напримѣръ михайловскими уличанами: такъ въ 1331 году по поводу упомянутой выше ночной ссоры и убійства нѣкоторые Новгородцы, по словамъ Нѣмцевъ дружественно настроенные къ нимъ, совѣтовали имъ снести товаръ изъ клѣтей въ церковь, такъ какъ въ городѣ неспокойно и противъ

[76]) *Sart. Lappenb.* Urk. Gesch. II, S. 280. Вотъ формула присяги: „dat eme Got also helpe unde alle godes hilghen unde de gude here sante peters, dat he den willekore dusses breyues hebbe geholden sunder aller hande argelist".

[77]) Тамже, стр. 279.

[78]) Тамже, стр. 276.

Нѣмцевъ начинается сильное возбужденіе [79]). Не говоримъ уже о владыкѣ, посадникѣ и тысяцкомъ, которые большею частію стояли за порядокъ и во всякую пору готовы были оказать Нѣмцамъ защиту и покровительство, особливо если тѣ умѣли во̀время доставить имъ нѣкоторый гостинецъ. Для всего Новгорода Нѣмцы были по временамъ весьма желанными гостями; въ 1230 году по всей Руси свирѣпствовалъ голодъ, даже въ суздальской землѣ хлѣбъ получали изъ Булгаръ, въ Смоленскѣ былъ голодъ и моръ, но особенно ужасенъ голодъ былъ въ Новгородѣ: по словамъ лѣтописца люди ѣли мохъ, сосновую кору и листъ; другіе ѣли конину, собачье и кошачье мясо, а нѣкоторые терзали даже трупы; но «вскорѣ прибѣгоша Нѣмцы изъ заморія съ житомъ и съ мукою, и сътвориша много добра, а уже бо бяшеть при кончинѣ градъ сій»,—добавляетъ лѣтописецъ; услуга Нѣмцевъ тѣмъ больше была дорога, что великій князь Ярославъ Всеволодовичъ, разсорясь съ Новгородомъ, занялъ Торжокъ и такимъ образомъ прекратилъ подвозъ хлѣба съ низовья [80]). Сами Новгородцы въ продолженіе цѣлаго дня были обыкновенными гостями въ готскомъ и нѣмецкомъ дворахъ; мало того — во дворъ приходили совсѣмъ для иныхъ цѣлей, чѣмъ торговыхъ: въ XII вѣкѣ, въ эпоху еще новгородскаго «двувѣрія» новгородскія женщины носили къ пріѣзжему варяжскому священнику молитвовать своихъ дѣтей [81]).

Короче сказать — въ дѣйствительности отношенія Нѣмцевъ къ Новгороду слагались далеко иначе, чѣмъ предписывала скра. Одно дѣло было писать распоряженія издалека и совсѣмъ другое — жить въ Новгородѣ: для ганзейской корпораціи невозможно было невойти въ кругъ жизни этого города, стать отъ него совершенно особнякомъ; напротивъ для нея, особенно для ея отдѣльныхъ членовъ гораздо выгоднѣе было войти въ болѣе тѣсное знакомство съ Новгородцами, — и только Ганза съ ея

---

[79]) Рус. Лив. А. стр. 56.

[80]) П. С. Р. Л. III, 47 — 48.

[81]) „А оже се носили къ варяжьскому попу дѣти на молитву", спрашивалъ Кирикъ. „Шесть недѣль опитимьи, рече (владыка), занеже акы двовѣрци суть". Памятники росс. словесн. XII вѣка, стр. 202.

подозрительной политикой, съ ея неумѣреннымъ стремленіемъ къ опекѣ и регламентаціи могла пожалѣть, что данныя ею правила нестрого соблюдаются въ новгородскомъ дворѣ.

ГЛАВА V.

Древнѣйшій путь, по которому Новгородъ производилъ свою торговлю съ Варягами и Нѣмцами, шелъ по Волхову, Невѣ и Финскому заливу, слѣдовательно почти сполна внутри новгородскихъ владѣній; крайними пунктами этихъ владѣній на западѣ въ XII и XIII вѣкахъ, до которыхъ впервые достигали Нѣмцы, и съ тѣхъ поръ становились гостями великаго Новгорода, имѣя право требовать отъ него отвѣта за вредъ, случавшійся имъ на пути до двора, были острова Котлинъ и Березовые: «а старый миръ до Котлина,» — говоритъ въ этомъ смыслѣ договоръ съ Нѣмцами 1260 года [1]. Весьма вѣроятно, что на островѣ Котлинѣ Новгородцы имѣли тогда свое «становище», куда они приставали сами, отправляясь на Готландъ, равно и Нѣмцы, ѣхавшіе оттуда въ Новгородъ. Что до XIV вѣка, то существованіе тогда новгородской станціи на Котлинѣ сомнительно: по всей вѣроятности Шведы, утвердившись въ Выборгѣ и овладѣвши Березовыми островами, прежде принадлежавшими Новгороду, успѣли занять и Котлинъ; но по договору 1270 года граничными пунктами новгородскихъ владѣній на западномъ взморьи считаются именно эти острова: Березовые (berko) по латинской редакціи, и Котлинъ (ketlingen)—по нѣмецкой. На Котлинѣ, либо въ устьи Невы Новгородъ въ XIII вѣкѣ держалъ морскую стражу, вѣроятно противъ нечаянныхъ нападеній Шведовъ или морскихъ разбойниковъ, а быть можетъ также для доставленія помощи и охраны ѣдущимъ съ Готланда своимъ и нѣмецкимъ купцамъ; къ сожалѣнію въ точности неизвѣстно

---

[1]) Рус. Лив. Ак. стр. 9.

ни мѣсто сторожевой станціи, ни организація самой стражи, о которой впервые и единственно упоминается въ сказаніи о побѣдѣ надъ Шведами Александра Невскаго [2]). Проѣхавши Котлино озеро, какъ называлась въ старину часть Финскаго залива между Котлинымъ и устьемъ Невы [3]), нѣмецкія когги вступали въ Неву и слѣдовали до Ладоги, а Новгородъ на встрѣчу гостямъ высылалъ лоцмановъ, которые должны были взять ихъ съ товарами на свои, вѣроятно плоскодонныя лодьи, такъ какъ когги, суда большихъ размѣровъ, если и могли миновать невскіе пороги, то уже не могли пройти сквозь пороги волховскіе, гораздо болѣе опасные; поэтому перегрузка товаровъ на лодьи происходила по крайней мѣрѣ въ Ладогѣ, если нераньше, напримѣръ при устьи Ижоры. Въ латинской редакціи договора 1270 года порядокъ перевозки товаровъ по Волхову опредѣляется довольно подробно. Приходя къ порогамъ зимніе гости объявляютъ старостѣ лоцмановъ (oldermanno vectorum), чтобы на слѣдующій день онъ распорядился отправкой ихъ съ товарами до Новгорода; утромъ вскипятивши котелокъ пищи, вѣроятно щей или кашицы (decoquetur unum caldarium), лоцманы должны немедленно везти нѣмецкихъ гостей; они должны быть люди благонадежные и сильные, чтобы могли хранить весь товаръ въ цѣлости. Доѣхавши до рыбачьей избы (taberna piscatorum) лоцманы получаютъ съ Нѣмцевъ свою плату за провозъ, а именно: каждый лоцманъ беретъ восемь куньихъ мордокъ и два полотенца, или вмѣсто ихъ три куньи мордки, послѣ чего гости отвозятся дальше; лѣтніе гости платили съ каждой лодьи четыре хлѣба, да чашку масла, или деньгами двѣ куны за хлѣбъ, а за масло — три мордки. По нѣмецкой редакціи то-

---

[2]) П. С. Р. Л. I, 205: „бѣ нѣкто мужь старѣйшина въ земли Ижерской, именемъ Пелгуй; *поручено же ему бысть стража морьская*, всприятъ же святое крещенье и живяше посредѣ роду своего погана суща".

[3]) „Выборгъ градъ стоитъ на Котлинѣ озерѣ; на озерѣ островъ Котлинъ, да островъ Березовый". Древн. россійск. Идрографія, изд. *Н. Новикова*, Спб. 1773, стр. 186. Впрочемъ авторъ этой идрографіи плохо зналъ западную русскую окраину, какъ это видно изъ слѣдующаго его показанія: „а отъ Выборга озеро Котлино вдоль 150 верстъ, а поперекъ—50, *а изъ Котлина озера вытекла рѣка Нева, а пала въ Ладожское озеро противъ Орѣшка*". Тамже, стр. 187.

того договора плата опредѣляется нѣсколько иначе: каждый лоцманъ получаетъ пять марокъ кунъ, или вмѣсто того окорокъ ветчины; за полпути отъ Ладоги до Новгорода — три марки кунъ, либо половину окорока. За лодью, разбившуюся у пороговъ, нѣмецкій гость не отвѣчаетъ, а только платитъ наемную за нее плату; лоцманъ же неотвѣчаетъ за товаръ, погибшій у пороговъ при крушеніи лодьи. Если гости на пути поссорятся съ лоцманами, а потомъ помирятся, то дѣло больше невчинается въ Новгородѣ; но если помириться неуспѣютъ, то жалобщики должны явиться на судъ тысяцкаго во дворѣ Св. Ивана. Послѣ рыбачьей избы на Волховѣ упоминаются нѣсколько другихъ остановокъ [4]): на островѣ гостиннопольскомъ (gestefelt) Нѣмцы платили какъ сейчасъ увидимъ, мытъ или проѣзжую пошлину [5]); очень вѣроятно, что на этомъ островѣ кромѣ таможенной избы, гдѣ жилъ новгородскій мытникъ, было особенное торговое поселеніе. За гостиннопольемъ упоминаются «witlage» и «drellenborch». Первое изъ этихъ названій Кругъ относитъ приблизительно къ мѣстности Соснинской пристани верстахъ въ 132-хъ отъ Ладоги, а отъ Ильменя верстахъ въ 74-хъ [6]). Нѣтъ сомнѣнія, что это названіе тожественно съ «vitta» т. е. небольшимъ земельнымъ участкомъ, застроеннымъ лавками, магазинами и жилыми помѣщеніями; такого рода земельными участками или виттами владѣли напримѣръ любецкіе купцы въ Шоненѣ на основаніи привилегій, дававшихся имъ королями датскими [7]); въ новгородской же землѣ такимъ словомъ Нѣмцы очевидно обозначаютъ *лавки* или *рядки*, довольно обычный видъ новгородскихъ поселковъ, составляющихъ нѣчто среднее между городомъ и деревней, или точнѣе — переходную ступень отъ деревни къ городу; такихъ рядковъ въ новгородской землѣ особенно много было по Мстѣ, какъ по важнѣйшему пути для внутренней торговли Новгорода; часть ихъ была также

---

[4]) Довольно подробное описаніе волховскаго пути и волховскихъ пороговъ можно читать у *Круга* въ его: Forschungen in der älter. Geschichte Russlands, II, s. 629 — 632.

[5]) Островъ гостиннопольскій на Волховѣ, верстахъ въ 34-хъ отъ Ладоги имѣетъ до 2 верстъ длины и 150—300 саженъ ширины.

[6]) Forschungen, II, 633.

[7]) *Фортинскій*. Примор. вендск. города. стр. 199, примѣч. 2.

по Волхову особенно въ ближайшей мѣстности къ Новгороду [8]). — Что касается «drellenborch», то Кругъ конечно справедливо относитъ это названіе къ урочищу «Холопій городокъ» (нѣмецкое drellenborch есть буквальный переводъ этого слова), находящемуся на правой сторонѣ Волхова верстахъ въ 19-ти отъ Ильменя и въ 2-хъ отъ Хутынскаго монастыря; но трудно сказать, почему нѣмецкимъ прикащикамъ позволено было только условно посѣщеніе этихъ рядковъ и холопьяго городка [9]). Наконецъ гости прибывали въ Новгородъ; къ пріѣзду ихъ тамъ должны быть приготовлены телѣги для перевозки товаровъ съ берега во дворъ; за провозъ извощики получали по 15 кунъ съ лодьи до нѣмецкаго двора, и по 10-ти до готскаго. Кромѣ извощиковъ къ услугамъ Нѣмцевъ были носильщики (dregers); но въ 1436 году на этихъ носильщиковъ Нѣмцы жаловались, что они насильно предлагаютъ свои услуги, непозволяя самимъ Нѣмцамъ переносить свой товаръ, тогда какъ Новгородцы неиспытываютъ никакихъ подобныхъ принужденій въ лифляндскихъ городахъ: ибо тамъ они сами разносятъ свои товары, или съ помощью своихъ холоповъ (drellen) [10]). Относительно извощиковъ Нѣмцы также оговаривались, что ихъ предложенія недолжны быть для нихъ обязательны: они могутъ пользоваться и своими лошадьми, если онѣ у нихъ будутъ; о лоцманахъ замѣчали, что изъ нихъ слѣдуетъ выбирать людей хорошихъ и притомъ столько, сколько было издавна, но небольше, конечно съ тою цѣлію, чтобы неплатить имъ лишняго. Кромѣ лоцмановъ Новгородъ давалъ Нѣмцамъ на обратный путь до Готланда «пословъ» т. е. проводниковъ, а по договору 1260 года нѣ-

---

[8]) Значеніе этихъ рядковъ очень хорошо опредѣлено въ статьѣ къ сожалѣнію нынѣ уже покойнаго *А. К. Ильинскаго* въ Журн. М. Н. П. 1876, Іюнь. О рядкахъ по Волхову ближе къ Новгороду см. на стр. 269 — 270; положеніе „witlage“ какъ разъ подходитъ къ одному изъ тутошнихъ рядковъ.

[9]) Самый текстъ латинской грамоты въ этомъ мѣстѣ очень невразумителенъ: „cum mercatores ascendunt Wolcowe et veniunt ad veritin (?) *ritsagen* prima die famuli mercatorum non intrabunt ritsagen, sed secunda die intrabunt et exibut, cum venerint dhrelleborch“. *Sart. Lappenb.* Urk. Gesch. II, 37. Но Дрейёръ и Кругъ вѣрнѣе читаютъ вмѣсто ritsagen—*vitlagen*. Тамже, стр. 37. Forschungen, II, 633.

[10]) *Ropp*, Hanserecesse, s. 509.

мецкіе купцы должны были брать новгородскаго посла еще на Готландѣ, гдѣ было новгородское становище [11]); Новгородъ ручался за безопасность нѣмецкихъ гостей только въ такомъ случаѣ, когда они ѣхали въ сопровожденіи его пословъ, какъ изъ Новгорода на готскій берегъ, такъ и обратно. Равнымъ образомъ Новгородъ ни зачто неручался, еслибы Нѣмцы углубились въ землю Кореловъ т. е. на сѣверъ отъ Невы къ Выборгу, но позволялъ торговать съ прибрежными Инграми и Корелами, жившими въ западной части Вотской пятины. Наконецъ по берегамъ Невы и Финскаго залива Нѣмцамъ позволено было рубить лѣсъ для починки судовъ и дрова для варки пищи.

Но описанный водный путь [12]) кромѣ неудобствъ, какія представляются порогами на Невѣ, Ладожскомъ озерѣ и особенно на Волховѣ, часто былъ небезопасенъ отъ нападеній Шведовъ, и отчасти Кореловъ, которые ударились въ разбой, тѣснимые съ двухъ сторонъ Шведами и Новгородцами. Поэтому въ пору войнъ со Шведами нѣмецкіе купцы ѣздили по Наровѣ, которая впрочемъ также имѣетъ свои трудные пороги, потомъ отъ Нарвы ѣхали сухопутьемъ до Новгорода, или продолжали плыть также вѣроятно какъ и по Волхову на лодьяхъ съ помощью туземныхъ лоцмановъ до Пскова, а оттуда сухимъ путемъ достигали Новгорода. Вслѣдствіе этихъ неудобствъ плаваній по порожистымъ рѣкамъ [13]), Нѣмцы въ позднѣйшее время предпочитали сухопутныя дороги изъ лифляндскихъ городовъ: Риги, Пернова и Ревеля. Въ грамотѣ великаго князя Андрея Александровича 1301 года сказано: «дахомъ имъ (Нѣмцамъ) три пути горніи по своей волости, а четвертый въ рѣчкахъ» [14]) Нѣтъ сомнѣнія, что подъ горними здѣсь разумѣваются сухопутныя дороги; но какія именно?

---

[11]) Рус. Лив. Ак. стр. 9: „а зимній гость оже непоиметь нашего посла; ни новгородцькыхъ купець из Новагорода или съ *Гъцького берега*, оже без посла пойдуть, то Новугороду тяжа ненадобѣ, въ старый миръ“. Почти такая же статья въ договорѣ 1270 года, гдѣ послы или проводники называются „bode“.

[12]) На основаніи латинской и нѣмецкой редакцій договора 1270 года.

[13]) И другія важнѣйшія рѣки въ сѣверозападномъ краѣ, какъ Мста и западная Двина, имѣютъ свои пороги.

[14]) Рус. Лив. Ак. стр. 25.

Г. Аристовъ по догадкѣ распредѣляетъ ихъ такъ: два пути шли отъ Ревеля и Дерпта, третій изъ Риги и Ревеля чрезъ Псковъ [15]). Конечно означенные города служили исходными пунктами дорогъ въ области псковскую и новгородскую; но едва ли въ приведенномъ мѣстѣ грамоты говорится объ этихъ путяхъ: вѣдь большая часть ихъ идетъ по Лифляндіи, тогда какъ князь очевидно говоритъ о путяхъ, *сполна* находящихся въ новгородской волости; онъ могъ ручаться за безопасность нѣмецкихъ гостей только на этихъ путяхъ, а не тѣхъ, которые шли внѣ новгородскихъ владѣній. Итакъ ихъ нужно искать въ новгородской землѣ. Съ полной вѣроятностью можно полагать, что одинъ путь шелъ отъ Нарвы, а другой — отъ Пскова; труднѣе сказать, какой былъ третій путь: не шелъ ли онъ къ Новому Торгу? Что во всякомъ случаѣ Нѣмцы ѣздили торговать внутрь новгородской волости по разнымъ пригородамъ и торговымъ мѣстамъ въ родѣ рядковъ, это неподлежитъ сомнѣнію. Въ латинской редакціи договора 1270 года назначается плата въ пятницкую церковь съ тѣхъ гостей, которые возвращаются изъ новгородской области [16]). Въ нѣмецкой редакціи тогоже договора постановлено, что гости безпрепятственно могутъ ѣздить водою и сухимъ путемъ всюду, куда простирается господство Новгорода [17]). Весьма ясное указаніе по тому же предмету встрѣчаемъ въ скрѣ отъ конца XIII вѣка: «если кто обѣщаетъ — сказано въ ней — представить за себя поручителя, и если поручитель, котораго онъ назвалъ по имени, находится въ странѣ, то онъ долженъ представить его въ теченіе 14-ти дней»; далѣе разъясняется: «внутри страны значитъ, сколь далеко господство Новгорода сюда простирается» [18]). Полагая, что на позовъ поручителя во дворъ требовалось семь сутокъ, да столько же времени для пріѣзда его въ Новгородъ извнутри области съ того мѣста, гдѣ онъ получилъ позовъ, мы будемъ имѣть представленіе о томъ, какъ далеко нѣмецкіе купцы заѣзжали внутрь области: въ недѣлю можно было уѣхать довольно далеко.

---

[15]) Промышл. древн. Руси, стр. 201.

[16]) См. гл. II, примѣч. 47.

[17]) *Sart. Lappenb.* Urk. Gesch. II, 99.

[18]) Перев. *Андреевскаго*, О договорѣ 1270 г., стр. 72.

Наконецъ Нѣмцы посылали молодыхъ прикащиковъ въ разныя мѣста новгородскаго края для обученія русскому языку [19]), вѣроятнѣе въ тѣ именно пункты, куда сами они ѣздили для торговли; къ числу такихъ пунктовъ смѣло можно отнести Новый Торгъ, важнѣйшій послѣ Новгорода и Пскова торговый городъ.

Упомянутая плата въ церковь св. Пятницы должна быть разсматриваема, какъ плата за право внутренней торговли, или какъ родъ мыта, проѣзжей пошлины. Совершенно опредѣленно о проѣзжихъ пошлинахъ говорятъ сами Нѣмцы въ латинской грамотѣ 1270 года. Въ гостинномъ полѣ, гдѣ находился особенный новгородскій мытникъ (teloniarius), каждая нѣмецкая лодья, нагруженная цѣннымъ товаромъ (bonis), платила пошлины марку кунъ; лодья съ тяжелымъ товаромъ (gravibus), какъ-то: мясомъ, мукой и пшеницей, платила полмарки; но лодья съ жизненными припасами (victualibus), вѣроятно тѣми, которые шли на потребленіе самимъ Нѣмцамъ, освобождалась отъ мыта [20]). Въ самомъ Новгородѣ нѣмецкіе купцы платили торговыя пошлины «по двѣ кунѣ отъ капи и отъ всякого вѣснаго товара, что кладуть на скалви, и продавше и купивше» [21]). Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что торговля Нѣмцевъ въ Новгородѣ по крайней мѣрѣ въ XIII вѣкѣ небыла совсѣмъ безпошлинною; но этѣ пошлины были очень незначительны, какъ видно по отзыву Нѣмцевъ, называвшихъ новгородскую торговлю безпошлинной. Въ Лифляндіи новгородскіе и псковскіе купцы также платили мытъ; неподалеку отъ Дерпта на рѣкѣ Эмбахѣ стоялъ шлагбаумъ, или по русскому выраженію «колода», гдѣ брались пошлины на дерптскаго епископа [22]); но въ договорѣ съ Дерптомъ Новгорода и Пскова 1474 года сборъ этихъ пошлинъ отмѣняется: «а колоду на обѣ стороны отложихомъ» [23]).

---

[19]) „Hospites libere et sine contradictione pueros suos mittant ad discendum loquelam quocunque volunt“. *Sart. Lappenb.* Urk. Gesch. II, 38.

[20]) Ibid. 36.

[21]) Рус. Лив. Ак. стр. 9 (договоръ Александра Невскаго, 1260 г.).

[22]) Nyenstädts Chronik, 6.—„А что подъ пискуплимъ городомъ колода черезъ рѣку за замькомъ. а туды новгороцькому купцю путь цистъ“. Рус. Лив. А. стр. 87.

[23]) Сборникъ Муханова, № 19.

Одною изъ первыхъ заботъ Ганзы было ввести на чужестранныхъ конторахъ тѣ мѣры и вѣсы, которые были употребительны въ нѣмецкихъ городахъ. Въ 1282 году она добилась въ Брюгге того, что на будущее время положено было употреблять вѣсы только съ двумя чашками, а отнюдь не «Ponder» [24]); въ Новгородѣ того же самаго Нѣмцы достигли еще раньше: въ договорѣ 1260 года объ этомъ читаемъ: «пудъ отложихомъ, а скалви поставихомъ, —по своей воли и по любви» — добавляютъ Новгородцы, ясно показывая, что этого добивались Нѣмцы [25]). Упомянутыя скальвы были именно вѣсы съ двумя чашками или скалками (scalen, beide scalen, libra); о способѣ взвѣшиванія на этихъ вѣсахъ встрѣчаемъ указаніе въ полоцкомъ договорѣ съ Нѣмцами 1330 года: при взвѣшиваніи воска на этихъ вѣсахъ, которые поэтому еще назывались «wazwicht», т. е. вощаной вѣсъ, нужно было «языкъ пускати на товаръ», т. е. наблюдать, чтобы язычекъ или вѣсовая стрѣлка принялъ свободное движеніе, а потомъ сталъ по отвѣсной линіи, какъ это бываетъ при равновѣсіи скалокъ; выраженіе «пускать языкъ *на* товаръ» указываетъ, что стрѣлка въ этихъ вѣсахъ помѣщалась подъ плечомъ вѣсовъ, и потому колебалась надъ товаромъ. Для устраненія всякаго подозрѣнія вѣсовщикъ долженъ при взвѣшиваніи отнять руки отъ скалокъ, и отступить прочь [26]). Что до пуда (ponder, pondarium), то это кажется былъ родъ большаго безмѣна, на которомъ взвѣшиваніе производилось съ помощью подвижного ремня, какъ объ этомъ можно заключать изъ сравненія русскаго и нѣмецкаго текста упомянутаго полоцкаго договора: тамъ гдѣ по нѣмецки сказано «das solt schal men wegen *in dem pundere*», въ русскомъ текстѣ стоитъ: «соль вѣсити у *пудный ремень*», который въ другомъ мѣстѣ поэтому прямо называется «soltpunder», т. е. соляной пудъ [27]). Какъ видно взвѣшиваніе на ремнѣ Нѣмцы находили неудовлетворительнымъ, а потому уговорили Новгородцевъ замѣнить ихъ болѣе чувствительными скалками;

---

24) *Фортинскій.* Примор. венд. города, стр. 296.

25) Рус. Лив. Ак. стр. 9.

26) Тамже, стр. 54. Сравн. стр. 125.

27) Тамже, стр. 127.

но отложили ли пудъ навсегда, это неизвѣстно навѣрное. Для взвѣшиванія серебра употреблялись особенные вѣсы (scala argenti); вѣсовщикъ вѣсилъ его для Нѣмцевъ безплатно, вѣроятно въ томъ случаѣ, когда они производили имъ уплату въ Новгородѣ; взявъ у гостя серебро для переплавки, т. е. въ слитки извѣстнаго вѣса (гривна, марка) вѣсовщикъ обязанъ при возвращеніи его исключить примѣсь, а гость получая обратно свое серебро имѣетъ право повѣрить точность вѣсовъ, такъ что онъ можетъ попеременно класть серебро и разновѣсы то на одну, то на другую чашку. Вѣсовщикъ серебра и всякихъ другихъ товаровъ долженъ цѣловать крестъ въ знакъ того, что будетъ на обѣ стороны вѣсить правильно; въ 1335 году Нѣмцы требовали, чтобы пробирщики серебра отвѣчали всѣ вмѣстѣ, если одинъ изъ нихъ взявъ серебро для переплавки скроется [28]. Что дѣйствительно въ Новгородѣ въ XV вѣкѣ серебряники составляли артель съ круговою порукой, видно изъ дѣла серебряника Ѳедора Жеребца, который между прочимъ говорилъ на судѣ: «на всѣхъ есмь лилъ и на всю землю, и вѣсилъ *съ своею братьею ливци* [29]. Обыкновенной вѣсовой единицей для воска и другихъ вѣсовыхъ товаровъ служила капь, опредѣлявшаяся въ 8 ливонскихъ фунтовъ; болѣе крупной единицей былъ берковецъ, который въ полоцкомъ договорѣ 1330 года приравнивается къ шипфунту [30] Сукно мѣряли на локти (reb, funis sancti Petri), но неизвѣстно, былъ ли онъ равенъ иванскому локтю [31]. Въ оптовой торговлѣ сукна продавались поставами, въ которыхъ считалось около 37 аршинъ [32].

Главный предметъ нѣмецкаго привоза въ Новгородъ составляли сукна, преимущественно фландрскія, частію аглицкія, нѣмецкія и польскія. Богатые новгородскіе бояре и купцы любили носить цвѣтные кафтаны изъ «нѣмецкихъ» суконъ; духовныя лица употребляли черныя сукна, хотя монастырскіе уставы неодобряли ношенія платьевъ изъ нѣмецкаго

---

[28] *Sart. Lappenb.* Urk. Gesch. II, 40—41, 161.
[29] П. С. Р. Л. IV, 126, 1447.
[30] *Sart. Lappenb.* II, s. 42. Рус. Лив. А. стр. 54. Шипфунтъ = 20 ливонск. фунт. = $2^1/_2$ русскимъ капямъ.
[31] Ibid. II, 202, 271.
[32] *Карамзинъ.* И. Г. Р. VI, пр. 140.

сукна, предписывая довольствоваться простымъ домашнимъ сукномъ [33]). Наибольшей извѣстностью въ Новгородѣ пользовалось сукно ипрское или иское: на праздникѣ рожества Ивана Предтечи иванскіе купцы дарили имъ владыку и намѣстника великаго князя; каждый вступающій въ иванское купечество подносилъ кусокъ этого сукна тысяцкому [34]). Тѣмъ же сукномъ дарили великаго князя въ его пріѣздъ въ Новгородъ: въ 1475 году Иванъ Васильевичъ получилъ отъ владыки и новгородскихъ бояръ всего 70 поставовъ ипскаго сукна, въ томъ числѣ 18 ть отъ одного владыки, причемъ каждый поставъ лѣтопись оцѣниваетъ въ тридцать рублей [35]). Изъ постановленій скры видно, что въ Новгородѣ прочно установилась мода только на извѣстные сорта суконъ, которые Ганза и предписывала туда доставлять, потому что только такія сукна можно было съ успѣхомъ надѣяться сбыть въ Новгородѣ; къ такимъ сукнамъ кромѣ ипскаго относились диксмюйденское и лангемаркское [36]); сукна, поддѣланныя подъ эти сорта и купленныя не на мѣстѣ ихъ производства, привозить было запрещено подъ штрафомъ въ 10 марокъ серебра и опасеніемъ потерять самыя сукна. Изъ черныхъ суконъ, такъ называемыхъ капеляковъ (cappales panni), можно было привозить только тѣ, которыя производились въ Ахенѣ и Кельнѣ; вообще невелѣно было ввозить въ Новгородъ тѣ сукна, торговля которыми была запрещена въ брюггской конторѣ, какъ-то: оберлейгскія, девентерскія, и сукна поддѣланныя на манеръ коминскихъ и верверскихъ; объ этихъ сукнахъ, нѣкоторое время привозившихся въ Новгородъ, скра замѣчаетъ, что на нихъ Нѣмцы понесли большіе убытки и выслушали изъ-за нихъ много порицаній со стороны Русскихъ. Вслѣдствіе также упрековъ со стороны Новгородцевъ

---

33) „а одѣяніе потребно імати у игумена обычное, а не нѣмечскыхъ суконъ". Ак. Истор. I, № 5, стр. 8 (уставн. грамота Снѣтогорскому монастырю).

34) Доп. къ Ак. Истор. I, № 3.

35) П. С. Р. Л. III, 142—143. Степенной посадникъ Василій Есиповичь поднесъ великому князю „три постава ипскаго сукна *руджелтыхъ*".

36) Впрочемъ въ Новгородѣ кажется всѣ лучшіе сорта привозныхъ суконъ вообще назывались ипскими.

невелѣно было продавать нецѣлыя сукна и обрѣзки; дѣло въ томъ, что въ пачкахъ оказывались сукна, сшитыя изъ лоскутковъ неравнаго качества и даже разнаго цвѣта; но рѣзанныя аглицкія сукна продавать въ Новгородѣ не было запрещено. Въ одно время была запрещена торговля скарлатнымъ сукномъ, другой разъ предписывалось продавать зеленыя сукна. Изъ полотенъ въ Новгородъ шли также только извѣстные сорта: однажды было запрещено продавать поперингенскія полотна вмѣсто валансьенскихъ [37]). И зиму, и лѣто во дворѣ жили особенные надзиратели за сукнами и полотнами (wandfinder): они должны были наблюдать, чтобы каждая пачка имѣла привѣшенную печать, чтобы верхнее сукно, служившее оберткой для пачки, было одинаковаго качества со всею пачкой; если окажется, что верхнее сукно будетъ другого качества, чѣмъ все сукно содержимое въ ней, то виновный платилъ штрафъ въ 10 марокъ серебра, а самое сукно терялъ въ пользу двора. Надзиратели также должны были смотрѣть, чтобы сукна имѣли всегда опредѣленный размѣръ; обыкновенная жалоба со стороны Новгородцевъ состояла въ томъ, что привозимыя Нѣмцами сукна коротки; такъ въ 1433 году контора писала въ Ревель, что много споровъ у нея было съ Русскими изъ-за суконъ, которыя оказывались дѣйствительно короче опредѣленной длины, что Новгородцы купивши сукно и перемѣрявши его находили, что въ немъ недостаетъ локтей трехъ или четырехъ, а потому возвращали сукно во дворъ [38]). Кромѣ фландрскихъ и аглицкихъ въ Новгородъ привозились низшаго сорта сукна нѣмецкія и польскія: въ 1382 году прусскіе купцы жаловались, что Ганза запрещаетъ имъ торговать въ Новгородѣ польскимъ сукномъ; на возраженіе конторы, что привозъ разносортныхъ суконъ повредилъ бы сбыту въ Новгородѣ фландрскаго сукна, Данцигъ отвѣчалъ, что любецкіе купцы однако возятъ же въ Новгородъ польское сукно [39]). Какъ высшіе такъ и низшіе сорта суконъ и тканей, напримѣръ дерюгу (paclenewant) продавали только цѣлыми пачками и

---

[37]) *Sart. Lappenb.* II, № 106.

[38]) *Kopp*, Hanserecesse, № 220.

[39]) *Hirsch.* Hand. und Gewerbsgesch. Danzigs, 156.

штуками; строго было запрещено рѣзать во дворѣ на кафтанъ или исподнее платье [40]). Нѣтъ сомнѣнія, что продажа суконъ по мелочи принадлежала новгородскимъ купцамъ, и именно знатнѣйшимъ между ними — иванскимъ, а новгородскіе купцы перепродавали ихъ въ Москву, гдѣ уже въ концѣ XIV вѣка упоминаются купцы-суконники [41]), и въ другіе города сѣверовосточной Руси.

Вина, особенно красныя, необходимыя при совершеніи литургіи, составляли другую важную статью нѣмецкаго привоза; этимъ виномъ изъ Новгорода и Пскова снабжалась вся сѣверовосточная Русь, какъ изъ Кіева — западная [42]). Кромѣ краснаго привозилось еще бѣлое вино [43]), потомъ пиво и медъ. Продажа ихъ была только оптовая, цѣлыми бочками; распивочная продажа или корчемство была запрещена подъ штрафомъ въ 50 марокъ серебра и лишеніемъ всѣхъ правъ двора; притомъ торговать хмѣльными напитками было позволено только въ нѣмецкомъ дворѣ, а не въ готскомъ, такъ какъ Новгородцы жаловались на безпорядки, происходившіе при торговлѣ въ этомъ дворѣ [44]). Въ 1405 году уполномоченные лифляндскихъ городовъ постановили держать въ новгородскомъ дворѣ особенныхъ надсмотрщиковъ вина (winfinder), которые обязаны были наблюдать, чтобы вино неподмѣшивалось водой и вообще неподдѣлывалось бы никакимъ способомъ; виновные въ поддѣлкѣ должны платить штрафъ въ 50 марокъ серебра и лишиться всѣхъ правъ двора [45]); тѣже лифляндскіе уполномоченные на съѣздѣ 1434 года подтвер-

---

[40]) Третья скра распространяется о сукнáхъ съ большой подробностью. *Sart. Lappenb.* II, 285 — 289.

[41]) *Аристовъ.* Промышл. древ. Руси, 189.

[42]) По предварительно употребленія церковь повелѣвала освящать вино и разные овощи, доставляемые Нѣмцами. „Что ми сынове пишете, что изъ нѣмечскые земли приходитъ къ вамъ что потребное вино, или хлѣбъ, или овощь, ино сынове очиствъ то молитвою отъ іерея, подобаетъ ясти и пити", — пишетъ митрополитъ Фотій во Псковъ (Ак. Ист. I, № 22.)

[43]) Въ 1436 году Новгородцы говорили Нѣмцамъ, что они должны были-бы поднести въ подарокъ великому князю двѣ бочки вина: „2 vaten wyns, alse ein vaten *roden wyns*, unde dat andere *blanckes wyns*". *Ropp*, Hanserecesse, 510.

[44]) *Sartor. Lappenb.* II, 288 — 289.

[45]) *Bunge*, LEK, Urkundenb. IV, № 1656.

дили распоряженіе скры слѣдующимъ образомъ: «никто недолженъ во дворѣ продавать пиво, медъ и прочіе напитки кромѣ прикащика двора, и то днемъ, а не почью, притомъ бочками и другими большими мѣрами (spannen), но отнюдь не по мелочи» [46]). Въ договорахъ съ Нѣмцами Новгородъ и Псковъ неразъ повторяютъ запрещеніе для нихъ корчемства; если же принять во вниманіе, что по псковской судной грамотѣ продажа хмѣльныхъ напитковъ въ розницу запрещается и людямъ великаго князя, то нужно заключить, что право мелочной торговли этими напитками, какъ привозными, такъ и домашними принадлежало самимъ городамъ Пскову и Новгороду, которые вѣроятно поручали ихъ продажу своимъ присяжнымъ цѣловальникамъ [47]).

Предметъ насущной потребности соль составляла значительную статью нѣмецкой торговли въ Новгородѣ и сѣверозападной Руси. Правда еще въ XII вѣкѣ Новгородцы добывали соль по берегамъ Бѣлаго моря (соль-морянка), какъ это видно изъ уставной грамоты Святослава Ольговича 1137 года,—потомъ въ области двинской, новоторжской, въ старой Русѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ края [48]); но этой домашней соли, вываривавшейся въ небольшихъ размѣрахъ и патріархальнымъ образомъ, было далеко недостаточно для населенія, и потому значительную ея часть доставляли въ Новгородъ Нѣмцы. Изъ Любека и Данцига соль привозили въ Лифляндію еще неупакованную въ мѣшки; упаковка соли въ мѣшки и ея взвѣшиваніе происходили въ лифляндскихъ городахъ, а оттуда уже готовую для продажи ее везли въ Новгородъ и Псковъ [49]). Въ 1436 году Новгородцы жало-

---

[46]) *Ropp*, Hanserecesse, 153, № 226.

[47]) А корчмою пивомъ нѣмецкому гостю во Псковѣ неторговати". „А пива и корчмы Нѣмцомъ непродовати Новѣгородѣ, а ни по пригородомъ". Сборникъ *Муханова*, №№ 19 и 27.—„А княжимъ людемъ по дворамъ корчмы недержать ни во Псковѣ, ни на пригородѣ, ни въ ведро, ни въ корецъ, ни бочкою меду непродавати". Псков. судная грамота, изд. *Владимірскаго-Буданова* (Хрестом. по истор. рус. права. стр. 184).

[48]) *Аристовъ*, Промышл. древ. Руси, 70—71.

[49]) *Hildebrand*. D. Rig. Schuldbuch, s. LVI. Срав. *Карамзина* И. Г. Р. VI, пр. 421: „а Колыванци и Ругодивци сами у заморскихъ купцовъ изъ кораблей соль и медъ вѣсятъ, а новгородскимъ купцомъ

вались ганзейскимъ посламъ, что соляные мѣшки неимѣютъ узаконеннаго вѣса; на это послы не безъ тайной ироніи отвѣчали, что вѣроятно соль на пути отсырѣла и растаяла: извѣстное дѣло, что взятое отъ воды въ воду и обращается» [50]). Однако Новгородъ невсегда убѣждался такими доводами: въ 1407 году онъ рѣшилъ покупать соль у Нѣмцевъ неиначе, какъ на вѣсъ, причемъ слѣдовательно они стали бы платить и вѣсовыя пошлины [51]), но какъ видно опять отступилъ отъ этого постановленія. Что соль была большой потребностью для Руси видно изъ запрещеній привоза ея въ Новгородъ и Псковъ, которыя постановляла Ганза въ пору разладовъ съ Русскими: такъ въ 1368 году она согласилась съ запрещеніемъ лифляндскихъ городовъ привозить въ Новгородъ соль и соленую рыбу [52]); въ 1436 году нѣмецкіе купцы, арестованные во Псковѣ писали въ Лифляндію, чтобы оттуда пріостановили подвозъ соли во Псковъ, дабы тѣмъ принудить его скорѣе къ ихъ освобожденію [53]). Большіе склады соли данцигскіе купцы имѣли въ ковенской конторѣ; оттуда она расходилась по всей Литвѣ вплоть до Смоленска и Полоцка; въ Полоцкъ между прочимъ привозилась соль байская и лиссабонская [54]).

Какъ часто доставляли Нѣмцы хлѣбъ, мясо и соленую рыбу, трудно сказать по недостатку данныхъ. Извѣстно, что Новгородъ терпѣлъ большую нужду въ хлѣбѣ отъ неурожаевъ, часто постигавшихъ его область, или во время раздоровъ съ великими князьями, которые тогда прекращали подвозъ хлѣба по Волгѣ въ Торжокъ; весьма вѣроятно, что въ такихъ случаяхъ часть хлѣба доставляли въ Новгородъ ганзейскіе и лифляндскіе купцы. Выше мы видѣли, какъ заморскіе Нѣмцы

у себя продаютъ соль и медъ вѣсятъ же, и вѣсчее на нихъ емлютъ; и они въ одномъ Новѣгородѣ хотятъ безъ вѣсу продавати", — т. е. для того чтобы неплатить вѣсовыхъ пошлинъ, тогда какъ сами они брали пошлины за провѣсъ съ ганзейскихъ купцовъ.

[50]) *Ropp*, Hanserecesse, 511.

[51]) *Bunge*, LEK. Urk. IV, № 1730.

[52]) *Kopmann*, Die Recesse, I, № 396.

[53]) *Ropp*, Hanserecesse, 508.

[54]) *Hirsch*, Hand. u. Gewerbsgesch. Danzigs, 164, Рус. Лив. Ак. № 184.

выручили Новгородъ въ 1231 году [55]); что и позже хлѣбъ привозился въ Новгородъ изъ Германіи, объ этомъ нужно заключать по тѣмъ запрещеніямъ, которыя постановлялъ Орденъ насчетъ хлѣбной торговли: въ 1442 году онъ запретилъ Ревелю доставку хлѣба въ Новгородъ: въ 1446 году Орденъ просилъ о томъ же Любекъ и короля шведскаго, — а узнавъ, что данцигскіе купцы несмотря на запрещеніе привозили въ Новгородъ хлѣбъ и медъ, гермейстеръ писалъ лифляндскому магистру, чтобы онъ задержалъ виновныхъ купцовъ и сообщилъ ему ихъ имена для наказанія ихъ [56]). Такимъ образомъ Орденъ употреблялъ противъ Новгорода тоже самое средство, что великіе князья тверскіе и московскіе.

Съ давнихъ поръ въ разныхъ мѣстахъ новгородской земли добывалась желѣзная руда, изъ которой съ большимъ или меньшимъ искусствомъ выдѣлывалось желѣзо, какъ напримѣръ въ Устюжнѣ Желѣзнопольской, въ Заволочьи въ посадѣ Ненoксѣ и другихъ мѣстностяхъ [57]). Въ книгѣ Вотской пятины конца XV вѣка находимъ любопытныя данныя о добываніи и разработкѣ желѣзной руды въ разныхъ погостахъ Копорскаго уѣзда по берегамъ Финскаго залива: такъ въ Толдожскомъ погостѣ было 10 домницъ, и жители платили ежегодно своимъ владѣльцамъ по 100 крицъ желѣза, 28 сошниковъ, 4 лемеши и $2^1/_2$ прута; жители Каргальскаго погоста платили своимъ владѣльцамъ 40 прутьевъ желѣза, топоръ, сковороду и еще нѣсколько крицъ; руду тамъ копали на такъ называемыхъ Красныхъ горахъ, для ея плавленія были устроены 24 доменныхъ печи; въ Дятлинскомъ погостѣ названы 24 домницы и 2 печи, руду копали также на Красныхъ горахъ [58]). Эти данныя о количествѣ доменныхъ печей указываютъ, что обработка желѣзной руды здѣсь подвинулась довольно далеко; очень вѣроятно притомъ, что эта обработка началась тамъ съ давнихъ поръ туземцами Финнами, кото-

---

[55]) Гл. IV, прим. 80.

[56]) *Карамзинъ*, И. Г. Р. V, пр. 316; *Гильдебрандъ*, Отчетъ о розыск. въ риж. и ревел. архивахъ, стр. 47, № 202.

[57]) *Аристовъ*, Промышл. древн. Руси, 111 — 112.

[58]) *Неволинъ*. О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ (Зап. Рус. Геогр. Общ. VIII, прилож. I, стр. 50 — 54.

рые издавна славились кузнечнымъ ремесломъ. Однако для промысловаго новгородскаго населенія: плотниковъ, кузнецовъ, каменьщиковъ, охотниковъ и прочаго городского и сельскаго люда домашняго желѣза была далеко недостаточно; и неподлежитъ сомнѣнію, что вопреки запрещенію Ордена и королей шведскихъ Нѣмцы привозили въ Новгородъ значительное количество желѣза и разныхъ желѣзныхъ и чугунныхъ издѣлій. Что касается мѣди, олова и свинца, о которыхъ прямо говорится въ скрѣ, какъ предметахъ привоза въ новгородскій дворъ, то и на эти металлы въ Новгородѣ должно было существовать большое требованіе, особенно при его многочисленныхъ церквахъ [59]), для которыхъ были нужны колокольная мѣдь и колокола, свинцовые и жестяные листы на кровлю, олово, мѣдь и сплавы изъ нихъ на церковные сосуды, ризы для образовъ и пр. Весьма вѣроятно, что литейныя и нѣкоторыя другія металлическія работы производились въ самомъ Новгородѣ пріѣзжими нѣмецкими мастерами; призывать художниковъ съ запада — замѣчаетъ г. Забѣлинъ — было весьма обыкновеннымъ дѣломъ на сѣверѣ Россіи [60]). Но другія издѣлія доставлялись въ Новгородъ конечно готовыми: такъ бронзовыя доски съ литыми изображеніями, вдѣланныя во врата Софійскаго собора, очевидно были работаны въ Германіи и потомъ уже на самомъ мѣстѣ вдѣланы во врата [61]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи еще теперь попадаются колокола съ иностранными надписями, конечно вылитые не у насъ, потому что въ противномъ случаѣ они неносили бы чужеязычныхъ надписей [62]); надо полагать, что въ древнюю пору, пока искусство отливать колокола у насъ неразвилось, они привозились изъ западной Европы въ ко-

---

59) Число церквей въ Новгородѣ въ половинѣ XV вѣка г. Соловьевъ полагаетъ до 230-ти. Истор. Россіи, IV, 231.

60) О металлич. производствѣ въ Россіи до XVII вѣка (Зап. Археол. Общ. V, 10).

61) *Аделунгъ* (Корсунскія врата, перев. Артемьева, 1834) полагаетъ, что они были отлиты въ Магдебургѣ, такъ какъ на одной изъ нихъ изображенъ епископъ магдебургскій Вихманъ.

62) Въ одномъ селѣ тульской губерніи, веневскаго уѣзда есть колоколъ съ латинской и нѣмецкой надписями 1646 года (*Аделунгъ*, Корсун. врата, стр. 222). Во Владимірѣ на Клязьмѣ въ церкви Николы Мокраго также есть колоколъ съ голландской надписью.

личествѣ большемъ, чѣмъ въ послѣдствіи, когда это искусство достигло на Руси весьма значительной степени развитія, когда притомъ увеличилось и самое количество нужнаго для того металла. Наконецъ что касается драгоцѣнныхъ металловъ, то въ скрѣ, какъ мы видѣли, небыло запрещено Нѣмцамъ торговать въ Новгородѣ на серебро, уплата которымъ производилась или на вѣсъ, или деньгами. Западно-европейскія деньги разныхъ названій заходили въ западную Русь путемъ нѣмецкой торговли въ большомъ количествѣ, обращаясь на ряду съ русскими деньгами: такъ въ русскихъ источникахъ называются шкилики (шиллинги), любецкіе т. е. пфенниги (или пенязи) и ортуги (шведская монета); во многихъ случаяхъ замѣтно, что нѣмецкая марка серебра, вѣсовая и денежная, равнялась новгородской гривнѣ; были извѣстны и части марки, напр. четверцà (фертингъ), ушко и полушкà (halu-oehr), полъ овря, какъ говорится въ русскомъ текстѣ полоцкаго договора 1330 года, откуда съ другимъ удареніемъ вѣроятно произошло названіе полушки [63]). Въ Новгородъ приходили также золотые корабленики или нобели (nobelen), невсегда однако доброкачественные: въ 1436 году Новгородцы жаловались, что нѣмецкіе купцы привозятъ къ нимъ фальшивые корабленики и серебряные слитки, которые только снаружи имѣютъ хорошее серебро, а внутри — плохое [64]). Какъ отдѣльныя боярскія семейства въ Новгородѣ были богаты золотыми деньгами, можно судить по количеству золотыхъ монетъ, поднесенныхъ ими въ даръ великому князю въ 1475 году: Яковъ Коробовъ въ два раза подарилъ великому князю 240 штукъ золотыхъ корабленыхъ, Казиміръ — 100, Исаковы — 110, и пр., — всего отъ разныхъ семействъ 770 золотыхъ. Казна владыки также была богата ими: въ три раза онъ одинъ поднесъ великому князю 750 золотыхъ корабленыхъ, кромѣ серебряныхъ и золоченыхъ вещей [65]). Впрочемъ нужно замѣтить, что под-

[63]) Сборникъ Муханова №№ 19 и 27. Рус. Лив. Ак. № 74. П. С. Р. Л. III, 109, 1420.

[64]) *Ropp*, Hanserecesse, 510.

[65]) П. С. Р. Л. III, 142—143. Корабленики различались большіе и малые: Лука Өедоровъ поднесъ в. князю „20 золотыхъ корабленыхъ, да 20 золотыхъ меньшихъ“. Большіе иначе *двойные* червонцы: *Карамзинъ*, И. Г. Р. VI, 63; срав. прим. 141.

несеніе такихъ богатыхъ подарковъ великому князю, вмѣстѣ съ нѣмецкими сукнами и винами, составляло въ то время исключительный случай: владыка хотѣлъ задобрить великаго князя, который сталъ приступать къ монастырскимъ владѣніямъ; бояре угощали и дарили его изъ боязни его опалы; въ сущности это скорѣе было вымогательство со стороны Ивана Васильевича, чѣмъ добровольные ему подарки: быть можетъ чтобы удовлетворить великаго князя, боярамъ потребовалось собрать сбереженія, накопленныя трудомъ цѣлаго ряда ихъ предковъ.

Наконецъ въ скрѣ указано, что прикащики могли продавать въ Новгородѣ по мелочи слѣдующіе товары: перчатки парами, крашеную пряжу на фунты, полотна невысокаго качества на локти, сѣру гривенками, иголки сотнями и тысячами, далѣе четки, пергаминъ и сафьянъ также въ небольшихъ количествахъ [66]). Въ 1436 году ганзейскіе послы говорили Новгороду, чтобы Нѣмцамъ была предоставлена мелочная торговля по старинѣ въ тѣхъ лавочкахъ, которыя они выстроили на улицахъ, тѣмъ болѣе что сами Новгородцы въ лифляндскихъ городахъ разносятъ свои товары по домамъ, и торгуютъ въ розницу вездѣ, гдѣ имъ любо, въ чемъ никто имъ непрепятствуетъ; но въ договорной грамотѣ этого года объ этомъ спорномъ вопросѣ неупомянуто ни однимъ словомъ: послы пишутъ въ отчетѣ, что уже послѣ запечатанія договорной грамоты они еще разъ просили Новгородъ позволить Нѣмцамъ розничную торговлю, но неполучили никакого отвѣта [67]). Въ договорѣ Новгорода и Пскова съ Дерптомъ 1474 года объ этомъ предметѣ сказано: «всякій товаръ Псковичамъ (въ Лифляндіи) на розницу продавати добровольно, или вмѣстѣ» т. е. оптомъ [68]); такая же свобода мелочной торговли предоставляется Нѣмцамъ во Псковѣ за исключеніемъ корчемства: но о Новгородѣ въ этомъ пунктѣ договоръ умалчиваетъ. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ позволительно заключить, что въ запрещеніи розничной торговли (plucinge) обѣ стороны небыли послѣдовательны; но на какіе

[66]) *Sart. Lappenb.* II, 370, 271. Срав. выше, стр. 77, прим. 59.
[67]) *Ropp,* Hanserecesse, 510, 520.
[68]) Сборникъ Муханова, № 19.

товары и на долго ли когда простиралось запрещеніе, сказать нелегко.

Однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ новгородскаго отпуска былъ воскъ. Обширная новгородская область, покрытая сплошными лѣсами, Литва и Низовье, особенно земля рязанская, гдѣ издавна славились пчеловодствомъ между прочимъ Мордва и Черемисы, доставляли въ Новгородъ громадное количество воску; здѣсь онъ находилъ всегда вѣрный сбытъ ганзейскимъ купцамъ: въ католической Европѣ былъ большой спросъ на восковыя свѣчи. Но это большое требованіе на воскъ и его сравнительная дороговизна были причиной его разнообразной поддѣлки и порчи: при перетопкѣ къ нему подмѣшивали сало, смолу, гороховую муку, перемолотые желуди, песокъ, мелко стертый кирпичъ и т. под. матеріалы. Нѣмцы всячески старались пріобрѣсть въ Новгородѣ чистый воскъ, потому что поддѣланный воскъ, когда онъ попадалъ во Фландрію и другіе европейскіе рынки, возбуждалъ на ганзейскихъ купцовъ большія нареканія. Въ 1342 году дворъ заключилъ съ Новгородомъ особенный договоръ о торговлѣ воскомъ: новгородскій владыка, намѣстникъ великаго князя Ѳедоръ, тысяцкій Астафій, двое купецкихъ старостъ и новгородское купечество съ одной стороны [69]) и представители нѣмецкаго двора, большею частію вестфальскіе купцы съ другой уговорились, «что послѣ петрова дня въ торговлѣ не должно больше быть фальшиваго воска: торговать нужно чистымъ воскомъ, какъ Богъ его дастъ, какъ онъ самъ уродится съ его естественной примѣсью [70]); Новгородцы недолжны покупать дурного воску ни у низовскихъ гостей, ни у Кореловъ; съ петрова дня торговля такимъ воскомъ должна быть прекращена въ Новгородѣ, Псковѣ, Полоцкѣ, Дерптѣ, Ригѣ, Ревелѣ и на Готландѣ». Воскъ, называемый въ этомъ договорѣ «mit sines se-

[69]) О посадникѣ и боярахъ въ договорѣ неупоминается; но всей вѣроятности съ нѣмецкимъ дворомъ уговаривалось иванское купечество, на что указываютъ тысяцкій и двое купецкихъ старостъ, называемыхъ въ договорѣ. Эта договорная грамота включена въ третью скру: *Sart. Lapp. II*, S. 282—283.

[70]) Ibid. S. 283: „de dudeschen scolen nemen reyne was van den Nougarderen, also als is got genet mit sines selues vote, also als he selues geworden is".

lues vote», есть тотъ же, что въ рижской долговой книгѣ означается «cera cum pede» т. е. воскъ съ его природнымъ нечистымъ осадкомъ, который остается послѣ перетопки; этотъ природный осадокъ отличается отъ искуственной примѣси «valsch voet», какъ говорится въ другомъ мѣстѣ скры [71]). Иногда и этотъ природный осадокъ отбрасывали, и такимъ образомъ получали совершенно чистый воскъ, «cera sine pede», или какъ сказано въ полоцкомъ договорѣ 1330 года «воскъ безъ подсады» [72]). Въ торговлѣ различались воскъ русскій, литовскій и лотышскій; въ рижской долговой книгѣ упоминаются какіе-то мало извѣстные сорта: «medewas» и «crogwas» [73]). Въ скрѣ находимъ немало постановленій о воскѣ, показывающихъ важность торговли имъ для ганзейскихъ купцовъ. И зиму, и лѣто во дворѣ содержались особенные браковщики воска (wraker, wasfinder); купленный въ городѣ воскъ Нѣмцы немогли вносить въ церковь, пока браковщики неизслѣдуютъ его доброкачественности (кажется его пробуравливали); воскъ, оказавшійся удовлетворительнымъ запечатывали т. е. клали на него клеймо, и уже тогда вносили въ церковь; никто неимѣлъ права печатать (bezegeln) воскъ кромѣ браковщиковъ [74]). Вывозъ со двора незапечатаннаго воска былъ запрещенъ подъ штрафомъ въ 10 марокъ серебра и потерей самаго товара; такой же штрафъ платилъ тотъ, кто покупалъ воскъ завѣдомо фальшивый; кромѣ того такой воскъ велѣно немедленно сожигать во дворѣ [75]). Упоминается еще воскъ называемый «stolpen»: относится ли это названіе до формы, какую давали ему при перетопкѣ (столбъ?), или оно означаетъ какой нибудь плохой, либо поддѣланный сортъ, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ его велѣно забраковывать [76]). На счетъ взвѣшиванія воска въ скрѣ замѣчено, что

---

[71]) Ibid. S. 281.

[72]) Рус. Лив. А. стр. 54: „вѣсити чистый воскъ безъ подъсады, безъ смолы, безъ сала, какъ верхъ, тако исподъ".

[73]) *Hildebrand.* D. Rig. Schuldb. LI—XV; издатель собралъ нѣсколько интересныхъ свѣдeній о торговлѣ воскомъ. Что касается „medewas" (записи №№ 355 и 1638), то это названіе кажется нужно объяснять изъ русскаго языка: неозначаетъ ли оно желтаго воска, цвѣтомъ похожаго на *медъ*, или воска, не вполнѣ свободнаго *отъ примѣси меда?*

[74]) *Sart. Lappenb.* II, 284.

[75]) Ibid. 274.

[76]) Ibid. 284.

Нѣмцы вѣсять его въ Новгородѣ по тому же способу, какой употребителенъ въ нѣмецкихъ городахъ, причемъ запрещено давать посулъ (passul) новгородскому вѣсовщику [77]). Много споровъ и хлопотъ для обѣихъ сторонъ представлялось въ вощаной торговлѣ; въ одномъ постановленіи скры 1315 года замѣчено, что купцы потратили тогда много денегъ великому князю и его приближеннымъ изъ-за фальшиваго воска [78]), т. е. вѣроятно съ цѣлію устранить таковой изъ торговли. Обыкновенно Нѣмцы требовали у Новгородцевъ привѣска (upgift) къ покупаемому воску на тотъ случай, что онъ можетъ оказаться невполнѣ чистымъ; съ своей стороны Новгородцы и Псковичи выговаривали, чтобы Нѣмцы не помногу «колупали» отъ вощаныхъ кусковъ, т. е. вѣроятно для удостовѣренія въ его добротности, или быть можетъ въ качествѣ того же привѣска [79]). Встрѣчаются данныя о цѣнѣ воска: такъ по рижской долговой книгѣ шиффунтъ перетопленнаго воска стоилъ въ концѣ XIII вѣка $11\frac{1}{2}$ марокъ серебра; въ XV вѣкѣ онъ былъ уже гораздо дороже: въ Данцигѣ тогда платили за русскій воскъ отъ 30 до 50 марокъ серебра шиффунтъ [80]).

На ряду съ воскомъ мѣха составляли другую важную статью новгородской торговли. Охота была однимъ изъ важнѣйшихъ занятій новгородскаго населенія, а торговля съ Ганзой несомнѣнно развивала этотъ промыселъ еще больше. Государственная дань великому Новгороду со стороны инородцевъ состояла главнымъ образомъ въ мѣхахъ, собирать которые отправлялись особенные новгородскіе даньщики; да и внутри новгородской области для всего населенія мѣха долго имѣли значеніе денегъ на ряду съ серебромъ, составлявшимъ большую рѣдкость среди обыкновеннаго люда. Сами великіе князья очень дорожили охотой въ новгородской землѣ, а Новгородъ съ своей стороны постоянно вносилъ въ договоры съ

[77]) Ibid. 283 — 284, 286.

[78]) Ibid. 281.

[79]) *Hildebrand.* D. Rig. Schuldb. LIV. Сборникъ *Муханова*, № 19: „а воскъ Юрьевцомъ колупати не помногу, по старинѣ, по крестному цѣлованію“.

[80]) D. Rig. Schuldb. LV. *Hirsch*, H. u. G. Geschichte Danzigs, S. 256.

ними статьи о мѣстѣ и срокѣ княжеской охоты; когда же князья позволяли себѣ слишкомъ ею увлекаться, то Новгородъ громко высказывалъ имъ свое неудовольствіе: «чему еси отъялъ Волховъ гогольными ловци, а поле отъялъ еси заячьими ловци», — упрекалъ онъ въ 1270 году Ярослава Ярославича [81]). На счетъ охоты и промысловъ въ дальнихъ краяхъ новгородской земли князья заключали съ Новгородомъ особенные ряды: такъ они выговаривали себѣ право слать ватаги своихъ промышленниковъ на Терскій берегъ и Печору для битья пушнаго звѣря и птицы [82]). Для той же цѣли въ самомъ Новгородѣ устроилось особенное купечество, или быть можетъ вѣрнѣе промышленная артель «Югорцевъ»: во всякомъ случаѣ на артельное ихъ устройство указываетъ фактъ построенія ими собственной церкви Св. Троицы [83]). Большое количество мѣховъ, накоплявшихся въ новгородской казнѣ и у отдѣльныхъ купцовъ, находило удобный сбытъ ганзейскимъ Нѣмцамъ; но вслѣдствіе большаго спроса мѣха, какъ и воскъ, подвергались разнообразной поддѣлкѣ. Мы видѣли, что въ скрѣ полоцкой конторы, данной изъ рижскаго рата, запрещено покупать мѣха подстриженные, выщипанные, подкрашенные и нецѣльные; въ скрѣ новгородскаго двора также запрещается покупать вообще всякіе фальшивые мѣха (falsch werk) [84]). Передъ пасхой 1376 года Нѣмцы уговаривались съ новгородскими уполномоченными, бывшими въ Лифляндіи, о прекращеніи впредь торговли поддѣльными

---

81) П. С. Р. Л. III, 61. — С. Г. Г. и Д. I, № 1: „а въ Русу ти, княже, ѣздити осень, а лѣтѣ неѣздити, ѣздити на Озвадо звѣри гонитъ“. Таже, № 2: „а свиньи (кабановъ) ти бити за 60 верстъ отъ города.... а на Озвадо ти, княже, ѣздити лѣтѣ звѣри гонитъ, а въ Русу неѣхати, ѣхати ти въ Русу на третію зиму, а въ Ладогу княже, ѣхати на третіе лѣто.

82) Ак. Археогр. Эксп. I, №№ 1 — 3.

83) П. С. Р. Л. III, 133, 1365: „Югорци заложиша церковь каменную святую Троицу на Редятинѣ улицѣ“. Издатели напрасно предлагаютъ вмѣсто „Югорци“ читать: Юрьевцы; они также несправедливо замѣчаютъ, что это названіе въ другихъ мѣстахъ невстрѣчается; въ Новгор. 4 лѣтоп. подъ тѣмъ же годомъ читается: „Югорщиною заложиша церковь камену, святую Троицю на Редятинѣ улицѣ“ (Таже, IV, 65).

84) *Sart. Lappenb.* II, 279.

мѣхами [85]). Къ сожалѣнію мы лишены возможности ближе знать, въ чемъ заключалась тогда поддѣлка мѣховъ и кожи; трудно напримѣръ сказать, какіе мѣха разумѣются въ скрѣ подъ названіями doyenissen, troyenissen, sceuenissen; попытки Сарторія объяснить ихъ вышли у него неудовлетворительны, что и самъ онъ признаетъ [86]); Кругъ едва ли также вѣрно производитъ «doyenissen» отъ шкуры *дойной* коровы [87]), но самый пріемъ его объяснять этотъ терминъ скры изъ русскаго языка нельзя непризнать вѣрнымъ. Въ одной рукописи румянцевскаго музея говорится, что около 1437 года изъ Пскова въ Нарву отправлялись соболи-*тройничи*, что очевидно есть troynissen или troyenissen скры [88]); въ такомъ случаѣ doyenissen не означаетъ ли *двойничи*, а sceuenissen — *шитые*, нецѣльные мѣха? Но что именно значатъ тройничи и двойничи, — мѣха ли шитые изъ трехъ или двухъ лоскутовъ, или эти названія указываютъ на какой нибудь способъ поддѣлки или выдѣлки ихъ, сказать весьма трудно: быть можетъ дѣло понятнѣе станетъ лицамъ, ближе знакомымъ съ промысломъ скорнячества. Въ 1346 году было строго запрещено покупать эти мѣха во всѣхъ русскихъ и лифляндскихъ городахъ, какъ въ большихъ, такъ и малыхъ количествахъ: въ противномъ случаѣ виновникъ подвергался пенѣ въ 10 марокъ серебра и отобранію самаго товара въ пользу двора [89]). Но въ прежнее время мѣха sceuenissen покупались Нѣмцами и привозились во Фландрію: въ одномъ фландрскомъ тарифѣ XIII вѣка обозначено, что эти мѣха продаются тысячами съ платой пошлины по 4 денара съ тысячи [90]); около 1335 года объ этихъ мѣхахъ было поручено любецкому послу го-

---

[85]) *Bunge*, LEK. Urk. III, № 1114: na paschen en sal men nein hardink konen, dat en si als is got geuen heuet am ledere efte unmekaret, men sal al hardink in sinem wesene laten: nicht limen, noch besceren, noch blien, noch inbinden, noch lappen, noch de houede noch de uote afsniden, und sal wesen sunder arlerleye falschheit“.

[86]) Urk. Gesch. II, S. 58, 160, 280 (въ примѣчаніяхъ къ тексту).

[87]) Forschungen, II, 636 — 637.

[88]) На эту рукопись указалъ *г. Аристовъ*, Промышл. древн. Руси, примѣч. 631. — Troynissen Кругъ сближаетъ съ *truie* = свиная кожа: Forschungen, II, 638.

[89]) *Sart. Lappenb.* II, 280, 287.

[90]) Ibid. 58.

ворить въ Новгородѣ [91]), — а въ данцигской торговлѣ они встрѣчаются и въ XV вѣкѣ: тысяча этихъ мѣховъ стоила тамъ отъ 5 до 8 марокъ [92]), — видно, что они были невысокаго качества. Изъ дешевыхъ былъ также мѣхъ, называемый «pulchrum opus», вѣроятно бѣличій или заячій, употреблявшійся на опушку платьевъ: его обыкновенно покупали тысячами, а однажды небольшая компанія купцовъ купила его въ Новгородѣ сорокъ тысячъ штукъ [93]). О лучшихъ сортахъ мѣховъ, — собольихъ, куньихъ, бобровыхъ и лисьихъ въ скрѣ нѣтъ упоминанія, быть можетъ потому что въ этихъ сортахъ было менѣе поддѣлокъ, чѣмъ въ низшихъ, продававшихся притомъ большими пачками въ 250, 500 и 1000 шкурокъ, тогда какъ лучшіе мѣха считались десятками (tendelinge) и сороками (tymmer) [94]). Но неподлежитъ сомнѣнію, что на ряду съ дешевыми Нѣмцы покупали и дорогіе мѣха; молчаніе о нихъ скры ничего недоказываетъ, потому что мы ее имѣемъ не въ полномъ видѣ; по всей вѣроятности были, но недошли до насъ и подробные тарифы въ родѣ тѣхъ, какіе напримѣръ остались отъ брюггской конторы. Что торговля Новгорода мѣхами была обширна, доказываетъ уже фактъ ихъ разнообразной поддѣлки; скорнячество было весьма развитымъ промысломъ въ древней Руси; русскіе поселенцы въ Ригѣ также занимались въ ней этимъ промысломъ [95]). Однако возможно, что сравнительно съ болѣе древнею эпохой, напримѣръ арабской торговли теперь на сѣверѣ Руси было уже меньше пушнаго звѣря, который частію былъ побитъ, а частію ушелъ за уральскій хребетъ, преслѣдуемый можно сказать по пятамъ русскими колонистами.

Въ договоры съ великими князьями тверскими и московскими Новгородъ постоянно включалъ статьи на счетъ пошлинъ съ льна и хмѣля [96]); но на сколько была развита въ

---

[91]) Ibid. 160.

[92]) *Hirsch*, H. u. G. Gesch. Danzigs, 260.

[93]) *Sart. Lappenb.* II, 158.

[94]) Ibid. 280, 287.

[95]) Въ числѣ рижскихъ гражданъ русскаго происхожденія называются *Jachim pellifex, Smene pellifex*. D. Rig. Schuldbuch, №№ 702, 1357 etc.

[96]) „А что, княже, мытъ по твоей земли и по иной волости и

ту пору обработка льна на Низу, за Волокомъ въ нынѣшней вологодской губерніи, потомъ собственно въ новгородской и псковской землѣ, — по недостатку данныхъ судить трудно; неизвѣстно также, какъ значителенъ былъ отпускъ льна Нѣмцамъ. Во всякомъ случаѣ ленъ неимѣлъ въ то время того значенія, какое имѣетъ онъ теперь въ отпускной рижской торговлѣ, хотя для фландрскихъ полотняныхъ фабрикъ онъ и тогда былъ необходимъ, и при большемъ развитіи льноводства могъ уже въ ту пору составить важную статью русской торговли; въ 1453 году Ганза подтвердила, чтобы льняная торговля въ Россіи велась правильнымъ образомъ [97]). Наконецъ Нѣмцы вывозили хмѣль, необходимый для приготовленія пива и другихъ хмѣльныхъ напитковъ, потомъ разные продукты домашняго и лѣснаго хозяйства, какъ-то: кожи, быть можетъ иногда и выдѣланныя (юфть), строевой лѣсъ, смолу, золу и проч. Но при отсутствіи данныхъ составить болѣе подробную роспись товаровъ, вывозившихся Нѣмцами изъ Новгорода и западной Руси, а тѣмъ болѣе — опредѣлить количество вывозившагося сырья каждаго вида порознь — трудно.

Къ этой росписи необходимо сдѣлать еще два замѣчанія. Во первыхъ не всегда предметы привоза непремѣнно оставались таковыми; они напротивъ могли стать предметами вывоза, и на оборотъ: отпускные изъ Новгорода товары могли стать для него предметами ввозными отъ Нѣмцевъ. Если ганзейскіе купцы нерѣдко привозили въ Новгородъ хлѣбъ, то во время урожая въ новгородской землѣ, или сосѣднихъ съ нею областяхъ, въ привозѣ его непредставлялось нужды: хлѣбъ могъ тогда даже покупаться Нѣмцами вслѣдствіе его изобилія и дешевизны [98]). Или напримѣръ медъ, несмотря на его обиліе въ Руси, могъ по временамъ привозиться въ Новгородъ, когда по случаю холодной весны и лѣта тамъ былъ на него

по всей суждальской земли, а то княже имати по 2 векши отъ лодьѣ, и отъ воза, и отъ льну, и отъ хмѣльна короба". С. Г. Г. и Д. I, № 2 и пр. Въ продолженіе двухъ вѣковъ, — отъ конца XIII до конца XV в. эти пошлины оставались неизмѣнными.

[97]) *Willebrandt.* Hans. Chronik, II, 222.

[98]) П. С. Р. Л. IV, 208, 1434: „того же лѣта бысть въ нѣмецкой земли голодъ и хлѣбъ дорогъ вельми, а въ Псковѣ у святой Троицы далъ Богъ хлѣба много и дешево, по девяти денегъ зобница".

неурожай. Во вторыхъ должно замѣтить, что привозомъ однихъ и вывозомъ другихъ перечисленныхъ сейчасъ товаровъ дѣло неограничивалось; пусть въ новгородскомъ дворѣ была запрещена перепродажа купленныхъ товаровъ, но внѣ двора, напримѣръ въ Лифляндіи, могли имѣть мѣсто новая мѣна товаровъ и другія дальнѣйшія операціи надъ ними, какъ между ганзейскими и лифляндскими купцами, такъ между ними и Русскими, постоянно торговавшими въ городахъ Лифляндіи. Такимъ образомъ въ дѣйствительности торговыя операціи были гораздо болѣе сложны, чѣмъ простой ввозъ однихъ товаровъ и вывозъ другихъ.

Какъ велики были торговые обороты новгородско-ганзейской торговли можно судить по количеству купцовъ, проживавшихъ въ новгородскомъ дворѣ. Въ одномъ мѣстѣ третьей скры замѣчено, что въ трехъ клѣтяхъ могутъ помѣщаться 24 хозяина, да шестеро въ избѣ толмача кромѣ прислуги, жившей при хозяевахъ; сверхъ того съ позволенія ольдермана тамъ могли помѣщаться и еще нѣсколько хозяевъ [99]). Въ 1331 году Новгородъ требовалъ отъ нѣмецкаго двора выдачи 50 человѣкъ для изслѣдованія дѣла о ночномъ убійствѣ Новгородца [100]); въ 1425 году Новгородъ арестовалъ у себя 150 ганзейскихъ купцовъ [101]); наконецъ Иванъ Васильевичъ при закрытіи двора арестовалъ 49 купцовъ. Конечно число лицъ, составлявшихъ тотъ или другой поѣздъ, немогло быть постояннымъ: смотря по различнымъ обстоятельствамъ ганзейскіе купцы на Руси были то многочисленнѣе, или по тогдашнему выраженію «сильнѣе» [102]), то малочисленнѣе. Но если принять во вниманіе, что снаряженіе судовъ на плаваніе изъ Германіи въ Новгородъ требовало большой суммы, покрыть

---

[99]) *Sart. Lappenb.* II, 269.

[100]) Рус. Лив. Ак. стр. 58.

[101]) *Kopp*, Hanserecesse, 510. Въ слѣдующей главѣ скажемъ подробнѣе объ этомъ арестѣ.

[102]) Подъ 1362 годомъ въ псковской лѣтописи сказано: „тогда бяше гость силенъ нѣмецкій". П. С. Р. Л. IV, 191. — Однажды Нѣмцы говорили въ Новгородѣ, что они уплатили бы великому князю слѣдующіе ему по старинѣ подарки, если бы они были сильнѣе въ то время, какъ великій князь посѣтилъ Новгородъ: „wen hir de duzsche koepman sterk were". *Kopp*, Hanserecesse, 512.

которую легче могла большая компанія; если далѣе припомнимъ обширность помѣщенія въ новгородскомъ дворѣ, и наконецъ прямыя данныя о количествѣ купцовъ, проживавшихъ въ Новгородѣ, то мы будемъ имѣть право заключить, что число ганзейскихъ купцовъ въ новгородскомъ дворѣ вообще было значительно, и слѣдовательно несмотря на ограниченіе ввоза цифрою въ тысячу марокъ серебра сумма привозимыхъ товаровъ въ Новгородъ была очень велика; притомъ торговля производилась и въ кредитъ. Около 1373 года новгородская контора писала въ Любекъ, что дворъ переполненъ сукнами и всякими другими товарами, а потому просила задержать поѣздъ лѣтнихъ гостей, прибытіе которыхъ могло бы нанести конторѣ окончательный ущербъ [103]); такое же извѣстіе о накопленіи товаровъ во дворѣ встрѣчается въ XV вѣкѣ [104]). Оно и понятно: нѣмецкія сукна и вина шли не въ одинъ Новгородъ, а гораздо далѣе его; воскъ и мѣха приходили въ него не только изъ его области, но и изъ другихъ отдаленныхъ краевъ, напримѣръ Поволжья, связи съ которымъ вообще много оживляли ганзейскую торговлю Новгорода. О низовской торговлѣ того времени вотъ что замѣчаетъ г. Соловьевъ: «съ достовѣрностью можно положить, что утвержденіе татарскаго владычества въ средней Азіи въ низовьяхъ Волги и Дона и вступленіе Россіи въ число зависящихъ отъ Орды владѣній очень много способствовало развитію восточной торговли; время отъ Калиты до Дмитрія Донскаго должно считать самымъ благопріятнымъ для восточной торговли» [105]). Къ этимъ словамъ почтеннаго историка нужно прибавить, что означенный періодъ времени былъ самымъ цвѣтущимъ и въ исторіи ганзейской торговли Новгорода, какъ это видно изъ постановленій третьей скры, сдѣланныхъ именно отъ 1315 по 1370 годъ: замѣтно, что Ганза вела тогда живую

---

[103]) *Koppmann*. Die Recesse, II, № 66: „scribitis de pluralitate pannorum et aliorum bonorum ad presens in curia Nogardensi constitutorum et quomodo timetis, quod veniens hospes estivalis, hoc est zomergast, faciat vobis et bonis vestris prejudicium et detrimentum“ (Любекъ отвѣчаетъ конторѣ).

[104]) Рус. Лив. А. стр. 101: „zokumpst des zomergastes des moste de kopman gans uerderbet werden, wente de kerke to Nogarden vul gudes licht boven und beneden“.

[105]) Истор. Россіи, IV, 264.

торговлю въ Новгородѣ, и потому спѣшила регулировать ее въ постановленіяхъ скры. Конечно одновременное процвѣтаніе торговли въ двухъ сосѣднихъ областяхъ новгородской и поволжской, притомъ связанныхъ превосходнымъ воднымъ путемъ, Волгой, не есть случайное совпаденіе; оно указываетъ напротивъ, что большой размѣръ торговли въ одной области былъ обусловленъ обширностью торговыхъ оборотовъ въ другой. Для Новгорода торговля съ Поволжьемъ была важна не столько азіатскими товарами въ родѣ бисера, жемчуга и разныхъ самоцвѣтныхъ камней, какъ было въ эпоху арабской торговли, хотя и теперь, въ XIV в. въ Новгородѣ и на всей Руси отнюдь неминовалась мода на эти предметы украшенія; она была важна также не восточными пряностями, ибо эти пряности скорѣе могли доставить въ Новгородъ ганзейскіе купцы, покупавшіе ихъ во Фландріи и другихъ рынкахъ западной Европы, куда въ изобиліи доставляли ихъ итальянскіе купцы, производившіе торговлю съ Византіей и Левантомъ: торговля съ Поволжьемъ для Новгорода, а чрезъ него и для Ганзы была выгодна съ другихъ сторонъ: оттуда приходили въ Новгородъ хлѣбъ, воскъ, ленъ и хмѣль; на оборотъ въ Поволжье сбывались нѣмецкіе товары; такимъ образомъ чрезъ Новгородъ оно входило въ кругъ западноевропейской торговли. Древній торговый путь, славный въ эпоху арабской торговли, отмѣченный арабскими деньгами, еще разъ оживился въ XIV вѣкѣ, и даже быть можетъ больше, чѣмъ тогда.

ГЛАВА VI.

Теперь въ хронологическомъ порядкѣ прослѣдимъ сношенія Новгорода съ Ганзой и разсмотримъ ихъ торговые договоры [1]).

Въ то время какъ Нѣмцы поселялись въ прибалтійскомъ краѣ, а Новгородъ и Псковъ вели съ ними продолжительную, хотя совсѣмъ недружную войну, заморское нѣмецкое купечество должно было чувствовать себя въ стѣсненномъ положеніи: съ одной стороны папы, рижское духовенство и Орденъ призывали всѣхъ западныхъ христіанъ къ борьбѣ противъ язычниковъ и схизматиковъ Русскихъ, требовали, чтобы купцы прервали всякія сношенія съ тѣми и другими; да и само готландское купечество принимало немалое участіе въ судьбѣ Риги и всѣхъ вообще колонистовъ новаго края; съ другой стороны купцы немогли нечувствовать, что перерывъ торговли съ Русскими изъ-за цѣлей, преслѣдуемыхъ папами и Орденомъ, приноситъ имъ большой убытокъ; притомъ заморское купечество могло опасаться, что въ промежутки замиренія лифляндскіе купцы поспѣшатъ извлечь выгоды изъ своего сосѣдства и начнутъ торговать съ Русскими. Вотъ почему несмотря на войну лифляндскихъ Нѣмцевъ съ Русскими заморское купечество съ острова Готланда вело торговлю съ Новгородомъ, и постепенно добивалось тамъ увеличенія своихъ правъ. Такъ заморскіе купцы гостили въ Новгородѣ въ княженіе Константина Всеволодовича (1204—1209), отъ котораго получили нѣкоторыя льготы для своего двора, упоминаемыя въ договорѣ 1270 года по латинской редакціи [2]). Въ 1226 году, въ княженіи Ярослава Всеволодовича Нѣмцы, по извѣстію Татищева, заключили съ Новгородомъ особенный

[1]) При составленіи этого очерка хронологическія даты мы будемъ заимствовать изъ труда *Э. Боннеля.* Russischliviändische Chronographie.. bis zum Jahre 1410. S. Petersburg, 1862.

[2]) *Sart-Lapp.* Urk. Gesch. II, S. 42: „... libertate, quam rex edidit Constantinus“.

договоръ: «въ Новградъ —говоритъ онъ — прибыли послы изъ Любека, привезли товара такое множество, какова николи неваживали, и просили отъ братіи своея многихъ городовъ и земель о любви и пріязни; и Новгородцы приняли ихъ въ любовь, и учинили договоръ, что всѣмъ купцамъ туда и оттуда ходить съ товары и торговать, гдѣ и сколько кто хочетъ, неплатя пошлины, а въ строеніи церквей отказали» [3]). Въ 1231 году во время голода и разлада съ Ярославомъ Нѣмцы оказали большую услугу Новгороду подвозомъ хлѣба [4]). Какъ далѣе шла торговля, какое положеніе заняли заморскіе Нѣмцы во время войнъ Александра Невскаго съ Шведами и Орденомъ, на это нѣтъ ясныхъ указаній въ источникахъ; по договору съ Нѣмцами Александра Невскаго отъ 1260 года можно догадываться, что они держали тогда сторону Лифляндіи: «что ся учинило тяже—говорится въ немъ— межи Новгородци и межю Нѣмци и Гты и со *всѣмъ Латиньскымъ языкомъ*, то все отложихомъ» [5]). Частнѣе въ договорѣ упоминается о тяжбѣ Новгорода съ Нѣмцами по дѣлу какого-то Ратши; но въ чемъ она состояла, и кто былъ самый Ратша, въ договорѣ нѣтъ никакихъ намековъ: не былъ-ли онъ тотъ прусскій выходецъ, который прибылъ въ Новгородъ именно въ княженіе Александра Невскаго, и потомъ сталъ родоначальникомъ нѣсколькихъ дворянскихъ родовъ въ Твери и Москвѣ [6])? Или это тотъ Ратиборъ тысяцкій, который въ 1270 году является сторонникомъ великаго князя Ярослава Ярославича? Такъ или иначе, во всякомъ случаѣ вѣрно, что къ дѣлу Ратши стали прикосновенны нѣмецкіе купцы, и что трое изъ нихъ во время смуты были убиты; дѣло кончилось тѣмъ, что за двоихъ убитыхъ Новгородъ уплатилъ виру въ 20-ть гривенъ серебра, а одного виновнаго въ убій-

[3]) Истор. Россійская, III, стр. 445. Какъ понимать извѣстіе объ этой безпошлинной торговлѣ, мы старались показать въ предыдущей главѣ. О церквахъ — во II-й главѣ.

[4]) Татищевъ (Истор. Рос. III, 458) объ этомъ случаѣ говоритъ: „открылъ Богъ милосердіе свое, *какъ скоро ледъ прошелъ*, пришли Нѣмцы изъ-за моря". Конечно поѣздъ лѣтнихъ гостей приплывалъ въ Новгородъ нераньше окончанія невскаго ледохода: такъ бывало всегда.

[5]) Рус. Лив. А. стр. 9.

[6]) *Карамзинъ*. Ист. Г. Р. IV, примѣч. III. Срав. *В. С. Борзаковскій*, Истор. Тверскаго княжества, стр. 224.

ствѣ выдалъ Нѣмцамъ головой [7]). По всей вѣроятности это дѣло было однимъ изъ ближайшихъ побужденій къ заключенію договора, по соображеніямъ Боннеля состоявшемуся въ генварѣ или февралѣ 1260 года въ бытность Александра Невскаго въ Новгородѣ [8]). Сравнительно съ договоромъ Ярослава Владиміровича онъ имѣетъ ту особенность, что весь занятъ опредѣленіемъ торговыхъ порядковъ, тогда какъ первый преимущественно установляетъ штрафы за уголовныя преступленія; вмѣстѣ съ нимъ онъ составляетъ небольшую сводную грамату, такъ сказать торговую правду; очень вѣроятно, что именно этой мыслью руководились, переписывая обѣ грамоты на одномъ листѣ. Такъ какъ въ предъидущемъ изложеніи, говоря о торговыхъ порядкахъ, мы уже исчерпали содержаніе договора 1260 года, то теперь припомнимъ его только вкратцѣ: Новгородцы имѣютъ право свободной торговли на Готландѣ (о Любекѣ несказано), а Нѣмцы, Готы и всѣ Латины — въ Новгородѣ; отправляясь на Готландъ зимніе гости должны брать «посла» (проводника); если они невозьмутъ проводника или новгородскихъ купцовъ, то Новгородъ неотвѣчаетъ за вредъ, который они могутъ потерпѣть на пути до Котлина; онъ также неотвѣчаетъ за безопасность купцовъ въ корельской землѣ; соглашаясь на просьбу Нѣмцевъ Новгородъ уступилъ имъ три двора «по своей волѣ»; вмѣсто прежняго пуда онъ поставилъ на торгу скальвы также «по своей волѣ и любви»; Нѣмцы обязались платить вѣсовую пошлину по двѣ куны отъ капи при продажѣ и покупкѣ всякаго вѣсомаго товара; наконецъ о тяжбахъ разнаго рода въ договорѣ замѣчено вообще: «гдѣ ся тяжя родить, ту ю кончати». До-

---

7) „А в Ратшину тяжю платили есмы 20 гривенъ серебра за двѣ голове, а третью выдахомъ". Срав. въ смоленскомъ договорѣ князя Мстиславича: „аже убьютъ мужа вольного, тъ выдати розбойникы (убійцъ), колико то ихъ было будеть; не будеть разбойниковъ—то дати за голову 10 гривенъ серебра". Рус. Лив. А. стр. 451.

8) Rus. livl. Chronogr. Comment. S. 88. Между прочимъ авторъ говоритъ: „тогда великій князь помогалъ татарскимъ чиновникамъ производить перепись новгородскаго населенія; быть можетъ заключеніемъ мира съ нѣмецкими купцами онъ хотѣлъ пріобрѣсти расположеніе нѣкоторой части огорченнаго народа, ибо этимъ миромъ онъ обезпечивалъ Новгороду безпрепятственный ходъ торговли". Это соображеніе имѣетъ свою цѣну.

говоръ заключенъ отъ имени великаго князя Александра, сына его Дмитрія, посадника Михаила Θедоровича, тысяцкаго Жирослава и всѣхъ Новгородцевъ; къ грамотѣ привѣшены три печати, изъ коихъ одна съ именемъ владыки Далмата [9]). Съ другой стороны договоръ заключали три посла: нѣмецкій, любецкій и готскій. Первый быть можетъ былъ представителемъ Риги, но нельзя полагать, чтобы онъ былъ представителемъ всей Лифляндіи, въ томъ числѣ Дерпта и Ревеля. Что послѣдніе два города неучаствовали въ мирномъ договорѣ, вѣроятно по ходу дальнѣйшихъ событій: ибо спустя два года Новгородцы предприняли походъ на Дерптъ, а чрезъ восемь лѣтъ произошла знаменитая битва подъ Раковоромъ. Относительно этой битвы намъ слѣдуетъ вдаться въ нѣкоторыя подробности, чтобы уяснить ходъ событій, предшествовавшихъ заключенію договора 1270 года.

Въ 1241 году, когда Александръ Невскій покинулъ Новгородъ, Орденъ въ союзѣ съ эстляндскими рыцарями предпринялъ завоевать землю Водь на востокъ отъ Наровы; сначала дѣло пошло удачно: рыцари построили замокъ близь Копорья, захватили земли по Лугѣ и чинили разъѣзды почти вплоть до Новгорода; били новгородскихъ гостей и собирали дань па туземцахъ [10]); Орденъ предложилъ уже эзельскому епископу распространить его юрисдикцію на вновь завоеванный край, и епископъ выдалъ грамоту, гдѣ изложилъ на какихъ условіяхъ и какой частью завоеванной земли будутъ владѣть Орденъ и епископъ [11]). Побѣда Александра Невскаго на Чудскомъ озерѣ въ 1242 году неокончательно разсѣяла мечты Ордена и эзельскаго епископа о владѣніи Водью; правда послѣ пораженія нѣмцы говорили: «что есмы зашли Водь, Лугу, Пльсковъ, Лотыголу мечемъ, то ся всего отступаемъ» [12]), но въ 1255 году папа разрѣшалъ своему легату, рижскому архіепископу Альберту поставить особеннаго епископа надъ землею Води, Ингріей и Кореліей [13]). Этѣ притязанія лифляндскихъ и датскихъ рыцарей на водскую пя-

[9]) Рус. Лив. А. стр. 8.
[10]) П. С. Р. Л. III, стр. 53.
[11]) *Bunge*, LEK, Urk. III, Nachtr. № 169[a].
[12]) П. С. Р. Л. III, стр. 54.
[13]) *Bunge*, LEK. Urk. III, Nachtr. № 283[b].

тину конечно сильно раздражали Новгородъ; что мирный договоръ 1260 года непрекратилъ натянутыхъ отношеній между обѣими сторонами, видно изъ послѣдующихъ событій: въ 1262 году Новгородцы съ княземъ Дмитріемъ Александровичемъ, полоцкимъ Тевтивиломъ и другими князьями ходили на Дерптъ и опустошили его окрестности [14]). Около того же времени во Псковѣ поселился Довмонтъ, обнаруживавшій воинственное настроеніе противъ Нѣмцевъ, что сильно безпокоило Орденъ. Вотъ почему когда Новгородцы и Псковичи съ Довмонтомъ пошли на Эстляндію, то лифляндскіе Нѣмцы невыдержали обѣщаннаго нейтралитета [15]); у Раковора Новгородцы и Псковичи встрѣтили громадное ополченіе не только датскихъ рыцарей, но также нѣмецкаго Ордена и дерптскаго епископа. Началась кровопролитная битва (18 февр. 1268 г.), въ которой пали дерптскій епископъ и новгородскій посадникъ; тысяцкій пропалъ безъвѣсти.. Битва по видимому имѣла нерѣшительный исходъ: обѣ стороны приписывали побѣду себѣ; въ одномъ сходятся русскія и лифляндскія лѣтописи: тѣ и другія хвалятъ храбрость Довмонта. Раздосадованный участіемъ въ битвѣ Псковитянъ Орденъ рѣшился имъ отомстить: лѣтомъ 1268 года магистръ выступилъ противъ нихъ съ большимъ войскомъ, сжегъ Изборскъ, подступилъ съ суши и озера подъ Псковъ, но успѣлъ пожечь только посады; появленіе новгородскаго войска заставило Нѣмцевъ снять осаду и заключить перемиріе. Къ этому-то времени относится приведенный выше протоколъ Ордена и Любека о прекращеніи русской торговли, и письмо къ заморскимъ купцамъ по тому же предмету; въ послѣднемъ значилось между прочимъ: «всеусерднѣйше просимъ всѣхъ васъ непосѣщать съ вашими товарами русскихъ земель, но прежде отправить къ намъ вашихъ пословъ для окончательнаго утвержденія мира, поступая такимъ образомъ на тотъ конецъ, чтобы ваши права, такъ часто нарушаемыя русскими, получили бы съ нашей помощью надлежащую прочность» [16]).

---

14) П. С. Р. Л. III, стр. 57.

15) Тамже, стр. 59: „неремогайтеся съ Колыванци и съ Раковорци, а мы къ нимъ неприставаемъ“, — говорили рыцари новгородскому послу.

16) *Bünge*, LEK. Urk. I, № 410.

Въ отвѣтъ на это предложеніе заморское купечество отправило въ Лифляндію троихъ пословъ — одного отъ Любека и двоихъ отъ Визби, — снабдивши ихъ грамотой, въ которой были изложены старинныя права и вольности купцовъ, торгующихъ въ Новгородѣ; вѣроятно въ 1269 г. посольство отправилось изъ Лифляндіи въ Новгородъ, но успѣха неимѣло: Новгородъ непринялъ предложенной ему грамоты, — и миръ былъ заключенъ только на слѣдующій годъ; причина тому заключалась вовсе не въ содержаніи самой грамоты, какъ сей часъ увидимъ, а въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ Новгорода къ Эстляндіи и Лифляндіи, съ которой было заключено только перемиріе, а потомъ — въ домашнихъ неурядицахъ Новгорода, въ его раздорахъ съ великимъ княземъ Ярославомъ.

Ярославъ Ярославичь Тверской началъ княжить въ Новгородѣ съ 1265 года; съ этого же года идетъ рядъ письменныхъ договоровъ Новгорода съ великими князьями. Въ договорахъ Ярослава нѣтъ статьи, что великій князь не имѣетъ права начинать войны безъ новгородскаго согласія; но именно въ этомъ пунктѣ Ярославъ неоднократно расходился съ Новгородомъ. Такъ чрезъ два года по заключеніи перваго договора Ярославъ хотѣлъ идти на Псковъ, чтобы изгнать оттуда Довмонта; однако Новгородъ воспротивился этому намѣренію, послѣ чего великій князь отъѣхалъ изъ Новгорода, оставивъ въ немъ намѣстникомъ своего племянника Юрія Андреевича. Съ этимъ намѣстникомъ Новгородцы ходили къ Раковору, но скоро отступили такъ какъ городъ оказался очень крѣпкимъ; Новгородцы обратились къ великому князю, и тотъ отправилъ къ нимъ вмѣсто себя князя Святослава, вѣроятно съ вспомогательной дружиной. Снова отправились подъ Раковоръ, гдѣ и произошла упомянутая битва, исходъ которой, какъ мы видѣли, былъ нерѣшительный: Новгородцы дѣйствовали недружно, потому что намѣстникъ великаго князя, неизвѣстно съ умысломъ или изъ боязни, преждевременно оставилъ поле битвы [17]), — и только храбрость Довмонта поправила дѣло. Перемиріе, заключенное

[17]) П. С. Р. Л. III, стр. 60: „а Юрьи князь вда плечи, или перевѣтъ былъ въ немъ, то Богъ вѣсть“.

подъ Псковомъ, непримиряло окончательно Новгорода съ лифляндскими и эстляндскими рыцарями, а потому въ Новгородѣ образовалась партія, хлопотавшая о томъ, какъ бы заключить съ Нѣмцами прочный миръ при помощи великаго князя т. е. вѣроятно путемъ продолженія съ ними войны и нанесенія имъ окончательнаго пораженія; но другая партія нехотѣла обращаться къ великому князю [18]). На этомъ разъ возобладала, какъ видно, первая партія: великій князь прибылъ въ Новгородъ, но спустя немного оставилъ его, потомъ опять воротился съ дороги по просьбѣ Новгородцевъ: должно быть его присутствіе считали необходимымъ для окончательнаго улаженія дѣлъ съ Нѣмцами, тѣмъ больше что великій князь намѣревался привести въ Новгородъ войско, — частію изъ Татаръ, которыхъ Нѣмцы сильно боялись. Тогда Ярославъ назначилъ тысяцкимъ преданнаго себѣ Ратибора и сталъ готовиться къ походу на Ревель; узнавши это Нѣмцы сильно встревожились и прислали въ Новгородъ съ поклономъ сказать, что они отступаются отъ всякихъ притязаній на правую сторону Наровы [19]). Походъ былъ отложенъ: Ярославъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ идти на Кореловъ, чтобы наказать ихъ за приверженность къ Нѣмцамъ, но и на этотъ разъ Новгородъ не далъ ему согласія. Вскорѣ противъ великаго князя поднялось всеобщее возстаніе: Новгородцы изгоняли его отъ себя, упрекая его между прочимъ: «чему выводиши отъ насъ иноземцевъ, которыи у насъ живуть.» Кто эти иноземцы, и какимъ образомъ тверской князь могъ ихъ выводить? По нашему мнѣнію справедливо г. Костомаровъ отличаетъ ихъ отъ членовъ нѣмецкой конторы [20]); но кто же они? Выѣздъ въ Новгородъ Ратши, служилаго человѣка, отчасти можетъ объяснять дѣло; другой подобный примѣръ

[18]) Никон. лѣтоп. III, стр. 49: „тогоже лѣта (1269) въ Новѣградѣ бысть мятежъ, заратишася межи собою: овіи хотѣша послати к великому князю Ярославу Ярославичу въ Володимеръ, како бы ся с Нѣмцы до конца умирити; овіи жъ нехотѣша послати къ вел. князю Я. Я. въ Володимеръ“.

[19]) Также: „то слышавше Нѣмцы устрашишася и вострепетавше прислаша с великимъ челобитіемъ и со многими дары послы своя и добиша челомъ на всей воли его, и всѣхъ издариша и великаго баскака и всѣхъ князей татарскихъ и Татаръ: зѣло побояхуся имени татарскаго“.

[20]) Сѣв. рус. народопр. II, стр. 213.

представляетъ Нѣмецъ Доль, выѣхавшій изъ Курляндіи въ Псковъ, а потомъ переселившійся въ Тверь на службу къ князю Александру Михайловичу [21]). Никоновская лѣтопись сообщаетъ любопытное извѣстіе, что въ 1270 году между защитниками Новгорода противъ Ярослава находилась нѣкоторая часть Нѣмцевъ [22]). На основаніи этихъ данныхъ позволительно думать, что въ Новгородѣ и Псковѣ живали болѣе или менѣе продолжительное время иностранные служилые люди или Нѣмцы, какъ ихъ вообще тогда называли; по всей вѣроятности великіе князья старались перезывать ихъ на свою службу: конечно такія лица, какъ Ратша и Доль, были больше въ своей роли при княжескомъ дворѣ, между дворянами князя, чѣмъ въ Новгородѣ или Псковѣ, хотя Новгородъ какъ видно сердился на этотъ выводъ иноземцевъ. Возможно кромѣ того, что въ Новгородѣ селились на житье иностранные художники и ремесленники, а князья также переманивали ихъ, какъ людей полезныхъ, въ свою область: привлеченіе свѣдущихъ иноземцевъ въ сѣверовосточную Русь началось конечно не со временъ московскаго государства, а гораздо раньше. Изъ нѣмецкихъ купцовъ нѣкокорые также оставались въ Руси на постоянное жительство и принимали православіе, какъ напримѣръ Св. Прокопій Устюжскій и Св. Исидоръ; оба они были нѣмецкіе купцы. Что въ данномъ случаѣ, когда Новгородъ упрекалъ Ярослава за выводъ иноземцевъ, нельзя разумѣть ганзейскихъ купцовъ, видно уже изъ того, что они другой годъ не посѣщали новгородскаго двора, и далеко не по винѣ только Ярослава, а по случаю войны Лифляндіи съ Новгородомъ и Псковомъ, и по настоянію Ордена прекратить торговлю съ Русскими; притомъ если бы дѣло шло о заморскихъ нѣмецкихъ купцахъ, то Новгородцы называли бы ихъ не иноземцами,—малоупотребительнымъ названіемъ, а именно нѣмецкими гостями или купцами.—Но какъ бы то ни было, вслѣдствіе этого и другихъ упрековъ Ярославъ и его сторонникъ

---

[21]) *Карамзинъ.* Ист. Г. Р. IV, 142, прим. 304. *Борзаковскій,* Истор. Тверск. княж. стр. 225.

[22]) „Новогородцы поставиша около града острогъ по обѣ стороны и многою крѣпостію градъ укрѣпиша, и совокупишася со всею землею и со Псковичи, *и Нѣмецъ много приведоша в помощь к себѣ*“. Ч. III, стр. 51.

тысяцкій Ратиборъ принуждены были покинуть Новгородъ. Дѣло вступило въ новый фазисъ: Ратиборъ отправился въ Орду просить у хана войска для наказанія Новгорода: «Новгородцы тебя не слушаютъ, мы дани просили для тебя, а они насъ выгнали, — говорилъ онъ между прочимъ хану. Вслѣдствіе этихъ наговоровъ ханъ готовъ былъ отправить войско на помощь Ярославу, но изъ Новгорода явились болѣе сильные и вѣроятно болѣе богатые противники Ярослава, которые нашли себѣ поддержку въ лицѣ брата его Василья Ярославича Костромскаго; эти новые послы представили дѣло хану совсѣмъ въ другомъ видѣ; они успѣли доказать, что въ смутахъ виноватъ Ярославъ, а не Новгородцы, вслѣдствіе чего ханъ приказалъ остановить войско, назначенное для поддержки Ярослава. Тоже посольство умѣло заинтересовать хана въ новгородской торговлѣ съ Нѣмцами: по всей вѣроятности оно доказывало, что отъ этой торговли проистекаютъ выгоды и для него, хана, который съ 1259 года бралъ на новгородскомъ населеніи «число»: ибо ханъ отправилъ Ярославу приказаніе, чтобы онъ не препятствовалъ торговлѣ Новгорода съ Нѣмцами: «дай путь нѣмецкому гостю на свою волость», — говорилъ Менгу-Тимуръ въ ярлыкѣ великому князю [23]). Подъ «волостью» вѣроятно разумѣется здѣсь вся вообще новгородская земля, надъ которой Ярославъ былъ великимъ княземъ, а еще вѣроятнѣе — пограничныя и смѣсныя волости Новгорода и великаго князя, т. е. Торжокъ, Волокъ и Бѣжичи: находясь въ разладѣ съ Новгородомъ Ярославъ конечно прекратилъ тамъ торговлю новгородскихъ и нѣмецкихъ купцовъ. Въ тоже время противники великаго князя выхлопотали у хана особенную грамоту о свободѣ торговли новгородскихъ купцовъ по великокняжеской области [24]). Ярославъ покорился не сразу: съ большимъ войскомъ онъ подступилъ къ Новгороду, но видя противъ себя энергическое возстаніе всего города, притомъ сдаваясь на увѣщанія митрополита

---

[23]) Рус. Лив. А. стр. 14.

[24]) О ней упоминается въ договорѣ Новгорода съ великимъ княземъ 1270 года: „а гостю нашему гостити по суждальской земли безъ рубежа, *по царевѣ грамотѣ*". С. Г. Г. и Д. I, № 3. Срав. приписку на оборотѣ этого договора:" се пріѣхаша послы отъ Менгутемеря царя сажатъ Ярослава съ *грамотою*, — Чевгу и Баиши".

Кирилла, помня наконецъ и ханскій приказъ онъ рѣшился помириться съ Новгородомъ. Вѣ мирномъ договорѣ, написанномъ по этому случаю, находится статья, намекающая на прежнее поведеніе Ярослава относительно нѣмецкаго двора, а быть можетъ не одного Ярослава, а также брата его и отца, статья, которую Новгородъ включалъ и въ послѣдующіе договоры съ великими князьями: «а въ немецьскомъ дворѣ тебѣ торговати нашею братиею, а двора ти не затворяти, а приставовъ ти неприставливати.» Въ это же самое время, въ концѣ 1270 года стало возможно заключеніе торговаго договора съ заморскими Нѣмцами, именно только съ ними: потому что въ договорной грамотѣ не упоминается ни о лифляндскихъ послахъ, ни о сухопутныхъ лифляндскихъ гостяхъ; ганзейскіе послы внесли въ нее только одну статью, намекающую на Лифляндію и Эстляндію: «въ случаѣ войны между Новгородцами и странами окрестными, гость долженъ безпрепятственно ѣздить водою и сухимъ путемъ такъ далеко, какъ простирается господство Новгородцевъ» [25]). Выходитъ такимъ образомъ, что не смотря на всѣ хлопоты Ордена и лифляндскихъ городовъ связать тѣснѣе дѣло заморскаго купечества съ своимъ собственнымъ, ганзейскіе послы предпочли заключить особенный договоръ, выгородивши Лифляндію. Договорная грамота, дошедшая до насъ только въ нѣмецкомъ переводѣ, писана отъ имени великаго князя Ярослава, посадника Павши (Павла Онаньича) тысяцкаго Ратибора, отъ всѣхъ старѣйшихъ и всего Новгорода; съ другой стороны названы посолъ любецкій и двое готландскихъ, тѣ самые, которые были въ Новгородѣ годъ тому назадъ. Въ одной грамотѣ, предназначавшейся для отсылки въ Любекъ, лифляндскій магистръ одобрительно отзывается объ этихъ послахъ, говоритъ, что они съ честью справили свое посольство и заслуживаютъ полной похвалы за ихъ дѣйствія [26]); сомнительно однакожъ, чтобы съ этой рекомендательной грамотой послы отправились въ Германію: вѣрнѣе думать, что они все время оставались въ Лифляндіи, дожидаясь благопріятнаго

---

[25]) Перев. *Андреевскаго*, О договорѣ 1270 г. стр. 31.

[26]) Грамота отъ 1 Апрѣля 1269 г. *Bonnel*, Chronogr. Comment. S. 116.

момента для заключенія съ Новгородомъ мирнаго договора; такой моментъ настать послѣ примиренія Новгорода съ великимъ княземъ; въ то время послы снова предложили Новгороду прежнюю грамоту, которая и была положена въ основаніе настоящаго договора [27]).

Сарторій, Карамзинъ, а за ними и другіе послѣдующіе ученые считали латинскую грамоту 1269 года *проектомъ*, и притомъ проектомъ высокомѣрнаго характера, который поэтому и не былъ будто-бы принятъ въ Новгородѣ [28]); оттого при сравненіи латинской грамоты съ нѣмецкою 1270 года употребляли одинъ простой пріемъ, что въ первой полагали отвергнутымъ все то, чего нѣтъ во второй. Въ вѣрности такого пріема мы позволимъ себѣ усумниться: мы утверждаемъ, что въ латинской грамотѣ 1269 года нѣтъ никакихъ высокомѣрныхъ требованій со стороны Нѣмцевъ, и что она относится къ настоящему договору, какъ подробная его редакція. Конечно слово «postulant», стоящее въ заключеніи латинской грамоты, указываетъ на тотъ моментъ, когда Нѣмцы намѣревались предложить ее Новгороду: нѣкоторое время она была дѣйствительно проектомъ, пока не была составлена окончательная редакція [29]); но вѣдь сущность вопроса состоитъ въ томъ, была ли она послѣ принята въ Новгородѣ, или нѣтъ; сравненіе ея съ настоящею договорною грамотой показываетъ, что она дѣйствительно была принята, послѣ того какъ Новгородъ помирился съ великимъ княземъ и лучше опредѣлилъ свои отношенія къ Лифляндіи и Эстляндіи.

Когда говорили о высокомѣрныхъ предложеніяхъ Нѣмцевъ, то при этомъ имѣли въ виду требованіе ихъ на счетъ жестокой расправы надъ пойманными ворами; посмотримъ однако, насколько тутъ было дѣйствительно много высокомѣрія и

---

[27]) Обѣ грамоты — латинская 1269 г. и нѣмецкая 1270 г. много разъ были печатаны порознь и синоптически: подробныя указанія о томъ см. въ Рус. Лив. Ак. стр. 16, и у *Андреевскаго*, Догов. 1270 г. стр. 16—18. Мы ссылались и будемъ ссылаться на тексты, напечатанные въ сборникѣ Сарторія-Лаппенберга.

[28]) Urk. Gesch. II, S. 32. Ист. Гос. Рос. III, прим. 244.

[29]) *Sart. Lappenb.* Urk. Gesch. II, S. 42: „Iura et ilbertates prescriptas, quas hospites mercatores sibi in dominio regis et Nogardiensium sibi fieri *postulant* etc.“.

жестокости. Если гости прибудутъ въ новгородскую область — говорили Нѣмцы, и будутъ состоять подъ охраною мира, а случится, что у нихъ будетъ украденъ товаръ на сумму до полумарки кунъ, то воръ можетъ откупиться отъ наказанія двумя марками кунъ; если же сумма украденнаго будетъ простираться до полмарки серебра, то виноватаго должно наказать розгами и клеймить въ щеку: «virgis decorietur et ad maxillam cauteriabitur»; за важнѣйшее воровство преступника должно казнить смертію: capitalem subibit poenam». Вѣроятно ли — возражаетъ Карамзинъ — чтобы за воровство маловажное клеймили, а за важнѣйшее казнили смертью въ землѣ, гдѣ самый убійца откупался серебромъ [30])? Но во первыхъ право откупаться за воровство неотрицается и въ данномъ документѣ: ибо уличенный въ воровствѣ до $^1/_2$ марки серебра могъ освободиться отъ тѣлеснаго наказанія уплатя 10 марокъ серебра или гривенъ «redimat se cum 10 marc. argenti»; во вторыхъ — Нѣмцы непретендовали на самосудъ во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ, а только при извѣстныхъ условіяхъ: если воровство — говорили они — случится на пути между Березовыми островами и Ижерой, то нужно о немъ увѣдомить ижерскаго тіуна (oldermanno de Engeren), который пусть явится на судопроизводство въ теченіе двухъ дней; если въ этотъ срокъ онъ непридетъ, то сами Нѣмцы будутъ судить вора, смотря по суммѣ украденнаго. Также должно быть, если воровство совершено будетъ между Ижерой и Ладогой, между Ладогой и Новгородомъ», т. е. дѣло должно разбираться въ Ладогѣ и Новгородѣ въ присутствіи новгородскихъ властей, причемъ оно всегда могло окончиться денежной сдѣлкой. Статья о доставкѣ вора въ Ладогу или Новгородъ для суда надъ нимъ внесена и въ настоящую договорную грамоту съ общимъ замѣчаніемъ, что вора должно судить по его винѣ: «sal man ouer en richten na sineme broke.» Что преступный въ воровствѣ не былъ изъятъ отъ тѣлеснаго наказанія, въ этомъ нельзя сомнѣваться, если принять во вниманіе, какъ строго въ ту пору смотрѣли на преступленія воровства. Вспомнимъ, что по русской правдѣ татя можно было безнаказанно

---

[30]) Ист. Гос. Рос. III, примѣч. 244.

убить «во пса мѣсто» [31]); пусть такое убійство дѣлалось въ припадкѣ сильнаго гнѣва: но во всякомъ случаѣ вѣрно, что татьба считалась тогда тяжкимъ преступленіемъ, и убійство вора вмѣнялось ему, какъ достойное возмездіе. Что Нѣмцы, предлагая строгій судъ надъ ворами, невыказывали излишней претензіи, ясно доказываетъ слѣдующая статья въ смоленскомъ договорѣ 1229 года: «который Русинъ, или Латинескый иметь татя, надъ тѣмъ ему своя воля: камь его хочеть, тамъ дѣжеть» [32]), куда хочетъ, туда и дѣваетъ, т. е. можетъ принудить виновника личнымъ трудомъ заработать украденную имъ сумму, или можетъ обратить его въ холопа, не говоря о чемъ нибудь еще болѣе худшемъ, что могло быть сдѣлано съ нимъ подъ первымъ впечатлѣніемъ. Наконецъ въ уставной грамотѣ Василія Дмитріевича, данной жителямъ Двинской земли въ 1397 году, ворамъ опять угрожаютъ большія наказанія; за первое воровство съ виновника взыскивается штрафъ пропорціонально цѣнности украденнаго; за другое воровство конфискуется все его имѣніе; за третій случай воровства виновный подвергается смертной казни чрезъ повѣшеніе; кромѣ того за каждое воровство клеймили [33]). На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ нужно заключить, что предложеніе Нѣмцевъ о строгомъ судѣ надъ ворами не было съ ихъ стороны заносчивымъ: ибо какъ по ихъ, такъ и по русскимъ понятіямъ воровство было тяжелымъ преступленіемъ наравнѣ съ убійствомъ. Мы охотно согласимся съ другимъ замѣчаніемъ Ка-

---

31) „Оже убиють кого у клѣти или у которые татьбы, то убиють и въ пса мѣсто“ (по карамз. списку въ изд. Владимірскаго-Буданова, Хрест. по ист. рус. права, стр. 55). „Аще убьють татя на своемъ дворѣ, любо у клѣти, или у хлѣва, то тои убитъ“ (по акад. списку въ томъ же изданіи стр. 37).

32) Рус. Лив. А. стр. 438.

33) „... а татя впервые продати противу поличного, а вдругіе уличатъ продадутъ его нежалуя, а уличатъ втретьие — ино повѣсити; а татя всякого пятнити“. (Хрест. по ист. рус. права, стр. 129). Въ комментаріи къ этому мѣсту г. Владимірскій-Будановъ замѣчаетъ, что здѣсь впервые въ законодательныхъ памятникахъ является смертная казнь и тѣлесныя наказанія (примѣч. 12). Несчитая себя компетентными въ столь важномъ вопросѣ мы замѣтимъ, что при его рѣшеніи нелишне взять во вниманіе договоры съ Нѣмцами, какъ смоленскій 1229 года, или данный документъ 1269 года.

рамзина, что иноземные купцы опасаясь частаго воровства болѣе, чѣмъ рѣдкихъ убійствъ могли предложить строгій законъ о ворахъ [34]). Мало того — предложить: онъ имѣлъ дѣйствительную силу. Такъ какъ договоры были обязательны для обѣихъ сторонъ, то Новгородцы могли предъявить тѣже требованія Нѣмцамъ въ случаѣ преступленій съ ихъ стороны, какія предлагали они сами; если же принять во вниманіе, что въ латинской грамотѣ 1269 года изложены вообще тѣ порядки, какіе издавна были въ торговлѣ Новгорода съ Нѣмцами, «justicia ab antiquis habita», какъ говорится въ ней, то придется заключить, что предложеніе о строгой расправѣ съ ворами не было сдѣлано теперь въ первый разъ, что на практикѣ издавна обращались съ ними весьма строго.

Итакъ по нашему мнѣнію въ этомъ пунктѣ грамота Нѣмцевъ не заключаетъ въ себѣ ничего высокомѣрнаго, — а именно съ этой стороны и направлялось главное возраженіе противъ значенія разсматриваемаго документа. Къ этому прибавимъ, что вообще мысль, будто Нѣмцы могли заявлять Новгороду высокомѣрныя требованія, намъ кажется совсѣмъ невѣрной. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь въ Новгородѣ положеніе ганзейскихъ купцовъ было совсѣмъ другое, чѣмъ напримѣръ въ Бергенѣ или на датскихъ конторахъ; тамъ они дѣйствительно поступали высокомѣрно, и съ помощью военнаго флота вынуждали для себя разныя торговыя привилегіи. Не то въ далекомъ Новгородѣ, до котораго они немогли даже доѣхать безъ помощи новгородскихъ проводниковъ и лоцмановъ; а достигши двора что̀ они могли тамъ предпринять среди большого города, въ которомъ несмотря на сравнительную свою многочисленность они составляли все таки каплю въ морѣ? Конечно Ганза могла вынудить у Новгорода нѣкоторыя уступки путемъ запрещенія съ нимъ торговли; но во 1-хъ запрещая эту торговлю она всегда боялась конкуренціи лифляндскихъ купцовъ и даже своихъ собственныхъ, проникавшихъ въ Новгородъ изъ Литвы и Швеціи по запрещеннымъ путямъ, а во 2-хъ это запрещеніе торговли для нея самой было неменѣе тягостно, чѣмъ для Новгорода. При такихъ условіяхъ и при выгодности новгородской торговли она должна

---

[34]) Въ томже указан. выш. примѣчаніи.

была сама дорожить миромъ съ Новгородомъ, идти на уступки ему, а не заявлять излишнихъ требованій, которыя бы могли замедлить ходъ торговли.

Если обратимся къ другимъ предложеніямъ Нѣмцевъ, сдѣланнымъ въ 1269 году, то и они немогли показаться Новгороду чрезмѣрными или неудобоисполнимыми, какъ то напримѣръ, чтобы новгородское правительство цѣловало крестъ лѣтнимъ гостямъ въ знакъ мира и любви, если этого захотятъ гости [35]); дѣло въ томъ, что затруднителенъ былъ не обрядъ крестоцѣлованія, а выполненіе принятыхъ на себя обязательствъ; частое повтореніе этого обряда доказываетъ только, какъ часто нарушались съ обѣихъ сторонъ договоры; вообще вѣроломство составляетъ темную сторону въ исторіи торговли Новгорода съ Ганзой,— темную сторону тогдашней жизни вообще.—Въ договоръ 1270 года невключена статья о торговлѣ Нѣмцевъ съ Корелами и Ижграми; но такъ какъ они были подданными великаго Новгорода, то нельзя сомнѣваться, что Новгородъ позволилъ имъ эту торговлю. Въ договорѣ не упомянуто о правѣ Нѣмцевъ посылать внутрь новгородской земли молодыхъ прикащиковъ для обученія русскому языку, а также о правѣ Нѣмцевъ пользоваться своими лошадьми, если таковыя у нихъ окажутся, неприбѣгая къ услугамъ новгородскихъ извощиковъ, но мы невидимъ основательныхъ причинъ несогласиться Новгороду на подобныя умѣренныя предложенія. Заисключеніемъ ихъ въ обѣихъ грамотахъ—латинской и нѣмецкой остается наибольшая часть сходнаго содержанія, что въ синоптическомъ ихъ изданіи видно съ перваго взгляда; въ обѣихъ тотъ же порядокъ статей; та и другая излагаютъ старые порядки, какими держалась торговля Нѣмцевъ въ Новгородѣ, «старый миръ» (olde fredhe, justicia ab antiquis),—съ тою только разницей, что латинская грамота излагаетъ ихъ подробнѣе, чѣмъ нѣмецкая: это двѣ редакціи одного и того же договора. Что первая легла въ основу второй, доказываютъ слѣдующія слова окончатель-

---

[35]) *Sart. Lappenb.* Urk. Gesch. II, S. 35: „hospites estivales cum venerint in terram, erunt sub antiqua pace et si voluerint hospites, rex, borchrauius, dux et nogardienses discreciores osculabuntur crucem, *sicut moris est*, in signum pacis et foedus concordiae et amoris“.

ной редакціи договора: «мы (князь и новгородское правительство) разсмотрѣли и утвердили миръ и подписали нашу правду *согласно съ вашими письмами* для васъ нѣмецкихъ сыновъ, Готовъ и всего латинскаго языка» [36]), явное указаніе на предложенія 1269 года. Еще убѣдительнѣе тожество или близкое сходство обѣихъ грамотъ доказываетъ ихъ сравненіе.

Итакъ дословно сходно, или подробнѣе въ одной, а короче въ другой изложены слѣдующіе договорные пункты. Граница новгородской земли на западѣ, внутри которой Новгородъ отвѣчаетъ за безопасность нѣмецкихъ гостей, по нѣмецкой редакціи есть Котлинъ, а по латинской Березовые острова, — разница несущественная, если взять во вниманіе, что Котлинъ и Березовые острова лежатъ почти на одной линіи, и что послѣдніе принадлежали тогда Новгороду [37]). Въ обѣихъ грамотахъ условлено, что Нѣмцы могутъ на пути до Новгорода рубить дрова и лѣсъ для починки кораблей. Пойманнаго на пути вора должно судить въ Ладогѣ или Новгородѣ по его винѣ «na sineme broke»; какъ именно судить объясняется въ латинской редакціи договора. Пороговые лоцманы немедленно должны отправлять гостей въ Новгородъ съ помощью надежныхъ людей; подробнѣе объ этой перевозкѣ говоритъ латинская грамота. Прибывши въ Гестефельдъ (гостинное поле) Нѣмцы платятъ пошлины, сколько было издавна «van older tit»; а сколько именно, и съ какихъ товаровъ платились пошлины, опять разъясняетъ латинская редакція договора [38]). Извощики въ Новгородѣ съ каждой выгружаемой лодьи берутъ за перевозку товаровъ 15 кунъ до нѣмецкаго двора, и 10 — до готскаго. Дѣла

---

36) „... bestedeget den fredhe unde beschreuen unse rechtecheit *tiegen juwe breue*". Объясненіе послѣднихъ словъ см. у Андреевскаго 1270 г. стр. 19—20.

37) Далѣе въ нѣмецкой договорной грамотѣ постановляется, что гости должны брать на дорогу до Котлина новгородскаго посла (bode) и купцовъ, если они хотятъ безопасности; но они могутъ ѣхать и безъ посла и проводниковъ на свой рискъ. Этой статьи нѣтъ въ латинской грамотѣ; но что такой порядокъ былъ и прежде, доказываетъ договоръ Александра Невскаго, гдѣ на сей предметъ содержится такое же постановленіе, что и въ договорѣ Ярослава Ярославича.

38) Подробности объ этомъ мы привели въ V-й главѣ.

между лоцманами и Нѣмцами, если они поссорятся и неуспѣютъ помириться въ дорогѣ, разбираются на судѣ у св. Ивана предъ тысяцкимъ и Новгородцами; тамъ же разбираются всѣ вообще купеческія тяжбы между Новгородцами и Нѣмцами въ присутствіи посадника, тысяцкаго и купцовъ по нѣмецкой редакціи, — тысяцкаго, ольдермана и Новгородцевъ по латинской; но въ другой статьѣ (по нумераціи г. Андреевскаго XVI-й) о тяжбахъ сказано, что ихъ должно оканчивать предъ тысяцкимъ, ольдерманами и Новгородцами; но о посадникѣ неупоминается: повидимому онъ присутствовалъ на иванскомъ судѣ только въ особенныхъ случаяхъ [39]). На судѣ искъ нужно доказывать двумя свидѣтелями — Нѣмцемъ и Новгородцемъ; ихъ единогласному показанію должно вѣрить; но если они разногласятъ и немогутъ согласиться, тогда дѣло рѣшается жеребьемъ: чей жеребій выпадетъ, тотъ и правъ въ своемъ показаніи; по латинской редакціи — тоже самое, кромѣ только того, что свидѣтелей должно быть четверо: двое Нѣмцевъ и двое Новгородцевъ. Такимъ образомъ сравнительно съ первымъ договоромъ теперь судебный процессъ упрощенъ: болѣе ужъ ненужно ни двѣнадцати послуховъ, ни присяги; при разногласіи свидѣтельскихъ показаній все дѣло рѣшается простымъ жеребьеваньемъ, въ которомъ должно быть видѣли своего рода судъ Божій.—Неисправнаго должника нельзя сажать въ «погребъ» (pogarden, тюрьма), ни брать за его одежу; на судъ можетъ звать его посолъ тысяцкаго, а не простой биричь; къ имуществу его можно было приступить несразу: сначала должно заявить о долгѣ властямъ, потомъ на другой годъ повторить это заявленіе, и только если на третій годъ должникъ неплатитъ, то кредиторъ имѣетъ право арестовать товаръ (panden; арестъ = pandinghe); слѣдовательно сравнительно съ договоромъ Ярослава Владиміровича теперь должникамъ предоставляется еще большая льгота: тамъ уплата отсрочивалась только до другого года, а здѣсь — до третьяго. За то несостоятельный должникъ лишается и съ семьей свободы, если

[39]) Срав. гл. II, прим. 55 и соотвѣтствующій текстъ, гдѣ мы изложили объ этомъ свое мнѣніе.

никто невыкупитъ его изъ холопства [40]); въ нѣмецкой редакціи договора прибавляется, что если жена не поручилась за мужа, то и неотвѣчаетъ за его долгъ; въ противномъ случаѣ вмѣстѣ съ мужемъ она отвѣтствуетъ за долгъ своимъ лицемъ [41]). Если должникъ имѣетъ нѣсколькихъ кредиторовъ, то между ними иностранные удовлетворяются раньше домашнихъ. — Уголовныя статьи также почти сходны въ обѣихъ грамотахъ: за убійство посла, священника и ольдермана полагается двойная вира, за обыкновеннаго купца — простая, въ 10 гривенъ серебра; за убійство раба по латинской редакціи положено три гривны. За рану острымъ оружіемъ виновный платитъ полторы гривны серебра по нѣмецкой редакціи, одну по латинской, за ударъ рукой по лицу или головѣ—три четверти гривны, а по латинской грамотѣ — полгривны. —Предложенія Нѣмцевъ о строгомъ наказаніи лицъ, покушавшихся на безопасность ихъ двора, непротиворѣчатъ общему принципу: свободнаго положенія гостей на чужбинѣ и строгаго соблюденія ихъ правъ; хотя въ нѣмецкой договорной грамотѣ эти пункты изложены гораздо короче, чѣмъ въ латинской, но и въ первой замѣчается, что преступниковъ должно предать суду и судить по ихъ винѣ. Земли вокругъ дворовъ и луга, которыми гости владѣютъ въ Новгородѣ изстари, принадлежатъ имъ по праву. Въ случаѣ войны Новгорода съ сосѣдями гости безпрепятственно продолжаютъ вести торговлю, а латинская редакція добавляетъ, что нельзя принуждать гостей къ участію въ войнѣ [42]). Если возникнетъ ссора у купцовъ лѣтняго

---

[40]) *Sart. Lapp.* II. 40: „Si autem hospiti solvere non sufficiat, redigetur in servitutem cum uxore et pueris hospiti, et cum si vult hospes deducere poterit, dum tamen antequam eum deducat, publice offerat redimendum; qui autem si de eo intromiserit, hospiti debita persoluet". Также было въ Смоленскѣ; см. гл. III, прим. 29.

[41]) Въ рижской долговой книгѣ также представляется интересный случай личной отвѣтственности мужа и жены: «Terentey Rutenus et uxor sua tenentur Thiderico $3^1{}_2$ mrcarg». Запись № 1387.

[42]) *Sart. Lapp* «Nullus eciam hospes theutonicus vel gotensis tenetur ire in expedicionem, nec ad hoc de jure poterit coartari». Но *de facto* гости по всей вѣроятности принимали участіе и въ военныхъ дѣйствіяхъ. Срав. въ смол. дог. 1229 года: «Латинскому неѣхати на войну съ княземь, ни съ Русію; аже самъ хочеть, тоть ѣдеть; тако Русину неѣхати съ Латинескымь на войну ни у Ризѣ, ни на Гочкомь березѣ; аже хочеть самъ, тъть ѣдеть». Рус. Лив. А. стр. 438.

поѣзда съ Новгородомъ, то зимнимъ гостямъ до нея нѣтъ никакого дѣла; равнымъ образомъ лѣтнимъ гостямъ нѣтъ дѣла до тяжбы зимнихъ гостей. Въ заключеніе латинская грамота содержитъ подробныя правила о вѣсахъ, о двукратной повѣркѣ ихъ въ продолженіе года, о присягѣ, которую должны принимать вѣсовщики товаровъ и серебра и пр.; такъ какъ эти правила несодержатъ въ себѣ ничего обременительнаго, и по всей вѣроятности имѣли дѣйствительную силу, то мы незатруднились привести ихъ въ своемъ мѣстѣ [43]); въ нѣмецкой редакціи кратко сказано, что вѣсы и гири должно держать правильно; новгородская капь въ обѣихъ грамотахъ приравнивается осьми лисфунтамъ.

Если въ нѣмецкой грамотѣ плата лоцманамъ за провозъ Нѣмцевъ нѣсколько больше той, какую предлагали они сами; если по той же грамотѣ Нѣмцы обязывались платить наемную плату лоцману и въ томъ случаѣ, когда по несчастію его лодья разобьется въ порогахъ, тогда какъ по латинской редакціи Нѣмцы хотѣли въ такомъ случаѣ лишить его наемной платы; то съ другой стороны должно обратить вниманіе на то, что въ латинской грамотѣ есть статьи, направленныя къ выгодѣ Новгородцевъ и однако невнесенныя въ окончательную редакцію договора, какъ напримѣръ статьи о платѣ Нѣмцамъ извѣстной суммы въ церковь св. Пятницы, и о взиманіи съ нихъ мыта въ гостинномъ полѣ. Конечно это незначитъ, чтобы Новгородъ отказался отъ своихъ выгодъ, когда сами Нѣмцы предлагали ихъ; по нашему мнѣнію это значитъ, что въ договоръ 1270 года невнесено и нѣчто другое, чего обѣ стороны неотрицали, что вообще договоры неопредѣляли всѣхъ возможныхъ отношеній, которыя основывались отчасти и на обычаѣ, «на пошлинѣ, на старинѣ», — говоря по новгородски. Мы отнюдь нехотимъ утверждать, чтобы въ сношеніяхъ Новгорода съ Нѣмцами давалось много мѣста обычаю и старинѣ; напротивъ эти сношенія регулировались преимущественно въ письменныхъ документахъ: признавая старину и постоянно твердя о ней Новгородцы и Нѣмцы, — особенно послѣдніе спѣшили на всякій случай ее записать, и на составленныхъ записяхъ привести другую сторону къ

[43]) Въ главѣ V, на стр. 159.

крестоцѣлованію, чтобы такимъ образомъ обычай возвести въ строго обязательный договоръ. Однако вѣрно и то, что всѣ подробности отношеній невозможно было усмотрѣть и внести въ договорныя грамоты; отчасти эти подробности могли логически проистекать изъ общихъ принциповъ, изложенныхъ въ договорахъ; притомъ какіе нибудь непредвидѣнные случаи на основаніи этихъ общихъ принциповъ могли быть порѣшены на совмѣстныхъ засѣданіяхъ новгородскихъ и нѣмецкихъ представителей въ судной палатѣ у св. Ивана. Въ заключеніе о договорѣ 1270 года нужно сказать, что вмѣстѣ съ двумя первыми онъ составляетъ главный источникъ права новгородской нѣмецкой торговли и его кодексъ: ибо послѣдующіе договоры Новгорода съ Ганзой уже мало имѣютъ новаго содержанія.

Миръ 1270 года, для обѣихъ сторонъ стоившій такихъ усилій, небылъ однако продолжителенъ. Лѣтъ семь спустя Нѣмцы начинаютъ жаловаться на разныя обиды, причиненныя имъ въ новгородской землѣ, на неоднократные случаи ограбленія нѣмецкихъ купцовъ, производившихся будто-бы въ согласіи съ Литовцами; поэтому изъ Лифляндіи было предложено заморскимъ Нѣмцамъ прекратить подвозъ товаровъ въ Новгородъ и ограничиться торговлей въ Лифляндіи и Эстляндіи [44]). Любекъ въ первое время согласился на это предложеніе: по мнѣнію Копмана на ганзейскомъ собраніи 1277 года была запрещена русская торговля; если это запрещеніе вѣрно пріурочивается именно къ 1277 году, тогда мы имѣемъ въ немъ первый по времени ганзейскій рецессъ относительно новгородской торговли [45]). На слѣдующій годъ

---

[44]) *Bunge*, LEK. Urk. I, № 452.

[45]) Вотъ въ какихъ выраженіяхъ было постановлено запрещеніе русской торговли: «Notum sit, quod de communi consensu et consilio civitatum et mercatorum, Nogardiam frequentantium est statutum, quod nullus omnino cujuscunque conditionis vel status existat versus Nogardiam transire debeat ullo modo sub poena vtae, bonorum pariter et honoris... Si insuper aliqui Ruteni ad civitatem aliquam seu villam forensem venerint, illi cum bonis suis integri, sicut venerunt, revertentur; et quicunque cum eisdem Rutenis mercaturam aliquam intra civitatem vel extra exercuerint, debent vitam, bona et honorem perdidisse, contradictione qualibet non obstante» (Recesse u. a. Akt. I, S. 7—8).

рижскій архіепископъ, магистръ Ордена, ревельскій намѣстникъ, епископы дерптскій и эзельскій отправили Любеку и общему купечеству благодарственное письмо, гдѣ между прочимъ говорилось: «вы присоединились къ нашему желанію, чтобы впредь не искать общаго рынка въ Россіи; съ своей стороны обѣщаемъ вамъ, какъ вы желали, что и мы небудемъ привозить туда никакихъ товаровъ ни на повозкахъ, ни на судахъ; въ нашу же землю свободно пріѣзжайте торговать, гдѣ вамъ угодно, и по прежнему пользуйтесь вашими льготами» [46]). Долго ли продолжалось запрещеніе торговли въ Новгородѣ, неизвѣстно въ точности; во всякомъ случаѣ дальнѣйшій ходъ событій нерасполагалъ къ примиренію, а только къ большей враждѣ: по извѣстію одного документа съ 1288 по 1335 годъ Нѣмцы потерпѣли въ новгородской и псковской землѣ цѣлый рядъ грабежей и убійствъ. Къ сожалѣнію мы лишены возможности рѣшить, сколько правды въ этомъ документѣ; конечно Нѣмцы точно указываютъ мѣсто и время учиненныхъ имъ насилій, и почти всегда называютъ потерпѣвшихъ лицъ; но никакъ нельзя ручаться, чтобы сумма убытковъ была показана вездѣ правильно, чтобы грабежи и убійства были причинены имъ Новгородцами и Псковичами, а не какой нибудь пограничной вольницей, въ родѣ разбойничьихъ шаекъ Литвы и Чухонъ. Однако разскажемъ дѣло по порядку [47]).

Въ 1285 году Псковъ отправилъ своихъ данщиковъ для полученія дани на чудскомъ племени Очела или Алыста; тамъ этихъ данщиковъ встрѣтилъ магистръ Ордена, вступилъ съ ними въ споръ на счетъ права ихъ брать дань, и потомъ перебилъ изъ нихъ сорокъ человѣкъ. Въ отмщеніе Псковичи

---

[46]) *Sart. Lap.* II, № 38. Къ этому письму какой-то нотаріусъ XV в. сдѣлалъ слѣдующую любопытную приписку: «desse breff betuget un wol nawiset, dat de liffland stede nicht allene mogen sluten de nowardeschen reyse» т. е. «это письмо ясно доказываетъ, что одни лифляндскіе города не могутъ запрещать новгородской торговли» (или точнѣе—плаваній въ Новгородъ). Совершенно вѣрное замѣчаніе!

[47]) Документъ въ двухъ экземплярахъ помѣщенъ у *Сарторія-Лаппенберга* томъ II, №№ 70 и 71. Рядомъ помѣщено приложеніе, содержащее тѣ договорные пункты, о которыхъ любецкій посолъ долженъ былъ говорить въ Новгородѣ въ 1335 году.

ограбили нѣмецкихъ купцовъ, а именно отняли у нихъ 24 тысячи штукъ мѣховъ «pulchri operis» [48]). Черезъ три года между Псковомъ и Новгородомъ, или какъ кажется по близости Чудскаго озера, были разбиты два купеческихъ поѣзда [49]), въ которыхъ было на 940 марокъ серебра мѣховъ, воску, сукна, серебра и другихъ товаровъ. Еще черезъ четыре года снова повторился грабежъ, въ которомъ Нѣмцы обвиняли Псковичей и Новгородцевъ вмѣстѣ. Въ сентябрѣ 1291 года [50]) съ Готланда было отправлено въ Новгородъ посольство для выручки взятыхъ товаровъ; но успѣха это посольство неимѣло. Въ 1301 году опять между Псковомъ и Новгородомъ были убиты шестеро купцовъ и двое прикащиковъ; зимой этого же года [51]) въ Новгородъ прибыли ганзейскіе послы—любецкій, готскій и рижскій — которые предъявили Новгороду счетъ за пограбленный товаръ болѣе, чѣмъ на двѣ тысячи марокъ серебра; цѣль посольства вѣроятно состояла и въ томъ, чтобы возобновить дворъ, погорѣвшій до основанія въ 1299 году [52]). Великій князь Андрей Александровичъ, посадникъ Семенъ Климовичъ, тысяцкій Матвѣй и весь Новгородъ выдали посламъ грамоту, въ которой обезпечивали нѣмецкимъ купцамъ свободный проѣздъ по тремъ сухопутнымъ дорогамъ и четвертой рѣчной: «гостю ѣхати безъ пакости на Божии ручѣ, и на княжи и на всего Новгорода». Такъ какъ весной 1301 года Новгородцы разрушили Ландскрону, построенную Шведами въ устьи Невы, то теперь великій князь могъ ручаться за безопасность невскаго пути; впрочемъ онъ оговаривается; «оже будеть нечистъ путь въ рѣчкахъ, князь велить своимъ мужемъ проводити сій гость, а вѣсть имъ подати» [53]). О выдачѣ товаровъ или о какомъ нибудь вознагражденіи Нѣмцевъ

---

48) П. С. Р. Л. IV, 183, 1285. — «Hoc fecerunt Plescowenses et fatebantur coram domino Tarbatensi et fratribus et nunciis de Nogarden et coram multis aliis discretis, se fecisse ad vindictam occisorum, quos frater Otto Paschedach cum illis de Rositen occiderant in terra Adzelle».

49) «In aquis, quae *use* vocantur... in aqua, dicta *saac*».

50) *Bonnel.* Chronogr. 88.

51) Рус. Лив. Ак. стр. 24. Г. Боннель по нашему мнѣнію безъ достаточныхъ основаній относитъ прибытіе пословъ въ Новгородъ къ началу 1302 года (Chronogr. Comment. 138).

52) П. С. Р. Л. Ш, стр. 66.

53) Рус. Лив. А. № 48, стр. 24 — 25.

за прежніе случаи грабежей въ грамотѣ совсѣмъ неупомянуто; дѣло очевидно затруднялись рѣшить, какъ давнее и запутанное,—а между тѣмъ обѣ стороны тяготились нарушеніемъ правильнаго хода торговли. Что запрещеніе ея давно было отложено, доказываютъ уже приведенные случаи ограбленія нѣмецкихъ купцовъ на пути въ Новгородъ; какъ Любекъ хотѣлъ мирнаго хода дѣлъ, видно изъ того обстоятельства, что вмѣстѣ съ Новгородомъ онъ хлопочетъ теперь передъ шведскимъ королемъ о свободѣ невскаго пути; въ тоже время Новгородъ заключаетъ миръ съ Даніей, мимо владѣнія которой (Эстляндіи), или сквозь нее шелъ торговый путь для нѣмецкихъ и новгородскихъ купцовъ [54]). Но лишь только послы отбыли изъ Новгорода случилась новая непріятность: у двоихъ купцовъ, ѣхавшихъ изъ Нарвы въ Новгородъ, было украдено 19 кусковъ чернаго сукна (cappales panni); воры неназваны, но отвѣтственность за воровство нѣмцы возлагали на Новгородъ, такъ какъ оно случилось въ его волости. Подобнымъ же образомъ они требовали вознагражденія своимъ купцамъ, потерявшимъ товаръ въ 1311 году на Ладожскомъ озерѣ [55]); по ихъ словамъ шестеро купцовъ потеряли тамъ сорокъ тысячь штукъ мѣховъ «pulchri operis.» Любопытно, что въ числѣ этихъ шестерыхъ лицъ, ѣхавшихъ изъ Новгорода, называется дворовый священникъ, везшій на свою долю также нѣкоторое количество мѣховъ и еще нѣсколько книгъ; того и другаго онъ лишился на пути. Наконецъ седьмой купецъ изъ того же поѣзда потерялъ сукна на четыре ста марокъ серебра [56]). Къ этому Нѣмцы присоединяли жалобы на многія обиды и несправедливости, оказываемыя имъ въ Новгородѣ, гдѣ однако не смотря на все то дворъ былъ уже возстановленъ, и купцы совершали туда обычныя поѣздки. Для разбора всѣхъ жалобъ и окончательнаго рѣшенія вопроса о вознагражденіи за прежніе убытки, Любекъ еще разъ отправилъ въ Новгородъ своего уполномоченнаго въ 1335 году. Пункты, о которыхъ послу было поручено жаловаться, были

---

[54]) См. гл. III, стр. 123 и 126.

[55]) «In stagno, dicto oldagische ze».

[56]) О каждомъ купцѣ говорится „perdidit", но какъ и по чьей именно винѣ, — лоцмановъ, или кого другого, не сказано; по видимому сами составители записки затруднялись это опредѣлить.

слѣдующіе: великій князь и его приближенные вмѣшиваются въ тяжбы нѣмецкихъ купцовъ [57]); на судъ Новгородцы представляютъ однихъ русскихъ свидѣтелей; судъ невсегда производится у Св. Іоанна предъ тысяцкимъ и ольдерманами, но и въ другихъ мѣстахъ; Новгородцы въ военное время невелятъ нѣмецкимъ гостямъ выѣзжать изъ Новгорода, и тѣмъ причиняютъ имъ большой убытокъ; въ мирное время они запрещаютъ имъ торговлю на торговищѣ, когда имъ вздумается; они даже потакаютъ ворамъ и разбойникамъ и защищаютъ ихъ; лоцманы и извощики обѣщаютъ перевезти товаръ за извѣстную плату, а на пути заявляютъ новыя требованія, или произвольно назначаютъ пунктъ доставки; они требуютъ полной платы за разбившуюся на пути лодью (тогда какъ по договору 1270 года купцы не отвѣчаютъ за гибель лодьи, а только платятъ наемную за нее плату). Затѣмъ посолъ говорилъ объ увеличеніи мѣста подъ дворъ, о проведеніи канавы отъ двора до Волхова, о взвѣшиваніи воску, о покупкѣ мѣховъ «sceuenissen»; требовалъ, чтобы пробирщики серебра (combustores argenti) отвѣчали всѣ вмѣстѣ, если одинъ изъ нихъ скроется, взявши у Нѣмцевъ серебро для переплавки; наконецъ отъ имени собственно Любека потребовалъ у Новгорода вознагражденія въ пять тысячь гривенъ серебра за ограбленное Шведами въ Невѣ любецкое судно на томъ основаніи, что дѣло произошло въ новгородской землѣ и притомъ по винѣ Новгородцевъ, которые незахотѣли везти нѣмецкій товаръ въ своихъ лодьяхъ и дать гостямъ своихъ проводниковъ. На Псковичей посолъ жаловался, что они недавно вмѣстѣ съ Литовцами отняли у нѣмецкихъ купцовъ 75 марокъ серебра, да еще у двоихъ 400 рублей (rubulas), что они неоднократно задерживали нѣмецкія лодьи и грабили ихъ, или заставляли ихъ плыть по труднымъ путямъ, что они наконецъ убили двоихъ купцовъ, потомъ еще троихъ съ двумя прикащиками и пр. Всего по счету любецкаго посла Русскіе съ 1288 по 1335 годъ причинили Нѣмцамъ убытковъ на 7600 марокъ серебра, считая въ томъ числѣ издержки на неоднократныя посольства въ Новгородъ, и убили 15 человѣкъ купцовъ и

---

[57]) «Primo quod rex cum suis lettatoribus praejudicat suo indicio theutonicis mercatoribus».

прикащиковъ. Что отвѣчалъ Новгородъ на эти претензіи, и сколько въ нихъ было правды, неизвѣстно: по всей вѣроятности Новгородъ отклонилъ ихъ и оставилъ безъ вниманія; тогда посолъ возвратился въ Любекъ, и обратно представилъ рату инструкціи и неуплаченные счеты. [58]).

Вскорѣ по отъѣздѣ любецкаго посла возникло новое серьезное дѣло. Разъ Нѣмцы взялись везти съ собой нѣсколькихъ новгородскихъ купцовъ съ товарами, какъ видно для торговли па Готландѣ или въ Любекѣ; но дорогой на суднѣ произошла ссора, во время которой одинъ Новгородецъ былъ убитъ [59]). Въ Новгородѣ тотчасъ были арестованы оставшіеся тамъ нѣмецкіе купцы вмѣстѣ съ товарами; затѣмъ послѣдовало запрещеніе торговли, продолжавшееся до 1338 года. Только въ этотъ годъ прибыли въ Дерптъ послы любецкій и готскій для улаженія дѣла; изъ Новгорода туда же отправились княжескій намѣстникъ Филиппъ и нѣсколько другихъ лицъ со стороны Новгорода [60]). Въ присутствіи дерптскаго епископа и братьевъ Ордена дѣло порѣшили слѣдующимъ образомъ: дѣти убитаго Новгородца (онъ называется Wollus, Волосъ?) должны сами знаться съ виновниками убійства; если убійцы появятся въ Лифляндіи, то города должны ихъ задержать и выдать Новгороду на судъ; съ своей стороны Новгородъ обѣщается выдать имущество, захваченное у Нѣмцевъ. Вообще на будущее время постановили держаться такого правила: истецъ долженъ знаться съ истцемъ [61]); общему купечеству и Новгороду нѣтъ дѣла

---

[58]) Документъ по которому мы изложили эти жалобы (см. выше, примѣч. 47), заключается слѣдующими словами: «hanc litteram dominus Henricus de Bocholte tulit de Nogardia anno 1335 post Pentekosten».

[59]) Sart. Lappenb. II, № 142 (договоръ Новгорода съ нѣмцами 1338 года). Хотя по скрѣ было запрещено брать имущество Русскихъ, какъ фрахтъ и вообще входить съ ними въ какую нибудь торговую компанію, но данный случай показываетъ, что это правило нарушалось.

[60]) Сколько было новгородскихъ уполномоченныхъ, и небыли ли они отчасти истцы, родственники убитаго, не знаемъ; въ грамотѣ это трудно разобрать: «andre philippe pawel anse micule mesenik felixe».

[61]) «de sacwolde scal sic beveten mit dem sacwolden». Эта фраза повторяется въ грамотѣ нѣсколько разъ; она также повторяется въ проектѣ договора 1371 года и въ договорѣ 1392 года.

до частныхъ ссоръ, и торговля изъ-за нихъ недолжна останавливаться. Но легко было постановить такое правило, — труднѣе гораздо держаться его; напротивъ постоянною и характерною чертой въ сношеніяхъ Новгорода съ Ганзой является именно эта остановка торговли изъ-за частныхъ тяжбъ; обѣ стороны нехотѣли или немогли отдѣлить частное дѣло отъ общаго, точнѣе разграничить область частнаго и общественнаго права: недожидаясь разслѣдованія дѣла судебнымъ порядкомъ, дѣйствовали подъ первымъ впечатлѣніемъ учиненнаго насилія, за грабежи и аресты немедленно платили тѣмъ же. О выдачѣ товаровъ, пограбленныхъ въ прежнее время и о требованіяхъ, которыя заявлялъ назадъ тому три года любецкій посолъ, въ договорѣ 1338 года неупомянуто ни однимъ словомъ: какъ видно дѣло окончательно отложили въ дальній ящикъ. Изъ Дерпта нѣмецкіе послы вмѣстѣ съ новгородскими поѣхали въ Новгородъ для подтвержденія мира и крестоцѣлованія, послѣ чего Новгородъ выдалъ имъ товаръ, взятый у купцовъ послѣдняго поѣзда [62]); сообщая объ этомъ въ Ригу ганзейскіе послы прибавляютъ, что запрещеніе русской торговли теперь отмѣняется; послы также благодарятъ лифляндскіе города, что они строго выполняли это запрещеніе до сихъ поръ.

Что касается Пскова, то его представители неучаствовали на переговорахъ въ Дерптѣ 1338 года; по всей вѣроятности Псковъ велъ ихъ отдѣльно отъ Новгорода, тѣмъ болѣе что Новгородъ и Орденъ, заключа между собой союзъ въ 1323 году, выдѣлили Псковъ, какъ сторонній и въ нѣкоторой степени даже непріятельскій городъ, — и когда въ годъ заключенія этого союза Орденъ напалъ на Псковъ, то Новгородъ, оставаясь вѣрнымъ договору, непомогъ Пскову, несмотря на его просьбу. Скоро ли Псковъ помирился съ Нѣмцами теперь, неизвѣстно; мы видѣли, что Нѣмцы обвиняли Псковичей въ грабежахъ и убійствахъ; съ своей стороны Псковичи терпѣли частыя обиды отъ Нѣмцевъ: какъ раньше магистръ Ордена избилъ псковскихъ данщиковъ, такъ въ

---

[62]) «Nogardenses bona ultimo mercatori ablatatotaliter reddiderunt». Рус. Лив. Ак. стр. 64, № 81. Грамота писана не 20 Мая, а 14 Августа, какъ поправляетъ *Боннель*, Chronogr. Comment. 175.

1341 году Нѣмцы убили пятерыхъ псковскихъ пословъ на Опочнѣ [63]). Въ 1362 году Псковъ, также по случаю убійства своихъ людей въ Лифляндіи, арестовалъ у себя лифляндскихъ и заморскихъ купцовъ, которыхъ выпустилъ на слѣдующій годъ, взявши съ нихъ виры за убитыхъ [64]). Для выручки своихъ купцовъ Нѣмцы первоначально обратились къ Новгороду, куда пріѣхали одновременно послы лифляндскіе и псковскіе; но посредничество Новгорода ни къ чему непривело; онъ только поплатился за него арестомъ своихъ купцовъ: ибо въ то время какъ въ Новгородѣ велись переговоры, въ Дерптѣ были захвачены новгородскіе купцы; тогда Новгородъ отправилъ въ Дерптъ своихъ пословъ изъ конца по боярину; здѣсь дѣло уладилось: Нѣмцы отпустили новгородскихъ купцовъ, а Псковичи — нѣмецкихъ [65]). Въ 1367 году Псковичи предприняли походъ подъ Новый городокъ (Нейгаузенъ, Фрауенбургъ), недавно построенный дерптскимъ епископомъ невдалекѣ отъ псковскихъ границъ [66]); въ отмщеніе Нѣмцы напали на Изборскъ и подступали подъ Псковъ; въ тоже время новгородскіе купцы были арестованы въ Дерптѣ, а нѣмецкіе въ Новгородѣ; однако Новгородъ нехотѣлъ нарушить крестоцѣлованія къ Нѣмцамъ и непомогалъ Псковичамъ: «по грѣхомъ нашимъ — замѣчаетъ новгородскій лѣтописецъ, небѣше пословицы Псковичемъ съ Новгородци» [67]). Посольство Саввы Купрова для освобожденія

63) П. С. Р. Л. IV, стр. 186: „убиша Нѣмци въ Лотыгорѣ на селѣ на Опочнѣ псковскихъ пословъ 5 мужь... на миру“.

64) Таже, стр. 191: „пригнаша Нѣмци и избиша на Лудви нѣколико головъ на миру; тогда бяше гость силенъ нѣмецкій и пріяша Псковичи нѣмецкій гость, и выпустиша на другое лѣто на Воздвиженіе, сребро на нихъ поимаша за головы избіенныхъ“. Новгородская лѣтопись объ этомъ говоритъ такъ: „піимаша Плесковичи гость нѣмецкій, поморскій (лифляндскихъ) и заморскій, а рькуще: отъимали Юрьевци съ Вилневици у насъ землю и воду“. Таже, III, 88, 1362.

65) Таже, 88, 1363.

66) Письмо ливонскаго магистра, приведенное нами выше (гл. III, прим. 93 и соотв. текстъ) было писано конечно позже этого похода; но объ участіи въ немъ Новгородцевъ наши лѣтописи умалчиваютъ.

67) П. С. Р. Л. III, 89, 1367. Далѣе лѣтописецъ продолжаетъ: „въ то время приняли гость новогородскый въ Юрьевѣ и по инымъ городомъ нѣмецкимъ, а Новогородци противу пріяли гость нѣмецкій,

новгородскихъ купцовъ непривело къ цѣли; между тѣмъ магистръ Ордена опять подступалъ къ Пскову. Дѣло кончилось напослѣдокъ тѣмъ, что торговля Нѣмцевъ съ Новгородомъ и Псковомъ была остановлена: въ 1368 году лифляндскіе города постановили прекратить подвозъ въ Новгородъ соли и рыбы: Любекъ также согласился съ этимъ постановленіемъ, о которомъ ему сообщалъ ливонскій магистръ, и увѣдомилъ о томъ Стральзундъ въ 1369 году [68]). Нѣмецкіе купцы оставили новгородскій дворъ; церковныя вещи и архивъ переправлены въ Дерптъ; дворъ и церковь были заперты. Два года длилось запрещеніе торговли; наконецъ Ганза прислала почетное посольство (erlike boden) въ Дерптъ, которое на мѣстѣ должно было разсмотрѣть отношенія къ Русскимъ, и если можно начать съ ними мирные переговоры; у досуга послы занялись пересмотромъ скры новгородскаго двора, причемъ въ ней оказались большія извращенія [69]). Но до заключенія мира было далеко: зимой въ началѣ 1371 года Новгородцы и Псковичи отправились въ походъ на Новый городокъ, однако были принуждены отступить безъ успѣха: городъ оказался крѣпокъ, а Новгородцы, по словамъ псковскаго лѣтописца, плохо помогали Псковичамъ [70]). Ганзейскіе послы еще разъ подтвердили запрещеніе русской торговли: русскіе товары должны оставаться безъ движенія на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ застанетъ запрещеніе, т. е. купленные въ Новгородѣ товары недолжны отправляться за море, а товары, назначенные для русскихъ, недолжны привозиться въ Новгородъ [71]). Но недолго спустя въ томъ же 1371 году сами послы предложили проектъ мирнаго договора, писаннаго на имя владыки Алексѣя, намѣстника великаго князя Андрея, посадника Юрія, тысяцкаго Матвѣя и двоихъ ку-

---

но только бяше неразвержено крестное цѣлованіе Новугороду съ Нѣмци и за то невъсѣдоша Новогородци по Псковичахъ на нѣмецкую землю".

[68]) Въ главѣ III-й говоря объ Орденѣ мы привели сущность относящейся къ данному времени переписки Ордена съ Любекомъ.

[69]) *Koppmann.* Die Recesse, II, № 32.

[70]) П. С. Р. Л. III, 89; IV, 192—193. *Bonnel*, Chronogr. Commentar. 190.

[71]) Рус. Лив. А. № 93. Издатели относятъ его къ 1370 году, но Боннель вмѣстѣ съ Бунге—къ 1371. Chronog. Comment. 191.

нецкихъ старостъ Сидора и Еремѣя [72]). Въ проектѣ прежде всего то любопытно, что какъ въ 1270 году, такъ и теперь Ганза хлопотала заключить съ Новгородомъ миръ отдѣльно отъ Лифляндіи: «въ случаѣ если Новгородъ — проектировали послы — будетъ вести войну съ королемъ шведскимъ, или съ Орденомъ, или съ рижскимъ архіепископомъ, или съ дерптскимъ или съ эзельскимъ епископомъ, или съ Нарвой, нѣмецкіе (ганзейскіе) купцы недолжны имѣть къ тому никакого отношенія: они должны имѣть свободный проѣздъ въ новгородской землѣ по сушѣ и по водѣ; и если новгородскимъ купцамъ случится что нибудь дурное въ Стокгольмѣ или на Невѣ, то нѣмецкіе купцы опять неимѣютъ никакого до того дѣла». Далѣе послы писали, чтобы тяжбы всякаго рода разрѣшались по грамотамъ и крестоцѣлованію, чтобы за смертоубійство отвѣчала не вся компанія, а только самъ убійца: истецъ долженъ знаться съ истцемъ; требовали, чтобы Новгородцы неостанавливались съ товарами на мостовой (brugge), которую Нѣмцы поддерживаютъ около своихъ дворовъ, чтобы извощики по старинѣ брали съ каждой лодьи, большой и малой, по 15 кунъ; наконецъ упоминаютъ, что тяжба, которую готскій дворъ имѣлъ съ михайловскими сусѣдями, прекратилась полюбовнымъ образомъ. Однако Новгородъ отказался утвердить печатями этотъ проектъ; какъ видно на этотъ разъ онъ не хотѣлъ отдѣлять заморскихъ Нѣмцевъ отъ лифляндскихъ, быть можетъ желая, чтобы ганзейскіе послы повліяли въ мирномъ смыслѣ на лифляндскихъ властей. А между тѣмъ для купцовъ перерывъ торговли становился тяжелъ: сообщая въ Ревель текстъ упомянутаго проекта Дерптъ пишетъ, что у него проживаютъ много купцовъ съ товарами, которые очевидно дожидались поскорѣе сбыть ихъ въ Псковъ и Новгородъ; нѣкоторые купцы уже начинали вести торговлю тайкомъ. Наконецъ въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1371 года подъ Новымъ городкомъ состоялся съѣздъ уполномоченныхъ новгородскихъ съ Нѣмцами, гдѣ было заключено перемиріе до иванова дня 1373 года [73]). Ганза на-

[72]) *Bunge*, LEK. Urk. III, № 1082.

[73]) П. С. Р. Л. III, 89, 1371: „того же лѣта ѣздиша на съѣздъ Юрьи Ивановичъ посадникъ новогородскій, Селеверстъ Лентіевичъ, Олисѣй

ходила этотъ срокъ слишкомъ короткимъ; въ письмѣ 1372 года къ новгородской конторѣ Любекъ совѣтуетъ, чтобы она постаралась продлить срокъ перемирія по возможности дальше [47]); продлить его тѣмъ больше было необходимо, что въ Новгородъ сразу было привезено большое количество суконъ и другихъ товаровъ, такъ что дворъ опасался, какъ бы новый поѣздъ лѣтнихъ гостей непанесъ ему окончательнаго убытка подвозомъ новыхъ товаровъ, цѣна на которые неминуемо должна была-бы пасть; Любекъ поэтому обѣщается писать въ Лифляндію, чтобы тамъ приняли мѣры противъ такого накопленія товаровъ въ новгородскомъ дворѣ. Въ томъ же письмѣ Любекъ увѣдомляетъ, что Ганза намѣрена отправить въ Новгородъ новое посольство: ибо по словамъ конторы Русскіе начали дѣлать постановленія, клонящіяся во вредъ Нѣмцамъ [75]); а изъ ганзейскаго рецесса 1 мая 1373 года видно, что посольство должно было еще разобрать жалобы Новгорода на ограбленіе его купцовъ въ Стокгольмѣ, Любекѣ и на Готландѣ [76]). Когда именно были ограблены новгородскіе купцы за моремъ, неизвѣстно, но по всей вѣроятности раньше 1371 года: ибо уже въ проектѣ договора этого года Нѣмцы намекали на грабежъ новгородскихъ купцовъ въ Стокгольмѣ говоря, что имъ нѣтъ дѣла до такого случая; Новгородъ же, какъ видно, смотрѣлъ иначе и привлекалъ Нѣмцевъ къ отвѣтственности за грабежи своихъ купцовъ за моремъ. Лѣтомъ 1373 года ганзейскіе послы —по двое отъ Любека и Готланда — прибыли въ Новгородъ; владыка Алексѣй, посадникъ Юрій Ивановичъ, тысяцкій Матвѣй Ѳалелѣевичъ выдали имъ грамоту, что Новгородъ небудетъ больше поминать про ограбленный товаръ: «спустили на зень чисто, ни въ которое веремя непоминать»; но какъ

тысяцкой, Олександръ Колывановъ, и докончаша миръ съ Нѣмци подъ Новымъ городкомъ". Ср. *Корманн*, Die Recesse, II, № 36; *Bonnel*, Chronogr. Com. 190 — 193.

[74]) *Корманн*. Die Recesse, II, № 66.

[75]) *Ibid*. „Scribitis, quod Ruteni Nogardenses imposuerint et fecerint nova et abusiva statuta, vergentia contra vos, et libertates vestras".

[76]) Рус. Лив. Ак. № 96, нѣмецк. текстъ.

именно состоялась сдѣлка,—доставили ли Нѣмцы товаръ или деньги, въ грамотѣ несказано [77]).

Въ 1375 году опять начались несогласія по частному дѣлу. Въ Дерптѣ былъ арестованъ новгородскій купецъ Аввакумъ (Opake) по денежной претензіи, заявленной на него однимъ нѣмецкимъ купцомъ; узнавъ объ арестѣ Новгородъ отправилъ пословъ для освобожденія своего купца, но неполучилъ удовлетворенія, послѣ чего запретилъ нѣмецкимъ купцамъ покидать ихъ дворъ [78]). Когда изъ Дерпта пріѣхалъ купецъ Брунсвикъ, то и онъ былъ задержанъ въ Новгородѣ, а товаръ его по иску одного новгородца былъ арестованъ и до времени суда сложенъ въ иванской церкви; сообщая объ этихъ происшествіяхъ въ Лифляндію новгородская контора даетъ совѣтъ задержать тамъ другихъ русскихъ купцовъ; и дѣйствительно въ Дерптѣ были арестованы еще четверо [79]); дѣло Аввакума покончилось только на слѣдующій годъ: по суду въ Феллинѣ онъ былъ приговоренъ къ уплатѣ 250 гривенъ серебра въ пользу нѣмецкаго истца; бывшіе при этомъ новгородскіе послы дали Нѣмцамъ ручательство, что они могутъ теперь ѣхать въ Новгородъ безъ опасенія отместки, и что задержанные тамъ нѣмецкіе купцы будутъ также отпущены [80]). Но въ 1377 году Новгородъ опять взялъ подъ арестъ Нѣмцевъ, потому что русскіе купцы были ограблены на устьи Эмбаха; по этому дѣлу ревельскій ратъ писалъ въ Новгородъ, что въ грабежѣ Орденъ невиноватъ, и что пограбленный товаръ сберегается въ цѣлости для выдачи Новгороду [81]). Въ 1381 году новгородскіе купцы были захвачены въ Эстляндіи, какъ видно на этотъ разъ орденскими людьми: ибо ревельскій ратъ проситъ по этому случаю Орденъ незаходить слишкомъ далеко въ его мѣропріятіяхъ противъ Русскихъ, такъ какъ Новгородъ уже арестовалъ у себя нѣмецкихъ купцовъ и объявилъ, что не-

[77]) Тамже, русск. текстъ. Грамота утверждена именными печатями посадника и тысяцкаго.

[78]) *Bunge* LEK. Urk. III, №№ 1100—1101.

[79]) Ibid. № 1103.

[80]) Ibid. № 1114.

[81]) Ibid. № 1135.

выпустить ихъ, пока неполучитъ удовлетворенія за своихъ купцовъ [82]). Вслѣдствіе всѣхъ этихъ ссоръ и нарушенія будто-бы Новгородомъ ганзейскихъ вольностей Ганза въ 1386 году постановила перенести свой рынокъ изъ Новгорода въ Дерптъ, если Новгородъ необѣщается блюсти старыя привилегіи [83]); переносъ рынка въ Лифляндію въ то время тѣмъ удобнѣе могъ состояться, что въ 1385 году въ Новгородѣ погорѣла вся Торговая сторона, въ томъ числѣ и нѣмецкій дворъ, который теперь медлили ставить съизнова [84]). По дурной привычкѣ Новгородцевъ предаваться на пожарахъ грабежу — привычкѣ, которая неразъ приводитъ въ негодованіе новгородскаго лѣтописца, и на этотъ разъ была пограблена часть товаровъ изъ нѣмецкой церкви; правда въ 1387 году дѣло о «ропатномъ товарѣ какъ-то уладили съ Нѣмцами [85]), но это было примиреніе только по одному дѣлу, а не прочный миръ; на ганзейскомъ собраніи 1 Мая 1388 года рѣшено было прекратить всякую торговлю съ Новгородомъ; но въ тоже время постановили обратиться съ просьбой къ Ордену и Ригѣ, чтобы они открыли плаваніе по Двинѣ для всѣхъ ганзейскихъ купцовъ, — явный знакъ, что Ганза ненаходила возможнымъ окончательно прекратить всѣ сношенія съ Русью [86]). Переводъ же рынка изъ Новгорода въ Лифляндію совсѣмъ несостоялся; скоро начались переговоры для возстановленія мира, для чего избрали вѣрный путь — рѣшили уладить сначала частныя тяжбы. Неизвѣстно, раньше или позже ганзейскаго запрещенія 1388 года, въ Нарвѣ были нѣсколько разъ ограблены новгородскіе купцы; въ 1390 году лифляндскій магистръ писалъ въ Ревель, что онъ посылалъ отъ себя посла въ Новгородъ уговориться о

---

[82]) Ibid. № 1167.

[83]) *Willebrandt.* Hans. Chronik, II, s. 192.

[84]) П. С. Р. Л. III, 93; IV, 91 — 92.

[85]) Тамже, IV, стр. 95: „той зимы пріѣздиша послы нѣмецкые въ Новгородъ о ропатномъ (церковномъ) товарѣ, и взяша миръ съ Новымгородомъ“.

[86]) *Kopmann.* Die Recesse, III, s. 387. Это запрещеніе положили сообщить въ Швецію, Финляндію и Пруссію съ просьбой, чтобы и тамъ его строго соблюдали.

съѣздѣ новгородскихъ и нѣмецкихъ уполномоченныхъ въ Нарвѣ, и потому просилъ теперь выслать въ Нарву ревельскихъ купцовъ, имѣвшихъ дѣла съ Новгородцами, чтобы они произвели между собой разсчетъ [87]); въ другомъ письмѣ магистръ увѣдомляетъ, что съѣздъ въ Нарвѣ былъ, и туда пріѣзжали новгородскіе истцы и заявили искъ на нѣкоторыхъ нѣмецкихъ купцовъ [88]); но по извѣстію нашей лѣтописи этотъ съѣздъ непривелъ ни къ какимъ послѣдствіямъ [89]). Въ 1391 году уполномоченные Новгорода, пятеро бояръ и нѣсколько купцовъ съѣхались съ почетными послами Ганзы, Нибуромъ и другими, въ Изборскѣ, гдѣ и привели всѣ дѣла къ мирному окончанію; отсюда всѣ отправились въ Новгородъ, цѣловали тамъ крестъ и написали мирную грамоту, «нибуровъ миръ, какъ ее назвали Нѣмцы (Nyeburs frede to Nougarde) по имени любецкаго посла; этотъ миръ состоялся въ началѣ 1392 года [90]).

Въ грамотѣ, писанной отъ имени посадника Тимоѳея Юрьевича и тысяцкаго Никиты Ѳедоровича, находимъ любопытныя подробности о предшествовавшихъ обстоятельствахъ, нарушившихъ миръ Новгорода съ Ганзой и о попыткахъ его возстановить. 1) За грабежъ въ Нарвѣ артели новгородскихъ купцовъ Новгородъ приказалъ взять у нѣмецкихъ купцовъ во дворѣ соотвѣтствующее количество товаровъ и вознаградить ими потерпѣвшихъ [91]); теперь Новгородъ обратно воз-

---

[87]) *Bunge*, LEK. Urk, III, № 1253. Это и слѣдующее письмо издатель относитъ къ 1388 году, *Боннель*—къ 1390-му. Chronogr. Commentar. 203 — 204.

[88]) Ibid. № 1254: „Ignate mit siner selschap.. Matfey und Condract und Demiter und andre mit erer selschop". А изъ договорной грамоты 1392 года сейчасъ увидимъ, что въ Нарвѣ была ограблена еще третья артель новгородскихъ купцовъ. Selschap (Gesellschaft) товарищество, „други", артель; послѣднее слово кажется нѣмецкаго происхожденія (Antheil): *Э. Р. Вреденъ.* Курсъ политич. экономіи, стр. 305 (Спб. 1874).

[89]) П. С. Р. Л. III, стр. 95: „Тогоже лѣта (1390) поидоша Новгородци на съѣздъ съ Нѣмци и невзяша мира".

[90]) Тамже, стр. 95. Договорная грамота по тремъ нѣмецкимъ спискамъ напечатана у *Бунге*, III, № 1330 и въ рецессахъ *Копмана*, IV, № 45. Въ Рус. Лив. Ак. № 115 параллельно съ нѣмецкимъ спискомъ напечатанъ *русскій*, впрочемъ неисправный и по мѣстамъ мало вразумительный.

[91]) „Товаръ что въ Ругодивѣ порубилѣ, и противъ того товара

вращаетъ Нѣмцамъ ихъ товары, предоставя своимъ частнымъ истцамъ вѣдаться съ ихъ обидчиками въ Нарвѣ. 2) Во время размолвки съ Новгородомъ Нѣмцы непрекращали съ нимъ торговыхъ сношеній: ибо въ договорѣ упоминаются двѣ «опасныя грамоты», какія въ этихъ обстоятельствахъ Ганза выпрашивала у Новгорода для своихъ купцовъ и пословъ [92]). 3) Новгородъ неотвергаетъ, что во время пожара нѣмецкой церкви товаръ ея грабили какіе-то Новгородцы; онъ обѣщаетъ теперь свое содѣйствіе для отысканія товара и грабителей и возвращеніе найденнаго Нѣмцамъ безъ всякой съ ихъ стороны платы за хлопоты; впрочемъ оговаривается, что если ненайдетъ, то Новгороду въ этомъ «нѣтъ измѣны». 4) Съ своей стороны ганзейскіе послы обѣщаютъ употребить мѣры для разысканія товара, пограбленнаго у новгородца Матвѣича съ его артелью, избитой на Невѣ морскими разбойниками; но если ненайдутъ товаровъ, то Нѣмцамъ это будетъ также не въ измѣну [93]). 5) Въ случаѣ войны Новгорода съ королемъ шведскимъ, Орденомъ, рижскимъ архіепископомъ, или дерптскимъ или эзельскимъ епископомъ («пискупомь островьскимъ»), съ Нарвой или наконецъ морскими разбойниками — нѣмецкимъ купцамъ нѣтъ до того никакого дѣла: путь имъ чистъ по всей новгородской волости «горою и водою». 6) Новгородскимъ купцамъ путь чистъ на готскій берегъ, а также сухопутный проѣздъ чрезъ землю дерптскаго епископа чрезъ шлагбаумъ, поставленный у рѣки Эмбаха. 7) Повторяется старое правило о прекращеніи тяжбы на мѣстѣ ея возникновенія и пр. [94]). По заключеніи мира Нѣмцы получили обратно свои товары; затѣмъ начали возобновлять погорѣвшій дворъ съ церковью,

---

повелѣ Новгородъ взяти товаръ своеи братьи, и посаднике и тысяцькии и весь господинъ великій Новъгородъ повелѣша товаръ дати своеи братьи". Рус. Лив. А. стр. 86.

[92]) Одна грамота отъ 1388 года, а другая отъ 1389. Рус. Лив. Ак. стр. 84 — 85.

[93]) „Нѣмецкимъ посломъ искати, что побилѣ разбойникѣ на Невѣ Матьфѣева сына и его друговъ, и товаръ отъималѣ".

[94]) „А иния гдѣ зацьньтся, ту ся коньцати". „А гдѣ ся тяжя родить, ту ю кончати" (Договоръ 1260 г.) „So war so dhe twist geschut, dhar sal man se endegen" (Договоръ 1270 года).

уже около семи лѣтъ лежавшій въ развалинахъ [95]). Въ заключеніе о договорѣ 1392 года нужно замѣтить, что это первый договоръ, заключенный послами Любека и Визби совмѣстно съ послами Риги, Дерпта и Ревеля, «отъ всихъ купьцовъ заморьскихъ и со стороны поморья», какъ сказано въ грамотѣ: всѣ предшествовавшіе договоры съ Новгородомъ Любекъ и Визби совершали отдѣльно отъ Лифляндіи. Что касается наконецъ Пскова, то Новгородъ, какъ было выше сказано, вымирилъ его при заключеніи договора съ Ганзой; въ ближайшее затѣмъ время они находятся между собой въ большомъ нелюбьи [96]), и нѣтъ сомнѣнія, что торговое соперничество было одною изъ причинъ этого нелюбья.

Но «мира крѣпкаго» не было у Новгорода и съ ганзейскими городами. Вскорѣ по совершеніи договора опять начался разладъ: Новгородъ былъ недоволенъ на Ревель, что его купцы неплатятъ долговъ Новгородцамъ; за эту неуплату и за разные убытки, причиненные купцамъ въ Лифляндіи, онъ наложилъ арестъ на нѣмецкихъ купцовъ у него проживавшихъ; контора по сему случаю пишетъ въ Ревель, что всѣ готландскіе и нѣмецкіе купцы задержаны во дворѣ, что Новгородъ грозитъ отнять у нихъ весь товаръ, а ихъ самихъ посадить въ желѣза, если ему не заплатятъ 3300 рублей убытковъ [97]). Вѣроятно въ числѣ показанной суммы заключался долгъ ревельскаго бургомистра и еще нѣсколькихъ купцовъ, которые въ бытность въ Новгородѣ ганзейскихъ пословъ 1392 года обязались его уплатить одной новгородской артели куп-

---

[95]) П. С. Р. Л. III, 95: „послове нѣмецкіи пріидоша въ Новъградъ и товары свои поимаша и крестъ цѣловали и начаша дворъ свой ставити изнова: занеже бо не бѣ по седьмь лѣтъ мира крѣпкаго“.

[96]) Тамже, 97, 1397: „посадникъ Тимоѳей Юрьевичь и тысяцкой Микыта Ѳедоровичь и вси посадникы и тысяцкіи и бояре и весь великій Новъградъ благословеніе господина своего отца владыки Іоанна пріяли, а отъ Псковичь нелюбіе отложили и взяша миръ по старинѣ... занеже небяшеть миру по 4 годы“. Псковская лѣтопись говоритъ, что послы отъ Пскова „взяша миръ вѣчный съ Новымъ городомъ, и цѣловалъ крестъ посадникъ новгороцкой Тимофей Юрьевичь и Микита тысяцкій Ѳедоровичь за весь великій Новгородъ и за пригороды и за всѣ свои волости“. Тамже, IV, 195.

[97]) *Bunge*. LEK. Urk. IV, № 1559; Боннель полагаетъ отнести его къ 1395 году. Chronogr. 203.

цовъ. Вотъ что по этому случаю было писано «отъ посадника новгородского Ивана Александровича, отъ тысячкого Олександра Игнатьевича и всего великаго Новгорода къ местерю къ Ризскому: здѣсь намъ наша братья много жаловалѣся Игнатовѣ дѣти, и Лентѣевѣ дѣти, и Фоминѣ дѣти, и Родивоновѣ на Кондрата на колыванскаго посадника и на Еремѣевыхъ дѣтей, что взяти имъ на нихъ 400 рублевъ по жеребью и по утягальной грамотѣ, что утягалѣ Кондрата наша братья предъ нашими судьями, а предъ вашими послы заморьскими и рискими... А только неотдадуть нашеи братьи того серебра, и мы имъ велимъ взяти тѣ четыреста рублевъ на вашеи братьи на купчехъ» [98]). Около того же времени Новгородъ писалъ жалобу въ Ревель на тамошняго купца, который хотѣлъ-было раздѣлаться съ новгородскими кредиторами, и съ этой цѣлью звалъ ихъ къ себѣ, однако какимъ-то нечестнымъ образомъ уклонился отъ уплаты: «вашъ братъ Нѣмчинъ Иванъ Мясо прислалъ грамоту къ своимъ должникамъ (= кредиторамъ), а къ нашей братьи къ Өедору и къ Есифу, а хотѣлъ имъ платити, и созвавъ братью нашу новгородцевъ: Ивана Кочерина, и Матвѣя Микулина, Макарью, Оксентѣя, Янка, Григорью, и казалъ имъ у себе товаръ, облакану (?) и золото, а тымъ хотѣлъ отлазити братью нашу, и вы должника нашему брату Есифу непоставили, и должникъ за вами, и товаръ за вами, недадите исправѣ, и намъ велѣти своеи братьи взяти на вашихъ дѣтѣхъ свой товаръ въ Новгородѣ, а то слово не въ измѣну» [99]). Кажется Новгородъ такъ и поступилъ: въ 1403 году контора писала въ Ревель, что Новгородъ рѣшилъ задержать Нѣмцевъ во дворѣ, а потому предостерегала другихъ отъ поѣздки туда [100]); кромѣ неисправности Нѣмцевъ по платежамъ долговъ, причиной ихъ ареста было еще ограбленіе Новгородцевъ въ Нарвѣ, какъ это видно изъ отвѣта тысяцкаго, когда его спрашивали Нѣмцы, почему ихъ непускаютъ изъ Новгорода [101]). Въ 1405 году изъ Дерпта

---

[98]) Ibid. № 1553.

[99]) Письмо отъ начала XV в. по рукописи румянцев. муз. приводится у г. *Аристова*, Промышл. древ. Руси, стр. 212.

[100]) *Бunge*, LEK. Urk. IV, № 1636.

[101]) Ibid. № 1637.

былъ присланъ посолъ спросить Новгородъ, хочетъ ли онъ держаться нибурова мира, на что̀ Новгородъ изъявилъ согласіе, и выдалъ грамоту отъ имени владыки Іоанна, посадника и тысяцкаго [102]); но какъ рѣшили частныя тяжбы, неизвѣстно.

Небудемъ разбирать тѣхъ отношеній, въ какихъ Новгородъ и Псковъ находились къ Лифляндіи въ началѣ XV вѣка, что̀ не входитъ прямо въ кругъ нашей задачи; небудемъ также останавливаться на обычныхъ грабежахъ купцовъ, ихъ арестахъ вмѣстѣ съ товарами и другихъ насиліяхъ, о характерѣ которыхъ можно судить по предыдущему изложенію, а прослѣдимъ собственно отношенія къ Ганзѣ. Такъ какъ въ Новгородѣ изъ-за лифляндскихъ ссоръ обыкновенно терпѣли и заморскіе нѣмецкіе купцы, то Ганза даже противъ воли должна была входить въ эти ссоры, и постановлять запрещенія русской торговли, несмотря на доказанную опытомъ несостоятельность этого средства противъ Новгорода, который очень хорошо понималъ, что сами Нѣмцы скорѣе его почувствуютъ тягость запрещенія. Такъ въ 1417 году Ганза постановила прекратить всякую торговлю съ Новгородомъ, а если мирные переговоры останутся безуспѣшны, то и со Псковомъ, подъ страхомъ потери имущества и жизни [103]). Но постановляя такое рѣшеніе она боялась конкуренціи со стороны Лифляндіи, которая могла пріобрѣсть слишкомъ много вліянія на ходъ русской торговли; поэтому въ слѣдующемъ году она требуетъ, чтобы лифляндскіе города непредпринимали никакихъ переговоровъ по дѣламъ русской торговли, но предоставили бы ихъ депутатамъЛюбека и Готланда; а такъ какъ нѣмецкихъ купцовъ въ Новгородѣ не хотѣли терпѣть, то Ганза требуетъ, чтобы и въ Лифляндію недопускали ни одного Русскаго, и невели

---

[102]) Рус. Лив. А. № 156. Въ письмѣ дерптскаго рата къ ревельскому приводится и договорная грамота, которая начинается слѣдующими словами: „van dem Ersebiscope to Nowgarde bischop Johanne, van dem borchggreuen Etsepha Sagaranitza, vam dem hertogen Wassili Gesenitze, van all den borchgreuen, van all den hertogen, van all den kinderen der coplude unde van gansem menen Nowgarde“. Грамота въ общихъ выраженіяхъ подтверждаетъ договоръ, заключенный Нибуромъ въ 1392 году.

[103]) *Willebrandt.* Hans. Chronik, II, s. 202.

бы съ нимъ торговли подъ штрафомъ во 100 марокъ серебра [104]). Долго ли длилось запрещеніе торговли, невидно: Ризенкамфъ полагаетъ что въ нарвскомъ договорѣ Ордена и Лифляндіи съ Новгородомъ, заключенномъ въ 1420 году при князѣ Константинѣ Дмитріевичѣ, принимали участіе и ганзейскіе купцы, интересы которыхъ представляли братья Ордена, названные въ договорѣ [105]); однако такое предположеніе противорѣчитъ приведенному сейчасъ распоряженію Ганзы, которая сама намѣревалась вести переговоры съ Новгородомъ. Но если и дѣйствительно Ганза помирилась тогда съ Новгородомъ, то во всякомъ случаѣ помирилась не надолго. Въ 1423 году Новгородъ схватилъ всѣхъ нѣмецкихъ купцовъ, у него бывшихъ, и заковалъ ихъ въ желѣза, а одного Новгородца, который взялся было доставить письмо Нѣмца, вѣроятно извѣщавшаго о постигшей дворъ катастрофѣ, велѣлъ повѣсить, какъ перевѣтника, на воротахъ нѣмецкаго двора [106]). Изъ отчета ганзейскихъ пословъ, бывшихъ въ Новгородѣ въ 1436 году, узнаемъ нѣсколько подробностей объ этой катастрофѣ: по ихъ словамъ арестъ произошелъ въ 1425 году [107]), и арестовано было 150 человѣкъ купцовъ, изъ коихъ во время заключенія умерло 36 человѣкъ, а убытки, понесенные купцами за время ареста, простирались до четырехъ тысячъ марокъ серебра [108]). Что было причиной такой крутой мѣры со стороны Новгорода, видно изъ письма лифляндскихъ городовъ отъ начала сентября 1425 года: въ немъ они увѣряютъ Новгородъ, что они неповинны въ сдѣланномъ убіеніи и ограбле-

---

[104]) Ibid. S. 202—203, 1418 j. „und weil man die Deutschen zu Neugard nicht leiden wollte, so solten auch hinführo in den lievländischen städten keine Russen geduldet werden bey Strafe hundert Mark Silbers".

[105]) D. deutsche Hof zu Nowgorod, S. 87.

[106]) *Willebrandt*, Hans. Chron. II, S. 206.

[107]) Быть можетъ арестъ произведенъ въ два раза, т. е. въ 1423 и 1425 годахъ; а быть можетъ въ хроникѣ Виллебрандта годъ поставленъ ошибочно.

[108]) *Ropp*. Hanserecesse, S. 510: „vortmer satte wy fort, dat se unsen dutschen coepman, als 150 Dutsche in dem jaren unses Heren 1425 tegen God unde de cruceeussinge in der besate holden hedden, darvan vorstorven weren 36 Dutzsche, unde in der besate hedde sik de koepman vorteret wol uppe 4000 stucke.

нія Русскихъ, а потому требуютъ освобожденія своихъ купцовъ [109]). Итакъ фактъ убійства и грабежа Новгородцевъ неотвергается лифляндскими городами; притомъ насилія Новгородцамъ на этотъ разъ дѣйствительно были произведены не въ Лифляндіи, а какъ кажется за моремъ: по крайней мѣрѣ товаръ, ограбленный у новгородскихъ купцовъ, нашелся въ Висмарѣ, какъ сейчасъ увидимъ. Лишь только въ Любекѣ узнали объ арестѣ ганзейскихъ купцовъ, немедленно объявили запрещеніе русской торговли: движеніе товаровъ въ Новгородъ и обратно было остановлено; новгородскія суда велѣно ловить каперами [110]). Въ письмѣ въ Лифляндію Любекъ говоритъ, что онъ намѣренъ принять, а частію уже принялъ мѣры для освобожденія несчастныхъ невинныхъ купцовъ, взятыхъ въ Новгородѣ; онъ будетъ просить датскаго короля, чтобы онъ запретилъ вывозъ всякаго товара изъ своего королевства въ Россію; онъ писалъ въ Брюгге и Пруссію, чтобы тамъ также остановили отправку русскихъ товаровъ; онъ будетъ еще просить господина прусскаго гермейстера о помощи и совѣтѣ; въ заключеніе проситъ Ревель строго наблюдать, чтобы въ Финскій заливъ непроѣзжало ниодно судно, и какъ только таковое покажется, немедленно его хватать [111]). Въ другихъ письмахъ Ганза требуетъ чтобы никто непривозилъ товаровъ въ Неву, Або и Выборгъ, и непроизводилъ торговли съ пріѣзжими туда Новгородцами, «дабы оттого они непріободрились и неусилились» [112]). Вслѣдствіе этого запрещенія, какъ видно на этотъ разъ строго выполнявшагося въ Лифляндіи, и прекращенія торговли даже въ мѣстахъ контрабанды, какъ въ финляндскихъ городахъ, Новгородъ пошелъ на переговоры съ Нѣмцами: онъ отвѣчалъ ганзейскимъ посламъ, что выпуститъ купцовъ на свободу, если ограбленный новгородскій товаръ, находящійся теперь въ Висмарѣ, будетъ ему возвращенъ [113]). И дѣйствительно въ октябрѣ 1425 года нѣмецкіе купцы пишутъ изъ Новгорода, что они освобождены

---

[109]) *Гильдебрандъ.* Отчетъ о розыск. въ рижск. и ревел. архив. № 52, стр. 35.

[110]) *Willebrandt.* Hans. Chron. II, 206.

[111]) Рус. Лив. Ак. № 225.

[112]) Тамже, №№ 223 — 224.

[113]) *Willebrandt.* Hans. Chron. II, 206.

по ходатайству дерптскаго епископа, а въ октябрѣ слѣдующаго года Рига уже пишетъ въ Дерптъ, что въ Новгородъ привезено товаровъ слишкомъ много, что она боится, какъ бы это обстоятельство нестѣснило свободы переговоровъ съ Русскими [114]). Признаніе весьма интересное: большой привозъ товаровъ, вслѣдствіе ихъ накопленія и остановки на одномъ мѣстѣ, ронялъ на нихъ цѣну въ новгородскомъ дворѣ, и давалъ понять Новгороду, что для Нѣмцевъ остановка торговли неменѣе тяжка, чѣмъ для него; притомъ этотъ привозъ дѣлается тотчасъ послѣ жестокой вражды съ Новгородомъ... О Псковѣ находимъ любопытное указаніе, что онъ спѣшилъ пользоваться разладомъ Новгорода съ Ганзой: въ сентябрѣ 1425 года Дерптъ увѣдомлялъ Ревель о прибытіи къ нему псковскихъ пословъ, которые очень желали заключенія мира; однако переговоры шли безуспѣшно, и Дерптъ просилъ непривозить изъ Нарвы во Псковъ соли [115]).

Въ ближайшее время, менѣе чѣмъ въ десятилѣтіе, между Новгородомъ и Ганзой опять родилось много недоумѣній и спорныхъ дѣлъ; для разбора ихъ въ 1434 году въ Новгородъ было наряжено ганзейское посольство; но оно взяло только перемиріе на два года до иванова дня 1436 года, обѣщаясь прислать къ тому времени почетное посольство [116]). Дѣйствительно въ половинѣ мая 1436 года въ Новгородъ прибыло ганзейское посольство, которое и вело тамъ переговоры до половины іюля; сохранившійся отчетъ этого посольства очень интересенъ [117]). Передавши Новгороду поклонъ отъ 73-хъ ганзейскихъ городовъ какъ по сю, такъ и по ту сторону моря, послы начали излагать свои жалобы: на притѣсненія со стороны носильщиковъ и лодочниковъ, на запрещеніе Нѣмцамъ мелочной торговли, на насилія, учиненныя купцамъ въ 1425 году (арестъ 150-ти). Далѣе послы продолжали: «одинъ Нѣмецъ, сынъ знатнаго человѣка, былъ избитъ приставомъ дотого, что тотъ скоро умеръ отъ побоевъ, другой Нѣмецъ былъ схваченъ со двора, посаженъ приставомъ подъ

---

[114]) *Гильдебрандъ.* Отчет. о розыск. №№ 58 и 80.

[115]) Также, №№ 54—55.

[116]) *Kopp.* Hanserecesse № 288 (перемирная грамота).

[117]) Ibid. № 586, S. 509—520.

арестъ, гдѣ сидѣлъ девять недѣль и былъ такъ худо содержимъ, что наконецъ умеръ; вообще Нѣмцевъ часто хватаютъ съ улицы за долги и сажаютъ ихъ въ тюрьму, недавая имъ ставить за себя поручителей». Съ своей стороны новгородскіе уполномоченные заявили слѣдующія жалобы: сукна, привозимыя къ нимъ, слишкомъ коротки; бочки съ медомъ, виномъ и сельдями слишкомъ малы противъ прежняго; серебряные слитки только снаружи хороши, а внутри заключаютъ фальшивое серебро; нобели также фальшивые; соляные мѣшки неимѣютъ надлежащаго вѣса; наконецъ уполномоченные жаловались, что Нѣмцы неоказали надлежащаго почета великому князю, недавно бывшему въ Новгородѣ [118]). Чрезъ нѣсколько времени съ обѣихъ сторонъ были заявлены претензіи частныхъ лицъ; Новгородцы жаловались, что Нѣмцы неплатятъ имъ долговъ и причиняютъ въ городахъ Лифляндіи разныя насилія и несправедливости. Такъ въ Дерптѣ Мартиньянъ и Максимъ были посажены безъ вины въ тюрьму; Юрій и Максимъ, квартировавшіе у одного дерптскаго Нѣмца, были обокрадены: вечеромъ они заперли свою лавку, а когда пришли на слѣдующее утро, то нашли ее обокраденной, а въ лавкѣ лежало сорокъ соболей, да 9 гривенъ серебра; двоихъ Новгородцевъ въ Дерптѣ же забросали на улицѣ камнями; нарвскій фогтъ убилъ до смерти Ѳедора, ѣхавшаго изъ Ревеля; въ Ревелѣ Ивана Кочерина ограбили среди бѣлаго дня на улицѣ передъ русской церковью, причемъ съ него сняли кафтанъ, штаны, калиту (kalite), кушакъ, да отняли гривну серебра и пр. Нѣмцы жаловались, что холопы боярина Захарьи Кирилова избили двоихъ Нѣмцевъ, живишхъ у него для обученія языку (sprakelerers): одинъ изъ нихъ уже умеръ отъ побоевъ, а другой при смерти; вѣсовщикъ нехочетъ вѣсить на Нѣмцевъ, а требуетъ съ нихъ какого нибудь подарка, напримѣръ кружки пива; тысяцкій неоказываетъ правосудія нѣмецкимъ жалобщикамъ и пр. Затѣмъ поднялся вопросъ о продолжительности мира: Нѣмцы хотѣли болѣе продолжительнаго срока, но купецкіе старосты давали срокъ меньшій. Въ половинѣ іюня въ Новгородъ пришли псковскіе послы жаловаться на притѣсненія ихъ купцамъ въ Дерптѣ; ганзейскіе послы отклоняли отъ себя этѣ жалобы

[118]) Подробнѣе объ этомъ предметѣ скажемъ въ послѣдней главѣ.

и въ свою очередь обвиняли Псковъ за тяжкій арестъ 24-хъ ганзейскихъ купцовъ; посредничество, по просьбѣ пословъ принятое Новгородомъ для ихъ освобожденія, недостигло тогда цѣли, какъ было показано выше [119]). Наконецъ послѣ двухмѣсячныхъ переговоровъ 16 іюля была составлена по русски и по нѣмецки договорная грамота, и запечатана во дворѣ св. Ивана на Опокахъ. Представимъ въ переводѣ эту послѣднюю договорную грамоту Новгорода съ Ганзой [120]).

«Сюда въ великій Новгородъ къ господину преосвященному архіепископу Евоимію, къ посаднику великаго Новгорода Борису Юрьевичу и ко старымъ посадникамъ, къ тысяцкому великаго Новгорода Оедору Яковлевичу и ко старымъ тысяцкимъ, къ боярамъ, къ купецкимъ старостамъ, купецкимъ дѣтямъ и всему Новгороду пришли нѣмецкіе послы отъ Дерпта бургомистръ господинъ Тидеманъ Фоссъ и ратманъ Іоганнъ Беверманъ, отъ Ревеля господинъ Готшалкъ Стольтефоссъ и господинъ Альбертъ Руморъ ратманы, которые прибыли послами отъ Риги, Дерпта, Ревеля, отъ Любека и отъ всѣхъ семидесяти трехъ городовъ, какъ по сю, такъ и по ту сторону моря лежащихъ, и отъ всѣхъ дѣтей купецкихъ»

«И нѣмецкіе послы... ударили по рукамъ (nehmen hand) съ посадникомъ новгородскимъ Б. Ю. и съ тысяцкимъ новгородскимъ О. Я. и съ купецкими старостами за весь великій Новгородъ на томъ, что нѣмецкій гость можетъ ѣхать и плыть въ великій Новгородъ: путь ему чистъ по водѣ и землѣ, по старымъ грамотамъ и по старому крестоцѣлованію, по настоящей грамотѣ и рукобитью безо всякой хитрости. А нѣмецкіе послы... дали руки посаднику новгородскому Б. Ю. и тысяцкому Ю. Я. и купецкимъ старостамъ Александру и Ефрему, всѣмъ купецкимъ дѣтямъ и всему великому Новгороду за всѣ 73 города и за всѣхъ купецкихъ дѣтей, что Новгородецъ можетъ ѣхать въ нѣмецкую землю и нѣмецкіе города: путь

---

[119]) Въ началѣ III-й главы. Вотъ извѣстіе лѣтописи о захватѣ Нѣмцевъ во Псковѣ: „тоя весны Псковичи пріяша гость нѣмецкій товаръ ихъ, а самыхъ Нѣмець въ погребъ всадиша 24 Нѣмчина, занеже они почали, на крестномъ цѣлованьи псковскихъ ловцевъ изоимаша, а иныхъ избиша". П. С. Р. Л. IV, 210, 1436 г.

[120]) *Ropp.* Hanserecesse, № 587. Въ переводѣ мы будемъ опускать часто повторяемыя собственныя имена и нѣкоторыя общія фразы.

ему чисть по водѣ и землѣ, по древнимъ грамотамъ и по древнему крестоцѣлованію, по сей грамотѣ и рукобитью безо всякой хитрости».

«И нѣмецкій гость можетъ торговать съ новгородскимъ въ великомъ Новгородѣ и на Невѣ, по старому крестоцѣлованію... Новгородецъ долженъ беречь Нѣмца, какъ своего брата Новгородца, а Нѣмецъ долженъ беречь Новгородца, какъ своего брата Нѣмца.»

«И великій Новгородъ долженъ давать управу Нѣмцамъ жалобщикамъ (clegelichen luden) по старымъ грамотамъ..., равнымъ образомъ Нѣмцы должны давать управу новгородскимъ жалобщикамъ по старымъ грамотамъ... Если случится, что Новгородъ недастъ управы Нѣмцамъ, то они недолжны задерживать у себя новгородскихъ купцовъ; они должны отпустить ихъ въ новгородскую землю съ ихъ товарами безо всякаго рубежа [121]), по старымъ грамотамъ и по старому крестоцѣлованію, по настоящей грамотѣ и рукобитью, безо всякой хитрости, а настоящую грамоту отослать къ великому Новгороду [122]). И если Нѣмцы недадутъ управы новгородскимъ жалобщикамъ, то великій Новгородъ недолженъ захватывать у себя Нѣмцевъ: онъ долженъ отпустить ихъ безъ рубежа по старымъ грамотамъ..., а настоящую грамоту отослать Нѣмцамъ».

«Какіе Русскіе были записаны Нѣмцами на доску, тѣхъ они должны вычеркнуть съ доски, и торговать съ ними по прежнему обычаю [123])». Здѣсь вѣроятно разумѣются записанные на доску за долги; теперь же какъ видно они расплатились съ Нѣмцами.

«Какіе Новгородцы были приставами въ нѣмецкомъ дворѣ, или которые держали у себя Нѣмцевъ, на тѣхъ Нѣмцы недолжны имѣть никакихъ претензій, а торговать съ ними по

---

[121]) „Sunder besettinghe“. Besettinge, pandinge, pendinghe, pandatio = рубежъ, захватъ, арестъ; panden, pandare = порубить, захватить, поимать.

[122]) Въ такомъ случаѣ она становилась *разметною* грамотой; здѣсь впервые упоминается о такомъ порядкѣ.

[123]) „Welker Russen, de an der treppen screuen sint van den Dutzschen, de zolen se van der treppen uthdoen unde zullet myt oen koepslagen na older wonheit“.

прежнему» [124]). Тутъ по всей вѣроятности разумѣются тѣ Новгородцы, которые брали Нѣмцевъ подъ арестъ за неуплату долга. Договоръ заключается слѣдующими словами: «а на всемъ томъ дали руки посадникъ новгородскій Б. Ю. тысяцкій Ѳ. Я. и купецкіе старосты Александръ Матвѣичь и Ефремъ Яковлевичь за весь Новгородъ и за всю ихъ землю, и печати свои привѣсили; равнымъ образомъ нѣмецкіе послы.... дали руки за всѣ 73 города и за всю ихъ землю, и печати свои привѣсили».

Сравнивая пункты, поставленные на предварительныхъ переговорахъ, съ настоящею договорною грамотой, видимъ что въ послѣдней о многомъ совсѣмъ неупомянуто; для насъ остается неизвѣстнымъ, какъ порѣшили дѣла частныхъ истцевъ, вопросъ о подаркахъ великому князю при посѣщеніи имъ Новгорода, о срокѣ мира и другихъ спорныхъ пунктахъ. Нѣмцы неразъ говорили, чтобы все было по старинѣ, что сами они держатся только старины, и новаго ничего неприбавляютъ [125]). Однако они незахотѣли давать подарковъ великому князю, хотя соглашались съ Новгородомъ, что они обязаны давать ихъ по старинѣ; за то иная старина небыла выгодна Новгороду: Нѣмцы требовали напримѣръ розничной торговли, обычнаго привѣска къ воску и пр., но уже Новгородъ немогъ согласиться на эти требованія; по крайней мѣрѣ онъ недалъ Нѣмцамъ никакого на нихъ отвѣта. Вообще нельзя незамѣтить, что старина стала колебаться, и Ганзѣ становилось трудно удержать въ Новгородѣ всѣ старинныя вольности; торговля ея шла ужъ не по прежнему; съ половины XV вѣка начинаютъ слышаться жалобы, что посѣщеніе двора становится все рѣже, что доходовъ его уже недостаточно для покрытія разныхъ издержекъ его, что торговля выгодна не по прежнему [126]).

---

[124]) Welker Naugarder in dem dutschen houe synt pristauen wesen, edder Dutsche by sik geholden hebben, daren zullet de Dutzschen den Naugarder nicht umme doen, unde me scal myt oen koepschlagen alse van oldinghes".

[125]) „Wy weren hir gesant umme fredhe willen, so dat de Dutzsche koepman by synen olden privilegien unde rechticheiden bliuen, nicht niges begerde wy". *Ropp*, Hanserecesse, S. 515.

[126]) *H. Hildebrand*. Die hans. livl. Gesandschaft 1494 nach Mos-

Въ 1442 году погорѣлъ готскій дворъ; въ тоже время по случаю войны съ Орденомъ Новгородъ опять вступаетъ въ разладъ съ ганзейскими купцами: конторскій прикащикъ увѣдомлялъ тогда, что Новгородцы два разъ нападали на дворъ, который находится будто въ осадѣ, что его (прикащика) жизнь ежечасно находится въ опасности; особенно двое Новгородцевъ, Бакланъ и Жихна, горячо требовали у Нѣмцевъ удовлетворенія за обиды, учиненныя имъ въ Ревелѣ, а Новгородъ предоставилъ имъ самимъ право вѣдаться по ихнему дѣлу [127]). Снова Ганза запретила русскую торговлю; Любекъ получилъ отъ нея полномочіе распоряжаться по дѣламъ русской торговли, т. е. открывать ее или продолжать запрещеніе, и съ своей стороны передалъ это полномочіе лифляндскимъ городамъ; всѣ Нѣмцы выѣхали изъ Новгорода, и дворъ заперли; но ключей отъ двора владыка и юрьевскій архимандритъ у нихъ непріняли [128]). Затѣмъ является обычное послѣдствіе запрещенія — контрабандная торговля: въ 1444 году лифляндскіе города жаловались Любеку, что вопреки запрещенію вендскіе и прусскіе города продолжаютъ торговать съ Русскими въ Выборгѣ и Або; на это Любекъ отвѣчалъ, что онъ еще разъ внушитъ городамъ это запрещеніе, но что онъ не въ силахъ препятствовать торговлѣ чрезъ Швецію; тутъ же Любекъ намекаетъ, что между Ригой и Полоцкомъ, потомъ между Дерптомъ и Псковомъ торговля продолжается, и проситъ ее прекратить [129]). Черезъ годъ Ревель жалуется Ордену на неудобства военнаго времени и прямо признается, что если миръ съ Русскими несостоится хотя на два года, торговля потерпитъ тогда величайшіе убытки [130]). Въ 1448 году между Орденомъ и Новгородомъ со Псковомъ былъ заключенъ 25-лѣтній миръ [131]); что до купцовъ, то они кажется также заключили перемиріе; въ 1464 году, когда

---

kau und die Schliessung d. deutsch. Hofs zu Nowgorod. (Balt. Monatschrift, B. 20, Neue Folge B. 2, S. 123—124).

[127]) Егоже, Отчеты о розысканіяхъ.. стр. 46.

[128]) Также, стр. 47. *Willebrandt.* Hans. Chron. II, S. 216.

[129]) *Гильдебрандъ.* Отч. о розыск. стр. 48.

[130]) Также, стр. 49.

[131]) Также, № 234.

срокъ его истекалъ, Любекъ совѣтовалъ лифляндскимъ городамъ взять съ Новгородомъ перемиріе еще года на два или на три; но скоро новгородскихъ купцовъ задержали въ Ревелѣ, а Новгородъ сдѣлалъ тоже у себя съ Нѣмцами въ 1467 году; въ 1471 году Ганза еще разъ запретила русскую торговлю [132]).

Въ такихъ-то ссорахъ, крупныхъ и мелкихъ, то приводя другъ друга къ крестоцѣлованію, то вѣроломно нарушая его, то запрещая торговлю, то еще скорѣе спѣша ее возобновить, торговали Новгородъ и Ганза до 1478 года, когда Новгородъ потерялъ свою самостоятельность. Сообщая объ этомъ событіи въ Любекъ лифляндскіе города пишутъ, что великій князь московскій вторгнулся въ Лифляндію, незаявя о прекращеніи мира, что взятіе Новгорода угрожаетъ нѣмецкому двору и всей ихъ странѣ величайшею опасностью, которой одна Лифляндія не въ силахъ противостоять, а потому они просятъ у Ганзы добраго совѣта и помощи [133]). И дѣйствительно лифляндскіе Нѣмцы неошиблись: сокрушитель новгородской вольности началъ войну съ Орденомъ, и нанесъ тяжкій ударъ Ганзѣ.

---

[132]) Тамже, стр. 51 — 53.
[133]) Тамже, стр. 54, № 305.

ГЛАВА VII.

Владѣя волжскою областью великіе князья всегда оказывали существенное вліяніе на ходъ новгородской нѣмецкой торговли: всего ощутительнѣе это вліяніе обнаруживалось въ томъ, что великіе князья могли остановить привозъ хлѣба въ новгородскую землю по Волгѣ, «затворить ворота», какъ образно выражаются объ этомъ новгородскія договорныя грамоты [1]); они могли перехватать у себя новгородскихъ купцовъ, «учинить рубежъ» надъ ними, вообще могли на время прекратить всякія связи Новгорода со своей областью. Чрезъ это они наносили чувствительный ударъ какъ для Новгорода, такъ косвенно и для его ганзейскихъ гостей: ибо не допуская къ себѣ новгородскихъ купцовъ, останавливая движеніе хлѣба, льну, хмѣля и другихъ товаровъ въ Новгородъ, они суживали районъ новгородской нѣмецкой торговли, вслѣдствіе чего привозъ Нѣмцевъ и отпускъ Новгорода становились по необходимости ограниченнѣе. Естественно Новгородъ долженъ былъ дорожить миромъ съ великими князьями и со всѣми вообще князьями русскими: только при условіи мира для его купцовъ была возможность разъѣзжать по всей Руси. По причинѣ мира онъ старался дружить съ кіевскими князьями: ибо въ случаѣ разлада съ великими князьями суздальскими новгородскіе купцы могли еще найти дорогу въ южную Русь; справедливо замѣчено, что Новгородцы постоянно дружили со смоленскими князьями [2]): кромѣ того, что Смоленскъ былъ богатый торговый городъ, куда ѣздили новгородскіе купцы, чрезъ смоленскую область шла торговая дорога въ южную Русь, въ Кіевъ, гдѣ Новгородцы имѣли

---

[1]) „А гостю всякому гостити безъ рубежа, а ворота ти отворити, а хлѣбъ ти пустити, и всякий ти гость пустити въ Новъгородъ, а силою ти гостя въ Тфѣрь неперéимати“. С. Г. Г. и Д. I, № 14 (договоръ съ Михаиломъ Ярославичемъ 1318 г.).

[2]) *Никитскій.* Очеркъ внутр. исторіи Пскова, стр. 92.

постоянный торговый дворъ съ собственною церковью [3]). Конечно Новгородцы также были рады, когда черниговскій князь, покидая Новгородъ, говорилъ: гость ко мнѣ пускайте, а якоже земля ваша, такоже моя [4]). Новгороду приходилось очень плохо, когда онъ одновременно былъ въ ссорѣ съ князьями сѣверными и южными; во время раздоровъ между Мономаховичами и Ольговичами, когда и Новгородъ колебался между Всеволодомъ Мстиславичемъ и Святославомъ Ольговичемъ, въ городѣ настала дороговизна хлѣба: «и не бѣ мира съ ними (Псковичами), ни съ Суждальци, ни съ Смольняны, ни съ Полоцяны, ни съ Кыяны, и стоя все лѣто осмнпка великая по 7 рѣзань»,—говоритъ лѣтописецъ [5]). Изъ-за торговыхъ интересовъ Новгородъ долженъ былъ входить въ междукняжескія отношенія, то принимать сторону однихъ князей, то выступать между ними въ роли миротворца; онъ немогъ оставаться совершенно спокойнымъ, быть особнякомъ отъ прочихъ русскихъ земель, хотя лежалъ вдалекѣ отъ главной сцены княжескихъ усобицъ, хотя небылъ отчиной ни одного княжескаго рода; за то тѣмъ труднѣе ему былъ выборъ князя. Всего же важнѣе для Новгорода было установить мирныя отношенія къ великому князю: порядясь съ нимъ на извѣстныхъ условіяхъ, Новгородъ пріобрѣталъ въ лицѣ его такого правителя и судью, который обезпечивалъ ему мирный ходъ торговли до нѣкоторой степени и въ другихъ мѣстахъ Руси: князь-правитель долженъ былъ принести съ собой для Новгорода это право, замѣчаетъ г. Пассекъ [6]). Конечно это отнюдь небыло строго юридическою право; дѣло въ томъ, что каждый князь въ своей волости распоряжался независимо отъ великаго князя, какъ хозяинъ отчины; съ другой стороны въ каждой волости на

---

3) П. С. Р. Л. I, 138, 1147. Въ церковь св. Михаила, въ новгородскую божницу, положили тѣло убитаго Игоря Ольговича.

4) Тамже, III, 41, 1225.

5) Тамже, III, 8, 1137.

6) Новгородъ самъ въ себѣ (Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. 1869, IV, стр. 36). Въ этой статьѣ высказано много остроумныхъ соображеній; однако общій взглядъ автора на внутреннюю жизнь Новгорода по нашему мнѣнію, слишкомъ мраченъ; своимъ пессимизмомъ авторъ превосходитъ даже новгородскихъ лѣтописцевъ.

ряду съ княземъ стояло городское купечество, имѣвшее свои права относительно пріѣзжихъ гостей изъ другихъ городовъ, какъ напримѣръ смоленское купечество, которому по всей вѣроятности принадлежалъ торговый судъ по дѣламъ пріѣзжихъ русскихъ гостей [7]); торговлю въ другихъ русскихъ земляхъ великій князь могъ обезпечить Новгородцамъ не столько въ силу права, сколько своимъ вліяніемъ и тою дѣйствительною силой, какою онъ пользовался въ данное время въ Руси; такіе сильные князья, какъ напримѣръ Мономахъ и Всеволодъ суздальскій дѣйствительно были въ состояніи дать возможность новгородскимъ купцамъ торговать по всѣмъ русскимъ княженіямъ. Но если бы великій князь и недалъ такой возможности, договоръ съ нимъ во всякомъ случаѣ былъ важенъ для Новгорода тѣмъ, что открывалъ его купцамъ обширную собственно великокняжескую область. Чтобы получить въ нее доступъ Новгородъ неостанавливался ни передъ какими препятствіями: онъ отправлялъ своихъ пословъ къ хану и отъ него покупалъ грамоту на право торговли въ суздальской области. Въ самомъ Новгородѣ всегда была сильна суздальская партія, конечно преслѣдовавшая интересы торговли въ суздальскомъ краѣ. Такимъ образомъ уже по однимъ экономическимъ причинамъ Новгородъ тянулъ къ Москвѣ, и уже по нимъ отчасти былъ обреченъ на государственное соединеніе съ Москвой.

Съ другой стороны для великихъ князей былъ прямой интересъ въ мирѣ съ Новгородомъ; имъ всегда было выгодно видѣть новгородскихъ купцовъ въ своей землѣ: они доставляли нѣмецкіе товары, скупали произведенія мѣстнаго хозяйства, давали въ княжескую казну доходъ уплатой торговыхъ пошлинъ и мыта; древніе русскіе князья, особливо князья московскіе, были большіе хозяева; сбыть излишки своего хозяйства купцамъ, обмѣнять ихъ на заморскіе товары или на серебро было однимъ изъ главныхъ интересовъ ихъ, а такому интересу всѣхъ лучше отвѣчали предпріимчивые новгородскіе купцы. Такимъ образомъ давая миръ Новгороду великіе князья поступали въ видахъ собственной пользы; имъ также было невыгодно прекратить съ нимъ торговлю,

---

7) См. выше. стр. 100.

какъ и самому Новгороду; во время запрещенія торговли вопросъ сводился къ тому, кто скорѣе почувствуетъ его тяжесть, князь или Новгородъ. Миръ выгоденъ былъ великому князю еще для того, чтобы продолжить и усилить въ Новгородѣ свою власть, осязательное значеніе которой состояло главнымъ образомъ въ тѣхъ доходахъ, которые ему тамъ шли. Эти доходы были довольно разнообразны, хотя не столь значительны и не всегда точно опредѣленны. Какъ правитель онъ получалъ съ волостей даръ; за волокомъ онъ бралъ дань, которую впрочемъ обязанъ былъ продавать, т. е. давать на откупъ Новгородцамъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ новгородской области онъ имѣлъ право охоты, рыбной ловли, выварки пива и меду [8]); въ качествѣ судьи онъ получалъ виры и часть судебныхъ пошлинъ; съ иванскаго купечества онъ бралъ ежегодно по двадцати пяти гривенъ. Къ экстраординарнымъ доходамъ великаго князя принадлежали: черный боръ съ новгородскаго населенія, взимавшійся только въ извѣстное время [9]), потомъ подъѣздные подарки, которые давались князю во время посѣщенія имъ Новгорода и новгородскихъ волостей [10]). Нѣкоторыя волости были въ смѣсномъ владѣніи Новгорода и великаго князя, доходы съ которыхъ дѣлились между ними; другія волости, какъ за волокомъ, были спорными, такъ что и доходы съ нихъ оставались очень неопредѣленными: такъ однажды Иванъ Калита запросилъ осердясь на Новгородъ закамскаго серебра [11]). Обо всѣхъ этихъ доходахъ великіе князья говорили: «а пошлинъ князя великаго Новгородцемъ

---

[8]) „А въ Ладогу ти, княже, слати осетрьника и медовара, по грамотѣ дѣда твоего Ярослава". С. Г. Г. и Д. I, № 7.

[9]) „А коли приведется взяти княземъ великимъ черный боръ, и намъ дати черный боръ по старинѣ". А. А. Эксп. I, № 58 (яжелбицкій договоръ 1456 г.). Еще раньше Василію Васильевичу была дана грамота на черный боръ: „се дахомъ черный боръ на сей годъ великому князю Василью Васильевичу всея Руси". Тамже № 32. — „А умиришь, господине честны король, великій Новъгородъ съ великимъ княземъ, ино тебѣ взяти честному королю черны боръ по новгороцкимъ волостемъ по старинѣ одинова, по старымъ грамотамъ, а въ иные годы черны боръ ненадобѣ". Тамже, № 87.

[10]) „А коли, княже, поѣдешь въ Новгородъ, тогда тобѣ даръ ємати по постояніямъ; а коли поѣдешь изъ Новагорода, тогда тобѣ даръ ненадобѣ". С. Г. Г. и Д. I, № 10.

[11]) П. С. Р. Л. III. 1332.

нетанти, по крестному цѣлованію» [12]); для великихъ князей и для Новгорода точное опредѣленіе границъ княжеской власти важно было по стольку, по скольку эта власть была соединена съ доходами; опредѣленіе ихъ составляетъ основное содержаніе договоровъ Новгорода въ великими князьями, такъ что на основаніи этихъ намъ извѣстныхъ договоровъ XIII—XV вѣковъ можно судить, что̀ такое были Ярославовы грамоты, на которыя постоянно ссылается Новгородъ: конечно правъ г. Соловьевъ, который полагаетъ, что они касались финансовыхъ распоряженій [13]). Судя по договорамъ и тѣмъ отношеніямъ, какъ онѣ въ дѣйствительно установлялись между Новгородомъ и великими князьями, нельзя не признать, что вообще власть великаго князя въ Новгородѣ получила въ сильной степени фискальный характеръ [14]), тогда какъ моральная сторона власти т. е. довѣріе и уваженіе, подобающія ей со стороны подданныхъ, и строгое сознаніе своихъ обязанностей правителя и судьи со стороны князя, — эта высшая сторона власти отступала далеко на задній планъ, или вовсе становилась незамѣтна; великій князь какъ правитель, судья и полководецъ для Новгорода былъ необходимъ, но въ тоже время Новгородъ старался, чтобы содержаніе великаго князя обошлось для него по возможности дешевле; онъ строго разсчитывалъ, чью сторону ему принять, Москвы или Твери, хотя большею частію жестоко просчитывался; съ своей стороны великіе князья тверскіе и московскіе стремились «обирать» Новгородъ. При такихъ условіяхъ пресловутое договорное начало, которымъ опредѣлялись между собой Новгородъ и

---

12) А. А. Э. I, № 58.

13) Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ (Чт. въ Общ. Ист. и Др. 1846, № 1, 33).

14) Отчасти такой же характеръ имѣла княжеская власть вообще въ древней Руси, что было въ духѣ той нѣсколько наивной эпохи. Справедливо замѣчаетъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ: „вообще князья имѣли въ виду свои княжескія права на управленіе, судъ и дань, и дѣлили между собой эти права: волости представляли въ ихъ глазахъ извѣстную цѣнность“ (Русск. Истор. I, стр. 200). По нашему мнѣнію при объясненіи явленій удѣльнаго періода это нужно принимать во вниманіе больше, чѣмъ принимали до сихъ поръ. Конечно въ лицѣ Мономаха древняя Русь представила идеалъ князя, добраго страдальца за русскую землю; но Мономахи весьма рѣдки.

великіе князья, подъ конецъ значительно измельчало, и договоры ихъ стали чѣмъ-то въ родѣ обыкновенной торговой сдѣлки.

Какъ же теперь относились къ великому князю пріѣзжіе въ Новгородъ ганзейскіе Нѣмцы? Нѣтъ сомнѣнія, что Нѣмцы въ первое время склонны были понимать отношенія Новгорода къ великому князю на манеръ отношеній нѣмецкаго города къ сеньеру; въ великомъ князѣ они чаяли увидѣть сильную власть, которая можетъ утѣснить Новгородъ и сурово обойтись съ чужеземцами; они поэтому готовы были почесть въ лицѣ его верховную власть и вступить къ нему въ извѣстныя обязательства; только послѣ долгаго опыта они могли понять истинный характеръ княжеской власти въ Новгородѣ и узнать ея настоящіе размѣры. Отъ половины XII до конца XV вѣка, когда Нѣмцы торговали въ Новгородѣ, княжеская власть тамъ имѣла разную силу и вліяніе. Съ половины XII вѣка она слабѣе вслѣдствіе усобицъ Мономаховичей и Ольговичей, и представившейся отсюда для Новгорода возможности выбирать между многими князьями на всей своей волѣ: такимъ образомъ начало торговли Нѣмцевъ въ Новгородѣ и ослабленіе въ немъ княжеской власти совпадаютъ по времени. Но съ конца того же вѣка и съ начала XIII-го въ Новгородѣ большую силу получаетъ великій князь суздальскій Всеволодъ, при чемъ весьма знаменательнымъ является тотъ фактъ, что въ княженіе его и ближайшихъ его родственниковъ Новгородъ заключилъ свои важнѣйшіе договоры съ Нѣмцами, — явное указаніе, какъ для него былъ важенъ миръ съ суздальскими князьями, обезпечивавшій ему торговлю въ суздальской области. Такъ при свойкѣ Всеволода Ярославѣ Владиміровичѣ совершенъ первый до насъ дошедшій договоръ Новгорода съ Готами и Нѣмцами: «а кого Богъ поставить князя, сказано въ немъ — а съ тѣмь мира потвердить, любо ли земля безъ миру станеть». И дѣйствительно въ ближайшее за тѣмъ время это правило имѣло всю свою силу: Святославъ Всеволодовичь подтвердилъ договоръ своего предшественника; другой сынъ Всеволода Константинъ далъ Нѣмцамъ льготную грамоту на счетъ ихъ двора; третій его сынъ Ярославъ заключилъ съ Нѣмцами договоръ въ 1226 году, какъ и внуки его Александръ и Ярославъ Ярославичи въ 1260 и 1270 годахъ. И это конечно неслучайное совпаденіе и не единственный разъ, что въ 1270 году одновременно состоялись два договора Нов-

города, одинъ съ великимъ княземъ, а другой — съ Нѣмцами [15]). Правнукъ Всеволода Андрей Александровичь далъ Нѣмцамъ грамоту о торговыхъ путяхъ по новгородской волости, причемъ въ грамотѣ выражено, что гости пріѣзжаютъ на руки великаго князя и всего Новгорода; сами Нѣмцы становились иногда на туже точку зрѣнія: такъ въ 1331 году, когда толпа Новгородцевъ грозила имъ смертью за ночное убійство новгородскаго человѣка, Нѣмцы возражали, что такъ не могутъ съ ними поступить: ибо они пришли сюда на руки великаго князя и всего Новгорода [16]). Наконецъ другіе князья, княжившіе въ Новгородѣ, также вѣроятно подтверждали мирные договоры Новгорода съ Нѣмцами, хотя быть можетъ не каждый разъ особенными грамотами, а только однимъ крестоцѣлованіемъ, какъ это было въ обычаѣ по словамъ латинской редакціи договора 1270 года [17]).

Но затѣмъ во время борьбы Москвы съ Тверью власть великаго князя въ Новгородѣ опять ослабѣваетъ, что̀ сопровождалось немаловажными послѣдствіями и для нѣмецкаго двора. Уже въ договорѣ 1270 года съ Ярославомъ Ярославичемъ Новгородъ требуетъ, чтобы князь неимѣлъ никакого отношенія къ нѣмецкому двору и торговалъ бы въ немъ не иначе, какъ чрезъ посредство Новгородцевъ; съ того времени конкуррента, опаснаго для новгородской торговли, болѣе несуществовало; великій князь еще раньше былъ принужденъ покинуть свой дворъ, стоявшій на Ярославовѣ дворищѣ не подалеку отъ готскаго и нѣмецкаго дворовъ, и удалиться на Городище [18]); причиною этого удаленія кромѣ опасности княжескаго вліянія на вѣче могло быть еще опасеніе того же вліянія на нѣмецкій дворъ. Такимъ образомъ между Нѣмцами и великимъ княземъ сталъ Новгородъ; сообразно съ тѣмъ

[15]) Позже въ XV вѣкѣ бывало также: въ 1434 году Новгородъ заключилъ договоръ съ Ганзой и съ великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ. Ак. Истор. I, № 258. *Kopp*, Hanserecesse, № 288.

[16]) Рус. Лив. А. стр. 57: „wi sin jo komen uppen des groten koniges hant unn der meynen Naugarder".

[17]) См. выше, стр. 193, примѣч. 35.

[18]) Перенесеніе княжескаго мѣстопребыванія съ Ярославова двора на Городище, по мнѣнію г. Никитскаго, совершилось къ концу XI столѣтія (Правительственный совѣтъ въ Новгородѣ, ст. въ Ж. М. Н. П. 1869, октябрь).

измѣнились и отношенія Нѣмцевъ къ великому князю. По древней скрѣ морскіе гости, лѣтніе и зимніе, обязаны были платить во дворъ особенный взносъ, называемый «Königsschoss» [19]); по названію очевидно, что этотъ взносъ или подать назначался великому князю новгородскому; его продолжали собирать и позже, но въ скрѣ 1338 года замѣчено, что изъ княжеской подати лѣтніе и зимніе гости могутъ давать священнику до 4-хъ марокъ серебра [20]); слѣдовательно въ XIV вѣкѣ подать уже не вся уплачивалась великому князю; быть можетъ иногда она и сполна оставалась во дворѣ. Это могло произойти очень естественно. Новгородъ по временамъ оставался совсѣмъ безъ князя и его намѣстника [21]); еще чаще бывало, когда власть одного князя ослабѣвала и приходила къ концу, а съ другимъ Новгородъ еще неуспѣлъ порядиться; оттого могло случиться, что прибывши въ Новгородъ Нѣмцы или вовсе ненаходили тамъ князя, или видѣли его въ такомъ положеніи, что несчитали нужнымъ его знать; въ такихъ случаяхъ княжеская подать оставалась во дворѣ; такимъ образомъ первоначально опредѣленная она впослѣдствіи стала спорною для великаго князя. Столь же спорными сдѣлались подарки великому князю, которые по обычаю Нѣмцы давали ему во время посѣщенія имъ Новгорода; Нѣмцы называютъ эти подарки «visiteringhe», т. е. плата за визитъ, что какъ разъ соотвѣтствуетъ древне-русскому подъѣздному или подъѣзду, который брали великіе князья при посѣщеніи волости, или владыки при объѣздѣ эпархіи. Любопытныя свѣдѣнія объ этихъ подаркахъ находимъ въ отчетѣ пословъ, бывшихъ въ Новгородѣ въ 1436 году; на засѣданіи 30 мая новгородскіе уполномоченные стали жаловаться ганзейскимъ посламъ, что Нѣмцы въ недавнее посѣщеніе великаго князя неоказали ему надлежащаго почета: «вамъ бы слѣдовало—говорили уполномоченные—выѣхать на встрѣчу великому князю, да позвать его къ себѣ въ гости во дворъ, подарить ему кусокъ ипскаго сукна, да двѣ бочки вина, бочку бѣлаго и бочку краснаго; вамъ бы нужно было послать

---

[19]) *Sart. Lappenb.* II, 25—26.

[20]) ibid. 352.

[21]) „Сѣдѣша Новъгородци безъ князя отъ смена дни до велика дни о Якунѣ, жьдуче отъ Мьстислава сына“. П. С. Р. Л. III, 14, 1167.—„Послаша Цьрнигову къ Ярославу по сынъ, и сѣдѣша всю зиму Новѣгородѣ безъ князя“. Также, 23, 1196.

бочку краснаго вина посаднику, чтобы онъ могъ подарить великаго князя, если бы онъ пожаловалъ къ нему въ гости, а также и тысяцкому; между тѣмъ когда великій князь прибылъ въ Новгородъ и мы послали къ вамъ во дворъ за подарками, вы необратили на это никакого вниманія; вслѣдствіе того Новгородъ заплатилъ изъ-за Нѣмцевъ 200 гривенъ серебра, и только тѣмъ успокоилъ великаго князя, который очень разгнѣвался на Нѣмцевъ и хотѣлъ силой вытребовать отъ нихъ слѣдующіе ему подарки» [22]). Въ заключеніе уполномоченные потребовали, чтобы теперь Нѣмцы уплатили Новгороду 200 гривенъ, потраченныя на великаго князя. Въ отвѣтъ на эти требованія ганзейскіе послы говорили: «великій князь вашъ господинъ, и вы вольны давать ему что хотите: а имѣете ли вы грамоты за печатями, въ которыхъ бы было писано объ этихъ подаркахъ? спросили послы.—«Грамотъ нѣтъ, но такъ было по старинѣ»,—отвѣчали уполномоченные Новгорода. Нѣмцы также неотрицали этой старины: «прежде, когда нѣмецкіе купцы были сильнѣе (sterk), они платили подъѣздные подарки великому князю; но въ послѣдній пріѣздъ его въ Новгородъ во дворѣ находились только младшіе люди изъ Нѣмцевъ (junge lude de Dutsche), которые не могли платить ему подъѣзднаго, такъ какъ всѣ вмѣстѣ они неимѣли 100 марокъ серебра; а если бы купцы были сильнѣе, то конечно они уплатили бы что слѣдуетъ великому князю»,—отвѣчали ганзейскіе послы. Вопросъ этотъ былъ

---

[22]) *Ropp*, Hanserecesse, I, S. 510—512. Приведемъ здѣсь нѣсколько подлинныхъ словъ изъ отчета: „Noch so hadden se grote clage als van dem groten koninghe van Moskauw unde seden, id were sin recht wen he to Naugarden, dat oen de dutzsche koepman solde entegghen riden unde bidden oen up den hoff to gaste, unde solden oen begiften myt enen hugelin Ypersch unde mit 2 vaten wyns, alse eyn vaten roden wyns unde dat andere blanckes wyns, ande zolden oen zulleft 3 in unsen kerken laten, unde solden senden dem borchgreue eynetunnen roden wyns, dat he den groten koninck mede visiterde, wed he oen to gaste hadde, unde den hertogen ok desgeliken eynnen tunnen roden wyns, wen he den groten kouinck to gaste hedde. Also hedde to Naugarden sande to den Dutzschen umme de vorgerorden giffte unde visiteringhe dem groten koninghe to doende to velen tiiden de Dutschen en achteten des nicht; also gaff Naugarden dem groten koninghe 200 stucke umme der Dutzschen willen“.

поднять на другомъ засѣданіи, однако ни къ какимъ результатамъ непришли: Нѣмцы отказались платить требуемыя съ нихъ 200 гривенъ.

Въ неудачномъ исходѣ этихъ переговоровъ Новгородъ долженъ былъ винить самъ себя. Въ самомъ дѣлѣ опредѣляя до мелочныхъ подробностей свои отношенія къ великому князю, учитывая можно сказать каждую гривну его доходовъ, Новгородъ ни въ одномъ договорѣ непозаботился точнѣе опредѣлить обязанности Нѣмцевъ къ великому князю; онъ постарался только о томъ, чтобы устранить его отъ всякаго вліянія на нѣмецкій дворъ. Съ своей стороны Нѣмцы, имѣя дѣло съ Новгородомъ, смѣло могли пренебрегать обязанностями къ великому князю; они очень хорошо видѣли, что въ случаѣ какихъ-либо требованій къ нимъ со стороны великаго князя за нихъ вступится самъ Новгородъ, какъ было въ данномъ случаѣ, о которомъ сей часъ сказано. Впрочемъ сомнительно, чтобы Новгородъ тогда уплатилъ великому князю 200 гривенъ за Нѣмцевъ. Какъ кажется дѣло идетъ здѣсь о посѣщеніи Новгорода Васильемъ Васильевичемъ въ 1434 году; но это было посѣщеніе при условіяхъ для него весьма неблагопріятныхъ: великій князь, разбитый своимъ дядею Юріемъ подъ Ростовомъ, поспѣшно удалился въ Новгородъ съ остатками войска, но былъ встрѣченъ тамъ совсѣмъ недружелюбно [23]); едва ли въ этотъ моментъ онъ могъ отважиться требовать у Новгорода и Нѣмцевъ значительныхъ подъѣздныхъ подарковъ; по всей вѣроятности Новгородцы представили ганзейскимъ посламъ все дѣло въ преувеличенномъ видѣ для того только, чтобы взять съ нихъ лишніе подарки въ свою пользу.

До какой степени иногда князь имѣлъ незначительную роль при переговорахъ съ Нѣмцами, и какъ Новгородъ старался удалить князя отъ непосредственныхъ съ ними переговоровъ въ томъ случаѣ, когда того желали сами Нѣмцы и князь, показываетъ отчетъ другого посольства, бывшаго въ Новгородѣ въ концѣ XIII вѣка; недостигши своей цѣли—вы-

---

[23]) П. С. Р. Л. III, 111, 1434: „на святой недѣли априля въ 5-е выѣха весь великій Новъгородъ ратію на поле на зарѣцскую сторону къ Жилотугу, а князь Василіи былъ тогда на Городищѣ, и небысть Новгородцемъ ничтоже“ — Какъ видно дѣло было шло къ столкновенію.

ручить товаръ, однажды пограбленный у нѣмецкихъ купцовъ въ новгородской волости, посольство представило городамъ любопытный отчетъ о своихъ переговорахъ, который мы здѣсь приведемъ въ близкомъ пересказѣ съ латинскаго подлинника [24]). «Да будетъ вамъ извѣстно, что господинъ князь нехотѣлъ лично выслушать нашего посольства [25]), но выслалъ къ намъ своего намѣстника, господина Андрея съ двумя своими боярами, а отъ Новгорода тысяцкаго также съ двумя боярами. Когда всѣ шестеро они пришли на Городище, въ княжій дворъ [26]), мы стали просить ихъ, чтобы они удостоили насъ представиться къ князю для личнаго изложенія предмета нашего посольства; на это они отвѣтили, что они сами суть очи, уши и уста господина князя, что поэтому они сами выслушаютъ насъ и затѣмъ доложатъ дѣло князю и Новгороду. Мы сказали, что готовы изложить свое дѣло, порученное отъ городовъ, и просили донести его князю и сообщить намъ его отвѣтъ, послѣ чего мы намѣрены сказать и еще другое многое; они же потребовали, чтобы мы изложили все дѣло сразу. Тогда мы разсказали предметъ нашего посольства, еще разъ прося, чтобы они ничего непозабыли, а донесли бы все сполна, и намъ сообщили письменный отвѣтъ за печатями господина князя и Новгородцевъ, который бы можно было представить уполномочившимъ насъ городамъ. Они обѣщали, и затѣмъ велѣли намъ идти на нашу квартиру (вѣроятно во дворъ). Въ продолженіе двухъ недѣль князь и бояре медлили отвѣтомъ, мы же каждый день ходили изъ Новгорода на Городище, но ни князя немогли видѣть, ни отвѣта никакого получить; наконецъ показался староста Семенъ [27]),

---

[24]) *Sart. Lappenb.* II, № 73[6]. *Bunge* (LEK. Urk. I, № 546) относитъ его предположительно къ 1292 году; но точныхъ указаній на время въ самомъ документѣ нѣтъ; навѣрное можно только полагать, что онъ относится къ концу XIII вѣка, такъ какъ Нѣмцы жаловались на неоднократные грабежи своихъ купцовъ именно въ то время.

[25]) Что значитъ это *нехотѣлъ* мы увидимъ сейчасъ.

[26]) „Hi sex ad nos in *Cercke* venientes in curiam regis". Ниже вмѣсто Cercke читается *Gorccke;* по всей вѣроятности тутъ разумѣется Городище.

[27]) „Symen, oldermannus Nogardensium"; не купецкій ли староста?

держа въ рукахъ грамоту и говоря: вотъ вамъ мирная грамота, написанная между великимъ княземъ, Новгородомъ и Нѣмцами! Когда же мы спросили, въ чемъ именно заключается отвѣтъ, то староста сказалъ: Новгородцы разсмотрѣли все дѣло и нашли, что ваши жалобы ничего незначатъ (nil valere). Тогда мы разсудили пойти съ переводчикомъ къ посаднику и тысяцкому, чтобы узнать отъ нихъ окончательный отвѣтъ; но тысяцкій сказалъ: лучше было бы вамъ быть дома, а не ходить нынѣшній годъ къ князю». Возвращаясь отъ тысяцкаго мы встрѣтили на дорогѣ четверыхъ княжескихъ бояръ и стали просить ихъ растолковать, какой окончательный отвѣтъ данъ по нашему дѣлу; бояре сказали, что они шесть разъ были посылаемы отъ князя къ Новгороду по нашему дѣлу, и самъ князь лично о немъ просилъ (Новгородцевъ), но къ сожалѣнію его они нехотѣли отвѣчать, вопреки своей обязанности дать исправу по дѣлу о взятомъ имуществѣ. Послѣ этого разговора мы опять пошли вмѣстѣ съ боярами на Городище; тамъ между прочими находился и упомянутый староста Семенъ, которому одинъ изъ княжескихъ бояръ сталъ говорить: Семенъ! для чего же ты отпускаешь этихъ людей безъ отвѣта? — «Да вѣдь вотъ грамота — отвѣчалъ Семенъ, которую приказалъ написать господинъ князь». Тогда разсердясь бояринъ вскричалъ: для чего ссылаться на князя? Вѣдь не господинъ князь держитъ товаръ, а вы, Новгородцы, подѣлили его между вашими смердами; смерды-то ваши, вы за нихъ и въ отвѣтѣ» [28]). Мы разсказали весь ходъ нашего дѣла ольдерману двора и другимъ старшинамъ, и тѣ посовѣтовали намъ оставить Новгородъ. Когда же мы отъѣхали отъ Новгорода миль на восемь, насъ настигъ одинъ изъ княжескихъ бояръ съ пятью слугами и переводчикомъ, съ которыми князь выслалъ для насъ съѣстного, напитковъ и разныхъ подарковъ (alia clenodia); тогда бояринъ замѣтилъ, что онъ имѣетъ сказать намъ нѣчто по секрету безъ переводчика, и вотъ что онъ сказалъ намъ: господинъ князь велѣлъ говорить, что не

---

[28]) „Iratus itaque Wezcelus sic ait: quid ad regem? Domiuus rex bona illa non habet; vos, Nogardenses, bona illa habetis et ea cum smerdis vestris divisitis: smerdi vestri sunt, et idcirco de jure tenemini respondere". *Sart. Lap.* II, S. 165.

по его винѣ вы уходите изъ Новгорода безъ удовлетворительнаго отвѣта, что Новгородцы хотятъ остаться при той грамотѣ, которую они выдали вамъ, и весь потерянный вами товаръ удержалъ у себя, но онъ, князь, совсѣмъ невиноватъ въ этомъ товарѣ, потому что хочетъ вѣрно соблюдать крестоцѣлованіе; наконецъ онъ велѣлъ вамъ сказать, что если вы настоящіе мужи, то воздайте имъ тѣмже, что они сдѣлали вамъ. Мы же на это отвѣтили, что будемъ молить Бога и просить князя подѣйствовать на Новгородцевъ такъ, чтобы они вознаградили насъ за обиду: ибо князь имѣетъ право карать виноватыхъ, и можетъ сдѣлать это по своей княжеской власти». Этими словами заключается отчетъ.

Отъ вниманія читателей конечно неукрылось противорѣчіе между началомъ и концемъ отчета: ибо въ началѣ говорится, что князь нехотѣлъ (nolebat) лично принять пословъ, а въ дальнѣйшемъ изложеніи, особенно въ концѣ отчета, онъ представляется расположеннымъ къ Нѣмцамъ; если такъ, то почему онъ непереговорилъ съ послами ниразу во все двухнедѣльное пребываніе ихъ въ Новгородѣ, и только по ихъ уходѣ посылаетъ имъ вслѣдъ своего боярина съ извиненіемъ, нѣсколько унизительнымъ для своего достоинства и съ непристойнымъ для князя совѣтомъ мстить Новгородцамъ насиліемъ? И наконецъ кто этотъ князь?

Что касается противорѣчія въ самомъ документѣ, то оно по нашему мнѣнію легко устранимо: посламъ было такъ сказано, что князь нехотѣлъ лично принять пословъ, и они передали этотъ отвѣтъ въ началѣ отчета въ той самой формѣ, въ какой онъ былъ имъ сообщенъ. Въ дѣйствительности же Новгородъ съ перваго разу устранилъ князя отъ личныхъ переговоровъ съ нѣмецкими послами, допустивъ къ обсужденію посольскаго дѣла только княжескаго намѣстника и двоихъ бояръ; далѣе ясно видно, что несмотря на равенство по числу княжескихъ и новгородскихъ представителей въ коммиссіи, обсуждавшей это дѣло, преобладающее значеніе въ ней имѣли тысяцкій и двое другихъ новгородскихъ представителей [29]);

[29]) „Ex parte Nogardensium misit (rex) ad nos ducem Nogardiae cum aliis duobus potentioribus“. Былъ ли въ числѣ послѣднихъ Семенъ, или онъ призванъ на совѣщанія въ качествѣ купецкаго старосты послѣ, и слѣдовательно былъ четвертымъ представителемъ отъ Новгорода, невидно изъ отчета (ibid. S. 163).

вопреки князю и его боярамъ, настроеннымъ въ пользу Нѣмцевъ и желавшимъ выдать пограбленный у нихъ товаръ, новгородскіе уполномоченные настояли на своемъ, и даже прямо отрицали справедливость иска со стороны Нѣмцевъ; мало того — староста, давая посламъ грамоту, въ которой отвергались ихъ требованія, не разъ упиралъ именно на то обстоятельство, что грамота писана отъ лица князя, иначе сказать — хотѣлъ распространить и на князя часть вины за недостатки и злоупотребленія новгородскихъ властей. Раздосадованный такимъ лукавствомъ княжескій бояринъ невытерпѣлъ и откровенно въ присутствіи пословъ раскрылъ все дѣло: оказалось, что нѣмецкій товаръ давно былъ подѣленъ между новгородскими смердами, и что князь тутъ совершенно не причемъ; очень возможно, что въ дѣлежѣ его участвовали не одни смерды, а и болѣе вліятельные люди; иначе послѣдніе могли бы, если хотѣли, употребить мѣры для разысканія товара, хотя бы уже подѣленнаго. Конечно подъ вліяніемъ той же досады на Новгородцевъ другой княжескій бояринъ, отправленный вслѣдъ уходившимъ посламъ вѣроятно въ тихомолку отъ Новгорода, высказалъ все, что у него и князя накипѣло на душѣ. Кто именно былъ этотъ князь, сказать трудно; можно думать только, что онъ находился тогда въ Новгородѣ въ исключительномъ положеніи: кажется онъ доживалъ тамъ послѣдніе дни и власть его становилась настолько незначительной, что «покарать» Новгородцевъ, какъ совѣтовали нѣмецкіе послы, онъ совсѣмъ немогъ. Не былъ ли онъ однимъ изъ литовскихъ князей — кормленщиковъ? Думаемъ такъ потому, что въ числѣ его бояръ нѣкоторые носятъ литовскія имена [30]).

Вообще чѣмъ дальше, тѣмъ больше умалялось значеніе великаго князя въ Новгородѣ относительно Нѣмцевъ. Въ договорахъ XIV и XV вѣка великіе князья уже неупоминаются; невсегда также упоминаются и великокняжескіе намѣстники; такимъ образомъ эти договоры были настоящія вѣчевыя грамоты, т. е. грамоты, данныя помимо великаго князя и неутвержденныя его печатью, противъ чего такъ сильно вооружались ве-

---

[30]) „Doumundus, alter Sweele, tercius Wezcele, quartus Constantin". Ibid. S. 164.

ликіе князья [31]). На мѣстѣ великихъ князей въ договорахъ XIV и XV вѣка являются владыки: договорная грамота 1373 года писана отъ владыки Алексѣя, грамоты 1434 и 1436 года — отъ владыки Евоимія, тогда какъ въ прежнихъ договорахъ на ряду съ великими князьями неупоминаются владыки: эти двѣ власти въ семъ случаѣ какъ будто одна другой равнялись [32]). Вообще владыки при своемъ важномъ положеніи въ Новгородѣ неоставались безъ вліянія и на дѣла торговли, въ частности торговли нѣмецкой. Неразъ Нѣмцы обращались къ нимъ съ просьбой о ходатайствѣ предъ новгородскими властями: такъ въ 1375 году по случаю ареста одного изъ своихъ товарищей (Брунсвика) Нѣмцы обратились съ жалобой къ владыкѣ Алексѣю, который далъ имъ своего пристава; съ нимъ они пошли къ посаднику, и тотъ по ходатайству владыки, переданному приставомъ, обѣщался доложить дѣло боярамъ (herren) [33]). О владыкѣ Евоиміи I вскорѣ по его смерти нѣмецкій дворъ писалъ въ Лифляндію, что покойникъ былъ добрымъ защитникомъ и покровителемъ Нѣмцевъ [34]). Неменьшей извѣстностью между ними пользовался и преемникъ его Евоимій II, извѣстный строитель владычныхъ палатъ и другихъ каменныхъ зданій, совершенныхъ съ помощью именно нѣмецкихъ мастеровъ; вѣроятно въ этихъ новыхъ палатахъ, «biscopes gemak», какъ ихъ называютъ ганзейскіе послы, происходили переговоры 1436 года [35]). Нѣтъ сомнѣнія, что хозяйственныя произведе-

---

[31]) „А вѣчнымъ грамотамъ небыти". А. А. Э. № 58 (яжелбицкій договоръ 1456 года).

[32]) Впрочемъ къ договорной грамотѣ Александра Невскаго владыка Далматъ привѣсилъ свою печать, хотя въ самой грамотѣ имя его неупомянуто; а въ договорѣ 1392 года неназваны ни князь, ни владыка.

[33]) *Bunge*, LEK. Urk. № 1103: „do dat geschen was des morgen vro; do genge wi also vort vor den biscop van Nowerden, dem klagede wi, wo ovele men uns handelde unde deme was it let und gaf uns sinen pristauen vort mede an den borchgreuen unde klage to vorclarne vor den borchgreuen".

[34]) *Hildebrand*. Die hans. livl. Gesandschaft 1494 nach Moskau (Balt Monatsschr. Neue Folge, B. 2, 133).

[35]) *Ropp*, Hanserecesse. S. 509 — 510; другой разъ палаты называются „biscopes hoff". — Письмо Любека въ Новгородъ отъ 1435 года, которымъ онъ уполномочивалъ лифляндскихъ пословъ вести переговоры съ Новгородомъ, было надписано слѣдующимъ образомъ: „deme erwer-

нія своихъ волостей [36]) владыки непосредственно сбывали Нѣмцамъ; мы видѣли, какъ была богата казна владыкъ нѣмецкими сукнами и золотыми деньгами; торговля воскомъ, виномъ, ладономъ и другими предметами, нужными для церквей, была для владыкъ дѣломъ, особено близкимъ. Припомнимъ также, что по уставной грамотѣ Всеволода Мстиславича новгородскому софійскому собору владыкамъ былъ порученъ надзоръ за торговыми вѣсами и мѣрами, — надзоръ, который съ ними раздѣляли иванскіе старосты и сотскіе Новгорода, представители всего купечества вообще; штрафы, взимавшіеся съ виновныхъ въ подлогѣ вѣсовъ и мѣръ, дѣлились на три части: одна треть шла софійскому собору, другая — иванскому храму, а третья — новгородскимъ сотскимъ [37]). Однако владыки по самому свойству ихъ власти немогли близко входить въ торговыя дѣла, въ частности дѣла нѣмецкой торговли: если они даютъ благословеніе при совершеніи договоровъ съ Нѣмцами, если иногда ходатайствуютъ за нихъ предъ Новгородомъ, если они наконецъ имѣютъ право наблюдать за вѣсами и мѣрами, то во всѣхъ этихъ случаяхъ авторитетъ ихъ былъ скорѣе нравственнаго, чѣмъ дѣйствительнаго и такъ сказать обязательнаго свойства.

---

dighen gheistliken vadere unde mechtighen heren, dem heren erzebiscoppe, deme edelen unde dogentsamen heren dem borchgreuen unde dem hertogen, unde den erlicen unde vorsichtigen gemenen inwoneren der erwerdigen stede to groten Naugarden, unsen leuen heren, gunneren unde vrunden" (*Ropp*, Hanserecesse, № 466).

[36]) Въ 1398 году воеводы великаго князя московскаго воевали между прочими *Владычню волость Вель* (П. С. Р. Л. III, 99); въ 1401 году горѣлъ *владыченъ городокъ Молвотицы* (также, 101).

[37]) „Созвалъ есми десять сотскихъ и старосту Болеслава, и бирича Мирошку и старосту иванскаго Васяту, и погадалъ есмь со владыкою и съ своею княгинею и съ своими боляры и со десятью сотскими и съ старостами, далъ есми судъ и мѣрила, якоже на торгу святѣй Богородицы въ Кіевѣ митрополиту, тако въ Новогородѣ святѣй Софѣи и епископу и старостѣ иванскому и всему Новуграду мѣрила торговая, скальвы вощаныя, пуды медовые, и гривенку рублевую и локоть иванскій... Торговая вся вѣсы, мѣрила и скалвы вощаныя, и пудъ медовый и гривенка рублевая и всякая известь иже на торгу промежъ людми, отъ Бога тако искони уставлено есть епископу блюсти безъ пакости, ни умаливати, ни умноживати, и на всякій годъ извѣщивати; а скривится, а кому приказано, и того казнити близко смерти а жи-

Гораздо большее вліяніе на торговлю Новгорода съ Нѣмцами имѣлъ тотъ классъ, который вообще управлялъ дѣлами Новгорода т. е. классъ бояръ, къ которымъ теперь мы и обратимся. По самой сущности дѣла можно было бы ожидать, что заморскую торговлю съ Нѣмцами будутъ производить и вѣдать сами новгородскіе купцы, именно знатнѣйшіе между ними купцы иванскіе и заморскіе, что тѣже купцы употребятъ мѣры для развитія торговаго мореходства посредствомъ складчины денегъ и силъ, посредствомъ артельнаго устройства, имѣвшаго такое большое приложеніе въ промышленномъ и торговомъ быту Новгорода; ожидать этого тѣмъ больше было бы можно, что уже въ XII вѣкѣ иванское купечество получило важныя права, управленіе и судъ по торговымъ дѣламъ независимо отъ посадника, сборъ пошлинъ за провѣсъ воска, наблюденіе надъ вѣсами, мѣрами и вообще надъ торговыми порядками, что въ тоже время стала слагаться артель заморскихъ купцовъ, плававшихъ на Готландъ и въ Любекъ; однако въ дѣйствительности оказалось иначе: не новгородское купечество получило главное вліяніе на дѣла нѣмецкой торговли; что же касается торговаго мореходства, то оно и совсѣмъ въ Новгородѣ неразвилось. Новгородъ небылъ чисто купеческимъ городомъ; онъ небылъ похожъ на какой нибудь ганзейскій городъ съ его маленькой территоріей, но съ многочисленнымъ и богатымъ купечествомъ, имѣвшимъ полную силу въ городскомъ ратѣ, который почти весь состоялъ изъ родовитыхъ купцовъ и управлялъ городомъ прямо въ интересахъ своей торговли внутренней и внѣшней: великій Новгородъ былъ государство или точнѣе — центръ обширной государственной волости, для управленія которою потребны были иныя учрежденія, чѣмъ купеческая дума; въ Новгородѣ иванская купеческая дума никогда немогла получить того значенія, какое имѣлъ въ ганзейскихъ городахъ ратъ по той именно причинѣ, что въ Новгородѣ, какъ древнемъ и обширномъ государствѣ, выработались другія правительственныя учрежденія, имѣвшія цѣ-

---

воть его на трое: треть живота святѣи Софѣи, а другая треть святому Ивану, а третія треть сотскимъ и Новуграду". (*Пр. Макарій*, Истор. рус. церк. II, прилож. № 14).

лію исполнять болѣе широкія и разнообразныя задачи, чѣмъ одну торговлю. Такихъ учрежденій въ Новгородѣ кромѣ князя, власть котораго впрочемъ была спутана разными условіями, мѣшавшими ему обнаружить полезную сторону его власти, было два: общенародное вѣче, остатокъ еще патріархальнаго времени, когда почти все государство заключалось въ городѣ, когда пригороды и волости по ихъ близости къ городу также могли участвовать на общемъ вѣчѣ, или просто становились на томъ, что̀ старшіе положатъ, и во вторыхъ—малое вѣче или правительственный боярскій совѣтъ, состоявшій изъ старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ, совѣтъ сравнительно позднѣйшаго происхожденія, но получившій въ Новгородѣ весьма большую силу [38]). По идеѣ боярскій совѣтъ былъ только органомъ общаго вѣча, вѣчевою коммиссіей для предварительнаго обсужденія дѣлъ, поступавшихъ на вѣче; но въ дѣйствительности онъ былъ гораздо самостоятельнѣе и умѣлъ вести дѣла гораздо лучше, чѣмъ общее малоустроенное вѣче; притомъ лица, составлявшія боярскій совѣтъ, кромѣ почета, которымъ они пользовались, какъ бывшіе правители, кромѣ навыка въ дѣлахъ, пріобрѣтеннаго ими на службѣ, имѣли еще дѣйствительную силу, какъ богатые землевладѣльцы,— и небудетъ кажется много сказать, что изъ всѣхъ органовъ высшей государственной власти Новгорода боярскій совѣтъ былъ самымъ значительнымъ: по крайней мѣрѣ это можно утверждать положительно въ отношеніи внѣшней торговли Новгорода, которую взяли подъ свое завѣдываніе бояре. Конечно это было сдѣлано во имя той идеи, что торговля съ Нѣмцами есть дѣло общегосударственной важности для Новгорода, а не частный интересъ одного только купечества, тѣмъ болѣе что по дѣламъ этой торговли Новгородъ входилъ въ мирныя и враждебныя отношенія къ своимъ сосѣдямъ: великимъ князьямъ, потомъ къ Ордену, королямъ шведскимъ и датскимъ; сама Ганза, или семьдесятъ три города заморскихъ и поморскихъ, представлялась Новгороду также союзомъ государственнаго характера; договоры съ нею были не

---

[38]) О немъ весьма важныя соображенія дастъ *г. Никитскій* въ статьѣ: Правительственный совѣтъ въ Новгородѣ (Ж. Мин. Нар. Пр. 1869, октябрь).

просто купеческіе ряды, но акты государственнаго значенія. Вотъ почему въ каждомъ договорѣ съ нею со стороны Новгорода непремѣнно участвуютъ посадникъ и тысяцкій: можно было обойти великаго князя и его намѣстника, можно было также неупоминать въ договорныхъ грамотахъ владыки и купецкихъ старостъ, но безъ посадника и тысяцкаго, представителей Новгорода, т. е. въ сущности боярства, немогъ состояться ни одинъ договоръ съ Нѣмцами. Въ тѣхъ случаяхъ, когда были нужны предварительные съѣзды съ ганзейскими уполномоченными въ лифляндскихъ городахъ, на эти съѣзды обыкновенно отправлялись бояре. Такъ въ 1363 году для примиренія Псковичей съ Нѣмцами Новгородъ отправилъ въ Дерптъ пятерыхъ уполномоченныхъ, по боярину изъ конца [39]). Въ 1391 году на съѣздъ въ Изборскъ были также посланы пятеро бояръ: три посадника, одинъ тысяцкій и бояринъ Василій Борисовичъ [40]). Въ 1420 году въ Нарву отправлялись снова пятеро, столько же въ 1449 г. [41]). Число пять, повторяющееся во всѣхъ этихъ случаяхъ, въ связи съ извѣстіемъ 1363 года о посылкѣ по боярину изъ конца, наводитъ на предположеніе, что и въ послѣдующихъ случаяхъ пятеро бояръ были представителями своихъ концовъ; быть можетъ даже представительство ихъ было характера болѣе постояннаго, т. е. эти бояре были кончанскіе старосты. Если это такъ, тогда мы имѣли бы здѣсь новое доказательство боярскаго вліянія на дѣла Новгорода: не только въ общемъ вѣчѣ чрезъ посадника и тысяцкаго, но и на кончанскихъ вѣчахъ бояре черезъ старостъ, выбиравшихся изъ ихъ же среды, могли успѣвать провести свои предложенія, а на съѣздахъ съ нѣмецкими уполномоченными—предрѣшать дѣла въ желанномъ для себя направленіи. О значеніи этихъ

---

39) П. С. Р. Л. III, 88.

40) Также, 95.

41) Также, 119; IV, 214. Въ послѣднемъ случаѣ послѣ исчисленія по именамъ пятерыхъ старыхъ посадниковъ замѣчено, что было много и другихъ бояръ; но полномочія, какъ видно, имѣли первые пятеро, названные поименно. Нужно также замѣтить, что на эти съѣзды часто отправлялись и великокняжескіе намѣстники. Весьма вѣроятно, что на дерптскій съѣздъ 1338 года ѣздили также пятеро бояръ; съ ними былъ и намѣстникъ великаго князя. См. выше, стр. 203, примѣч. 60.

съѣздовъ вотъ что было выяснено на переговорахъ 1436 года: ганзейскіе послы заявили желаніе имѣть перемиріе на 9 или 10 лѣтъ, по истеченіи которыхъ предлагали съѣздъ своихъ и новгородскихъ уполномоченныхъ въ Дерптѣ, или въ Ревелѣ, или Нейгаузенѣ, куда пришлютъ своихъ пословъ и заморскіе города. На это купецкій староста и двое бывшихъ съ нимъ купцовъ отвѣчали, что это не въ обычаѣ, чтобы Новгородъ заключалъ миръ и крестоцѣлованіе въ нѣмецкихъ городахъ или на границѣ, потому что во всѣхъ грамотахъ писано: сюда въ великій Новгородъ пришли такіе-то и такіе-то послы. Съ своей стороны послы возразили, что еще на памяти у всѣхъ, какъ Новгородъ отправилъ посломъ посадника Юрія Ивановича въ Нейгаузенъ, гдѣ предварительно были обсужены спорныя дѣла, послѣ чего нѣмецкій посолъ Иванъ Нибуръ пошелъ въ Новгородъ цѣловать крестъ [42]). Обѣ спорившія стороны правы до нѣкоторой степени: дѣйствительно неразъ случалось, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, что Новгородъ отправлялъ въ лифляндскіе города своихъ пословъ, обыкновенно бояръ; но купецкій староста совершенно правъ говоря, что крестоцѣлованіе, какъ окончательное утвержденіе мира, происходило только въ Новгородѣ. Однако сомнительно, чтобы при этомъ новгородское вѣче разсматривало и обсуждало договорные пункты, или чтобы оно вообще оказывало вліяніе на ходъ переговоровъ съ Нѣмцами; въ самомъ дѣлѣ обсужденіе на большомъ шумномъ вѣчѣ предложеній нѣмецкихъ пословъ, да еще съ помощью переводчиковъ, было бы весьма неудобно: гораздо лучше было это дѣлать въ боярской коммиссіи, или въ коммиссіи, составленной изъ бояръ и купцовъ вмѣстѣ, какъ было въ 1436 году. Обыкновенно же нѣмецкіе послы обращались къ посаднику, тысяцкому и боярамъ; на своемъ совѣтѣ они рѣшали дѣла ихъ, недоводя своихъ рѣшеній ни до вѣча, ни до купеческой думы. Въ этомъ отношеніи интересенъ разговоръ, который имѣли однажды новгородскіе купцы съ дерптскими ратманами: разъ дерпскій ратъ, получа отъ нѣмецкаго двора въ Новгородѣ письмо, въ которомъ тотъ жаловался на оказываемыя ему въ Новгородѣ притѣсненія, при-

---

42) *Kopp*, Hanserecesse, 514.

гласилъ въ ратушу нѣкоторыхъ русскихъ купцовъ, бывшихъ на ту пору въ Дерптѣ, и сообщилъ имъ содержаніе полученнаго письма, прося, чтобы они увѣдомили новгородскихъ бояръ и ихнихъ старость объ этихъ притѣсненіяхъ, и убѣдили бы ихъ оставить нѣмецкимъ купцамъ ихъ прежнія права; ратманы прибавили, что они объ этомъ писали уже нѣсколько разъ и впредь намѣрены писать. На это новгородскіе купцы отвѣчали, что мало бываетъ пользы оттого, что пишутъ господамъ, то есть архіепископу, посаднику и тысяцкому, потому что они держатъ письма у себя, а купцамъ и всему городу ничего о нихъ недаютъ знать [43]). Вслѣдствіе такого отвѣта ратъ рѣшилъ написать русское письмо къ новгородскимъ старостамъ (купеческимъ) и всему купечеству, въ которомъ просилъ напомнить и убѣдить своихъ старшихъ (oldesten) оставить нѣмецкимъ купцамъ ихъ прежнія привилегіи и права, какими пользуются и новгородскіе купцы въ нѣмецкихъ городахъ. Какія послѣдствія имѣло это письмо, неизвѣстно; правда при совершеніи договора 1436 года купецкіе старосты и купцы принимали много участія; самая договорная грамота, въ которой названы поименно двое купецкихъ старость, была запечатана во дворѣ св. Ивана [44]); но случаи такого активнаго участія купеческихъ представителей весьма рѣдки: сколько видно по памятникамъ купечество при переговорахъ съ Нѣмцами оставалось большею частію ниже подобающей ему роли. Наконецъ и судъ по торговымъ дѣламъ съ Нѣмцами небылъ вполнѣ независимъ отъ посадника, неговоря уже о тысяцкомъ, который былъ постояннымъ предсѣдателемъ купеческой думы [45]). Что же касается господина великаго Новгорода, отъ имени котораго совершались всѣ государственные акты, въ томъ числѣ и договоры съ ганзейскими Нѣмцами, то въ устахъ вѣчевого дьяка это была фраза почти безъ всякаго дѣйствительнаго

---

[43]) *Bunge*, LEK. Urk. VI, № 2990, 1412: „darup antwarden se uns, dat it nicht vele vorschluge, dat men dar den heren, alse dem ertzebischoppe, borchgreuen und hertogen umme screue, wente se de breue vort bi sik liggen leeten und doen dem russchen kopmanne und der gemeenheit dar nichtes nicht van to wetende".

[44]) Срав. выше, стр. 75.

[45]) Также.

значенія: на самомъ дѣлѣ господами Новгорода были посадники и тысяцкіе, старые и степенные, вообще боярскій классъ или «Herren», какъ его знаменательно называютъ Нѣмцы.

Для успѣшнѣйшаго веденія переговоровъ и для достиженія наибольшихъ выгодъ на чужестранныхъ конторахъ ганзейскіе послы обыкновенно давали мѣстнымъ властямъ болѣе или менѣе значительные подарки: не всегда и не вездѣ можно было брать силой; притомъ подарки также производили свое важное дѣйствіе. Что такъ было и въ Новгородѣ, доказательствомъ служитъ между прочимъ счетъ издержекъ на посольства, которыя отправлялись Ганзой въ Новгородъ въ промежутокъ времени отъ 1420 по 1450 годъ [46]). Изъ отчета видно напримѣръ, что на посольство 1421 года было издержано почти 300 марокъ серебра, на посольство 1422 года около ста, на посольство 1434 года больше 50-ти марокъ; посольство 1436 года обошлось въ 150 марокъ; о немъ мы имѣемъ точныя данныя: оно состояло изъ четырехъ лицъ и жило въ Новгородѣ отъ 19 мая по 16-е іюля, слѣдовательно почти два мѣсяца; наконецъ посольство 1450 года стоило слишкомъ 400 марокъ. Если взять во вниманіе, что посольства наряжались изъ ближайшихъ къ Новгороду лифляндскихъ городовъ, что въ бытность въ Новгородѣ они проживали на своемъ нѣмецкомъ дворѣ, и слѣдовательно мало тратили на путешествіе и на содержаніе во дворѣ при готовой квартирѣ, то нужно заключить, что наиболѣе значительная часть посольскихъ суммъ шла на подарки новгородскимъ властямъ. Посольства различались, какъ простыя и почетныя: конечно послѣднія подносили подарки значительнѣе, чѣмъ обыкновенныя посольства. Любопытны пренія о срокѣ перемирія, которыя вели почетные послы (erlike boden) 1436 года съ новгородскими уполномоченными: послы предлагали срокъ по крайней мѣрѣ въ 9 или 10 лѣтъ, прибавя: непосылать же намъ каждый годъ къ вамъ почетныхъ пословъ; купецкій староста предлагалъ только трехлѣтній срокъ; послы начали соглашаться на пятилѣтній и говорили, что если этотъ срокъ будетъ принятъ, то по истеченіи его Нѣмцы пришлютъ опять

[46]) *Kopp*, Hanserecesse, S. 186—187.

почетныхъ пословъ; въ противномъ случаѣ за присылку таковыхъ они неручаются [47]). Очевидно почетныя посольства обходились Ганзѣ довольно дорого, и значительная часть суммы, имъ отпускавшейся, переходила въ руки новгородскихъ посадниковъ и тысяцкихъ.

Но особенно въ этомъ смыслѣ т. е. въ смыслѣ улаженія дѣлъ съ Нѣмцами за извѣстное количество подарковъ важно дѣло о ночномъ убійствѣ Нѣмцами новгородскаго человѣка, уже неразъ нами прежде упоминавшееся. Теперь мы разскажемъ его существенныя подробности, живо рисующія порядки Новгорода и положеніе въ немъ ганзейскихъ купцовъ; источникомъ разсказа намъ будетъ служить протоколъ нѣмецкаго двора, составленный по этому дѣлу [48]).

Въ одинъ ноябрскій вечеръ 1331 года Нѣмцы, квартировавшіе на готскомъ дворѣ, отправили прислугу во дворъ св. Петра варить пиво, давая видъ встрѣчавшимся русскимъ, будто они провожаютъ сторожей для ночевки въ церкви (kerkenschlepere); на обратномъ пути уже поздней ночью, когда Нѣмцы находились между деревянной церковью и гридницей [49]), съ ними столкнулась толпа какихъ-то Новгородцевъ и вступила въ драку; на крикъ Нѣмцевъ изъ готскаго двора и другихъ сосѣднихъ зданій выбѣжали ихъ товарищи съ дубинами и мечами; произошла горячая схватка, во время которой съ обѣихъ сторонъ по нѣскольку человѣкъ было ранено, а одинъ Новгородецъ остался убитымъ на мѣстѣ; затѣмъ Нѣмцы бѣжали большей частію въ готскій дворъ, гдѣ и провели ночь, а утромъ разошлись каждый на свою квартиру. Между тѣмъ нѣкоторые Новгородцы, попріятельски расположенные къ Нѣмцамъ, совѣтовали имъ снести товары въ церковь, а самимъ — укрыться въ нѣмецкомъ дворѣ, который какъ видно былъ укрѣпленъ лучше, чѣмъ готскій дворъ: потому что —

---

[47]) Ibid. s. 517.

[48]) Рус. Лив. А. № 75, стр. 55—61. Перепечат. у *Bunge*, LEK. Urk. VI, № 3077. Мы будемъ ссылаться на текстъ русско-ливон. актовъ, снабженный нѣкоторыми примѣчаніями. Было бы очень желательно, чтобы кто нибудь изъ основательныхъ знатоковъ старонѣмецкаго языка сдѣлалъ дословный переводъ этого интереснаго документа.

[49]) „tuschen de holtenen kerkēn unn de grydnissen". Р. Л. А. стр. 56.

говорили они — съ Нѣмцами можетъ случиться худо, ибо народъ ходитъ вооруженнымъ. Нѣмцы воспользовались этимъ совѣтомъ совершенно кстати: въ городѣ зазвонили вѣче, новгородцы вооруженные стекались на Ярославово дворище, на вѣче принесли и убитаго наканунѣ [50]). Съ вѣча немедленно были отправлены въ нѣмецкій дворъ двое пословъ, которыхъ сопровождали нѣсколько другихъ Новгородцевъ; послы стали требовать выдачи преступника, толпа поддерживала ихъ и кричала: подавайте сейчасъ же виноватаго, а не то — всѣмъ вамъ будетъ смерть! Напрасно говорили Нѣмцы, чтобы ихъ судили по грамотамъ и крестоцѣлованію, чтобы имъ дали сроку сослаться съ квартирующими въ готскомъ дворѣ и вмѣстѣ съ ними обыскать виновника; напрасно они также возражали, что ихъ немогутъ убить, потому что сюда они пришли на руки великаго князя и всего Новгорода: Новгородцы неслушали и только твердили одно, чтобы имъ немедленно выдали виноватаго, въ противномъ случаѣ всѣмъ будетъ смерть; однако пошумѣвши они обратно ушли на вѣче. Предчувствуя наступленіе новой неминуемой грозы, Нѣмцы между тѣмъ рѣшили запереться въ дворѣ, и дѣйствительно чрезъ нѣсколько времени прибѣжала другая еще большая толпа Новгородцевъ съ дубинами и оружіемъ, начала рубить дворовый заборъ и ворота, вломилась во дворъ и бросилась грабить товары, еще оставшіеся въ клѣтяхъ; однако толпа некасалась церкви, гдѣ заперлись Нѣмцы, рѣшившіе защищать ее до послѣдней крайности; затѣмъ явился княжескій приставъ (des koninghes rechter) и разогналъ ее всю со двора; очевидно толпа дѣйствовала своевольно и составляла наиболѣе возбужденную часть вѣча, которое конечно немогло быть спокойно въ виду убитой Нѣмцами жертвы [51]).

---

[50]) „Do worden de duschen ghewarnt van ruscen, de er vrent weren, dat se ere gud vlogheden in de kerken unn ghenghen to male in sunte peters hof: wente it wolte dar ouele gan, de ruscen wapenden sich alto male; do deden duschen na der ruscen rade, de se warnet hadden. Do ludden de ruscen eyn dinc, unn brachten de doden ruscen in dat dinc, dar weren de meynen Naugarder komen alto male wapent“. Тамже.

[51]) „do sloten de duschen eren hof, darna quemen de ruscen vt deme dinghe mit wapenen unn mit bannyren unn howen plancken unn porten; do de duschen dat horden do lepen se in ere kerke vnn sloten

Вслѣдъ за приставомъ съ вѣча были отправлены новые три посла; подойдя къ церкви они стали вызывать Нѣмцевъ, обѣщая имъ безопасность: четверо вышли и опять услыхали прежнее требованіе о немедленной выдачѣ преступника. Нѣмцы стали просить, чтобы имъ позволено было повидаться съ обитателями готскаго двора и съ ними разслѣдовать насчетъ убійцы; послы согласились, — и двое Нѣмцевъ отправились въ готскій дворъ, но узнать тамъ о личности преступника ничего немогли; взявши съ собой представителей отъ готскаго двора посланные воротились въ церковь и начали строгое дознаніе, кто бы могъ быть убійцей: и вотъ у одного конецъ меча оказался окровавленнымъ, улика была на лицо, самъ виновникъ сознался въ убійствѣ. Между тѣмъ новгородскіе послы, которые какъ видно все это время были въ нѣмецкомъ дворѣ, уже недовольствовались выдачей имъ главнаго виновника-преступленія: для лучшаго изслѣдованія дѣла они потребовали еще 50 человѣкъ, такъ какъ ночная драка и убійство произошли при участіи цѣлой толпы Нѣмцевъ. Но въ виду наступившаго вечера переговоры прекратились на этомъ пунктѣ: послы ушли, а во дворѣ былъ поставленъ приставъ оберегать Нѣмцевъ. Впрочемъ этотъ приставъ непомѣшалъ имъ отправить троихъ лицъ къ новгородскимъ властямъ ходатайствовать по ихъ дѣлу: посланные повели дѣло очень ловко и для вечера успѣли сдѣлать довольно много: во первыхъ они сходили къ тысяцкому и обѣщали истцу т. е. родственнику убитаго виру въ 80 гривенъ серебра [52]), затѣмъ побывали у посадника и намѣстника великаго князя: первому предложили 10 гривенъ, а второму — 5 гривенъ серебра; тысяцкій же нехотѣлъ брать денегъ. Такъ окончились первые сутки. На слѣдующій день утромъ въ городѣ снова зазвонили вѣче, но сцена принесенія мертваго на вѣче уже не повторилась: по-

---

de to, unn satten ere dinc also, dat se lyph vnn gut in der kerken weren wolden; do der plancken eyn del nider weren vnn de porten des houes dor howen was, do lepen de ruscen mit wapen nicht to de kerken, wenne to den cleten vnn howen de vp vnn nemen wat darinne was neden vnn bowen". Тамже, 57.

[52]) „des nachtes ghenghen 3 duschen vor dhen hertoghen vnn legherden den sacwolden dor noyt mit 80 stucken sylucrs". Тамже, 58.

дарки властямъ и сдѣлка съ истцомъ такимъ образомъ возымѣли силу; однакожъ до окончанія всего дѣла было еще далеко. Съ вѣча опять пришли вчерашніе послы и требовали у двора или 50 человѣкъ, или 2500 гривенъ серебра: тысячу Новгороду, тысячу великому князю и пять сотъ истцу; на это Нѣмцы отвѣчали, что они уже помирились съ истцемъ; посланные воротились на вѣче и доложили отвѣтъ, произведшій неблагопріятное впечатлѣніе: какъ онъ (истецъ) смѣлъ мириться безъ нашего приказанія? шумѣли на вѣчѣ; снова послы отправились во дворъ и потребовали двухъ тысячь гривенъ: половину Новгороду за безчестье, и тысячу великому князю [53]); въ отвѣтъ Нѣмцы предложили . . . 40 гривенъ; послы оскорбились и тотчасъ ушли. Такъ прошло до вечера: какъ видно Нѣмцы, заключа сдѣлку съ истцомъ и давши подарки властямъ, чувствовали себя болѣе безопасными, и смѣлѣе стали разговаривать съ представителями вѣча; вскорѣ дѣло приняло совсѣмъ иной оборотъ: вѣче улеглось, и переговоры съ дворомъ взяли въ свои руки новгородскіе бояре. Вечеромъ того же дня въ нѣмецкій дворъ пришелъ нѣкто Борисъ Сильвестрычъ и началъ къ Нѣмцамъ такую рѣчь: меня прислали къ вамъ бояре — «три ста золотыхъ кушаковъ», сказать: у великаго Новгорода много имѣнія и онъ нехочетъ никакого вашего добра, но онъ хочетъ имѣть 50 вашихъ человѣкъ, которыхъ онъ написалъ въ списокъ [54]). Когда Нѣмцы стали отказываться исполнить это требованіе, посолъ всталъ съ не-

---

[53]) „Des quemen de boden weder vt deme dinghe vnn escheden echter twe dusent stucke sylucrs *vor ere smaheit*, den Naugarderen dusent, vnn dem konighe dusent stucke". Тамже. — Итакъ здѣсь различаются вира, которая была уплачена родственнику убитаго, и штрафъ за безчестье Новгороду и великому князю, котораго требовали послы вѣча; этотъ штрафъ гораздо значительнѣе виры, ибо все дѣло далеко превышало характеръ обыкновенной частной тяжбы.

[54]) „des seluen auendes do quam eyn, de heyt Boris Zyluesters sone, vnn sprach ene hedden vtghesant 300 guldene gordele, groten Naugarden hedde gudes ghenauch, se en wolden neyn gut, wenne se wolden hebben de 50 houede, de se beschryuen hedden". Тамже. — Золотые кушаки, какъ видно, составляли внѣшнее отличіе знатнѣйшихъ новгородскихъ бояръ, быть можетъ именно членовъ правительственнаго совѣта.

довольнымъ видомъ и хотѣлъ уйти, но потомъ присѣлъ и и сказалъ тихой рѣчью: если вы нехотите выдать намъ 50 человѣкъ, то сами разслѣдуйте, кто правъ, и кто виноватъ; и пусть невиноватые выдутъ изъ церкви со своимъ добромъ, а виновные останутся въ ней, и предоставьте намъ самимъ съ ними вѣдаться. Нѣмцы же продолжали стоять на своемъ говоря, что они выдали преступника, и что теперь отъ нихъ требуютъ людей совсѣмъ невинныхъ; но когда посолъ опять началъ сердиться, они предложили уплатить сто гривенъ, а самому послу обѣщали подарить фіолетовый кафтанъ (eyn phyolittes kleyt). Посолъ ушелъ; добивался ли онъ выдачи показаннаго числа лицъ дѣйствительно для изслѣдованія чрезъ нихъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, или это была особенная уловка со стороны бояръ, которые быть можетъ хотѣли взять съ каждаго изъ пятидесяти лицъ особенную взятку, навѣрное неизвѣстно; едва ли невѣроятно послѣднее. — Между тѣмъ въ средѣ самихъ бояръ обнаружилось неодиначество, мало послужившее впрочемъ къ выгодѣ Нѣмцевъ: именно въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла названные триста золотыхъ кушаковъ высказали свое несогласіе съ посадникомъ, который хотѣлъ было рѣшить все своей властью. По уходѣ Бориса Сильвестрыча посадникъ уже ночью прислалъ сказать Нѣмцамъ, что если они хотятъ покончить все дѣло, то дали бы ему 20 гривенъ серебра и два красныхъ кафтана (scharlakens kleyt), но что меньше онъ никакъ невозьметъ; послы, передававшіе эти рѣчи посадника, требовали и для себя подарковъ: одинъ 5-ти гривенъ серебра, другой — столько-же, а третій скарлатнаго кафтана. Нѣмцы однако повѣрили несразу этимъ предложеніямъ, и послали отъ себя спросить у посадника, правда-ли все это; тотъ отвѣтилъ, что правда, и если Нѣмцы сдѣлаютъ все, какъ онъ велитъ, то онъ беретъ на себя ихъ дѣло: тутъ же посадникъ назвалъ еще двоихъ лицъ, которымъ рекомендовалъ подарить по фіолетовому кафтану. Всѣ эти переговоры и пересылки происходили поздней ночью; дѣло хотѣли сдѣлать втихомолку, чтобы другіе невидали. — По утру слѣдующаго дня (послѣ убійства на третій) во дворъ пришли опять вчерашніе послы и еще два новыхъ лица, которыхъ называлъ посадникъ; одинъ изъ пришедшихъ сталъ говорить Нѣмцамъ: вы обѣщали Новгороду 100 гривенъ за безчестье; столько же

вамъ слѣдуетъ дать и великому князю; другой прибавилъ: что обѣщано намѣстнику, то ему слѣдуетъ выдать. Когда же Нѣмцы попробовали возразить, что вѣдь и имъ было причинено насиліе, то послы совсѣмъ нехотѣли ихъ слушать: нечего вамъ поминать — говорили они — про это; что случилось съ Нѣмцами, все это нужно отложить въ сторону, и вы должны цѣловать намъ крестъ, что впредь на насъ искать небудете. Въ этотъ же разъ былъ поднятъ вопросъ объ удовлетвореніи семьи боярина Ивана Сыпа, убитаго въ Дерптѣ въ 1329 году [55]); хлопотать объ этомъ удовлетвореніи взялся посадникъ, близкій родственникъ убитаго боярина, какъ кажется чрезъ одного изъ пословъ, бывшихъ теперь во дворѣ. Сначала онъ потребовалъ было виру въ 80 гривенъ, но потомъ сбавилъ ее до 20 гривенъ, что дѣйствительно составляетъ законную виру за привилегированнаго человѣка, какимъ былъ покойный бояринъ, притомъ бывшій посломъ. Первоначально Нѣмцы отказывались платить эту виру на томъ основаніи, что они неимѣютъ никакого отношенія къ Дерпту, ибо они суть гости заморскіе, а не лифляндскіе, но потомъ согласились удовлетворить посадника; уже хотѣли писать грамоту отъ имени дѣтей убитаго боярина, что они впредь небудутъ искать на Дерптѣ за смерть своего отца, какъ вдругъ въ дѣло вступился боярскій совѣтъ [56]), объявившій, что онъ нехочетъ продавать своего боярина ни даже за тысячу гривенъ. Дѣйствительно ли бояре были такихъ чувствъ, или имъ непонравилось, что посадникъ къ одному дѣлу примѣшиваетъ другое, довольно давнее, притомъ лично ему близкое, во всякомъ случаѣ сдѣлка, близкая къ совершенію, несостоялась. Бояре обратились собственно къ данному дѣлу; они составили мирную грамоту и требовали, чтобы Нѣмцы на ней цѣловали крестъ; грамота же была составлена приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ. «Нѣмцы вооруженные шли однажды ночью, и предъ гридницей напали на новгородскій народъ, стали его

---

[55]) П. С. Р. Л. III, 74, 1329: „того же лѣта убиша въ Юрьевѣ новгородского посла, мужа честна, Ивана Сыпа".

[56]) „de heren van Nogarden", или какъ онъ прямо потомъ называется „heren rad". Рус. Лив. А., стр. 59 и 61.

посѣкать и ранить; на утро собралось вѣче и послало позовъ къ Нѣмцамъ: идите и посмотрите сами на убитаго и раненыхъ, на которыхъ вы напали почью, выбѣжавши со двора цѣлымъ войскомъ, какъ будто вы у насъ не гости, а ратные люди; но Нѣмцы нехотѣли идти на вѣче смотрѣть раны и убійство: они сознавались въ своей винѣ и говорили: мы были пьяны, сжальтесь надъ нами! И Новгородъ сжалился надъ Нѣмцами по ихъ просьбѣ, а они обязались выдать Новгороду сто гривенъ за безчестье; и что они обѣщали намѣстнику, посаднику, тысяцкому и посламъ, то все они также должны выдать. И впредь Нѣмцы по прежнему миру и крестоцѣлованію недолжны по ночамъ ходить и стоять на улицахъ; а что буйный новгородскій народъ съ вѣча бѣгалъ на нѣмецкій дворъ безъ новгородскаго слова, и пограбилъ тамъ товаръ, то Нѣмцамъ о томъ непоминать, а Новгороду непоминать Нѣмцамъ объ убійствѣ, ранахъ и побояхъ. На томъ на всемъ Новгородъ цѣловалъ крестъ Нѣмцамъ, а они Новгороду неискать впредь другъ на другѣ по тому дѣлу» [57]). Разумѣется вслушавшись въ содержаніе грамоты Нѣмцы остались ею недовольны, и прямо заявили, что имъ трудно цѣловать крестъ на такой грамотѣ; на слѣдующее утро они предложили свою грамоту, гдѣ излагали дѣло слѣдующимъ образомъ: въ одинъ вечеръ Нѣмцы провожали свою прислугу съ готскаго двора, въ нѣмецкій; когда они возвращались мимо княжескаго двора между деревянной церковью и гридницей, на нихъ напали Русскіе, начали ихъ бить и ранили четверыхъ; Нѣмцы стали защищаться, одного русскаго убили и троихъ ранили; на утро Русскіе пришли во дворъ, изрубили заборъ и ворота, подсѣкли клѣти и взяли въ нихъ товаръ; но теперь мы помирились на томъ, что съ обѣихъ сторонъ недолжно поминать о ранахъ и убійствѣ, и мщенія непроизводить». Съ этой грамотой Нѣмцы пошли къ тысяцкому и просили чтобы онъ поцѣловалъ крестъ на ней; но тысяцкій, понявъ ея содержаніе, сильно разсердился на Нѣмцевъ; чрезъ нѣсколько времени пришедшій отъ бояръ посолъ также выразилъ имъ неудоволь-

---

[57]) Тамже, стр. 60. Недолжно опускать изъ вниманія нѣкоторыхъ подробностей этой грамоты, о которыхъ въ другихъ мѣстахъ Нѣмцы умалчиваютъ, или говорятъ только вскользь.

ствіе отъ имени бояръ: великій Новгородъ на васъ сердитъ, и хочетъ, чтобы всѣ вы, старъ и младъ, поцѣловали грамоту, которую онъ вамъ даетъ.» И мы цѣловали крестъ по принужденію, — говорятъ Нѣмцы въ заключеніе протокола.

Небудемъ больше останавливаться на этомъ дѣлѣ, такъ какъ читатели конечно сами составили себѣ надлежащее представленіе о новгородскихъ порядкахъ, и перейдемъ къ другому предмету.

На первый взглядъ довольно страннымъ представляется то явленіе, что Новгородъ неразвилъ ни купеческаго, ни государственнаго флота, несмотря на многочисленность въ новгородской области рѣкъ и озеръ, имѣющихъ стокъ къ Балтійскому и Бѣлому морямъ, несмотря далѣе на большую способность населенія къ морскому и рѣчному судоходству, доказанную тѣмъ, что уже въ XII вѣкѣ новгородскіе купцы плавали за море, а въ XIV вѣкѣ ушкуйники своими походами наводили страхъ на все поволжье, не смотря наконецъ на прямую нужду во флотѣ для купечества и для обороны отъ Шведовъ, морскихъ пиратовъ, да и самой Ганзы, которая часто непускала въ море новгородскихъ купцовъ. И однако было бы невѣрно винить за это только внѣшнихъ враговъ Новгорода; во время мира они, особенно ганзейскіе города, немогли запретить морскихъ плаваній Новгородцевъ, которые постоянно выговаривали себѣ «за море путь чистъ»; въ мирное время ничто немѣшало Новгороду пользоваться этимъ правомъ и усиливать свой флотъ для будущихъ цѣлей. По нашему мнѣнію причины указаннаго явленія лежатъ больше въ особенностяхъ самаго новгородскаго быта, чѣмъ во внѣшнихъ препятствіяхъ, — именно въ томъ, что новгородскому купечеству недано было надлежащимъ образомъ развиться, а боярское правительство непришло къ нему на помощь государственными средствами. Развитіе торговаго мореходства въ Новгородѣ было бы вѣроятнѣе въ двухъ случаяхъ: еслибы во главѣ Новгорода стояла купеческая дума съ преобладающимъ въ ней купеческимъ элементомъ, какъ въ ратахъ ганзейскихъ городовъ, или еслибы Новгородъ остался тѣмъ, чѣмъ ему суждено было быть въ началѣ нашей исторіи, т. е. центромъ княжеской власти, особенно съ тѣмъ ея хозяйственнымъ характеромъ, съ какимъ она сложилась въ Москвѣ; въ послѣднемъ случаѣ Новгородъ навѣрное сдѣлался бы морскою державой; тогда ни Шведы,

ни Нѣмцы несмогли бы утвердиться на восточныхъ берегахъ Балтійскаго моря, и торговля Новгорода съ Нѣмцами была бы гораздо больше активною. Но исторія пошла иначе: купеческая дума, какъ мы видѣли, неполучила въ Новгородѣ подобающаго ей значенія, далеко уступая думѣ боярской, а княжеская власть, особенно въ отношеніи торговли съ Ганзой, и совсѣмъ была незначительна. Впрочемъ есть еще болѣе общая и весьма важная причина, почему Новгородъ несталъ морскою державой; она заключается въ томъ, что новгородская колонизація направлялась не къ балтійскимъ берегамъ, а въ сторону какъ разъ отъ нихъ противуположную: на далекій финскій сѣверовостокъ постоянно уходили силы Новгорода, вмѣсто того чтобы сосредоточиваться около главнаго центра и по берегамъ Финскаго залива; при такихъ условіяхъ развитіе еще морскихъ силъ Новгороду было бы весьма затруднительно.

Однако Новгородцы по прежнему неперестаывали плавать по морю, только опять съ большими неудачами. Съ конца XIV вѣка въ Финскомъ заливѣ и даже въ самой Невѣ являются знаменитые пираты, братья — Виталіи и разные другіе разбойники, грабившіе купцовъ подъ бокомъ у Новгорода, доходившіе даже вплоть до Орѣшка [58]). Около 1396 года морскіе разбойники ограбили и взяли въ плѣнъ цѣлую артель новгородскихъ купцовъ; къ счастію шведскій капитанъ Абрагамсонъ напалъ на этихъ разбойниковъ, отбилъ Новгородцевъ и привезъ въ Ревель; здѣсь по ходатайству ливонскаго магистра, контура ревельскаго и городскаго рата Новгородцы были освобождены и получили обратно двѣ трети отбитаго у пиратовъ имущества; остальная часть поступила въ вознагражденіе Абрагамсону и его помощникамъ. По окончаніи сдѣлки былъ составленъ протоколъ, въ которомъ нѣсколько Новгородцевъ, бывшихъ въ то время въ Ревелѣ, ручались, что ихъ братья, потерпѣвшіе отъ разбойниковъ, а потомъ освобожденные въ Ревелѣ, довольны возвращеніемъ имъ двухъ третей имущества, и впредь ни на

[58]) П. С. Р. Л. III, 96, 1392: „Того же лѣта пришедше съ моря разбойници Нѣмци въ Неву, взяша села по обѣ стороны рѣки, за пять верстъ до города до Орѣшка“. Новгородцы съ княземъ Семеномъ Ольгердовичемъ отбили это нападеніе.

комъ ничего искать небудутъ [59]). Вотъ какія сложныя сдѣлки производились надъ новгородскими подданными, тогда какъ новгородское правительство едва ли о нихъ что-нибудь знало! Поѣздки на нѣмецкихъ судахъ по прежнему также приводили къ ссорамъ хозяевъ съ пассажирами: въ 1441 году нѣсколько Новгородцевъ на Невѣ были выброшены за бортъ Нѣмцами [60]). Такимъ образомъ отъѣхавши отъ Новгорода на нѣсколько верстъ, купцы были уже небезопасны отъ Нѣмцевъ и пиратовъ; древній путь по Невѣ и Финскому заливу все больше утрачивался для Новгорода.

Въ заключеніе снова обратимся къ политикѣ великихъ князей московскихъ, въ особенности великаго князя Ивана Васильевича, и разсмотримъ обстоятельства закрытія въ Новгородѣ нѣмецкаго двора.

Великіе князья московскіе при отличающемъ ихъ хозяйственномъ и политическомъ смыслѣ весьма хорошо сознавали значеніе дѣлъ на западной балтійской окраинѣ, и хотя борьба съ Татарами, Литвой и Тверью отвлекала оттуда ихъ вниманіе, однако они никогда нетеряли совсѣмъ изъ вида отношеній Новгорода и Пскова къ ихъ сосѣдямъ Нѣмцамъ. Въ 1420 году заключая договоръ съ Орденомъ Василій Дмитріевичъ потребовалъ, чтобы Орденъ поручился за безопасность новгородскихъ купцовъ въ землѣ короля датскаго, и вообще за свободу ихъ плаванія въ морѣ; конечно Орденъ отклонилъ это требованіе и говорилъ, что онъ никакъ не можетъ за это ручаться, однако великій князь очень хорошо зналъ, чего хотѣлъ: дѣйствительно Орденъ могъ бы подѣйствовать на короля датскаго, шведскаго и Ганзу въ томъ смыслѣ, какъ желалъ великій князь [61]). Въ тоже время московскіе князья посылаютъ торговать своихъ купцовъ въ Новгородъ и Лифляндію; около 1436 года одинъ изъ такихъ купцовъ былъ задержанъ въ Ревелѣ; бывшіе тогда въ Новгородѣ ганзейскіе послы писали ревельскому рату объ освобожденіи его, доба-

---

[59]) Рус. Лив. Ак. № 118. Въ 1422 году Любекъ писалъ въ Лифляндію, что недавно нѣсколько Русскихъ освобождены изъ плѣна съ помощью ганзейскихъ городовъ, и какъ кажется просилъ теперь выхлопотать уплаченный за нихъ выкупъ. Тамже, № 220.

[60]) *Гильдебрандъ*, Отчетъ о розыскан., стр. 45, № 184.

[61]) Рус. Лив. А., стр. 173.

вляя именно, что онъ — купецъ великаго князя московскаго [62]). Никогда также незабываютъ великіе князья требованій къ епископу дерптскому: въ договоры Пскова съ Дерптомъ 1463 и 1474 года Иванъ Васильевичъ включаетъ условіе о такъ называемой юрьевской дани [63]). Была ли это дань за православныхъ жителей русскаго конца въ Дерптѣ, или основаніемъ къ ея полученію служило въ своемъ родѣ историческое право, такъ какъ Юрьевъ, основанный Ярославомъ Мудрымъ, искони былъ русскимъ городомъ, а дерптскій епископъ представлялся какъ бы только леннымъ владѣтелемъ его относительно великаго князя русскаго, неизвѣстно въ точности; но во всякомъ случаѣ видно, что юрьевская дань платилась издавна, хотя невсегда исправно.

Въ 1478 году палъ великій Новгородъ. Мы уже передавали впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ на Нѣмцевъ. Однимъ изъ самыхъ важныхъ его послѣдствій для ганзейскаго двора было то, что великій князь вывелъ изъ Новгорода нѣсколько тысячъ семействъ купеческихъ и боярскихъ, на мѣсто которыхъ поселилъ московскихъ жителей; ибо если подъ конецъ самъ Новгородъ, какъ мы видѣли, несоглашался оставить Нѣмцамъ ихъ прежнія вольности и права, то конечно еще меньше хотѣли о нихъ знать вновь прибывшіе московскіе жители. Герберштейнъ отмѣчаетъ другое слѣдствіе новгородскаго взятія: «народъ былъ здѣсь весьма образованный (humanissima) и честный, — разсуждаетъ онъ — а теперь сталъ самый испорченный, заразившись безъ сомнѣнія московскою

---

[62]) *Ropp*, Hanserecesse, № 589: „Willen weten, dat des groten Koninges van Moskauw namesnike, de borgermeistere, hertoge unde gemene Naugarden uns gesproken hebben, als van deme Moskauwer, den gi myt jw upgeholden hebben, unde weren begerende, id jw to vorscrivende, dat he vri werde, wente he des ergenomeden koninges koepman is“.

[63]) „И о пошлинѣ великихъ князей, что въ Юрьевѣ, а то пискупу давати великому князю по старинѣ; а что русскій конецъ и святыя церкви, а то имъ держать по старымъ грамотамъ“. *Карамзинъ*, И. Г. Р. VI, примѣч. 4. „Отъ сего веремени благовѣрнымъ великимъ княземъ, русскимъ царемъ, на честномъ бискупѣ юрьевскомъ дань своя имати по старинѣ, по тому крестному цѣлованію... а бискупу юрьевскому, и посадникомъ (т. е. бургомистрамъ) и ратманомъ юрьевскимъ церкви Божіи свѣтого Николы и свѣтого Георгія очистить“. Сборникъ *Муханова*, № 19. — Ожидаемъ специальнаго изслѣдованія о юрьевской дани отъ одного изъ нашихъ товарищей.

порчею, которую принесли съ собой приходящіе сюда Московиты;» о Псковичахъ также замѣчаетъ, что они торговали «честно и безъ запросу» [64]). Однако эти сужденія знаменитаго путешественника суть неболѣе, какъ наивная идеализація вещей; послѣ представленнаго здѣсь цѣлаго ряда обмановъ и насилій, которыми сопровождалась торговля Ганзы съ Новгородомъ и Псковомъ, и въ которыхъ одна сторона едва ли уступала другой, рѣшительно нѣтъ возможности говорить о какой-то особенной гуманности Новгородцевъ или честности Псковичей и Нѣмцевъ. Конечно до крайности преувеличено и притомъ тенденціозно извѣстіе другого знаменитаго путешественника Олеарія, передаваемое имъ впрочемъ со словъ Герберштейна и Гваньини, будто великій князь Иванъ Васильевичь вывезъ изъ Новгорода триста или четыреста подводъ съ золотомъ, серебромъ и разными драгоцѣнностями [65]): да вѣдь такихъ богатствъ въ Новгородѣ ненабралось бы, даже еслибы тамъ ихъ копили со временъ Гостомысла и Рюрика, и еслибы ганзейская торговля была для Новгорода гораздо выгоднѣе, чѣмъ въ дѣйствительности она была...

При взятіи Новгорода нѣсколько нѣмецкихъ купцовъ были задержаны и посажены подъ стражу; нѣкоторое время Нѣмцы перестали было ѣздить въ новгородскій дворъ, и возобновивши опять свои поѣздки, нерѣдко жаловались на дѣйствія намѣстниковъ великаго князя: изъ писемъ, отправленныхъ въ то время дворомъ въ Лифляндію, видно напримѣръ, что намѣстники запретили Нѣмцамъ торговать хмѣльными напитками, что они отдали городскіе вѣсы на откупъ, а новые откупщики оказывали купцамъ стѣсненія; далѣе по словамъ Нѣмцевъ намѣстники утаивали письма отъ городовъ, назначенныя великому князю, брали взятки, а на конторскаго прикащика возлагали отвѣтственность за всѣ убытки, какіе Русскіе терпятъ въ Лифляндіи [66]) и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что намѣст-

---

[64]) Записки о Московіи б. Герберштейна, перев. Анонимова, стр. 115—116.

[65]) Чтен. въ Общ. Истор. и Древ. 1868, II, стр. 76—77 (перев. Барсова).

[66]) Эти краткія свѣдѣнія заимствуемъ изъ отчета *Гильдебранда*, №№ 304, 306, 326, 345, 356, 369, 372. Съ изданіемъ самаго сборника документовъ изъ ревельскаго архива можно будетъ лучше выяснить всю исторію закрытія нѣмецкаго двора въ Новгородѣ.

ники крѣпко блюли интересы казны великаго князя, и вообще стали заводить новые порядки относительно торговли Нѣмцевъ, все еще хотѣвшихъ стоять на своей старинѣ; въ этомъ отношеніи Нѣмцы совершенно похожи на Новгородцевъ, которые вплоть до послѣдняго часа своей независимости также настаивали предъ великимъ княземъ на пошлинѣ, на старинѣ. Въ 1489 году Нѣмцы нарядили посольство къ самому великому князю въ Москву; но великій князь или отвѣчалъ уклончиво на предложенія пословъ, или частію обѣщался лично рѣшить все въ Новгородѣ на слѣдующее лѣто [67]). Въ томже году въ Любекѣ были послы великаго князя, грекъ Эмануилъ и Дмитрій, вѣроятно извѣстный Дмитрій Герасимовъ: говорили о разныхъ неудобствахъ торговли, какъ сообщаетъ Любекъ въ Ревель [68]): такъ Любекъ находилъ неудобнымъ, что въ послѣдніе годы Русскіе и Греки часто ѣздили на торговыхъ нѣмецкихъ судахъ, ибо дорогой могутъ возникнуть ссоры между ними и Нѣмцами, да и суда могутъ подвергнуться нападенію пиратовъ; поэтому Любекъ просилъ Ревель позаботиться, чтобы впредь Греки и Русскіе нанимали для своихъ поѣздокъ особые корабли [69]). Но вскорѣ дѣла приняли совсѣмъ иной оборотъ: въ Ревелѣ одного русскаго, уличеннаго въ дѣланіи фальшивой монеты, сварили въ котлѣ, а другаго сожгли живымъ за содомскій грѣхъ [70]). Гадебушъ, пользовавшійся другими лифляндскими лѣтописцами, слѣдующимъ образомъ разсказываетъ объ этихъ и другихъ современныхъ событіяхъ: «сколько извѣстно великій князь Иванъ Васильевичъ и король датскій Іоаннъ находились между собой въ тѣсномъ союзѣ; послѣдній же былъ заклятый врагъ Швеціи и Ганзы, и потому искалъ случая нанести той и другой чрезъ великаго князя сколько можно больше вреда. Къ этому при-

---

[67]) Тамже, № 350.

[68]) Тамже, №№ 354 и 358. Греки, прибывшіе съ Софьей Оомининой, неразъ служили великому князю для посольствъ въ Европу; посолъ Эммануилъ былъ у папы въ 1489 году, но раньше, въ 1483 году, онъ былъ задержанъ въ Ревелѣ. Тамже, № 336.

[69]) Тамже, № 360.

[70]) „De Revelschen enen Rüssen, welker valsche schillinge in erer Stadt gemuntet hadde, na dudeschem rechte, hebben to dode seden laden, unde noch einen anderen Russen, de by einer strentze op einer unnaturlicken dadt beschlagen was, na christlikem rechte vorbrandt hebben“. *Balt. Russow.* Scriptor. rer. livon. II, 2 Band. S. 32).

соединилось другое, сначала неважное обстоятельство: въ Ревелѣ одного рускаго, который лилъ фальшивыя деньги сварили, и другого, который былъ уличенъ въ содомскомъ грѣхѣ сожгли живымъ: такъ сдѣлано было по ревельскимъ законамъ, и это не должно бы еще возбудить великаго князя; но одинъ глупый человѣкъ, какихъ въ городахъ не мало, сказалъ Русскимъ, которые были въ Ревелѣ и которымъ казнь казалась слишкомъ жестокой, что еслибы самъ великій князь сдѣлалъ такія мерзскія дѣла, то и его сожгли бы, какъ собаку. Эти слова, переданныя великому князю вѣроятно не безъ преувеличеній, совершенно его возмутили: онъ изломалъ свой посохъ, бросивъ его на землю, и воскликнулъ, простирая руки къ небу: отомсти, Господи, и разсуди мое дѣло! Должно быть ему донесли, что упомянутыя слова произносили сами судьи, что̀ вѣроятно изъ того обстоятельства, что великій князь потребовалъ у лифляндскихъ чиновъ выдачи судей, но неполучилъ ихъ... Такимъ-то образомъ — заключаетъ наивный повѣствователь — ганзейская контора въ Новгородѣ погибла, благодаря неосторожному слову глупаго человѣка» [71]).

Дѣло было однако не въ словахъ глупаго человѣка, хотя бы дѣйствительно дерзкихъ и оскорбительныхъ, и даже не въ одномъ жестокомъ самоуправствѣ ревельскаго рата, которое могло возмутить и не такого государя, какъ Иванъ Васильевичъ.

Лѣтомъ 1494 года Ганза рѣшила отправить новое посольство въ Москву жаловаться на притѣсненія, оказываемыя купцамъ въ Новгородѣ [72]). Посольство состояло изъ ревельскаго ратмана и его помощника и еще ратмана дерптскаго; 11-го августа послы пріѣхали въ Новгородъ, гдѣ намѣстники отобрали у нихъ нѣкоторые документы, напримѣръ посольскія инструкціи: 3 сентября они выѣхали изъ Новгорода и чрезъ двѣ недѣли были въ Москвѣ. Еще черезъ двѣ недѣли, 2 октября послы представились великому князю: сначала правили поклонъ отъ 73 городовъ, по сю и по ту сторону моря лежащихъ, затѣмъ стали излагать предметъ своего по-

---

[71]) Livländ. Iarbücher, I, letz. Abschn. S. 247—251.

[72]) Это посольство на основаніи еще неизданнаго отчета одного изъ пословъ описано *г. Гильдебрандомъ* въ упомянутой уже статьѣ его въ Balt. Monatschr. Neue Folge, B. 2. Изъ нея и заимствуемъ здѣсь нѣсколько подробностей.

сольства, описанный въ 18 пунктахъ; главнымъ образомъ жаловались на новизны и разныя ограниченія въ торговлѣ солью, медомъ, воскомъ и мѣхами; на намѣстниковъ жаловались, что они сажають Нѣмцевъ въ тюрьму и отнимають у нихъ товаръ, а письма городовъ къ великому князю скрывають; наконецъ жаловались на ограбленіе судна, выброшеннаго на берегъ въ Нарвѣ и на разныя обиды, причиненныя имъ, посламъ, на пути въ Москву. Разсказавши посольство они поднесли великому князю подарки: отъ городовъ три тюка аглицкаго сукна, отъ ревельскаго посла два серебряныхъ вызолоченыхъ кубка, омъ вина, ящикъ конфектъ, отъ его товарища — аглицкое сукно, зеркало и десять корзинъ винныхъ ягодъ, отъ дерптскаго посла — скарлатное сукно, омъ вина и пять лисфунтовъ фиников. Великій князь отдарилъ: быка, двухъ овецъ, 20 куръ, двѣ бочки меду, осетра и лосося; кромѣ того каждому послу было дано по десятку сороковъ мѣховъ; въ тотъ же день послы удостоились приглашенія къ столу великаго князя. Чрезъ два дня къ посламъ пришелъ дьякъ Ѳедоръ Курицынъ съ бояриномъ и высказалъ жалобы со стороны великаго князя на грабежи и убійства его купцовъ и пословъ; послы отвѣчали, что они неимѣють полномочій рѣшать всѣ эти дѣла, но что конечно удовлетвореніе за все это очень возможно. 5 октября они еще разъ представились великому князю, который поблагодарилъ ихъ за подарки, сказалъ, что теперь предложенія пословъ онъ знаетъ и велитъ ихъ обсудить своимъ новгородскимъ намѣстникамъ, которые дадутъ всему исправу; наконецъ обѣщалъ имъ на дорогу приставовъ, и съ этимъ отпустилъ ихъ. Однако приставовъ на дорогу нѣмецкіе послы получили не скоро, а въ одинъ день когда по этому дѣлу они пошли къ дьяку Курицыну, то встрѣтили у него тѣхъ Грековъ, которые за нѣсколько лѣтъ были послами великаго князя, и въ качествѣ таковыхъ были задержаны въ Ревелѣ: Греки тотчасъ приступили къ ревельскому послу, и потребовали отъ него уплаты за причиненные имъ въ Ревелѣ убытки на сумму 360-ти золотыхъ, угрожая въ противномъ случаѣ поступить съ нимъ худо; на нѣкоторое только время подъ ручательствомъ нѣмецкихъ мастеровъ, жившихъ въ то время въ Москвѣ, послу была дана отсрочка, а немного спустя тѣже мастера дали ему нужную ссуду; раздѣлавшись съ Греками, которыхъ какъ

видно поддерживала чья-то сильная рука, послы наконецъ выѣхали изъ Москвы въ концѣ октября. Но уже въ Бронницѣ ревельскіе послы были арестованы, а по пріѣздѣ въ Новгородъ посажены въ тюрьму; одиноко подъѣзжалъ къ нѣмецкому двору дерптскій посолъ, который былъ пораженъ необычною въ немъ тишиной: оказалось что дней за десять до его пріѣзда, приблизительно числа 5-го ноября, всѣ купцы нѣмецкаго двора были арестованы и посажены въ кандалы, ихъ товары и церковныя вещи взяты на великаго князя, и ворота двора заперты за то, — объявили дерптскому послу — что въ Ревелѣ людей великаго князя грабили, били, топили и убивали; ревельскаго же ратмана посадили въ тюрьму за то, что Ревельцы вопреки всякому праву сожгли русскаго человѣка. Выслушавъ этѣ рѣчи дерптскій ратманъ поѣхалъ изъ Новгорода, и наконецъ «съ однимъ животомъ» (myt leve), какъ онъ выражается въ своемъ отчетѣ, прибылъ въ свой городъ.

Никоновская лѣтопись слѣдующимъ образомъ описываетъ поступокъ великаго князя и побужденія, имъ руководившія: «послалъ князь великій в Новгородък намѣстникомъ дьяка Василья Жука, да Данила Мамырева, и велѣлъ поимати в Новгородѣ гостей нѣмецкихъ Колыванцевъ, да и товаръ ихъ переписавъ привезти въ Москву за ихъ неисправленіе: про то что они на Колывани великаго князя гостемъ новгородцемъ многія обиды чинили и поруганіе самоволнѣ, а иныхъ людей великаго князя живыхъ въ котлѣхъ вариша безъ обсылки великаго князя и безъ обыску, такожъ и посломъ великаго князя отъ нихъ поруганіе было, которые послы ходили отъ великаго князя в Римъ, и во фряскую землю и въ нѣмецкую; да и старымъ гостямъ великаго князя Новгородцемъ отъ нихъ многа обида была, и неисправленіе, и разбои на мори быша. И за то князь великій Иванъ Васильевичъ опалу свою на нихъ положилъ, и гостей ихъ велѣлъ въ тюрьмы посажати, и товаръ ихъ спровадити къ Москвѣ, и дворы ихъ гостинные въ Новгородѣ старые и божницу велѣлъ отняти» [73]). Число взятыхъ подъ стражу купцовъ простиралось до сорока девяти; это были уроженцы Любека, Гамбурга, Грейфсвальда, Люнебурга, Мюнстера, Дортмунда, Брокенфельда, Унны,

[73]) Рус. лѣтоп. по Никон. сп. VI, стр. 141, 1495.

Дюнсбурга, Эйнбека, Дюдерштадта, Ревеля и Дерпта [74]). На слѣдующій годъ ихъ арестъ былъ облегченъ: изъ тюрьмы ихъ перевели на нѣмецкій дворъ [75]), гдѣ они содержались еще два года до окончательнаго освобожденія; но несчастная судьба преслѣдовала ихъ и послѣ того: на пути изъ Ревеля въ Любекъ они большею частію погибли во время бури [76]); четверо вовсе небыли отпущены, и даже въ 1498 году переправлены въ Москву, гдѣ содержались еще нѣсколько лѣтъ [77]): по всей вѣроятности это были ревельскіе купцы. Что касается количества товаровъ, взятыхъ на великаго князя, то сами Нѣмцы по видимому незнали его въ точности: въ хроникѣ Виллебрандта оно показано сначала въ милліонъ гульденовъ, — очевидно весьма преувеличенно, а потомъ въ триста тысячъ; въ предисловіи къ скрѣ 1514 года это количество опредѣляется только въ 96 тысячъ марокъ серебра [78]); послѣдняя данная едва ли не ближе къ истинѣ. Любекъ ставилъ необходимымъ условіемъ заключенія новаго мира съ великимъ княземъ возвращеніе взятыхъ товаровъ; но этого возвращенія никогда непослѣдовало, а новый миръ и возстановленіе новгородскаго двора состоялись уже при преемникѣ Ивана Васильевича.

Послѣ тѣхъ отношеній въ какихъ находились Новгородъ и Ганза въ теченіе больше чѣмъ трехвѣковаго періода ихъ торговли, послѣ неоднократныхъ грабежей и арестовъ, какіе производились надъ купцами съ обѣихъ сторонъ, поступокъ великаго князя Ивана Васильевича непредставляетъ чего нибудь новаго и необыкновеннаго; притомъ этотъ поступокъ если не вполнѣ оправдывается, то въ значительной степени извиняется цѣлымъ рядомъ жестокихъ оскорбленій, нанесенныхъ ему въ лицѣ его пословъ, купцовъ и вообще его подданныхъ, съ которыми такъ безчеловѣчно обошлись въ Ревелѣ. Гораздо важнѣе вопросъ о томъ, какую цѣль имѣлъ великій князь, такъ круто поступая съ нѣмецкими купцами; ужъ конечно онъ, привыкшій все хладнокровно разсчитывать, предусмотрѣлъ

[74]) *Willebrand.* Hans. Chronik, II, 240, 1494.

[75]) *Гильдебрандъ,* Отчетъ о розысканіяхъ, № 386.

[76]) *Willebrandt,* Hans. Chron. II, 240.

[77]) *Гильдебрандъ,* Отчетъ, № 421. *Willebrandt,* Hans. Chron. III. 100.

[78]) *Willebrandt.* Hans. Chron. II, 240; III, 100.

и взвѣсилъ всѣ возможныя послѣдствія своего рѣшительнаго шага. Мы неможемъ согласиться съ исторіографомъ Карамзинымъ, что будто закрытіемъ двора Иванъ Васильевичъ сдѣлалъ ошибку, которую потомъ тщетно хотѣлъ поправить, что въ порывѣ досады онъ разрушилъ благое дѣло вѣковъ, къ обоюдному вреду Ганзы и Россіи, и въ противность его собственному всегдашнему старанію быть въ связи съ образованною Европой [79]). Напротивъ поступокъ великаго князя съ нѣмецкими купцами показываетъ, что онъ хотѣлъ сноситься съ этою Европой безъ тѣхъ препятствій, какія представлялись со стороны Ганзы и лифляндскихъ городовъ; онъ хотѣлъ отучить Ганзу вмѣшиваться на будущее время въ политику и принимать сторону его враговъ Швеціи и Ордена; его намѣреніемъ отнюдь небыло прекращеніе торговли Нѣмцевъ въ Новгородѣ: онъ предлагалъ только торговать тамъ на его княжеской волѣ, и конечно немогъ обращать вниманія на такія отжившія права Нѣмцевъ, какъ право безпошлинной торговли. Наконецъ основаніе Ивангорода и война со Шведами, веденная около Выборга тотчасъ по закрытіи двора, ясно показываютъ, что Иванъ Васильевичъ стремился стать твердой ногой при морѣ: это — тоже завѣтное стремленіе, которое продолжалъ его грозный внукъ и которое наконецъ осуществилъ ихъ геніальный потомокъ Петръ великій.

---

79) И. Г. Р. VI, стр. 165.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ,

ОТНОСЯЩИХСЯ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ДО ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

(Цифры при словахъ означаютъ страницу).

